

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BUHR B

a39015 00027384 0b

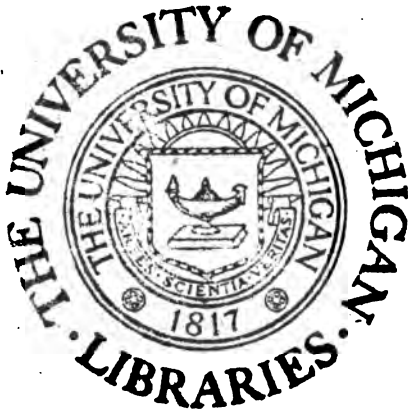

ШКАФЪ 48

ПОЛКА 1

№ 3

~~92~~
2254

26471/69 R 145

Amore an. 48. I 17

504/3

Пассекъ, Видимомъ Пассекомъ

ПРОВЕРЕНО

ОЧЕРКИ

РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Видимомъ Пассекомъ.

КНИГА III.

Фундаментальная
Библиотека
Военно-Инженерн. Академии
Р. К. К.

0-15846.

1851

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.
1840.

DK
25
P28
V.3-4

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ сей книжки. Февраля 16 дня 1840 года.

Ценсоръ, *М. Каченовскій.*

Stacks
Exchange
Lenin Lib.
10.14.71
894960-293

О, родина святая!
Какое сердце не дрожит
Тебя благословляя?
Жуковский.

Digitized by Google

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

*«Une vase de la littérature, isolée
de l'histoire des nations, créerait
un prodigieux mensonge.»*

Chateaubriand.

Въ обширномъ смыслѣ литература или словесность ⁽¹⁾ въ народномъ тѣлѣ есть *organe* слова, выражающій его дѣятельность матеріальную и нравственную изустно, или письменно.

Если для челоѵька необходима память о прошедшемъ, законъ и правила для настоящаго, и мысль о будущемъ; то для народа столь же необходима литература, ибо въ ней отражается вся жизнь народа: его дѣла, его понятія, его думы, желанія и надежды, радости и печали. Если челоѵьку необходимо слово, или способность передавать законъ Бога, условия общества, свои мысли, чувствованія и дѣла другому; то и народу необходима таже способность, чтобъ отъ поколѣнія къ поколѣнью передавать заѵѣтъ, опытъ и познанія. Слѣдовательно литература въ отношеніи къ тѣлу народному, есть неоспоримо голосъ прошедшаго къ настоящему, и настоящаго къ будущему.

Начало литературы относится можно сказать къ временамъ первой семьи людей. Въ патриархальномъ, или семейномъ обществѣ людей, чувства были природными писцами и живописцами, а память природной хартіей. Не человекъ училъ чувства свои начертывать въ памяти звуки словъ изображеніями предметомъ, и рисовать самыя предметы; а Божество, создавшее человека и заключившее въ немъ узы тайны созданія. Но, обиліе труда утомило органъ памяти; этой дивной хартіи не доставало уже на всѣ начертанія, которыя должны были сохраняться для потомства, и — человекъ, въ необходимости, долженъ былъ замѣнить природу искусствомъ: тѣже начертанія, которыя изображались въ памяти, чувства его перенесли на бумагу. Эти начертанія однако же были бы понятны для каждаго; потому что первый языкъ, и первыя буквы были предметныя; но человекъ желая таить свои мысли, долженъ былъ изобрѣсти буквы условныя, или гражданскія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли преимущество для скорописанія.

Такимъ образомъ, покуда не было изобрѣтено письмо, литература, какъ потребность нравственнаго сообщенія, существовала въ памяти. Въ памяти отпечатывались законы, опытъ и мысли, и передавались живыми вѣстниками въ словахъ, думалъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пословицахъ.

Разсматривая литературу въ обширномъ смыслѣ, мы должны раздѣлить ее на всѣ тѣ періоды, которыя она, какъ органъ народнаго слова выражаетъ, развиваясь и совершенствуясь съ возрастомъ его.

Развитіе литературы народа предупредившаго прочихъ въ просвѣщеніи, могло имѣть только два періода:

Въ первомъ періодѣ она была *литтературою памяти*, или *изустною*, естественно развиваясь во всѣхъ родахъ, свойственныхъ жизни народа: или свободной пѣсно любви, или обрядной *славой* самой жизни и *силъ природы*.

Въ этомъ первоначальномъ своемъ бытѣ, литература чуждалась прозы, и была неразлучна съ голосомъ: этого требовала память; ибо мѣрный стихъ легко отпечатывается въ памяти, имѣетъ отъ природы какую-то наружность, какъ плодъ одушевленнаго чувства, которое не просто говоритъ, но рисуетъ.

По изобрѣтеніи письма, литература письменная должна была начать дѣятельность свою съ собранія священныхъ, или прославляющихъ божество пѣсенъ, и въ этомъ смыслѣ безъ сомнѣнія и приняла названіе *изящной* (Isiaca), или восхваляющей *мать природу* ⁽²⁾.

Совершенствуясь, она образовала священный языкъ, или *языкъ боговъ* — поэзію (пѣснопѣніе) — возвысившійся надъ *разговорнымъ* живымъ языкомъ, или прозой, которая составила со временемъ другую вѣтвь литературы, какъ необходимое орудіе дѣятельности гражданской, обнимая собою всю прозу жизни; словомъ, языкъ чувствъ, принявъ названіе поэзіи; а языкъ ума — прозы.

Преданіе объ изобрѣтеніи письменъ у всѣхъ народовъ одинаково: повсюду письмо изобрѣтено *ми-*

оомъ гражданской жизни и торговых сношеній. Въ Индіи *Ганезой*, божествомъ торговли, искусствъ и наукъ; въ Египтъ *Таутомъ* (ѳоѳ), или *Гермесомъ*, который училъ людей всѣмъ полезнымъ знаніямъ и изобрѣлъ священныя письмена (Иероглифы) и гражданскія. Это тотъ же Эрмій, Гермесь Грековъ и Меркурій Латинь. Не возможно опредѣлить, гдѣ пало семя изобретенія письменъ; но такъ какъ въ природѣ все развивается отъ единого семени, то и изобретеніе письма имѣло одинъ изтокъ и было распространено тѣмъ народомъ, который предупредилъ прочихъ дѣятельностію торговой и гражданской жизни. Миѳическія имена его: у Китайцевъ *Ѳо*, сходное съ Египетскимъ *Ѳоѳ* (а-ѳоѳ — Египетское названіе *Эѳіоповъ*)⁽³⁾; у Индѣйцевъ *Ганеза*, сходное съ съ Вавилонскимъ *Оанесъ*⁽⁴⁾ (*Азаконъ*) или *Уанъ*; у Грековъ миѳическое имя уже исчезаетъ и ихъ законодатели *Атланты* и Финикіане (настоящее назв. *Фана-х*); по сѣвернымъ преданіямъ основатели гражданской жизни *Азы* (*Aesir*); въ библейскихъ преданіяхъ *Іу-валь* изобрѣлъ пѣвницу и гусли; а *Ѳо-вель* кованіе мѣди и желѣза, и слѣдовательно искусства гражданскія.

Судя по ближайшимъ къ намъ образцамъ, поэзія всегда принадлежала патриархальному быту народовъ; а проза развитію гражданственности: такъ ученіе Друидовъ Галлійскихъ или Цельтійскихъ, заключалось въ пѣсняхъ. Древніе народы населявшіе Германію, по словамъ Тацита *Celebrant carminibus antiquis (quod unum apud illos memoriae et annalium genus est) Tuisconem deum, т: е:*

«воспѣваютъ бога Туискона древними стихами, которые у нихъ составляютъ единыя меморіалы и лѣтописи.»

Основываясь на этомъ, на древнюю литературу Индѣйцевъ можно смотрѣть, какъ на единственный образецъ самобытнаго развитія и перехода изъ изустной въ письменную: *Пураны* (древнѣйшія писанія), заключающія въ себѣ полный курсъ ученія и познаний, писаны мѣрными стихами, равно какъ и *Веды* — книги богословія, *Магабарата* и *Рамаяна* — историческія преданія.

Вообще изустныя преданія были основой, храненіемъ и распространеніемъ древней Индѣйской литературы. Въ сборникахъ священныхъ гимновъ и обрядныхъ постановленій, извѣстныхъ подъ именемъ *Ведъ*, названіе *срута*, т. е. *слышанное*, ясно подтверждаетъ это. Въ томъ же смыслѣ и названіе древнихъ законныхъ уставовъ *смрити*, т. е. *памятованіе*.

Всѣ древнія творенія Индѣйцевъ *передавались* изустно: ⁽⁵⁾ сочинитель заставлялъ учениковъ своихъ учить наизусть свои творенія; ученики становились въ свою очередь учителями и передавали новому поколѣнію; такимъ образомъ твореніе переходило изъ устъ въ уста, въ духовномъ потомствѣ браминовъ или ученыхъ.

Къ первобытной гражданской, прозаической литературѣ, кажется должно отнести книги Таута, или Гермеса Трисмегиста, въ которыхъ, по преданію, заключались первые законы Египтянъ, обряды жертвенныя, гармонія, астрологія, медицина, ис-

куство военное и музыка. Оригиналы не сохранились; но по крайней мѣрѣ, они были кладеземъ изчерпаннымъ Греками, во время ихъ владычества надъ Египтомъ.

Грековъ и должно принять первымъ народомъ, принявшимъ свое учене отъ другаго.

Ходъ литературы у народа приняшаго учене отъ другаго, можетъ быть вдвое скорѣе; но за то удвоятся и періоды ея развитія.

Послѣ періода изустной литературы, свойственной даже дикарю, съ воспріятіемъ просвѣщенія отъ другаго народа наступаетъ *второй періодъ*, который можно назвать *учебнымъ*, или *хрестоматическимъ*. Въ это время народъ, волею и неволею твердить первыя правила гражданской жизни, живетъ чужимъ умомъ, чужими чувствами, и чуждыми условіями. Передъ нимъ три пути: *забыть свое хорошее и худое, и принять чужое добро и худо; оставить свое худое, и къ своему доброму присоединить чужое хорошее; или забыть свое доброе, и къ своему недоброму перенять все чужое зло*. Въ этомъ періодѣ народъ заучиваетъ наизусть чужую исторію и литературу, какъ данные ему образцы.

Третій періодъ, составляетъ литературу *излищную классическую*, или подражательную образцамъ литературы народа учителя, или народа совершившаго со славой кругъ жизни своей и литературы.

Въ слѣдъ за этимъ наступаетъ *періодъ классической ученой литературы*. Водворится философія и науки, но безъ примѣненія къ потребностямъ народа; ибо это уже составляетъ преимущественно

собственную заботу каждого *стремиться къ само-бытности*, когда кончится наука и народный разум выйдет из опеки и периодов слезнаго подражания.

Периоды самобытности: пятый и шестой. Въ первомъ изъ нихъ народъ начинаетъ жить собственнымъ сердцемъ и чувствами, и отражать себя въ собственной *изящной литературѣ*; во второмъ начинаетъ жить своимъ умомъ и высказывать свой умъ и опытъ въ собственной *ученой литературѣ*. Но самобытность его преимущественно основывается на наследіи отъ отцовъ: чѣмъ больше добра оставили они ему, тѣмъ скорѣе онъ будетъ господиномъ въ дому своемъ. Прошедшее есть гранитъ, на которомъ зиждется зданіе новое.

Всѣ сказанныя степени литературы развились вмѣстѣ съ возрастами народа, остаются въ немъ, и совершаютъ свой кругъ такъ сказать отъ посева до жатвы, отъ поколѣнія до поколѣнія.

Вмѣстѣ съ развитіемъ литературы развивается и языкъ народа, во всѣ тоны гармоніи звуковъ. Возьмемъ въ примѣръ полный кругъ развитія Латинскаго языка. Изъ Греческаго Дорическаго нарѣчія, Этрусскихъ и Осскихъ *самическихъ гимновъ* и законовъ известныхъ подъ именемъ *12 скрижалей, которыхъ стихиры распѣвали дѣти* еще во времена Цицерона, образовался жесткій языкъ Дуллия, Цецилія и Эннія, живой языкъ Плавта, сатирической Луцілія, исполненный грецизма языкъ Теренція, философическій, задумчивый, медленный и спондеическій Лукреція, краснорѣчивый Цицерона и Тита

Ливія, ясный и правильный Цезаря, нарядный Герація, блестящей Овидія, поэтический и точный Катулла, гармоническій Тибулла, очаровательный Вергилія, чистый и мудрый Федра.» ⁽⁶⁾

«Языкъ образованный, развернувшійся изъ языка народнаго, отличается въ основаніяхъ своихъ отъ языка народнаго, произтекашаго изъ языка образованнаго» замѣчаетъ очень справедливо Шатобрианъ. «Первый сохраняетъ въ себѣ всю самобытность; ибо онъ развивается самъ собою, и только развертываетъ свой зародышъ; второй же, какъ прививокъ къ языку образованному, теряетъ собственный свой сокъ и приноситъ плоды чуждые.

«Образецъ перваго Латинскій языкъ, развернувшійся изъ наречія народнаго; образцы втораго всѣ языки Европы, произшедшіе отъ Латинскаго образованнаго языка.

«Живой языкъ, порожденный живымъ языкомъ, сохраняетъ въ себѣ жизнь; живой же языкъ возникшій изъ мертваго языка, заключаетъ въ себѣ что-то мертвенное, и множество словъ отжившихъ: эти слова столько же неспособны выражать жизнь, сколько тишина неспособна выражать звука.»

Не возможно выразиться безпристрастнѣе на счетъ Французскаго, Англійскаго и прочихъ языковъ Латинскаго поколѣнія: это кустарники возманишіе на пнѣ огромнаго дерева. Въ Европѣ только двѣ семьи языковъ, которые могутъ гордиться своей породой: семья Готическая и Славянская. Они сохранили сердцевину и сокъ своихъ корней; а следовательно и всю силу жизни и плодотворности. Въ

первой заметно болѣе продолженіе Еврейское, во второй, Индійское; въ первой замѣтна давность гражданственности, а во второй первобытный патриархализмъ и слова первоначальныхъ понятій, звуки, которымъ учила человека сама мать природа; ибо человекъ не сочинялъ первобытнаго языка, но, одаренный способностью произносить всѣ звуки природы, онъ перенималъ ихъ у нея, какъ младенецъ у матери, и изъ нихъ развилъ, по сравненію, языкъ, высказывающій жизнь.

Какой же языкъ ближе къ чистотѣ первобытной и къ способности выражать жизнь и природу, кратко, ясно и живо? — разумѣтся, тотъ, котораго слова возрастали на живыхъ звукахъ самой природы, составляющихъ понятныя чувствамъ корни изустнаго развѣтвенія. У кого заняты подобныя слова кромѣ подражанія звукамъ самой природы: громъ, трескъ, трепеть, свистъ, шумъ, стукъ, грохотъ, гулъ, шипеніе, сипѣніе, брань, буря?

Изъ названій видимаго міра образуются по сравненію названія внутренняго: отъ гарь, гореніе — горе (*печаль*), отъ гора — *гордость* и пр. Отъ звука выражающаго въ самой природѣ остановку: *сстѣ, ста* — племя словъ: станъ, стѣна, столъ, стопа, ставъ, и пр. Отъ слова *жаръ*, выражающаго шипеніе и трескъ огня — *шаръ* идея о кругѣ (солнца); *гаръ*, гора, городъ, ограда, горé (высота), груда, грудь.

Тма (по Санскр., *тама*) — туманъ, дымъ, дымъ, и по сравненію внутренняго міра съ наружнымъ — *дума*.

Такимъ образомъ природные звуки, составляя основу языка, облекаются въ идеи, образуются въ глаголы и всѣ прочія части рѣчи, соединяются свободно съ другими словами для выраженія новыхъ понятій, на пр. громогласный, громомосный, и распложаются свободно, безпредѣльно, не нуждаясь въ займѣ словъ отъ чуждаго языка.

Всѣ основы Славянскаго языка есть природные звуки.

Разсмотрите же языки происшедшія отъ мертваго Латинскаго. Какъ развиваются и растутъ они? — принятіемъ чужихъ словъ въ условную общину своего языка: Французъ, изобрѣтая средство писать на камнѣ, по неволѣ долженъ назвать свое открытіе Греческимъ словомъ *литто-графія*, т. е: *каменное писаніе*; потому что слова *pierre* и *écrire* — происшедшіе отъ Латинскихъ *petra* (*пѣтра*) и *scribere*, — мертвы, не совокупаются другъ съ другомъ, не двигаются съ мѣста безъ помощи рычаговъ — членовъ, которые, какъ кажется, есть върнѣйшій признакъ языковъ, составившихся изъ развалинъ другаго народа; принявъ чуждыя слова, и не зная формъ ихъ измѣненій, долженъ былъ по неволѣ замѣнить падежи членами.

Въ 9-мъ столѣтіи Славянскій языкъ былъ уже столько могучъ и полонъ разума, что въ состояніи былъ воспріять все величіе и духъ священнаго писанія, не занимствуясь ни чѣмъ, кромѣ именъ религиозныхъ, непереводимыхъ; и слѣдовательно, для этого необходимо было, чтобъ изустный языкъ Сла-

влинскій отразилъ уже въ себѣ всѣ фазы бытія и разума.

I.

ИЗУСТІАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Прежде нежели законы, событія, хвала божеству и героямъ, были написаны, они пѣлись; по этой причинѣ, говоритъ Аристотель, въ Греческомъ языкѣ *пѣсь* и *законъ* составляютъ одно слово: *νομος*; значить законъ, обычай и пѣсь.

Во всѣ времена было три первоначальныхъ обряда жизни, постановленныхъ самой природой: рожденіе, бракъ и смерть; посѣвъ, жатва и ширъ. Въ нихъ и прославлялись разумомъ благой духъ бытія и свойства его; а чувствами самая жизнь и свойства ея. Такъ какъ каждый человекъ рожденъ быть по душѣ представителемъ преимущественно одного изъ свойствъ божественныхъ, или добродѣтелей: смиренія, милосердія, величія, мужества. и пр.; а равно одного изъ свойствъ жизни, или способностей организма; почему у древнихъ каждый, посвящаясь на служеніе одному изъ свойствъ, носилъ и его имя. Отсюда главнѣйшимъ обрядомъ древнихъ было *воспѣваніе имени* (7).

Прославленіе имени свойства божественнаго или генія, составляло въ тоже время и славу гениальнаго человека, заключившаго въ себѣ полноту генія. Эта хвала составляла его апофеозъ и высочайшую награду, которую только могло воздать человѣчество

человѣку. Вообще въ глубокой древности этотъ апофеозъ совершался уже при гробѣ. Это былъ пиръ во славу, и всѣ присутствующіе на трапезѣ воспѣвали божество и генія хоромъ, каждый съ миртой въ рукахъ. Въ послѣдствіи стали пѣть по очереди; а наконецъ пѣли только избранныя пѣвцы.

Эти круговыя пѣсни у Грековъ назывались *τὸ σχολόν*, безъ сомнѣнія отъ Сансир: *sakama*, *skalle*, *chama* (зздравная), *zuma* (отъ ударенія въ чашу), *Scajo* (по Гот.), *шалло*, *zalat* (по Евр.); ⁽⁸⁾ откуда и еврейское слово *школа* (домъ ученія, воспѣванія, молитвы).

Всѣ эти обряды прославленія, составлявшіе изящную литературу древнихъ, переселились съ народами и въ Европу; но въ глуши новоселья, цвѣтущая жизнь одичала, пересаженное плодоносное дерево стало безплоднымъ, и ждало покуда новое просвѣщеніе замѣнитъ природную теплоту искусственной.

Однакоже въ Европѣ нравы и обычаи древняго патріархальнаго востока болѣе нежели гдѣ либо сохранялись въ горахъ. Въ Шотландіи и Ирландіи уцѣлѣли они отъ рушительнаго вліянія Римлянъ. Уцѣлѣли въ горахъ при-Дунайскихъ, и въ лѣсныхъ тущобахъ Руси, куда поздно достигли перевороты Европейскихъ судебъ. Славянскія племена болѣе прочихъ сберегли въ себѣ семя патріархализма.

Древнѣйшею изустною литературою Европы, должно безъ сомнѣнія почесть *диваны* (Duan), или

думы ⁽⁹⁾ Цельтовъ (Cacl) или Галлійцевъ ⁽¹⁰⁾, сохранившіяся до нынѣ въ памяти народа, населяющаго Шотландію и Ирландію, собранныя и переведенныя Макферсономъ. Это думы патриархально-религіознаго племени, составившагося изъ первоначальнѣйшихъ Бретаніи: Камбровъ, Ллѣгровъ (Лигуровъ?), Бритоновъ и пришельцевъ Каледонянъ, безъ сомнѣнія Халдеевъ, которые вынесли съ собою и Вавилонское поклоненіе. Владѣтельное же поколѣніе, или воинственное, между ними въ послѣдствіи составляли Ирландцы — Ярлы (Eriles — Heriles). ⁽¹¹⁾

Римляне тщетно хотѣли ихъ покорить, и принуждены были оградить себя отъ набѣговъ ихъ валомъ Адриана (Hadriani murus), отдѣлявшимъ Каледонію отъ остальной части острова. ⁽¹²⁾

Думы Цельтовъ относятся преимущественно къ времени завоеваній Римлянами Британіи. Очистите эти думы отъ пышности и красокъ перевода на Англійскій языкъ, не способный выражать древней простоты, подобно Французскому, и вы невольно узнаете, что въ созданіяхъ бардовъ нѣтъ той премудрости, которая заставляла бы подозрѣвать плохаго сочинителя Макферсона, въ томъ что это его вымыслы.

Выскажемъ простыми словами напрямърь начало поэмы подъ названіемъ Картонъ:

«Запою про старыя времена, вспомяну великіе подвиги падшихъ Витязей. Журчатъ потоки Лоры память былому. Шумятъ лѣса Гермалатскіе пріятное слуху. Смотри Мальвина ⁽¹³⁾ берегъ поросъ мохомъ, съ темной вершины приклонились три ста-

Книга III.

2

рья сосны на зеленую долину. На горь цвѣтъ цвѣтеть, клонить голову по вѣтру, степной ковыль стѣлеть сѣдя космы надъ двумя камнями, что вросли въ землю, поросли мохомъ; дикая коза прочь бѣжить отъ духа, что стережетъ мѣсто святое.

«Кто таковъ возвращается изъ чужихъ странъ съ своей тысячу? Стягъ Морвенской передъ нимъ развѣвается, густыя кудри съ вѣтромъ борются. На чель утихла гроза военная. Миренъ взгляды его, какъ заря вечерняя на тихой долинь Коны. Кому быть кромѣ славнаго Царя Фингала, сына Комгалола? Радостно смотритъ онъ на родные берега, велитъ своей дружинѣ пѣсни пѣть, и грянула тысяча голосовъ:»

• Бѣжали враги, бѣжали въ свои далекія степи!
Сидитъ царь земной (Рима) во своихъ во палатахъ,
Просишалаъ онъ, что тыль дала храбрал его дружина,
Мечеть грозные взоры, выхватилъ мечъ отцовскій.
Бѣжали враги, бѣжали въ далекія степи.

«Такъ пѣла дружина; и приѣли они въ палаты Сельмы, и зажгли тысячу свѣточей во славу побѣды Фингала надъ иноземцами, и былъ пиръ великій, и веселье во всю ночь.»

Въ подобномъ переводѣ, очищенномъ отъ высокопарности выражений перевода Макферсона, слѣпецъ Оссіанъ будетъ не болѣе какъ слѣпецъ гуслистъ; а его поэмы явятся въ своей безхитростной народной простотѣ, ни чѣмъ не выше думъ Малороссійскихъ, только пусть переложутъ ихъ на новѣйшія языки тономъ Макферсона, и вы усумнитесь въ достоверности ихъ, и прочтете въ какойнибудь discours

préliminaire къ ихъ переводу: «Est il vraisemblable qu'un sauvage, un barbare, soit l'auteur des poemes, tels que les chant de Paliy, Chmelnitsky etc. où tout respire la generosité, la grandeur d'ame, le véritable heroisme, où le mérite de la composition répond à la beauté des sentimens? Est-il possible que sans le secours de l'écriture, ces poèmes se soient conservés jusqu'à nous, chez un peuple ignorant et privé de tous les art?...»

Разыграйте простую, полную души народную пѣснь вмѣсто рожка на фортопьянахъ, и варьируйте ее всѣми украшеніями музыки, переведите переливы голоса въ переходы аккордовъ, и вся въра въ простоту темы исчезнетъ.

Всѣ поэмы Оссиана и прочихъ бардовъ Галлійскихъ составляютъ рассказы въ мѣрной прозѣ. Рпему они употребляли только въ лиризмъ, или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прерывая рассказъ, они брались за гусли, или арфу, и сопровождали голосъ звуками.

Пѣвцы и музыканты Цельтовъ, называемые *бардами*, какъ народные ученые и поэты, составляли низшее сословіе *друидовъ* или духовныхъ, и воспѣвали боговъ, царей и героевъ. Это были живыя книги преданій, передавая другъ другу изустно событія народныя въ пѣсняхъ; словомъ они были тоже что поэты Индіи, принадлежащіе къ сословію *Брахмановъ*.

По Санскритски *бъарата* значитъ: божество слова, преданій, и также: актеръ; мимикъ; *бъарата* сверхъ того есть общее названіе актеровъ, плясуновъ, мимиковъ; значитъ также *горца*, и есть прозваніе

младшаго брата Рамы и одного славнаго сочинителя драматическихъ произведеній. ⁽¹⁴⁾

Въ древнемъ Норманскомъ языкѣ *Vaga* значитъ прославленіе; *beraetta* — рассказъ.

По древнимъ преданіямъ Британіи, первоначальныя жители острова «пришли изъ страны жаркой, называемой *Дефробани*, пришли чрезъ море Гази на островъ Бретанію и въ Арморіку, гдѣ и основались.»

Дефробани есть *Тапробанъ*, древнее названіе острова Цейлана, куда проникъ *Рама*—десница Религіи.

Основываясь на этомъ можно полагать, что древней религіей переселенцевъ былъ законъ Рамы, и Целтическое названіе *бардъ* есть тоже что и Индѣйское *бъарата*; тѣмъ болѣе что изъ числа ихъ были и комедианты (*bouffons satirique*) — *jouglar*—фигляры.

Барды Галлійскіе учились искусству своему 16 и 20 лѣтъ. Камііаѣ, историкъ Ирландіи, видѣлъ, въ 16 вѣкѣ, бардовъ въ ихъ школахъ, человекъ по десяти въ одномъ покоѣ, лежавшихъ на соломѣ надъ книгами.

Brompton говоритъ, ⁽¹⁵⁾ что наука бардовъ, въ Ирландіи, преподавалась тайно, и повѣрялась только памяти; и было три разряда пѣвцовъ: панегиристы знатныхъ, пѣвцы на праздникахъ народныхъ, и упомянутыя нами музыканты и фигляры.

Барды, сопровождавшіе начальниковъ Клановъ (колѣнь) ⁽¹⁶⁾ на войну, составляли вмѣстѣ и охранную ихъ стражу, и столько уважались, что присутствовали на пирахъ царскихъ, имѣли земли и слугу, который носилъ за ними инструментъ.

Въ значеніи тѣлохранителей, ихъ названіе у Норманновъ образовалось въ *wird*, сходнымъ и съ Санскритскимъ *варти* — *garde* — стража.

Странно, что Славяне, бывшіе при дворѣ Греческихъ Императоровъ, были также въ одно и тоже время тѣлохранителями и музыкантами:

«Въ день народныхъ игръ, во времена Константина Багрянороднаго, чиновникъ долженъ былъ каждаго наряжать къ своему дѣлу, и приказать *Славянамъ*, которые употреблены были при инструментальной музыкѣ, чтобъ оставили *входы* (т. е. сторожу при входахъ), и шли на театр. ⁽¹⁷⁾»

Патріархальное племя Камбровъ (первыхъ жителей острова, сперва прозваннаго *Медовымъ*, а потомъ получившаго названіе Бретаніи по имени родоначальника ихъ Придана (*Prydain*) сына Эдда (*Aedd*), было прозвано *мирнымъ*; ибо оно не хотѣло занимать земли битвой и побѣдой, но справедливостію и миромъ.

Этотъ характеръ племени, изъ котораго образовались барды Целтычскіе, такъ соответствуетъ *Славянамъ*, пришедшимъ отъ края западнаго Оксана въ Грецію въ царствованіе Маврікія (въ 691 году), что невольно чувствуешь родство между *бардами* и *бандуристами* *Славянами*. Гусли замѣняютъ намъ оружіе — говорили они; — ибо мы незнаемъ войны, и музыку почитаемъ лучшимъ упражненіемъ.

Выходъ *Камбровъ* изъ Тапробана ⁽¹⁸⁾ сближаетъ ихъ имя съ Гумрами или Гомеритами, жившими на берегахъ Ерпирейскаго моря; названіе *Cael* съ *Кольхами* ⁽¹⁹⁾, по имени которыхъ и заливъ между Цей-

ланомъ и мысомъ полуострова Индѣйскаго, назывался Кольхійскимъ, и можетъ быть выходъ этихъ народовъ соответствуетъ времени страшнаго гоненія Буддистовъ въ Инди.

Датчане, вступивъ въ Британію, привели съ собою *Скальдовъ*, которые составляли также сословіе пѣвцовъ, подобное бардамъ, получившее свое названіе отъ *Skal*—звукъ. Скальды (*Skaldrar*) назывались также *Гальдами* (*galdrar*), отъ *gala*—пѣть (гулять, гулить) и *göl*—гуль, голосъ⁽²⁰⁾; *galldr*, *galdor*—*incantatio*—чарованіе посредствомъ пѣсней, (заговоръ, наговоръ), какъ на примѣръ чары Одина:

Знаю я пѣснь отъ стрѣлы отъ меча.... и т. д.

«Скальды, поэты сѣвера — пишетъ Далинъ въ Исторіи Швеціи, — были столько уважаемы, что ни одинъ король, или вельможа, не могъ обойтись безъ Скальда, который былъ обыкновенно въ числѣ знатнѣйшихъ чиновниковъ двора, и всегда находился при особѣ государя. Его пѣснопѣнія служили къ ободренію, а совѣты и отважность помощію. При каждомъ важномъ происшествіи онъ сочинялъ *Скальде-Квидъ* — оду, пѣснопѣніе, или *Сага-лиодъ*—поэму, которыя удобнѣе прозы впечатлѣвались въ памяти. Римляне упоминаютъ, что древнія пѣсни Германцевъ замѣняли имъ летописи. Короли такъ заботились о преданіи подвиговъ своихъ вѣчной памяти, что во время сраженія Скальды должны были стоять въ оградѣ изъ щитовъ храбрѣйшихъ воиновъ, посреди пыла битвы, чтобъ быть близкими свидѣтелями подвиговъ....

«По божеству краснорѣчія *Браге*, у древнихъ Готовъ, Скальды назывались также *Брагерами*, названіе сходствующее съ *Бардами* древнихъ Галловъ и Британцевъ. ⁽²¹⁾»

«Германцы воспѣваютъ ⁽²²⁾ — пишетъ Тацитъ, — древними пѣснями (которыя составляютъ у нихъ единственный родъ памятниковъ и летописей) бога Туискона, творца міра, и сына его Манна, какъ родоначальниковъ и основателей своего племени.»

Помѣзь Цельтическихъ памятниковъ изустной литературы, занимаетъ мѣсто Скандинавская. Время процвѣтанія ея въ Европѣ не лѣзя опредѣлить; но сборникъ 12-го столѣтія, подъ названіемъ *Едда*, представляетъ глубокую древность.

Овидій въ заключеніи своемъ на границахъ Скиѣи зналъ поэтовъ Готическихъ и Сарматскихъ, учился этимъ языкамъ и даже сочинялъ на нихъ:

„Nam dedici Getice Sarmaticeque loqui,
Nec te mirari, si sint vitiosa, decebit
Carmina que faciam penè poeta Getes.

de Ponto. lib. III. 2.

Threicio Scythicoque ferè circumsonor ore,
Et videor Geticis scribere posse modis. . .

Trist. III ult.

Сравнивая начало *Метаморфозъ* Овидія съ первыми строфами Волуспа, ясно видно близкое сходство; даже вся идея *Метаморфозъ* основана на *Gilfa-ginning* — превращенія Гильфа т. е. Одена.

Помѣщая здѣсь первыя строфы Волуспа, или премудростей Воли (Вила, Бела, Ваала).

Пѣсни мною я
 О всѣхъ событіяхъ
 Въ великой природѣ:
 Подай, творецъ міра
 Высказать повѣсть
 Отъ древнихъ временъ
 До временъ настоящихъ!

Доколь стихіи
 Истокъ вознмѣли,
 Все во Вселенной
 Было безъ лика;
 Не было тверди,
 Не было моря,
 Единое цѣлое
 Во всемъ пространствѣ:
 Вездѣ пучина,
 Въ пучинѣ омракъ.

Ни жара солнца,
 Ни хлада ночи;
 И не висѣла
 Земля подъ небомъ:
 Вездѣ смѣшенье,
 Нигдѣ зерна.

Но дѣти Бора
 Воздвигли сферу
 И отдѣлили
 Отъ неба землю.
 Свѣтъ озарился
 Въ *солнце-столпѣ*;
 И въ недрахъ тверди
 Возникло семя.

На югъ солнце,
 И въ ликъ полною
 Луна стояла
 У вратъ небесныхъ.
 Не знало солнце
 Гдѣ его западъ.
 Не знали звѣзды
 Мѣсть постоянныхъ,
 Луна не знала
 Своихъ ущербовъ.

Собрались Сили
 Передъ престоломъ
 Благаго Бога
 На совѣщанье,
 Чтобъ ночь и вечеръ,
 Заря и полдень,
 Востокъ и западъ,
 Дѣлили время

Собрались Азы
 Въ долинахъ Иды
 Создали храмы,
 Дворы воздвигли;
 Уставивъ жертвы,
 Устроивъ власти,
 Жрецовъ избрали;
 Всему учили,
 Судъ основали —
 Всему ограду. и. т. д.

Но священныя пѣсни (Dämo-saga), или священныя сказанія Скандинавскія, кажется составляютъ слѣды древнихъ Халдейскихъ *Залаль* (Zalal), священныхъ пѣсенъ Бабеля; это должны быть отрывки уцѣлѣв-

шія въ рунахъ и въ памяти переселенцевъ Готовъ.

Древнѣйшія историческія преданія Тевтоновъ, со времени перехода этого племени изъ Задонья къ сѣверу, гдѣ было уже населеніе Кимвровъ или Камбровъ, племени Индѣйскаго, основаны на собранныхъ изустныхъ *сагахъ* Скальдовъ Тюдольфа, Гвинверске, Эйвинда и пр.

Этимъ и ограничивается древнѣйшая изустная литература Европы, можетъ быть изсякшій слѣдь древней письменной литературы восточной, сохранившейся въ памяти переселенцевъ, полной одушевленія и силы. Восточная роза переродилась на новосельѣ въ шиповникъ, лавръ замѣнился дубомъ, кипарисъ елью.

Къ изустной Германской литературѣ можно отнести также *abenteuere* (*aventures*) *Нибелунговъ*, поэму въ стихахъ съ римами, составленную въ 13-мъ столѣтіи изъ разновременныхъ народныхъ думъ; но это сочиненіе письменнаго уже Европейскаго міра, которому образцомъ служило направленіе *Романскихъ* поэтовъ.

Новая эпоха изустной литературы проявляется не прежде времени Крестовыхъ походовъ, которые и были могущественной причиной возрожденія народной поэзіи. Здѣсь уже походные пѣвцы являютъся подъ именами Трубадуровъ, Труверовъ, Миннезенгеровъ, Минстрелей; и эта изустная, походная и распеваемая литература можетъ назваться преимущественно *Романской*, какъ внушенной Римомъ; но обычай путешествующихъ музыкантовъ и пѣвцовъ извѣстныхъ

въ Греціи, на Эолійскомъ языкѣ, подъ названіемъ *омировъ* (слѣпцовъ), а въ Россіи *гудочниковъ*, *бандуристовъ* и *слѣпцовъ*,* (не смотря на то, что большая часть изъ нихъ зрячіе), очень древень. У древнихъ Галлійцевъ Арморійскихъ, по словамъ Юлія Цесаря, поэзія составляла народную науку, и съ малолѣтства преподавалась въ школахъ общественныхъ; но со времени Юлія Цесаря, Латинскій языкъ обратился въ привилегированный, и сталъ подавлять народные языки во всей западной Европѣ. Повсюду основались школы, и юношество училось подражать твореніямъ *Виргилія*, *Тита Ливія*, и пр. Народная поэзія и барды преданы были презрѣнію. Но подраженіе было безобразно. Поэзія Галловъ, перерожденныхъ въ Римлянъ, въ 8, 9 и 10-мъ столѣтіяхъ представляетъ искаженный Латинскій языкъ и невѣжество версификаціи. Могучее вліяніе Готическаго языка на Цельгическій, а потомъ Латинскаго на это смѣшеніе, образовало языкъ *Романскій*, или такъ называемый *Провансальскій*; а между тѣмъ могущество Рима сперва ослабѣло отъ раздѣленія на восточную и западную Имперію; а потомъ пало отъ меча *Аттилы*, *предводителя восточныхъ Готовъ* изъ рода *Бальдера*, и основателя *Восточной монархіи* (*Austerreich*). Но вмѣстѣ съ смертію *Аттилы*, его преобладаніе перешло въ руки западныхъ *Готовъ* изъ рода *Амальсаго*. Въ лицѣ *Карла великаго* об-

* Въ Малоросіи по сіе время ходячіе пѣвцы съ *лирами* (по другому нарѣчію *Рыле*) называются *слѣпцами*, хотя они по большей части зрячіе.

разовалась Имперія Германская, и замѣнила собою колоссъ западной Римской Имперіи.

Но Римъ еще былъ центромъ духовнаго владычества Папъ; втайнѣ они вели подкопы подъ всѣ Гражданскія власти. Однако же народность, или гражданственность, уже возросла, и была въ силахъ противустать монастическому направленію владыкъ Рима. Последнее усиліе совокупить распавшіяся части подъ знамя креста и отклонить общую вражду къ Риму, враждой къ обладателямъ Святыхъ мѣстъ, было не только тщетно, но еще болѣе раздробило цѣлость и усилило части. Въ это-то время поэзія, какъ двигатель духа, возбуждала Европу на возстаніе противъ Османовъ; но тутъ нужна была уже не поэзія привилегированнаго языка, а народныя пѣсни и припѣвъ: *dieu et le volt!*—*то Божья воля*. Вотъ обстоятельство, которое мы полагаемъ причиною обращенія къ нарѣчіямъ народнымъ; но, и здѣсь наречію Романскому, какъ посреднику между Латинскимъ языкомъ и наречіями вассалами, которые жили на его хлѣбахъ, дана была привилегія. Рыцарство и поэзія вошли въ моду. Потребность времени была на героевъ и прославителей геройства: они и народились повсюду, скоплялись въ крестовую тучу и разсѣивались. Рыцари-Паладины путешествовали и искали славы верхомъ; а пѣвцы Труверы, Трубадуры, Югларты, Музары, Минстрели и Миннезенгеры — пѣшкомъ. Одни ревновали другъ друга къ славѣ на турнирахъ; а другіе на подмосткахъ. Стрась къ стихамъ обратилась въ *манію*; даже короли считали за честь украшать чело свое вѣнкомъ

Трубадуровъ, и это столь же было необходимо, какъ въ старину быть побѣдителемъ на Олимпійскихъ играхъ и взять скаковой призъ.

Пространство между Альпами и Средиземнымъ моремъ, населено было первоначально Лигурами — Цельтами, въ послѣдствіи названо было *Римской провинціей*. Здѣсь и хранилось издавна народная способность къ поэзіи, родная Цельтамъ Шотландскимъ. Здѣсь они и возникли снова, но уже на языкъ переработанномъ вліяніемъ ученаго Латинскаго.

Во Франціи первое проявленіе Провансальскихъ поэтовъ было въ XI вѣкѣ, когда Констанція (Blanche), дочь Вильгельма Графа Провансальскаго, вышла замужъ за Роберта Короля Французскаго, въ 1001 году. вмѣстѣ съ нею прибыли Трубадуры, научившіе въ послѣдствіи и Франковъ сочинять стихи. Но еще въ XII вѣкѣ языкъ Французовъ былъ однообразенъ съ Провансальскимъ:

Bele Idoine se siet desous la verde olive
En son père vegier à soi tence et estrive. . .

До Филиппа Августа (Conquerant, или Dieu-donné), поэты Франковъ употребляли Латинскій языкъ; вступивъ на престолъ, онъ изгналъ изъ своего королевства жидовъ и богохульниковъ комедіантовъ и фарсеровъ, разсадникомъ которыхъ также были жиды, (вѣроятно италіанскіе). Съ этого времени возникли на народномъ языкѣ *lais*, въ родъ элегій, и *водевилли* — *vaudevilles* — сатирическіе куплеты, которыхъ начало истекаетъ изъ Италіанскихъ (про-

вансальскихъ) маскарадовъ, арлекинадъ (*Har-leikin* — чарованій Одина, или волшебныхъ игръ *Хара.*) *

Въ Англіи переворотъ литературный также былъ послѣдствіемъ крестовыхъ походовъ. Когда Великобританіей овладѣли Норманны подъ предводительствомъ Вильгельма завоевателя — все приняло новый видъ. Тамъ первоначальный Галлійскій языкъ бывъ заглушенъ нарѣчіемъ Тевтоническимъ; книжнымъ и ученымъ языкомъ былъ Латинскій. Норманны принесли съ собою привилегированный языкъ того времени Романскій. При Вильгельмѣ и его первыхъ преемникахъ, въ Англіи писали и пѣли на Латинскомъ и на народныхъ нарѣчіяхъ: Галлійскомъ и Англо-саксонскомъ. Трубадуры, Минстрели **, сказочники (*contéors*), побасенщики (*fabléors*); паяцы (*gestéors*), гудочники (*harpéors*), возникли и въ Англіи, и поэзія развилась также подъ названіями: *Лей* (*lay, lais, leudi, liod* отъ *lay, laïque* — въ значеніи мирской, несвященной); *балладъ* (*ballade* — *bal-liod* — пѣснь героическая); *застольныхъ пѣсенъ* (*gotruénges*); *хвалебныхъ пѣсенъ* (*sirventes*); и хоровыхъ (*chanson à carole*). Здѣсь также начало *романовъ* (*roman*), т. е. романскихъ сочиненій любовныхъ и рыцарскихъ; *мадригаловъ* (*madra-göl* — хвалебная пѣснь божеству любви); *мартингаловъ* (хвалебная пѣснь божеству войны), драммъ (*ten-sol*), и комедій.

* Отсюда слово *хара* — маска, *vaudeville* отъ *Vau* — шутъ, шутка, и *devil* — дьявола.

** *Minstrel* — (*ministerial* — въ первомъ значеніи: совершающій службу священную, пѣвецъ храма) — *Kirmis-fiedler* отъ *kirchmesse*, сокращенно *kirmse*.

Подобно какъ теперь въ Бельгii, простой народъ говорить по Фламмандски, а дворянство и литература употребляютъ Французскій языкъ, такъ и въ Англiи, съ XI-го столѣтiя до Едуарда III, народнымъ языкомъ былъ Тевтоническiй, а языкомъ дворянства, правленiя и литературы, языкъ Франковъ (Frœnk); народная пословица говорила: «недостаетъ Якову Французскаго языка, чтобъ сыграть роль барина.» Народность однако же превозмогла. Едуардъ III, постановилъ актомъ парламента, чтобъ судопроизводство совершалось на Англiйскомъ языкѣ; а между тѣмъ сей же актъ былъ писанъ по Французски. Но въ 15 столѣтiи, литература обратилась по языку народному, и первый *билль* парламента былъ написанъ на Англiйскомъ языкѣ при Ришардѣ III, въ 1483 году, вмѣсто употреблявшихся прежде Латинскаго и Французскаго.

«Англiйскiй языкъ въ Англiи былъ на волоскѣ — «говорить Шатобрианъ» — легко могло случиться, что три Королевства Великобританiи, говорили бы по Французски и Шекспиръ писалъ бы на языкѣ Рабеле.» Подобное заключенiе болѣе блистательно, нежели справедливо: собственно народный языкъ искореняется только съ народомъ.

Чауцеръ (Chaucer) первый воскресилъ народную поэзию, и былъ прозванъ Гомеромъ Англiи.

Въ первое время Трубадуровъ ⁽²³⁾, вся упомянутая нами народная литература была еще изустной. Письменнымъ языкомъ былъ Латинскiй. Народная же письменность образовалась въ Европѣ съ 12-го столѣтiя, и преимущественно развилась въ 13-мъ и

14-мъ вѣкѣ, языкъ Провансальскій становился общимъ. Онъ не только употреблялся въ Провансѣ, Дофинѣ, и на всемъ пространствѣ древней земли Асковъ, между Альпами и Пиринеями; но процвѣталъ въ Италиі, Испаниі, Англиі и даже Германіи. На Провансальскомъ языкѣ сочиняли стихи: Робертъ Король Неаполитанскій, Альфонсъ Аррагонскій, Ричардъ Львиное сердце, Императоръ Фридрихъ I-й, Марія Стуртъ и пр. Ученый Бембо въ Италиі и славный Дриденъ (Dryden) въ Англиі, сознавались, что Провансальскій языкъ есть самый образованнѣйшій и превосходящій всѣ языки запада.

Словомъ, языкъ Провансальскій, или Романскій, простонародный языкъ Римскихъ провинцій, достигъ до высокой чести быть общимъ придворнымъ и поэтическимъ языкомъ, какъ некогда Зендскій языкъ былъ придворнымъ (*хозварешъ*) въ древней Персіи. Греческій у Римлянъ, Арабскій у Турокъ, и Латинскій у западныхъ народовъ, до передачи правъ своихъ языку Романскому. Самое название его: *langue d'oc* — языкъ *Азовъ*, значитъ языкъ господъ; ибо Готты, по Юриану, называли владѣтелей своихъ *Азали*. — Въ этомъ распространеніи Романскаго языка должно искать и причину универсальности языка Французскаго.

Между тѣмъ въ великой Греціи, на почвѣ переселенцевъ изъ Лидіи, сложилось искусственно бытіе Рима, изъ разныхъ племенъ и народовъ; между тѣмъ, какъ идея искусственнаго отечества пала, и вдругъ замолкъ языкъ его, ни одному существу не родной, не природный, — языкъ Славянскій росъ вмѣстѣ съ

обширнымъ племенемъ, которое говорило на немъ отъ колыбели.

Славянское племя принадлежитъ неоспоримо къ коренному Индѣйскому племени, котораго жизнь представляетъ высокое развитіе поэзи, и отдалилось отъ него во время религіозныхъ войнъ, возникшихъ, кажется, отъ распространенія Сивизма *, за долго до Р. Х. Филологія раскрываетъ близкое родство Славянъ съ Индѣйцами, какъ въ отношеніи древней религіи, такъ и въ отношеніи языка; но Исторія ограничилась свѣденіями Византійскихъ писателей, Иорнанда и Прокопія, и вообще свѣденіями о племени подъ именемъ Славягъ.

Въ ея глазахъ вообще Славяне до 9-го столѣтія, а Славяне-Руссы, до прибытія Князей Варяжскихъ, не болѣе, какъ грубые, прозябавшіе дикари, которые въ невѣжествѣ своемъ поклонялись истуканамъ, и что удивительнѣе: рѣкамъ и озерамъ. Не только разсудокъ, но и чувства начинаютъ уже не вѣрить подобнымъ несообразностямъ; потому что и надъ мракомъ древней Исторіи поднимается заря.

Не переступая за первое извѣстіе Византійскихъ писателей о Славянахъ 6-го столѣтія, мы однако же узнали изъ Прокопія, что они въ это время управлялись древними законами, имѣли вѣру въ Бога, и приносили жертвы; по Нестору Поляне, Древляне, Съвера, Радимичи, Вятичи, Хорваты,

* Гражданства — Civitas. Секта *Сивитовъ* составляетъ отпаденіе Сивы, или Шивы отъ *тримурти*. Въ Греціи Сива — Зевсъ, у Римлянъ *Шива-Питеръ* — Jévo, Jovis pater — сокращенно Jupiter — отецъ Сива.

Дулэбы, Лутичи и Тиверцы, «имѣли свои города, обычаи, законъ отцовъ своихъ и преданія.»

Прокопій упоминаетъ также, что Славяне и Анты не подлежали въ его время единодержавной власти; но *издревле* имѣли общенародное правленіе, о пользѣ и вредѣ совѣщались на общихъ собраніяхъ.

Этотъ патриархальный бытъ Славянъ ничто лучше не объяснитъ, какъ легенда о Любушѣ. Славяне жили въ то время еще племенами, и имѣли правленіе *отчинное*:

«Всакъ отъ свои челеди воеводъ;
Мужье пашу, жены рыбы строя.
И умре ли глава челедина,
Дѣти всѣ ту збожьемъ въедно владу,
Владыку се зъ рода выберуце,
Къ плезне дѣ снемы славны ходи,
Ходи съ кметьми, лѣси, владыками.
Встаху кмети, лѣси и владыки.
Похвалиху правду по закону.

.....
Кда се снеху лѣси и владыки
.....у Вышеградъ,
Прокны ступи роженъя для всего;
Ступи княжна въ бвлестуци ризъ
Ступи на *столь отемъ* въ славнѣ снемъ.
Дѣвъ выгласне дѣвъ выучене
Вѣстьбамъ.
У едней су дески правдолатне,
У вторый мечъ кривды карайче,
Противъ има пламень правдозвѣстенъ.
И олъ нима сватосудна вода.»
Т: е:
Каждый своимъ сынамъ * воевода,
Мужи пашутъ, жены шьютъ одежду.
И умереть ли глава сыновъ,

* Челедь — сыны, семья, племя. — одно слово съ *Child* — смнѣ.

Всѣ дѣти за одно владѣютъ имѣньемъ,
 Избравъ себѣ владыку изъ рода,
 Который для ихъ пользы на славные сеймы ходитъ,
 Ходитъ съ кметами (воишами) *, людьми, ** и Владыками
 (духовенствомъ).

Встали кмети, люди и владыки,
 Возглаголюху правду по закону (по обряду).

Когда сошлись люди и владыки въ вышеградъ (въ столицу)
 И по рожденію каждый занялъ мѣсто,
 Вступила княжна въ бѣлѣйшей ризы,
 Вступила на отчий престолъ въ славномъ сеймѣ.

Двѣ благогласныя дѣвы, иученыя провѣщанью,
 У одной *Правдодатныхъ доски* ***
 У другой мечъ карающій неправду.
 Противъ нихъ пламень правдолюбивый,
 Передъ ними вода святосудная и, т. д.

Начало легенды составляетъ безъ всякаго сомнѣнія статью древнѣйшаго изустнаго закона о наследіи семейнаго владычества; ибо, какъ видно, на немъ основывались и народные законы Славянъ, которые жили племенами, и главу племени считали не иначе какъ отцомъ своимъ.

Самое слово *сеймъ*, *снемъ*, *сонмъ*, происходитъ отъ слова *семья*, а *семья* отъ *сѣмя*, слова употребляемаго въ священномъ писаніи почти вездѣ въ значеніи *семьи*, *потомковъ*. Какими буквами были писаны законы на доскахъ правдодатныхъ рѣшить трудно; а тѣмъ болѣе подтверждать мнѣніе Прагскаго Профессора Юнгмана, что Славяне изъ отчизны своей Индіи вынесли и свое письмо; но что

* *Кметре* кметъ-воишь;

** *Leubi*—лѣси-люди, народъ.

*** Законы древнихъ писались на доскахъ. Такъ на примѣръ *Decem tabularum Leges*—десять таблицъ законовъ Римскихъ.

оно истреблено Католическими священниками. Это требует усиленных доказательствъ, хотя очеркъ Санскритскихъ буквъ частно и сходенъ съ Славянскими, особенно въ начертаніяхъ скорописныхъ, что представится ниже.

Предоставляя времени прояснить отдаленную древность, мы однако же можемъ основываться на фактъ, что Славянскіе трубадуры или путешествующіе музыканты, предупредили появленіе трубадуровъ Провансальскихъ, и имѣютъ какое-то родство съ Бардами Цельтовъ, жившихъ на оконечностяхъ западнаго Океана.

«Въ 591 году, — говоритъ Θεофилактъ, современный историкъ воинъ Императора Маврикія противъ Персовъ, Аваръ и Славянъ, — пришли трое походныхъ музыкантовъ, во Фракію, съ береговъ западнаго океана. Въ 9-е лѣто царствованія Маврикія, Авары готовились сдѣлать новый побѣгъ; почему Императоръ выступивъ изъ Константинополя собиралъ во Фракіи войско. Въ это время царскіе тѣлохранители привели трехъ чловѣкъ, не имѣвшихъ при себѣ оружія, но только инструменты въ родѣ гуслей. Царь спросилъ ихъ, что они за люди, и откуда пришли въ Греческую землю? — Мы Славяне, отвѣчали они, и живемъ на самомъ краю западнаго океана; Аварскій Ханъ прислалъ Князьямъ нашимъ великіе дары, съ тѣмъ, чтобъ дали помощь противъ Грековъ. Хотя Князья и приняли дары; но помощи прислать не рѣшились, по причинѣ далекаго и труднаго пути; почему и отправили насъ съ извиненіями къ Хану. Въ дорогъ пробыли мы 15 мѣсяцевъ.

Хаканъ противузаконно задержалъ насъ у себя и не отпускалъ, представляя разныя причины. Узнавъ о великомъ богатствѣ и челолюбии Грековъ, мы нашли случай уйти во Фракію. Гусли замѣняютъ намъ оружіе, котораго мы не носимъ; да и желѣза въ нашей землѣ нѣтъ; живемъ въ тишинѣ и мирѣ, играемъ на гусляхъ, и не умѣемъ играть на трубахъ; не вѣдая войны, мы почитаемъ музыку лучшимъ упражненіемъ.» — Императоръ, выслушавъ ихъ, и подивившись дородству и крѣпости тѣла, приказалъ угостить и потомъ отправилъ ихъ въ Ираклію.»

Переселенцы изъ странъ Индіи на берега западнаго океана и потомъ въ Бретанію, были, какъ уже мы упомянули, Камбры или Гумры. По народному преданію, извѣстному подъ названіемъ *триадъ Бретаніи*, племена Камбровъ не хотѣли занимать земли битвой и побѣдой, но справедливою и миромъ, и потому носили названіе мирныхъ.

Какъ это патриархальное направленіе Камбровъ, такъ и объявленное тремя Славянскими гуслистами Маврикію, можно примѣнить и къ настоящему народному свойству Славянскаго племени: оно могуче, мужественно; но его нельзя назвать въ сущности и въ его сельскомъ быту воинственнымъ, исключая южныхъ славянъ, которые по неволѣ привыкли къ вооруженію. Русскіе селяне по сіе время не знаютъ употребленія оружія, и почитаютъ пѣсни и пляску любимымъ занятіемъ въ праздное время. Въ ихъ смыслѣ война есть защита вѣры и царствъ. По летописямъ, Славяне повсюду являются преимуще-

ственно войскомъ наемнымъ: Греки, Римляне и Готты пользовались всегда ихъ тѣлесною силою и мужествомъ. Составляя издавна расселившееся по Европѣ племя семьями, они подпадали частями подъ зависимость иноплеменицевъ, добывающихъ землю мечемъ, и должны были волею и неволею служить въ ихъ рядахъ. Вотъ кажется причина, по которой изъ названія Сербъ (Serbi, Servi) образовалось латинское слово *Servus*; изъ слова *людъ*, *люди* — *lid*, *leute*; и изъ Славянъ, Славянъ — *slaf* — *mancipium* *e-sclave*, *sclavi* — *les esclavons*. Но такъ какъ прозваніе *Славянъ*, это племя получило по принятіи христіанской религіи, какъ доказано мною въ статьѣ о значеніи окончаній *славъ* и *миръ* въ именахъ, и о значеніи самаго прозванія *Славяне*; то въ древнихъ латинскихъ писателяхъ (до Р. X.) и известно было только слово *Servus*; * но *Sclavus* было еще не употребительно; и безъ сомнѣнія Паннонскіе Славяне издавна уже носили названіе *Сербовъ*, которое въ льтописяхъ измѣнялось въ *Сорабы*, *Сабиры*, *Споры*, *Северы*, *Савро-маты*, *Унны-Сабиры* или *Саберы* и пр.

Не имѣя никакихъ слѣдовъ письменности Славянъ, до составленія грамоты славянской Константиномъ и Меѳодіемъ, мы однако же можемъ утвердительно сказать, что этотъ живой, изустный языкъ не былъ уже въ это время въ младенчествѣ.

«Въ Болгарѣхъ дунайскихъ, — пишетъ Несторъ, — Словеномъ живущимъ крещенымъ и Княземъ ихъ

* *Схлабаруен*, *схлабру* — въ рабство приведенный, покоренный, покорный Joann: Meur-i-Glus. Gracco-barbarum.

Ростиславу, и Святополку и Коцелу, послаша къ Царю Михаилу, глаголюще: «земля наша крещена, и нѣсть учителя, иже бы наказалъ насъ, и поучилъ насъ, и протолковалъ святаыя книги: не разумѣмъ ни греческу языку, ни латинску; ѡни бо ны инако учать, а ѡни инако: тѣмъ же не разумѣмъ книжнаго образа, ни силы ихъ: да послете ны учителя, иже намъ можетъ сказати книжная словеса, и разумъ ихъ.»

Михаилъ послалъ въ Славянскую землю двухъ ученыхъ мужей изъ Г. Селуня, братьевъ Константина и Меѡдїя, *разумѣвшихъ Славянскїй языкъ*. Они составили *письмена азбуковная: Словѣски*, перевели на Славянскїй языкъ *Апостолъ и Евангелїе*, потомъ *псалтырь и октоихъ* и прочїя книги. Константинъ отправился учить въ Болгарїю; а Меѡдїй, утвержденный Епископомъ въ Моравїи «посади два попа борзописца зело», и *въ шесть мѣсяцевъ перевелъ весь новый и ветхїй заветъ сполна*. По сказанїю Юанна Екзарха Болгарскаго, современника Меѡдїя, всѣхъ книгъ уставныхъ переложенныхъ Меѡдїемъ на Славянскїй языкъ было, шестьдесятъ. Если слово есть выраженїе жизни, то надо Славянскому языку 9-го столѣтїя быть очень *сырымъ и бывалымъ*, чтобъ съ такимъ влїянїемъ, полнотою и вѣрностию передать сокровища святыни, въ которыхъ обнята вся жизнь человѣческая. Еслибъ этотъ языкъ былъ сочиненъ вмѣстѣ съ азбукою, народъ не понималъ бы его и трудъ былъ бы лишній и бессмысленный. Сравните переводъ съ подлинникомъ и вы увидите сходство только въ словахъ непереводи-

мыхъ, на пр. Апостоль, Херувимъ, Серафимъ, Евангеліе, и прочихъ подобныхъ. Но Славяне имѣли слово *пророкъ* и переводчикъ не нуждался въ словѣ *профитисъ*; слово *законъ* не замѣнилось словомъ *номосъ*; *вѣра* словомъ *πιστις*, и *невѣдѣніе* словомъ *агноси* и т. д.

Законы и правила каждаго языка, заключаются въ самомъ языкѣ, а не внѣ его; слѣдовательно Меѳодій, зная языкъ, пользовался его собственными условіями, а не условіями Греческаго языка; иначе его никто бы не понялъ. Самъ Іоаннъ Вкзархъ Болгарскій, современникъ Меѳодія, переведя съ Греческаго языка на Славянскій Богословію Дамаскина, говоритъ, что при переводѣ должно наблюдать правила того языка, на которъ переводишь.

Но вотъ что странно: Славянъ учили письму; а между тѣмъ они, не умѣя писать, имѣли уже слово выражающее это искусство; ибо слово *письмо*, *писаніе* не Греческое, и вмѣсто его учитель письменъ не нуждался въ Греческомъ *графіи*, и Божественное, Священное писаніе не названо *Зіа Графи-Дѣка уграфі*; слѣдовательно соответственное выраженіе было уже въ языкѣ. *

Мы слишкомъ мало цѣнили языкъ свой, полагая, что всѣ сходныя слова съ Греческимъ, Латинскимъ, Нѣмецкимъ, Татарскимъ, взяты изъ этихъ языковъ. По этому правилу можно всѣ языки разобрать по

* Слово *писать* происходитъ отъ Санскритскаго पित् — *пидж*, что значитъ рисовать, писать, красить; *пиджати* — писати (печатать). Отъ того у насъ слово *писать* и значитъ также *рисовать*; напр. *писать иконы*.

частямъ, и въ каждомъ неостанется ни одного собственнаго слова.

Но, на права Славяно-Русскаго языка и на родовую собственность всѣхъ основныхъ словъ врядъ ли посягнетъ какой бы то ни было изъ древнихъ Европейскихъ языковъ. Всѣ основныя слова выражающія существенныя потребности жизни, и именно: существованія, Богопознанія, родства и семейности, возрастовъ, чувствъ, свойствъ, времени, стихій, пищи, движенія, величины, количества и мѣстимый, такъ сходны съ языкомъ Санскритскимъ (*деванагари* — языкомъ боговъ, священнымъ), что ни Латинскій, ни Греческій, ни Готскій, не заключаютъ въ себѣ подобнаго кореннаго родства съ однимъ изъ древнѣйшихъ языковъ, развившихся отъ началъ стхійныхъ.

Предлагаемъ случайно встрѣтившіяся намъ слова, при поверхностномъ только занятіи Санскритскимъ языкомъ. Судя по нимъ можно подумать, что Славянское *просторъчїе* въ недавнемъ времени отдѣлилось отъ древняго Индѣйскаго просторъчїя, и повѣрить что *чехъ Брезовскій* * въ самомъ дѣлѣ могъ разговаривать на первобытномъ Славянскомъ языкѣ съ Индѣйцами.

СЛОВА ПОНЯТІЯ О БОЖЕСТВѢ И СУЩЕСТВОВАНИИ.

Бъгу—быть; отсюда идея понятія о Богѣ.

Бъгути—бытіе.

Джива—живый.

Дживъ—жизнь.

Дью—духъ (*dieu*).

Дева—дивъ, диво.

Дивья—дивный (небесный).

Набасъ—небеса.

Тридаса—тронца.

Ади—одинъ, азъ первый.

* Юнгманъ.

СТИХИИ.

Уда—вода
Агни—огонь.
Сами, или *Сома*—название стихин земли, земе.
Дью—духъ, *ваю*, вѣвие, воздухъ.

РОДСТВО И СЕМЕЙНОСТЬ.

Тата—тятя.
Пати—бать, батюшка.
Мта-р—мать, матерь.
Брата-р—братъ.
Снуша—сноха
Свасру—свекровь (сестра).
Дтри—ятровъ
Сута { — свнъ (зять).
Суну {
Кравля—мясо, плоть (кровь).
Видави—вдова.
Сваки—свойскій, своажъ).

ВОЗРАСТЫ.

Юванъ—юный
Джара-с { — старый.
и *Стъваръ* {

ЧАСТИ ТѢЛА.

Мурдъ—лицо, морда.
Наса—носъ.
Оштъа—уста.
Астъи—кость (*ὀστέον*).
Капала—голова (*κεφαλή*).
Акиша—очи, око.
Хридъ—сердце (грудь)
Грива—шея (грива)
Пада—пята, нога.
Дакшина—десная, десница,

ЧУВСТВОВАНИЯ.

Чай—чаянне (чаю).
Приля, *прийс*—пріязнь любовь.
Байльмъ—боязнь.
Саведа—совѣсть.

СВОЙСТВА.

Махатъ—мощный, могучій.
Таку—тонкій.
Пурна—полный.
Чару—прекрасный (чаровательный)
Нава—новый.
Навина—новина, новый.
Сваду—сладкій.

ВРЕМЯ.

Брама (идея времени) время.
Дина—день.
Нага—ночь.

ЦВѢТА.

Света—свѣтлый, бѣлый
Чарви—червивый, червонный, прекрасный
Тамма—тъма.

ПИЩА.

Адми—ѣмь, ядимь.
Гьясь—яства.
Адана—ядешь.
Маду—медь.
Пи—пить.
Сара—сыръ

МЪСТОИМЕНІЯ.

Ахамъ—(я самъ), я, азъ; по
вендски *азамъ*.

Аси—еси

Твамъ, по вендски *тумъ*—ты.

Ма—яя, меня...

Тва—тя, тебя.

Майя—явою.

Твая—тобою.

Ме—мы, мнѣ.

Ию—ихъ.

Самти—суть.

Майи—мои.

Твайи—твой

Ка—кой, кто.

Каа—кой, который,

Та—той, сей, этотъ

Ви—вай, ваю (древн.) вы

Уба—оба.

Насъ—насъ.

Васъ—васъ.

Асжъ—есмы, мы.

НАРЪЧИЯ.

Када—когда.

Тада—тогда.

Иада—егда.

Сада—всегда.

Праги—противъ.

Тавиъ—столько.

Таджаджа—тотчасъ.

ПРЕДЛОГИ И ЧАСТИЦЫ.

Пра—пре.

Упа—по.

Не—не, нѣтъ.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЯ ПЕР-
ВЫХЪ ПОТРЕБНОСТЕЙ И
ПОНЯТІЙ.

Дваръ—дверь, (дворъ).

Гапа—ходъ

Гари—гора

Стъана—станъ.

Парага—порогъ.

Звана—звонъ, звукъ.

Луча—капля, отрѣзъ, лучъ

Луджа—блескъ, лучъ.

Пена—пѣна.

Дру—древно.

Сакъа—сукъ.

Смайя (смѣю) смѣлость, гор-
дость.

Сми—смѣхъ, улыбка, (smile).

Клесь—гласъ.

Мна—мнѣть.

Мрити—смерть, умереть.

Мамтри—мудрый.

Матри—совѣтникъ.

Мануджа—мужъ, мужикъ.

Ганза—гусь.

Саранга—сорока

Сьона—солнце.

Маасъ—мѣсяць.

Сіана—отраженіе (сіаніе).

Дварака—дворецъ (Кришны).

Дара—дыра, впадина, пещера.

Парага—прахъ.

Йога—с—иго, союзъ, связь.

Дивъ—давъ, давленіе.

Пата—с—птаха, птица.

Стъагъ—стягъ.

Падъ—путь.

Стана—стогъ,

Пачи—огонь (печь, печка).

Кабилла—кобыла.

Бахута—богато, множество.
Тяга—дать, даръ (тягло), уколъ
 бѣгство, (утекъ; напр. далъ
 тягу.
Даса—верви (душа—въ значе-
 нии данникъ десятины?).
Нара—человѣкъ, отсюда на-
 родъ.
Вагана—вѣщанье.
Пратьювати—противовѣщаніе,
 противорѣчіе.
Правекшана—(Forges eing)
 провѣщаніе.
Правела—правитель.
Правагани названіе Веды, пра-
 вовѣщаніе, краснорѣчіе.
Ведена—вѣданіе.

ГЛАГОЛЬ ЕСМЬ.

ЕДИН:

Асми—есмь.
Аси—еси.
Асти—есть.

ДВОЙСТВЕННО ЧИСЛО

Свасъ—есва.
Стасъ—еста.
Стасъ—есте.
Смасъ—есмы.
Ста—есте.
Санти—суть.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫ: ИМЕНА.

Пурва—первый.
Ека, ади—одинъ, азъ (разъ).
Два—два.
Две (женскаго рода)—двѣ.
Уба—оба.
Три—три.

Чатваръ—четыре, четвертый.
 имен. *чатварас*. вин. *чату-*
расъ и т. д.

Пакъа—пять*Шашъ*—шесть*Сапта, Саптамни*—сѣдмь.*Аштанъ, Аштанама*—восемь.*Наванъ*—девять*Дасанъ* (винитель пад: *даса*)
десять.*Екадаса*—одинадцать.*Двадаса*—двѣнадцать.*Трайодаса*—тринадцать.*Чатурдаса*—четырнадцать и т. д.*Винсати*—двадцать.*Тринсатъ*—тридцать.*Сата*—стоГЛАГОЛЫ ИОНЯТІИ ОСНОВ-
НЫХЪ.*Ди*—дать.*Дадати*—давати, давать, дать.*Званта*—звѣнѣть.*Пришати*—впрошати.*Бадъ*—бить.*Трасти*—трясти.*Грабъ*—братъ, грабить.*Ветси*—вѣси, вѣдаеши,*Пиваси*—пѣши.*Смалясе*—смѣшася.*Васи*—вѣешь.*Джанаси*—знаешь.*Бибъеши*—боиши.*Дадъаси*—двѣши.*Дживаси*—живеши,*Патаси*—падаеши, падаеша па-
даешь.*Ста*—стать.*Вагаси*—вѣщати.

Свапниси — спишь, (сапншь).
Вагаши — вѣчаешь.
Трагаси — трясешь.
Видьяси — будешь.
Налси — несешь.
Хвалси — зовешь.
Дринаси — дерешь.
Прихшаси — просиши.
Гадаси — гадаешь, говоришь.
Зваласи — зватьишь.
Вартаси — вертишь.

Бодяси — будешь.
Мишаси — мѣшаешь.
Паравритъ — поворотить.
Пиджъ — раскрашивать, писать.
Плава — плавающий.
Шивъ — шитью (шью).
Спада — спѣть (поспѣвать).
Ситья — стыть.
Сушь — сушить.
Шивъ — (сѣвъ) сѣяніе.

Въ приведенныхъ здѣсь словахъ, составляющихъ можетъ быть малѣйшую часть совершенно сходствующихъ съ Санскритскимъ, заключается почти все требованіе начальнаго языка, и всѣ коренныя понятія. — Сверхъ того одно изъ ближайшихъ сходствъ Славянскаго языка съ Санскритскимъ, есть отсутствіе членовъ, звуки *ч*, *щ* и существованіе безгласныхъ *з* и *ь*; ибо буквы *च, ञ, ढ, ङ, फ, भ*, въ произношеніи суть ничто иное какъ *кз, гз, тз, дз, пз, бз*, т. е. произносимыя безъ паденія на гласную выражаемые иностранцами посредствомъ: *kha, gha, tha, dha, pha, bha*; хвостикъ, который ставится въ концѣ словъ, подъ согласными, также замѣняетъ безгласную *Ъ*.

И такъ древняя самобытность Славянскаго языка не опровергаема, корни родословнаго древа его въ глубокой древности; сходство съ священнымъ языкомъ (*деванагарн*) доказываетъ благородство происхожденія. Судьба племени, говорящаго на этомъ языкѣ, была патриархализмъ, или естественное развитіе семейности въ общество, между тѣмъ какъ общины Греціи и Рима, какъ скороспѣлыя плоды да-

ли понятіе о вкусѣ, но были жертвами червоточн. Міръ Славянскій прозябалъ для прочнаго созрѣнія. Древо даетъ уже цвѣтъ, и въ почкахъ зараждается плодъ, и — да не повредятъ ему ни хлады, ни засуха!

Когда Греція кончила свое бытіе и смокль языкъ Еллинскій предъ грознымъ голосомъ Рима; когда одряхлѣвъ и Римъ, и затихъ предъ криками своихъ плебеевъ, тогда *Славянскій языкъ* просилъ Грековъ передать ему слово Божіе, принялъ его и вмѣстѣ съ этимъ началъ эпоху своей письменности.

Принявъ письменность отъ самой религіи христіанской и руководимые единственно духовными учителями, Славяне приняли и въ литературѣ своей духовное направленіе. Ея образцами были священныя писмена: книги Моисеевы, а не поэмы Гомера; псалмы Давыда, а не оды Анакрсона; каноны Іисусу, Божіей матери и святымъ, а не панегирики именитымъ; молитвы, а не пѣсни разгульныя. Поприщемъ литературы сталъ храмъ, а не площадь, и она уклонилась отъ жизни народной къ обители отшельниковъ. Этому направленію способствовало у насъ преимущественно и нго Монголовъ. Все стало искать спасенія въ Богъ: представители народной дѣятельности монашествовали; а народная литература, почитаемая священствомъ за принадлежность язычества, должна была замолкнуть, и такъ называемые *слѣпцы*, ⁽²⁴⁾ Славянскіе трубадуры: гуслисты и бандуристы, вмѣсто прославленія подвиговъ и геройства, стали пѣть *лазаря* и иныя *притчи* (Legende) минея-цѣтя. Только въ ихъ памяти отпечатыва-

лась литература народная, и следовательно съ-
тъхъ поръ, какъ они стали пѣвцами крылоса и па-
цертн, поэзія жизни гражданской заглохла, народ-
ныя воинственныя поэмы и пѣсни вышли изъ употре-
бленія у путешествующихъ поэтовъ, и вся новая
литтература, соответственно эпохъ времени облек-
лась въ одежду священную; а прежняя, древняя,
большею частію позабылась, или обратилась въ
циркуляры, въ которыхъ бездарные пѣвцы вы-
ставляли произвольное имя, какъ въ пѣсняхъ сва-
дебныхъ.

Должно замѣтить, что въ правильномъ развитіи
литтературы, образцы лирическихъ или хвалеб-
ныхъ пѣсней образовались изъ Гимновъ Феургін;
такъ на примѣръ, у Грековъ Гимны Орфея пред-
шествовали всей Греческой поэзіи; и безъ сомнѣнія
принадлежать тому времени, когда древній Вавилон-
скій Сабензмъ, или Сивизмъ, основанный въ Греціи
Кадмомъ, соединился въ лицѣ новаго законода-
теля Мелампія съ Буддизмомъ Египетскимъ или по-
клоненіемъ Бахусу — Озирису; выразимъ иначе:
Кадмъ основалъ изъ патріархальнаго населенія Гре-
ціи гражданственность; а Мелампій — патріархаль-
ное вѣрованіе замѣнилъ торжественными обрядами
Вакха. Здѣсь начало храмовой литтературы Ор-
фея, Каллимаха и кнпроста составленнаго изъ 9
музъ. Этотъ переходъ отъ патріархализма къ граж-
данству и потомъ къ религіи, можно сказать, есте-
ственъ: такъ гражданскую власть, посреди Латинъ,
основалъ Ромуль, прообразуя въ лицѣ своемъ Ра-
му — т. е. побѣду; а религіозную Нума, прообра-

зую *nomos* — законъ; такъ основатель гражданской жизни Руссовъ *Рюрикъ*, а воспринявшій религію и Номоканонъ Владимиръ. Но, какъ въ Греческомъ мірѣ, до принятія христіанской религіи, существовала литтература гражданская (письменная)—*Θεουργικεσκή* плодъ временъ языческихъ, такъ и между Славянами, до принятія христіанской религіи, существовала уже литтература, но патріархальная—изустный истокъ язычества Славянъ. Письменность Грековъ была причиною, что большая часть литтературы ихъ дошла до потомства, не смотря на истребленіе, вмѣстѣ съ слѣдами язычества. Древняя же изустная литтература Славянъ, по той же причинѣ не могла уцѣлѣть въ памяти; а если частію и сохранилась, то невѣжество такъ перепутало имена и событія, такъ измѣнило языкъ, что къ древнѣйшимъ памятникамъ ея теряется довѣренность, и они кажутся поддѣльными или сочиненными недавно, какъ на примѣръ: судъ *Любуши*, слово о *пожму Игоревѣ*, пѣсни о *Владимирѣ* и пр.; хотя по заключающимся въ нихъ признакамъ неподдѣльной древности, поддѣлка совершенно не возможна.

Героическія пѣсни народной литтературы относятся почти всегда и преимущественно къ какой нибудь великой эпохѣ народнаго быта. Такъ народная, *гомерическая* поэзія Греціи относится по эпохѣ «покореніе Трои» въ которой участвовалъ весь народъ Еллады. Дуаны Цельтовъ воспѣваютъ Фингала, и относятся къ временамъ возстанія Галлійцевъ противъ побѣдоноснаго Рима. Такъ Тевтоническая поэма «Нибелунги» воспѣваетъ

Зигфрида, и можетъ быть принадлежить Миннезенгерамъ время побѣдоноснаго Аттилы, представителя Восточныхъ Готовъ. ⁽³⁵⁾ Поэмы Труверовъ Франконскихъ сливаются въ имени Карла Великаго. Такъ и думы Руссовъ избрали апоѳеозомъ имя Владимира, и темой богатырское его время, и время величія Новгорода и Кіева.

Передъ подобными историческими именами, основателями славы народной и любимцами народа, исчезали въ пѣсняхъ имена и слава предшественниковъ, и почти всегда дѣлїя многихъ относились къ одному имени, какъ къ *ипогу*, къ *суммѣ дѣлїи* по части какого нибудь свойства божественнаго; и это тѣмъ легче дѣлалось, что личныя имена героевъ исчезали предъ именами апоѳеоза. Подобный апоѳеозъ Греціи составляютъ подвиги Александра, въ Индіи Рамы, въ Ассиріи Нина и Семирамиды въ Египтѣ Рамсеса или Сезос-ра (Сезостриса).

Но подобныя апоѳеозы могли совершаться только во времена изустныхъ преданій, когда *тему*, заданную очевидцами подвиговъ, *молва* украшала вариациями и воображеніемъ. Съ водвореніемъ письменности очарованіе стало исчезать; а съ водвореніемъ печатанія кончилось совершенно. Чудеса молвы, какъ призраки ночи, пропали съ восходомъ истинны. Каждый челоѳкъ сталъ челоѳкомъ, и апоѳеозъ исчезъ.

Переходъ изъ устъ въ уста, изъ нарѣчїя въ нарѣчїе, отъ поколѣнїя въ поколѣнїе, языкъ Легендъ и пѣсень измѣнялся и обновлялся; но это

однако же не значить, что Легенды и пѣсни новы: въ нихъ не исчезаетъ древность, не смотря на то, что каждое время кладетъ на нихъ свою печать, и каждый вѣкъ приспособляетъ ихъ къ своему выраженію, до тѣхъ поръ, пока письмо не остановитъ бродящаго преданія, и не сдѣлаетъ его такъ сказать осѣдлымъ. Но и начертаніе каждый вѣкъ произноситъ по своему, и даже понимаетъ по своему; полное же постиженіе преданія принадлежитъ только тому вѣку, который въ спирали временъ лежитъ на соотвѣтственной событію точкѣ окружающей.

Вотъ причины, по которымъ мы полагаемъ должнымъ возстановить право на древность нѣкоторыхъ памятниковъ изустной литературы Славянъ и Русовъ. Обратимъ прежде всего вниманіе на думы Чеховъ временъ языческихъ, сохранившіеся въ отрывкѣ сборника, найденнаго въ *Кемпгинхофѣ*, и названнаго по сей причинѣ рукописью *Краловворской*. Вліяніе Рима на Чеховъ, заставило ихъ принять вмѣстѣ съ христіанскою религією и Латинскія письменна; а потому сборникъ думъ и пѣсень Чешскаго народа также написанъ Латинскими буквами.

Между малымъ числомъ сохранившихся думъ, которыя составляли исторію народа, древнѣйшею должно почестъ думу подъ заглавіемъ *Честмиръ и Влаславъ*; она составляетъ 27-ю главу третьей книги сборника, «*о побѣдѣ надъ Влаславомъ*», и въ языкѣ ея нѣтъ еще того различія, которое въ послѣдствіи проявилось въ нарѣчіяхъ Славянскаго языка.

Неклавъ каже встати къ войнѣ,
 Каже княжескими словы,
 Противъ Влаславу.
 Встаху вон, всташу къ войнѣ
 Противъ Влаславу.
 Хвалидѣбашесе Влаславъ князь
Витязьствою * надъ Некланомъ,
 Надъ славнымъ княземъ;
 Пущаше мечъ и огнь
 Въ краины Некланины,
 И гласяше надъ грабивыми
 Мечи своихъ вонновъ
 Поганень Неклаву:
 «Въ бой Честмиръже веди ми сборы.
 Гадливый ны позыва
 Надуты Влаславъ!»
 И вѣста Честмиръ и возрадовася,
 Радостне снѣ свой щитъ черны,
 Длузубу, и снѣ со щитѣмъ и млатъ
 И не проникавый шеломъ.
Подъ вѣсь древа
Взложе обить богомъ.
 Буйно звалаше Честмиръ на вон.
 Вскорь се вон въ ряды иду,
 И тяжеху подъ солнцемъ жахе (жгучимъ),
 И тяжеху про весь день и по солнце.
 Тамо къ погребу **.
 «Ай та се вали дымъ по дѣдинахъ,
 И по дѣдинахъ стѣнанье жалостныхъ гласовъ:
 «Кто сожже дѣдины?
 И кто рослака ваши глаза, кто? Влаславъ!
 Последнее буде его вражество!
 Помсту и пагубу
 Вон мон, нань щесу!»
 Отвѣчаху воеводи Честмиру:
 «Крувой, Крувой, скаредь!
 Отогнаше стада и сдѣваше горе,
 Въ дѣдинахъ огнѣ и мечѣ,

* Vicestuiem — Witaztwi победа; нов. Бор. witezstwi.

** Pahrhu, Pahrhek — могила, конецъ.

Все чіе полезно бѣше
 Потреше его злоба крута,
 И завъ (заъль) воевода намъ!
 И оаился Честмиръ на Крувоа.
 Широки перси
 Злоба уже ему разовреша
 По всѣхъ путѣхъ. и т. д.

Вотъ образецъ возстановленнаго текста Славянскаго языка 8-го столѣтія; Латинское произношеніе, въ которомъ нѣтъ ш, ж, щ, совершенно измѣнило древнее произношеніе Славянъ-Чеховъ, которое совершенно сходно было съ тѣмъ нарѣчіемъ, на которое переведены священныя письма.

Второй памятникъ историческихъ пѣсней Чеховъ относится къ 894-му году, когда Король ихъ Буривой *, принявъ Христіанскую религію Католическаго исповѣданія, изстреблялъ языческихъ боговъ; что вѣроятно и было причиною общаго возстанія на него и его низверженія.

Эта дума называется: «Забой, Славой и Людекъ» (вѣроятно Людовикъ, Людвигъ), и мы возстановимъ ее сполна.

(Почина се о велике повѣдѣ).

Съ черна лѣса выступае скала,
 На скалу вступи сильны Забой,
 Обзира краины на всѣ страны,
 Замутися отъ краинъ ото всѣхъ,
 И застана плачемъ голубинымъ
 Свѣа долго и долго ся мути,

* Козьма Прагскій, единственный достовѣрный Историкъ Богеміи: «Vorziogii primus dux catholicus» Онъ писалъ хронику на латин. языкѣ въ половинѣ 11-го столѣтія, и безъ сомнѣнія онъ же былъ первый собиратель Легендъ народныхъ, на которыхъ и основалъ первыя преданія Исторіи Богемской, начиная съ Крока, суда Любуши, и пр.

И ископихъ въ гору яко елень,
 Доломъ, лѣсомъ, лѣсомъ долгопустымъ,
 Быстро спѣшаше отъ мужа къ мужу,
 Отъ сильна къ сильну по всякой Власти,
 Кратко слово ко всемъ скрыто рече;
 Поклоняся богомъ отсюда къ другу спѣша.
 И мину день первымъ и мину день вторымъ,
 И кладъ за третьимъ луна въ ночи быша,
 Сняхуса мужіе семо въ лѣсъ чернъ.
 Къ нимъ здѣ Забой; отвѣда ихъ въ увагъ,
 Въ пониженный увадъ глубокаго лѣса,
 Ступи Забай навннннше доломъ,
 Възя *Варито* звучно:

«Мужіе братскихъ сердець,
 И искреннихъ зраковъ!
 Вамъ пою найниже съ дола пѣснь,
 Иде съ сердца моего,
 Съ сердца найниже,
 Погруженна въ горе.
 Отче сойде къ отцемъ,
 Остави въ дѣднѣхъ дѣтки своя
 И свою любицу,
 И не рече ни кому.
 Бата! ты моли къ нимъ
 Отецкими словы!
 И приде чужи
 Усильно въ дѣдину,
 И чужими словы заповѣда,
 И какъ се сдѣе, въ чужей Власти
 Отъ утра по вечеръ,
 Тако бы ся сдѣяти
 Дѣткамъ и женамъ;
 И едину дружу намъ имѣти,
 По пути всей съ весны по *морану*,
 И выгони съ *хаевъ* (Наин—лѣсъ) вси крагун (грачи),
 И каки бози въ чужей Власти,
 Такимъ же кланяти и здѣ;

* Осенній праздникъ капады.

И имъ обзчати обзтъ,
 И не смѣху ся бити
 Въ чело предъ бога,
 Ни въ сумерки имъ давати ясти,
 Камо отче даваше кормъ богомъ,
 Камо къ нимъ гласить ходяше;
 Постѣяху всѣ древа,
 И разрушиху вся боги!»

— Ай ты Забой! ты поешъ сердце къ сердцу,
 Пѣсню съ среды горя, яко Люмиръ.
Къ словы и пльню быше погибалъ (гнулъ, склонялъ)
 Выпеградъ и всѣ Власти,
 Тако ты мя и всю братью.
 Пѣвца добра милуютъ бози.
 Пой! тобѣ отъ нихъ дано
 Въ сердцѣ противъ врагомъ! —

Зряше Забой на Славоева
 Запалены зраки,
 И пвнѣемъ даде сердце имаше:

«Два сыны ею гласы,
 Прихожаста въ муска (въ мужество)
 Выхаживаста въ лѣсъ;
 Тамо мечемъ и млатомъ
 И оцѣпомъ учиста пази (мускулы).
 Тамо покрыста
 И врачястася роскошемъ,
 Когда пази ею бѣста доростлы
 И ею умы прати враговъ.
 И доростаху друзи братцм,
 А и тѣ всѣ выразиху съ враги.
 И бы крутость ихъ бурюще небо,
 И въ дѣдины вратишася бывше благость.»

Ай, скочиху вси же въ долъ къ Забою,
 И тицеху еи въ пресильна пази,
 И съ перси на перси вси кладеху руже.
 Возгласно даваху слова къ словомъ
 И прихожаше ночь предъ утро.

А и выступишу изъ вала розно;
 Вездѣ ко вѣсѣмъ дровомъ,
 Ко вѣсѣмъ странамъ брахуси лѣсемъ,
 И мину день и мину день вторы,
 И по третѣмъ дни когда же затемнися ночь,
 Брася Забой въ лѣсъ
 Лѣсомъ за Забоемъ сборъ.
 Всякъ имѣя вѣру къ воеводѣ,
 Всякъ сердце упорно Королю;
 Всякъ собранъ быстро на Краля.
 — Ай, Славой, братецъ!
 Тамъ къ модру (свѣтлому) верьху!
 Верьхъ тебѣ по вѣсѣхъ по краинахъ,
 Тамъ сумерками ходи,
 Отъ верха къ раннему солнцу;
 Тамъ лѣсъ темень,
 Тамъ же подами руце.
 Нывѣ берись лисьиими скоки,
 И язъ тако побѣду туды.
 — Ай, Забой, братецъ!
 Чѣму на ся брань имати перво,
 Отъ верха смѣтати крутость!
 Отсюда бурасми (бросимся) противъ Кралевимъ врагомъ.
 — Славой, братецъ,
 Кла-жь гаду потрѣти хочещи,
 На главѣ на ея стой;
 Тамъ глава его. —
 Разступися множество лѣсемъ,
 Разступися вправо влѣво,
 Туды тяже Забоевымъ словомъ.
 Онамо словомъ прытка Славой,
 Глубинами лѣсовъ къ модру верьху.
 И когда баше пять солнцевъ,
 Подаста се пресильные руце
 И позроста лисьиима зракома,
 На королевѣ вой.
 — Срази ты намъ, добры Людекъ вой,
 Вой вѣсь подъ едину рану!
 Ай, Людиче ты же паробъ (паробокъ)
 На паробы Краля!

Ты рни своему укрутинку;
 Же (что) димомъ есть намъ веленье его.
 И разлютился Людекъ
 Ражимъ (Ruciem) гласомъ зволя всѣ вон.
 Поднебесье бе полно свѣта,
 Отъ солнца во свѣтъ полно блеска
 Съ Кралевыхъ воевъ.
 Готовы всѣ же ногу въ крокъ (шагъ),
 И руку въ брань Людекова для слова.
 — Ай, Славой, братецъ,
 Туды спйй лисыми скоки,
 И азъ пойду встречу имъ въ чело! —
 И вырази Забой въ передь, яко крупобитье.
 И вырази Славой въ бокъ имъ яко крупобитье.
 — Ай, братцы, ти же намъ крушиху боги,
 Ти же намъ свѣху древа,
 И плашиху (всполюшили) крахове съ лѣсовъ.
 Бози намъ витажство даю!
 Ай. приткость вырази Людекомъ,
 Счетныхъ враговъ противъ Забою,
 Вырази Забой горючими очима въ ' Людека;
 Мвряся дубъ противъ дуба,
 Зразита (выдавался) изо всего лѣса.
 Забой гва противъ Людека,
 Надъ вся вон.
 Людекъ удари сильнымъ мечемъ,
 Противъ три кожи въ щить;
 И удари Забой млатемъ,
 Отскочи хбито Людекъ,
 Въ древо врази млатъ.
 И скатися древо на вон
 И тридесать ихъ отъиде къ отцемъ.
 И злютился Людекъ:
 — Ай, ты съ говяды ли!
 Ты велико потвора гадовъ,
 Мечемъ се потыкати со мною! —
 И маше Забой мечемъ,
 Кузь щита врагу отрази.
 И тяжи Людекъ мечъ,
 Мечъ ся смычи по коже на щить;

И запалистася оба къ равамъ (къ ударамъ),
 Равами все по собѣ стесаста,
 И все колемъ (вокругъ) оросиста кровью,
 И кровью обрызгаху. Мужіе
 Коло ихъ вездѣ въ предютой сѣчь.
 Солнце приде полудню
 И отъ полудни ужъ на полвечеру.
 И валено (бядись) еще, ни семо ни тамо уступено;
 И валено здѣ и валено тамо отъ Славотъ.
 — «Ай, ты враже, бѣсь въ тѣ!
 Чему ты нашу кровь пьешн?»—
 И хопи Забой свой млатъ,
 И отскочи Людекъ.
 Напряже млатъ Забой высь въ гору,
 И верже по вразъ,
 Летъ млатъ, роскочиста щить,
 За щитемъ же роскочиста Людекова перси,
 И улетѣша душа тлжка млата.
 И млатъ и душу вырази
 И завесе пять шаговъ въ войску.
 Страхъ врагомъ вырази изъ горла съ крики.
 Радость зазвѣни изъ усть воиновъ Забоевыхъ,
 И заискрися зрадостну зраку.
 — Ай, братцы, бози ны витажствомъ дариху!
 Разступися на сей день хлукъ вправо и влѣво,
 Изо всѣхъ удолей семо сведьте коніе!» —
 Коніи ржахучи *веккенъ* (?) тешъ лѣсъ.
 — Забой, братецъ, ты удаты лѣве!
 Не пушай ихъ, бори враги! —
 Ай, да отверже Забой щить,
 И въ рудъ млатомъ и въ другой мечемъ
 Тако и впросвѣчъ прораже дорогу въ вразехъ.
 И би въ паты врагомъ, и би вступы врагомъ.
Трлсе гнаше съ боища,
 Страхъ изъ горла ихъ выраже съ крики.
 Коніи ржуче *веккенъ* лѣсъ.
 — Въ гору на коней! съ коніи за враги,
 Черезъ всѣ Волости
 Ражіе коніи несите,
 Въ пятахъ за ними нашу крутость!

И вскочиху хлучи (толпы, хлопки, хлопцы) на ражіе коніе.
 И скокъ на скокъ по вразъхъ се гнаху.
 Рану на рану соптаху, кругу крутость
 Имвяху ровни и горы и гвса:
 Вправо и влво, всъ убѣга взадъ.
 Гуче (гучаетъ) дива рѣка,
 Волна за волну се вале,
 Гучеху вси вои скокъ на скокъ,
 Всъ же гнаше прес (чрезъ) бурившу рѣку.
 Воды ухватиху множество чужихъ,
 И пренесеху всъ вѣсти на другій брегъ,
 И по краинахъ вездъ вишь и вишь.
 Люты острецъ (ястребецъ) оцѣпи свои крмля долгіе,
 Быстро лети за птахами,
 Забоеви вои разогнахуса вишь
 Вездъ по волостъхъ,
 Гнаху люто по вразъхъ,
 Вездъ сражаху ихъ и ступаху кони,
 Ночью подъ луну за ними люто,
 Днемъ подъ солнцемъ за ними люто,
 И опять темною ночью,
 И по ночи седмь утромъ.
 Гуче дива рѣка,
 Волна за волну се вале,
 Гучаху всъ вои скокъ на скокъ,
 Всъ же гнаше чрезъ бурюцу рѣку;
 Воды ухватиху множество чужихъ
 И пренесеху всъ вѣсти на другій брегъ.
 — «Тамо къ седмь горамъ,
 Тамо добурися наша помста! —
 — Ай, Зобой, братецъ,
 Ужъ намъ не далеко горы,
 Ай, ужъ клочекъ враговъ,
 И тѣ жалостливо просе.
 Вратно краинами туды ты, и азъ туды,
 Выгубить все Кралево!
 Вѣтръ бурися чрезъ волости,
 Войски буряше чрезъ волости,
 Чрезъ волости вправо и влво.
 Вездъ ширять силу войски

Въ радостнемъ гласъ:
 — Ай, братцы, ай сьрнъ верьхъ,
 Бози ны тамо витязьствомъ дарили,
 Тамо и веле душъ тека,
 Семо тамо по древахъ,
 И ихъ бояся птахи и плохи звѣри,
 Едно совы не бояся.
 Тамо къ верху погребать умершихъ
 И дать покормъ боговомъ.
 И тамо богомъ, спасаемъ,
 Дать множество обѣты,
 Ай, имъ глашати милыхъ словъ!
 Ай, имъ оружіе побитыхъ враговъ!» —

Третья дума относится уже къ временамъ Христіанства: она составляетъ главу цѣлаго сборника, которая, «починася о великихъ бояхъ Христіанъ съ Татаръ». Герой этой главы Ярославъ, Князь Власти (области) Оломецкой; онъ побѣдилъ Татаръ и самъ поразилъ Кублаева сына. Это событіе совершилось послѣ уже того времени, когда Татары «два Королевства собѣ подманиху: старый Кіевъ и Новиградъ пространъ, роспряну вси вои Угровъ и поплениху все че (что) въ земъ ихъ бяше; въ Польщѣ разложиху, поплѣниху вси волости и додрахуса люто къ Оломцу.»

«Бѣда встане тужша по краввахъ»

И Христіане взмолились къ Богу жалостливо,
 бы спасалъ ихъ Татаръ злочестивыхъ:

«Встань, о господине, въ гнѣвъ своемъ!
 Спаси ны врагомъ, спаси ны стягающихъ
 Потлочи хотя ю душу нашу,
 Оключивше ны внужъ волци овце.»

Встань, о господине, въ гнѣвъ своею!

И повмсь ны въ краинахъ надъ враги,

Услышь гласы къ тобѣ волающе!

Оключени сме лютыми враги

Выпрость ны (выпраздни) изъ узъ (z-osidl — осиль, увелъ,
узда), крутыхъ Татарь.

И дай увлажненіе утробамъ нашимъ!

Гласоносный объть тобѣ воздамы,

Потри въ земехъ нашихъ неприатели,

Сгладь ихъ въ вѣки и вѣки вѣкома!

Кублай, или Хубилай Ханъ, вступилъ на престолъ въ 1260-мъ году; по смерти его въ 1294 году, наследовалъ преобладаніе Монголіи внукъ его Тэмуръ. Событіе, относясь къ царствованію Хубилая, безъ сомнѣнія также относится и къ пораженію Татаръ въ Польшѣ, въ 1267-мъ году.

Легенда о Некланѣ современна прибытію Константи-на и Меодея въ Моравію, и можетъ служить образцомъ тогдашняго народнаго языка Славянъ, и доказательствомъ, что переводъ священныхъ книгъ не далъ инаго направленія языку, и что всѣ Славянскія нарѣчія въ то время были близки другъ къ другу. Въ послѣдствіи уже, когда Чехи и Поляки приняли религію и письмена отъ Рима, недостатокъ буквъ, Латинскихъ, для выраженія звуковъ Славянскихъ, измѣнилъ произношеніе словъ, и письменное J сталъ выговариваться какъ ж; на пр. drjewo — вмѣсто древо—држево; и стало писаться: drsewo; братрје — братрже — bratsie; wietrji — вѣтры — вѣтржи — wietrsi; rjechu — рѣху — rsiechu — ржеху; horje — горе — horsie горже; вѣра — вѣра — вѣра и т. д.

На ряду съ упомянутыми нами древними памятниками изустной литературы при-Дунайскихъ Славянъ мы можемъ поставить Русскіе, и именно сборникъ богатырскихъ пѣсень Кирилы Данилова. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежать неоспоримо героическимъ временамъ Руси, хотя языкъ къ несчастію приспособленъ уже къ позднѣйшимъ временамъ. Изустное преданіе могло перепутать событія и имена, могло старца нарядить юношей, но не могло обратить въ юношу: онъ невольно проговорится и обличить себя.

Богатырская или геройская эпоха Русскихъ относится къ временамъ величія Кіева и процвѣтанія Новгорода. Языческая, торжественная жизнь Владимира, его полеванья, пиры, музыка и пѣсни, составляютъ послѣдній періодъ боевой и пѣвучей жизни народа, и это время не могло не остаться въ памяти :

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго Князя у Владимира,
Было пиrowанье, почестный пиръ,
Было сталованье, почестный столъ,
На многи Князи, Бояры,
И на русскіе могучіе богатыри,
И гости богатые....

Это не вымысль, а изустное народное преданіе, которое не возможно придумать, точно также какъ разсказъ о кораблѣ гостя Соловьѣ Будимировича:

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья * зеленаго,

* Безъ сомнѣнія тоже значить что и *Лукоморье*.

Отъ славнаго города Леденца, *
 Отъ того де царя вѣдь заморскаго,
 Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей.
 Тридцать кораблей — единъ корабль,
 Славнаго гостя, богатаго,
 Молода Соловья, сына Будимировича. **
 Хорошо корабли изукрашены,
 Одинъ корабль получше всѣхъ:
 У того было сокола корабля
Вмѣсто очей было вставлено
 По дорогу каменю, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибавано
 По черному соболу якутскому,
 И якутскому вѣдь Сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурземецкія;
 И два горностая повѣшены,
 И два горностая два зимніе,
 У того было сокола корабля
Вмѣсто гривы прибавано
 Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено,
 Два мѣдведя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по Туриному,
 Бока взведены по звѣриному.
 Бѣгутъ ко городу ко Кіеву ***

* Лейденъ (Lugdunum) древній торговый городъ Голландіи, или можетъ быть Lindes-nås, на южн: оконечности Норвегии.

** Славой, Славуй древ. Слав имя, равно какъ и Будимиръ у южныхъ славянъ по сіе время въ употребленіи.

*** Изъ Варягъ лежалъ прямой путь (водный) на востокъ и въ царьградъ. «Двѣпръ бо течеть изъ Волковскаго лѣса и потечеть на полудень; а Двина изъ того же лѣса потече, и идетъ на полудне, и ввидеть въ море Варяжское, изъ того же лѣса потече Волга на востокъ и втечетъ семьюдесятью жерелы въ море Хвалымское (Хаварезмское, Каспійское). Тѣмъ же изъ Руси можно

Къ ласковому князю Владимиру.
 На томъ соколъ корабль
 Сдѣланъ муравлень чердакъ,
 Въ чердакъ была бесѣда, дорогъ рыбій зубъ,
 Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ. и. т. д.

Въ этой пѣсни слова новыя, но смыслъ старый. Описание корабля не стоило бы вниманія, еслибъ оно не было вѣрнымъ очеркомъ древнихъ кораблей. Подобно какъ теперь усовершенствованные корабли почти повсюду строятся на одинъ образецъ, такъ и въ древности весельные корабли Римлянъ, Грековъ, Норманновъ и Руссовъ были безъ всякаго сомнѣнія однообразны. «Носъ и корма по туршому,» т. е. на подобіе овна. На носахъ и кормахъ кораблей Римскихъ также было преимущественно изображеніе овна. Нижняя часть носа (Rostra, éperon) также выводилась клыками, или *железными пожами*, которые, при быстрой встрѣчѣ, пронзали бока непріятельской ладьи.

«На томъ на соколъ корабль,
 Сдѣланъ муравлень чердакъ.»

У древнихъ, на корабляхъ военныхъ * также строили башни (turrets).

«Вмѣсто очей было вставлено
 По дороге камню по яхонту.»

идти по Волзѣ въ Болгары и въ Хвалисы и на востокъ дойти въ жребій Симвъ въ Азіи.» *Исторъ*. Сообщеніе Двины съ Волгой можетъ быть, судя по картѣ, было около города *Влага* (Смоленской губ.) посредствомъ рѣкъ *Обици* и *Осухи*.

* Торговля, или перевозныя суда у грековъ назывались *ἤεδια*, по латинѣ *Schedia*; изобрѣтеніе ихъ приписываютъ *Лидійцамъ*.

На изображеніяхъ древнихъ кораблей также видны съ боковъ глаза, какъ у огромныхъ животныхъ, вмѣсто усовъ пики и пр. *

Откуда могъ взять Кирша Даниловъ подобное описаніе, какъ не изъ изустнаго преданія? Древніе пѣвцы не знали вымысла; что глазъ видѣлъ, а сердце чувствовало, то они передавали безъ украшеній и даже безъ прибавленій; и мы вѣримъ, что богатые корабли Руссовъ были похожи на описываемый корабль Славоя Будимировича, и это описаніе было *типическимъ* того времени: гдѣ нужно было воспѣть корабль героя пѣсни — оно вставлялось въ пѣснь, какъ формула великолѣпнаго корабля.

Не времени и не понятіямъ Кирши Данилова принадлежатъ и подобныя стихи :

«И зачалъ тутъ Ставръ поигрывать,
Сыгршишъ ** сыгралъ Царяграда,
Танцы *** шавель Ерусалима,
 Величалъ князя со княгинейю,
 Сверхъ того игралъ *Еврейскій стихъ*. ****

Не упоминая многихъ другихъ мѣстъ въ пѣсняхъ Кирши Данилова, изобличающихъ древность ихъ, мы обратимся къ великому творенію неизвѣстнаго пѣвца Русскаго, къ слову о полку Игоря Князя Нов-

* «Is autem aries habuerat de ferro duro rostrum, ita ut naves longae solent.» Vitruvius. 10. 21. «Rostra illa aere ferroque ad ictus armata» Plinius. 32. 1.

** *Сыгршишъ* сходное съ греческ: Συχορῶσις; — аккордъ, согласованіе.

*** *Танцы* здѣсь значитъ *Tenson* — драматическаго рода пѣснь.

**** *Еврейскій стихъ* — псаломъ.

городъ-Сьверскаго, есть образецъ высочайшаго совершенства народной изустной поэмы. Если подобныя пѣсни были рапсодіями, изъ которыхъ составилась *Илліада*, какъ сборникъ хвалебныхъ пѣсенъ событіямъ подѣ Троей; то ни одна пѣснь Греческаго Гомера не сравнится по достоинству поэзіи, съ *Гомеромъ* окропившимъ слезами поэзіи Русь, раздираемую усобицами Ольговичей и Мономаховичей, и уже готовившуюся пасть подѣ иго Монголовъ.

«Усобица Княземъ на поганя погмбе,
 Рекоста бо брать къ брату;
 Се мое, а то мое же;
 И начяше князи про малое се великое молвити;
 А сами на себѣ крамолу ковати.
 А поганя съ всѣхъ странъ прихождаху
 Съ побѣдами на землю Русскую.»

Здѣсь начало внутренней причины нашествія Монголовъ на Русь. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1186 года рать Русскихъ была разбита на берегахъ Каялы, и съ этихъ поръ «поганіи нарищуще на Русскую землю емляху дань по бѣлѣ отъ двора»; въ 1207 году Половцы взяли и опустошили Кіевъ: «Иконы одраша, а иныя поимаша, и кресты честныя и ссуды (сосуды) священныя книги и поргы (одежды) блаженныхъ первыхъ Князей, еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ на память собѣ.» Въ 1224 году совершилась несчастная битва при Калкѣ; а въ 1236 году Русь стала данницею Хановъ Монгольскихъ. Пѣснь о полку Игоревѣ есть послѣдняя пѣснь героическихъ временъ Руси. Съ этой эпохи замолкла *слава*; утраченный народъ, не находя уже защиты въ градахъ, сталъ прибѣгать подѣ защиту стѣнъ мона-

стырскихъ; ибо обители монашествующихъ чтились и самими Монголами. Русь, какъ изрубленный на части витязь лежалъ бездыханенъ; стаи черныхъ врановъ носились надъ нимъ, рвали бѣлое тѣло; но Иоаннъ I-й, собралъ въ *калиту* всѣ части его; Дмитрій Иоанновичъ полилъ мертвой водой, и они срослись — витязь воспрянулъ и вступилъ въ новую борьбу съ врагомъ; воскресла съ нимъ и *слава*. Первая пѣснь ея была «*сказаніе о Мамаевомъ побоище*,» но уже на ладъ стихирь священныхъ; это поетъ монашествующій пѣвецъ, безъ созвучія бандуры; иногда только невольно отзовется въ рассказъ его звукъ стародавней *славы*. Вскорѣ однакоже забрѣцала и бандура «о *взять Казанскаго царства*»; потомъ великія эпохи возникающей Руси начали отзываться снова въ пѣсняхъ слѣпцовъ — гудочниковъ и бандуристовъ; народъ стекался и слушалъ пѣсни ихъ, изустную исторію, *про Скопина Шуйскаго*:

«Какъ бы во ста двадцать седьмомъ году,
Въ седьмомъ году, въ осмой тысячи,
А и дѣлось, учинилось,
Кругомъ сильна царства Московскаго,
Литва облегла со всѣ четыре стороны;
А и съ нею сила, Сорочина долгополая,
И ть Черкесы пятигорскіе,
Еще ли Калмыки съ Татарами,
Со Татарами, со Башкирцами,
Еще Чукчи со Люторами, и т. д.

или какъ *Ерманъ* взялъ *Сибирь*:

«Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы добры молодцы,

Дояскіе славны Атаманы казачіе
 Ермакъ Тимоѣевичъ, Самбуръ Андрѣевичъ, Анофрей Сте-
 пановичъ.

И стали они во единой кругъ,
 Какъ думати думушку за единое,
 Со крѣпка ума, съ полна разума, и т. д.

Покуда еще отпечатлѣвалась народная жизнь въ памяти, а не на бумагѣ, врядъ ли хоть одно значительное событіе, стоящее славы, не воспѣвалось народомъ.

Такъ въ Сербіи, во дни борьбы за первенство съ Булгаріей, и въ побѣдные дни, со временъ Симеона, который именовался уже «Краль Сербіе, Расіе, Триваліе, Зохолміе, Диокліе, и све Далмаціе»; при Стефанѣ Урошѣ, который женатъ былъ на Еленѣ дочери Французскаго Короля; при сынѣ его Милутинь Урошѣ, владычествовавшемъ надъ Россією, Диоклеей, Албаніей, Булгаріей и всѣми приморскими странами отъ Адриатическаго моря до р. Дуная, — народныя событія, привязанныя къ именамъ Королей и юнаковъ, передавались въ *думахъ и пѣсняхъ*. Послѣ паденія подъ иго Турецкое, голосъ народный замолкъ; но едва возникла надежда избавиться отъ ига, едва мечъ заблесталъ — и пѣснь загремѣла.

Такимъ же образомъ и у Руссовъ Украинцевъ, возникла дума — воинственная пѣснь, когда южная Русь стала освобождаться изъ подъ ига Поляковъ.

«О, бывали въ нашей славной Украинѣ, бывали
 Страшные, черные годы, бѣдовыя времена,
 Бывали моры и военныя грозы!
 Никто не былъ щитомъ Украинцамъ,

Никто за нихъ не возсылалъ молитвъ къ Богу!
 Только Святой Богъ не забывалъ ихъ,
 Хранилъ въ великихъ усилъяхъ, и въ защитѣ.
 Только Богъ святой зналъ, что думалъ, гадалъ и замышлялъ,
 Когда посмалъ невзгоду на Украинскія земли.
 По его волѣ и проши, минули невзгоды:
 Нѣтъ теперь никто кто бы насъ одолѣлъ;
 Не день и не два Ляхи раззорили Украйну,
 Не давали ни на часъ ей отдыху,
 День и ночь на готовѣ держали коней.
 Изъ за горы туча встаетъ — встаетъ, выстуетъ,
 До Чигрина громомъ гремитъ,
 На Украинскую землю молньями блещетъ, и т. д.

Изустная литература часть отъ часу исчезаетъ и въ Славянскихъ племенахъ, исчезаетъ вмѣстѣ съ патріархальнымъ бытомъ ихъ: память передаетъ трудъ свой письменности. Въ Великороссіи, въ народѣ, почти нѣтъ уже преданій; но Великороссія неистощимо богата еще обрядными пѣснями и голосами: это достояніе древности, наследство, какого не имѣетъ ни одинъ народъ въ мірѣ. Думы или народныя поэмы сохранились преимущественно въ Украйнѣ и въ Сербіи. Въ первой вы еще найдете слѣпцовъ—гомеровъ, которые раскажутъ и пропоютъ вамъ, сопровождая голосъ звуками лиры, какъ «сила, сила, сила силу одолѣла», пропоютъ про казачество, гайдамачество и чумачество, про Гетмановъ, про набѣги Тагаръ, Турокъ, Поляковъ, про притѣсненія, которыя претерпѣла Украйна отъ ксензовъ и жидовъ:

Память не умереть, не поляжетъ,
 Рыцарство казацкое всѣмъ перескажетъ.

Вы услышите думы про Наливайку, Самку-мушкетера, Степана Кукурузу, Повтора-Кожуха, Барабаша, Нечая, Хмельницкаго, Желѣзняка, про Сагайдачнаго,

Що промѣнявъ жинку,
На тютюнь, да люльку.

про Ивана Коловченку, про Ивана Свирговскаго, что

Сизымъ орломъ летать,
Тополемъ гулся.

Про Богдана Ружнаго, который врывался съ удалыми казаками въ малую Азію и громилъ Константинополь.

Про Гайдамака Перебийноса, и вообще про гайдамацкую жизнь тѣхъ временъ, когда народъ, притѣсненный Поляками, бѣжалъ въ лѣса тысячами и предавался гайдамачеству.

Въ лѣсу только волки да лисицы,
Вотъ мои братцы и сестрицы!
Одинъ только чернѣй ворозъ кричегъ:
Здравствуй, здравствуй братъ Гайдамаче!

При умиренной жизни, пѣснь народная не забывала и славныхъ чумаковъ; на примѣръ чумака Макара, который сорокъ лѣтъ чумаковалъ и сложилъ голову посреди степи на пути изъ Крыма въ Харьковъ. Говорятъ, что по сіе время могила его растеть и высится: кто ни идетъ изъ чумаковъ мимо — остановится, поклонится и бросить горсть земли.

Въ Сербіи же вы можете еще видѣть сохранившуюся тѣнь древнихъ бардовъ — бандуристовъ, которые съ гидлье (гудкомъ), или съ гусле, поютъ про былыя времена, про юнаковъ, на примѣръ про Марко Краевича, про айдуковъ (гайдуковъ) или

свободныхъ воеводъ, которые, скрываясь съ своими шайками въ лѣсахъ, постоянно ведутъ войну съ внѣшними властями, преобладающими Сербіей; но не трогаютъ *своихъ*, какъ на примѣръ Айдукъ.—Велька Петровичъ и пр.

Война съ Турками есть эпоха почти всѣхъ думъ Сербскихъ, распѣваемыхъ *гадлярми*; * описанія битвъ *юнаковъ* (молодцовъ), и *гайдуковъ* съ пашами, и любовь составляютъ темы. Но и эпоха, предшествовавшая паденію Славянъ при-Дунайскихъ подъ иго Турокъ, еще не забыта. Пѣсни о Краляхъ Славянскихъ: Радославъ, Павлимиръ, Тешимиръ, Владимиръ, Доброславъ и многихъ другихъ, сохранились еще, и изъ нихъ можно видѣть тогдашнія отношенія Славянъ къ Греціи и Риму, а равно и взаимныя отношенія Славянскихъ Королевствъ—Болгаріи, Сербіи, Далмаціи, Босніи, и другихъ.

Мы уже замѣтили что изтокъ изустной, народной, литературы, имѣетъ начало свое въ патриархализмъ народовъ, тамъ, гдѣ чистая кровь родства не охладѣла отъ смѣшенія, и гдѣ чувства любви къ Божеству, къ родной землѣ и къ своему ближнему не изсякли отъ притворныхъ изліяній. Заклучимъ желаніемъ, чтобъ гражданская наша литература кончила періодъ подражанія и вступила въ періодъ самобытности. Первымъ трудомъ ся будетъ сборникъ литературы народной, откуда еще не изсякла она въ памяти, и народъ не запѣлъ октавъ какойнибудь поэмы.

А. В.

* Название сходное съ Датскимъ *Galdrar*.

МАЛОРОССІЙСКІЯ СВЯТКИ.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ СОЧЕЛЬНИКЪ.

Дѣвушка и молодая женщина, наканунѣ Рождества, убирали хату и заботливо приводили въ порядокъ свое хозяйство. Одна пересматривала наряды и любовалась разноцвѣтными лентами, красивыми ожерельями или *монистами* изъ коралловъ, янтаря, синяго, краснаго, желтаго и бѣлаго стекляруса, съ тяжелыми *дукатами*, съ серебряными крестами и сердечками. Уложивши украшенія въ пеструю бумажную коробочку, она начала пересматривать свое платье: *запаски, плахты, кафтаны*, рубашки шитыя красною бумагою и позументомъ; корсеты или кофты съ рукавами и безъ рукавовъ, съ красными *мушками* по зеленому, или голубому полю, и съ голубыми и зелеными, по красному полю.

Сестра дѣвушки, Оксана, стояла на лавкѣ и украшала иконы вѣнками изъ цвѣтовъ: *стоголова*, пахучихъ *васильковъ* и *ласковца*, съ круглыми большими зернышками; отерла пыль съ зеленыхъ крымышекъ Св. Духа, поставила новыя свѣчи, спусти-

лась съ лавки, поправила еще разъ вънокъ на иконахъ — и весело сказала про себя:

— Вотъ теперь хата, какъ хата: свѣтленька и бѣленька. И солнышко смотреть въ окно будто лѣтомъ; и на полу желтый песочикъ будто на бережку...

— Сестра? а сестра? спросила дѣвушка.

— А что?

— Какую мнѣ плахту надѣть завтра?

— Какую? да *колесчатую*, что съ зелеными, да червонными клѣтками; ты въ ней такая пышная, хорошая.

— А я, сестра, хочу надѣть ту, что *мережкою*.

— А хоть и ту, что мережкою. — И дѣвушка, прикинувши къ сестрѣ плахту, посмотрѣла на нее и сказала рѣшительно:

— Да я эту надѣну. А ты сестра какую?

— Да *крстовую*, что отецъ купилъ въ городѣ, въ лавкахъ.

— И *очипокъ* парчевый!

— И *очипокъ* парчевый!

— То-то люди будутъ смотреть на тебя сестра. Только у тебѣ, да у Стехи парчевые очипки. А какъ поразскажетъ отецъ, такъ бывало на святое Рождество всѣ молодицы въ парчевыхъ очипкахъ. А что сестра, будетъ ли у меня парчевый? — И дѣвушка, засмѣявшись, закрыла лице рукою.

— Будетъ? стало быть будетъ, если Богъ надѣлитъ долею, да мужъ полюбитъ. Вотъ какъ наше-

му отцу далъ Богъ счастья — такъ и люди знаютъ да почитаютъ и всякаго добра много!

И въ самомъ дѣлѣ, вся слобода почитала Павла, отца Гали и Оксаны. Человѣкъ онъ былъ набожный, грамотный, зажиточный. Бывало на праздникъ только что ударятъ въ колоколъ къ заутрени, а онъ уже встаетъ и прямо въ церковь. Войдетъ, перекрестится и поклонится добрымъ людямъ на обѣ стороны; а какъ запоютъ на клиросѣ и онъ про себя поетъ. Пойдутъ ли собирать на церковь — кто положить грошъ, кто копейку, а онъ пятакъ. Вынесутъ ли на тарелочкѣ просвиру, всѣ какъ будто пережидаютъ, чтобъ старшій Павло, первый подошелъ, а онъ и подходитъ первый, и знаетъ какъ взять и какъ поклониться батюшкѣ, все знаетъ. Да и какъ ему не знать: и дѣдъ его и отецъ были добрые козаки, а прежній священникъ, что умеръ лѣтъ двадцать назадъ, былъ его крестнымъ отцомъ, любилъ его и научилъ грамотѣ; самъ онъ въ старыя годы чумаковалъ: ходилъ за рыбой на Донъ, въ Бердичевъ бывалъ съ товаромъ, въ Крымъ разъ десять ѣздилъ за солью, съ купечествомъ знался. За то, кто ни пройдетъ ни пройдетъ по слободѣ — и смотритъ на хату стараго Павла, что на углу противъ церкви: такая бѣлая, какъ будто къ празднику убралась, три окна на улицу, ставни зеленыя и завалинка желтая, гребень на соломенной кровлѣ выложенъ камышемъ; надъ трубой вырѣзанъ деревянный пѣтухъ. Есть загонъ и для скота, и для овецъ, и для гусей особый сарайчикъ. А за дворомъ токъ — съ рожью, пшеницей,

овсомъ, просомъ, грѣчкой: хоть и по немногу всего, а все достанетъ до новаго хлѣба и останется что продать. За токомъ тянется огородъ и садъ съ яблонями, грушами, сливами; тутъ же и цвѣтникъ. Да что и рассказывать про цвѣты и сады, когда все занесено снѣгомъ и на деревьяхъ нѣтъ ни листочка. Богъ дастъ доживемъ до лѣта, такъ все увидимъ, хоть нарочно прїѣдемъ въ гости къ старому козаку Павлу. Да не хотите ли пойдсмъ теперь къ нему въ хату, посмотрите какъ она бѣла и чиста, пятнышка не найдете, земляной полъ какъ будто вылить — такой гладкой, а по немъ разсыпанъ песокъ желтый какъ золото. Въ переднемъ углу божница: въ ней среди другихъ иконъ, замѣчательна икона Божіей Матери, писанная простымъ маляромъ. Ликъ Святой Дѣвы, какъ живой, выступаетъ изъ сумрака тѣней; всѣ иконы увѣнчаны и переплетсны вязью цвѣтовъ, передъ ними разпростерлось изображеніе Св. Духа. На стѣнѣ картина, писаная масляными красками, и предметъ ея близокъ сердцу украинца: на ней Запорожець въ красныхъ шараварахъ, въ бѣлой сорочкѣ, въ шитой курткѣ, сидитъ поджавши ноги; чупрына закинута за лѣвое ухо, самъ перебираетъ платье да что-то ищетъ въ немъ, подлѣ него бандура; за нимъ стоитъ конь и бьетъ копытомъ землю. Эту картину подарилъ ему на память батюшка, отецъ Кандратій. Подлинная запорожская картина. Около двухъ стѣнъ идутъ лавки, не такія широкія какъ въ русской избѣ, за то всѣ дубовыя; въ углу, наравнѣ съ лавками, выстланъ полъ или кровать; на ней спитъ мальчикъ лѣтъ трехъ, подѣ

нею стоять двѣ скрини или сундуки; палатей нѣтъ; за то на печкѣ много простора, и въ стѣнѣ вдѣлано маленькое окошечко, такъ что не сходя съ нее можно видѣть что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Кругомъ печка вся въ узорахъ, у припечки бѣлые столбики, вокругъ нѣсколько печурокъ и около каждой желтые обводы.

Старый Павло очень любилъ отдыхать на печкѣ. Бывало постелеть войлокъ, закурить трубку, а самъ лежить да смотреть въ окошечко, и вдругъ спросить старшую дочь:

— Оксана? знаешь что?

— А что тату?

— Вотъ видишь: добрые люди еще не ѣли, а Шкандиха изъ шинка идетъ. Видишь какъ плететъ ногами. Ахъ она канальская баба! — Глядитъ, а за бабой выходитъ изъ шинка Петро, братъ нашего старика, и тоже плететъ ногами.—Вотъ такъ, спасибо!—шепчетъ про себя старикъ, и задумается.

— Пройдетъ ли по дорогѣ чумачество, а старикъ и вспоминаетъ о прежней удали, какъ бывало разгуляется чумакъ, угостить весь божій міръ, всѣхъ кого встрѣтитъ на базарѣ, и виномъ и музыкой и веселыми пѣснями; угостить, отгуляеть и бухъ въ дорогомъ платьѣ въ кадку съ дегтемъ. Вспоминаетъ какъ ѣзжалъ въ Крымъ за солью и научился говорить по Татарски, умѣлъ спросить почему хлѣбъ, почему яблоки: да какъ разгуляется и пристанетъ къ дѣвчатамъ:

— А ну, дѣвчата, скажите: *качь копекъ истесень?*

— Ни, я не умью!—Я не скажу!—И я не скажу!

— А ну, Галю, ты скажи?

— Ни, и я не скажу.

— Ну такъ спойте такую пѣсню, и Павло запѣваетъ:

Кара кушунъ мингенъ терекъ.

Дѣвчата хохочуть; а Павло улыбается, и важно поправляетъ съдые усы. Бывало смотритъ съ печи въ окошечко, и видитъ: паробокъ манитъ къ себѣ изъ сосѣдняго огорода дѣвчину; а ея мать поливаетъ бураки, и не замѣчаетъ что дѣлаетъ *доня*. * Тогда старикъ Павло про себя смѣется и хитро покачиваетъ головой.

Онъ и теперь на печи. Пришелъ отъ обѣдни и прилежъ отдохнуть, а Оксана стала убаюкивать дитя; пропѣла ему про *котика*; запѣла про *голубковъ* :

Э! э, э, люли!
Налетѣли гули; **
Сѣли на воротѣхъ,
У червонныхъ чоботѣхъ;
Воротечки скрипъ, скрипъ,
Дитя мое спать, спать....

Смотритъ, а они оба уснули и старикъ и дитя. Старикъ какъ-то снова полюбилъ эту пѣсенку: бывало приляжетъ отдохнуть и говоритъ Оксанѣ :

* *Доня* — дочка.

** *Гули* — голуби.

что, Оксана, твой Ивасю не спитъ? пусть его ложится, убаюкай его.

Оксана запоетъ, а Ивасю да старый Павло и засыпаютъ подъ пѣсню.

Но на этотъ разъ какъ-то не спалось дитяти.

— Мамо! ѣсть хочу! — закричалъ Ивась.

— Молчи! уже тебя дѣдушка! спи! молчи!

— Мамо, ѣсть хочу! — и ребенокъ закричалъ сильнѣй прежняго.

— Кто тамъ кричить? — спросилъ проснувшись Павло. — Чего ты плачешь, Ивась? Оксана! что вы дразните дитя!

— Да кто его дразнить? Онъ ѣсть хочетъ.

— Ёсть? ни, братику, еще рано. — И старикъ сошелъ съ печи. — Еще рано! повторилъ онъ. Еще звѣзда не взошла.

— А скоро взойдетъ звѣзда? — спросила Галя?

— Какъ Христось родится, такъ и звѣзда взойдетъ. —

Однакожь дитя не переставалъ плакать; крупныя слезы катились по его круглому личику.

Оксана достала сухую грушу и хотѣла дать се ребенку.

— Не лъзя! сказалъ старикъ. Еще звѣзда не восходила! Слышите, вы, звѣзда не восходила.

— Дайте ему хоть поиграть, просила мать, у него, моего голубчика за слезами и глазъ не видно. — И она дала ему грушу и взяла его на руки.

— Ну! поиграть дай, да чтобъ не ѣлъ, развѣ такъ *посмакуешь* да и только. Можетъ скоро и звезда взойдетъ.

Небо занесено облаками. Не видно ни звездъ, ни мѣсяца, а день уже меркнетъ. Старикъ началъ поглядывать на небо; Галя молча смотрѣла въ окно; Оксана вынимала изъ печи кушанье и ставила на припечку.

— Вотъ теперь должно быть вошла звезда!—сказалъ старикъ, и перекрестился.

Дочери также перекрестились.

Галя поторопилась накрыть на столъ. Для *вечери* приготовлена по обычаю *кутья* или отваренный ячмень, облитый грушевымъ взваромъ; а какъ у Павла были свои пчелы, то въ *кутьѣ* разведенъ медъ; поданъ *квасокъ* или постныя щи, вареныя изъ кислой капусты на грушевомъ квасу; поставленъ *взваръ* грушевой и яблочной; подана отварная рыба *тарань*.

Вскорѣ послѣ *вечери*, вошелъ въ хату мальчикъ лѣтъ десяти; перекрестился, поставилъ на столъ миску, завязанную въ платкѣ, и поклонившись старику и всѣмъ домашнимъ, проговорилъ:

— *Батько да мамо прислали вечерю тоби тату, тоби мамо! вечеряйти на здоровье!*

— *Спасибѣ, сынку!* сказалъ старикъ развязывая платокъ.

— Спасибѣ! повторили Оксана и Галя.

По обычаю, въ мискѣ было отварное ячменное зерно, облитое взваромъ; на немъ лежали два *пи-*

рога и одинъ *книшъ*; впрочемъ, все равно если бы и два *книша* и одинъ пирогъ, только необходимо, чтобъ всего было *три*; сверху всего лежалъ кусочекъ соленой рыбы.

— Спасибо! — повторилъ крестный отецъ. — Оксана поподчивай Николу! — и Оксана подала Николу ужинать; его вечерю оставила у себя, а ему положила своего отвару, два *пирого*, *книшъ* и кусочикъ рыбы.

— Спасибѣ, тату! спасибо мамо! — сказалъ мальчикъ, вставая изъ-за-стола.

— На здоровье! — отвѣчалъ старикъ, и подалъ ему приготовленную *вечерю*.

— Теперъ иди къ *бабушкѣ*, что принимала тебя на свѣтъ Божій. Пусть вечеряетъ чѣмъ *пріемный сынъ* подчуесть и чѣмъ крестный отецъ дарить. Будь здоровъ *сынъ*! учишь Богу молиться, отца и мать слушать. Да не шали! Вотъ тебѣ! — прибавилъ онъ, давая ему гривну.

Мальчикъ не опомнился отъ радости, повторилъ еще: спасибѣ, тату, спасибѣ мамо, и отправился къ *бабушкѣ*.

На улицѣ долго былъ слышенъ скрипъ снѣга, бѣганье и говоръ дѣтскій. Крестные сыновья носили *вечерю* своимъ отцамъ и *бабушкамъ*. Даже паробки и дѣвчата лѣтъ въ двадцать должны исполнять обычай, если они не женаты и не замужемъ. Кумы ходили къ *кумовьямъ*, дарили ихъ платками; штыми, узорчатыми полотенцами, чѣмъ *нибудъ* съестнымъ, и тѣмъ *выкупали* себѣ крестнаго сына

или дочь, а кумовья подчивали ихъ и платили за подарокъ поцелуемъ и ласковой рѣчью.

— Въ каждой хатѣ было все приготовлено для святаго праздника.

Всѣ хаты чисты и бѣлы. У каждаго отложено нарядное платье, чтобъ завтра идти къ обѣдни: у кого сорочка шитая шелкомъ, у кого бумагою; иной надѣваетъ послѣднюю; у одной серебряныя дукаты и настоящіе корольки, у другой оловянные кресты и сердечки, стеклянныя бусы или даже крашеный горохъ. У всѣхъ напечены *палашцы*, *пирог*и съ творогомъ или кашей, приготовлены *колбасы*, какъ необходимая принадлежность праздника. А завтра, Богъ дастъ воротится народъ отъ заутрени, и хозяйкѣ останется только сварить борщъ. *

Тихо кончается вечеръ предъ Рождествомъ Христовымъ; еще тише рождественская ночь; нѣтъ ни пѣсенъ, ни говору, ни вечеринокъ. Село спитъ. Небо прояснилось, и въ глубинѣ его дивно горитъ хоръ звѣздъ и теплится луна, какъ лампада земли предъ престоломъ Божиимъ. Все полно тишины и святой тайны.

* Замѣчательно, что варениковъ не готовятъ на рождество: а во всѣ другіе праздники готовить.

КОЛЯДКИ

ИЛИ

СВЯТЫЙ ВЕЧЕРЬ.

Только что народъ возвратился отъ Рождественской заутрени, нищие — старцы и дѣти пошли по хатамъ *славить* Христа. Пѣли стихи на голосъ херувимской молитвы и говорили *вириши*.

Иногда съ голосомъ сливались звуки скрипки.

День проходитъ тихо, семейно.

Настаетъ рождественскій вечерь. По хатамъ начали собираться гости; поздравляютъ хозяевъ съ праздникомъ, а хозяева ставятъ на столъ водку, подогрѣтую съ перцемъ, и простую водку, а кто побогаче и позапасливѣе, у того есть и *сливянка*. На тарелкахъ или въ чашкахъ стоятъ орѣхи, на платкѣ положены пряники. Тихо льется разговоръ; медленно и съ поклонами обноситъ хозяинъ гостей чаркою вина — гости становятся веселѣе и разговорчивѣй. Рѣчь переходитъ отъ Саввы Чалаго къ исправнику, и отъ окружнаго къ запорожью.

Задумался и молчитъ одинъ старый Павло. Куда, думаетъ онъ, забѣхалъ братъ Петро? или не успѣлъ онъ продать хлѣба, или загулялся, а кажется ему

бы должно еще утром воротиться из города. Правда, Петро любит погулять, да человек он — так ничего, и старшего брата почитать.

— А что, Оксана, где-то теперь Петро? куда это он забрал?

— Да разве не видите, тату, что за мятель поднялась, так и бьет в глаза. Вот может побрал, да и остановился на постояломъ. А может и придет скоро.

Въ самомъ дѣлѣ безоблачное небо залилось туманомъ; мѣсяцъ, обхваченный радужнымъ вѣнцомъ, свѣтилъ тускло, порывистый вѣтеръ налеталъ на деревья и хаты, свистѣлъ въ обнаженныхъ вѣтвяхъ и съ шумомъ приподымалъ на кровляхъ тростникъ и солому. Окрестность струилась бѣгущими полосами снѣга; степь волновалась сухой мятелью.

— Тьфу ты канальская мятель! — кричалъ Петро среди поля. Онъ былъ уже съ версту отъ своей деревни. Вотъ, вотъ еще немного — и дома, так вѣтъ: то дорога выскользнетъ изъ подъ ногъ; то конь завезетъ въ сугробъ; то вдругъ завоетъ вѣтеръ, засвиститъ, да цѣлой тучей снѣга и льда прямо въ лицо, такъ что свѣта не увидишь, даже конь остановится и ни съ мѣста. Измучился Петро, прозябъ Петро; не помогъ ему ни *кожухъ*, ни *свита* съ *видлагой*: * вѣтеръ пронизалъ его; снѣгъ пробился за одежду.

* *Кожухъ* — тулупъ; *свита* — армякъ, верхняя суковная одежда; *видлога* — капшонъ на свитѣ, который надвѣвается въ мятель и морозъ на голову сверхъ шапки.

— Ахъ ты канальская мятель! А что, Микита, видалъ ты такую *завируюху*? — закричалъ Петро своему работнику.

— Ни, не видалъ! не дай Господи!

— А мы видали! — и онъ остановился; досталъ водки, далъ выпить работнику, выпилъ самъ, поѣхалъ и запѣлъ сколько было силы:

Якъ кто бѣды не знае,
 Не хай мене пытае!
 Бо я у бѣды обѣдавъ,
 Бо я бѣду развѣдавъ:
 Така бѣда лихая,
 Якъ горька гиркаа!

— А? Микита? хочешь горьлки! — и Петро вылезъ изъ саней и подчивалъ Микиту.

— Ни, нехочу! страшно!

— Страшно? чего страшно? мнѣ не страшно! — и онъ выпилъ еще, и пробираясь къ своимъ санямъ заплясалъ и запѣлъ:

Ой мете, мете метелица!
 Чому старый не жениться.....

 Ой, горежь мини
 Не женатому,
 Якъ тому горщечку
 Да й щербатому.
 Въ горщечку кипить,
 Въ щербину бѣжить:
 Якъ мене серденько
 Безъ тебе жить!

Ноги его грузили въ снѣгу, вѣтеръ раздѣвалъ и срывалъ платье, и разносилъ слова пѣсни; клубы снѣга засыпали его.

— А что, Микита? чего тутъ страшнаго, дурень? — прокричалъ Петро, выбившись изъ силъ; съѣлъ на сани, ударилъ по лошади; но лошадь не съ мѣста: сани загрузли. Кругомъ нѣтъ признака дороги; нѣтъ примѣтъ жилья, не свѣтитъ огонь, не доносится лай собаки. Кругомъ пустыня поля и бурнаго неба. Микита крестился и читалъ молитву; Петро не былъ трусомъ и шутя переживалъ жизнь; бывало выпьетъ, такъ море по колено; но теперь видѣлъ что дѣло плохо. Приходилось ночевать въ полѣ, а ночевать страшно: вѣтеръ сильно прохватываетъ; тѣло стынеть!... Вдругъ послышались голоса...

— Слышишь Микита! вскрикнулъ Петро. Пойдемъ искать дороги! деревня близко. Слышишь, наши поютъ,

— То не наши, то нечистая сила поетъ.

— Ни, наши! слышишь! — они стали оба прислушиваться. Въ самомъ дѣлѣ донеслись голоса пѣсни: деревня была подлѣ. Оба путника перекрестились и смѣлѣе начали выбиваться изъ снѣжнаго моря...

Мятель не помѣшала народному обычаю. Толпы поробковъ и дѣвчатъ бѣгали отъ хаты къ хатѣ и колыдовали. Только что Павло разговорился про старину и завелъ рѣчь о томъ какъ прежде все было лучше на свѣтѣ: и паробки веселѣе и дѣвчата красивѣе, вдругъ послышался шумъ у окна, кто-то

стукнулъ въ ставень и спросилъ звонкимъ голо-
сомъ:

— Чи колядовати!

— Вотъ и калядовщики! — сказалъ Павло — ка-
лядуйте!

— А кому колядовать, дѣвчинѣ или хлопцу?

— Да хлопцу! — и старикъ, приосамившись по-
гладилъ усы, прислонился къ стѣнѣ и началъ на-
кладывать трубку.

Десятки женскихъ голосовъ раздались подлѣ окна:

Ой, рано, рано куры запѣли,
Ой, дай Боже, куры запѣли,
Святый вечеръ!
А еще равнѣе Ивасю вставай,
Ой, дай Боже, Ивасю вставай,
Святый вечеръ!
Ивасю вставай, лучкомъ забрызчай,
Ой, дай Боже, лучкомъ забрызчай,
Святый вечеръ!
Лучкомъ забрызчай, братья пробужай:
Ой, дай Боже, братья пробужай,
Святый вечеръ!
Ставайте, братца, коній съдайте,
Ой, дай Боже, коній съдайте,
Святый вечеръ!
Коній съдайте, хортивъ скликайте,*
Ой, дай Боже, хортивъ скликайте,
Святый вечеръ!
Да поидемъ, братца, у чистое поле,
Ой, дай Боже, у чистое поле,
Святый вечеръ!

* Хортить — собакъ борзыхъ.

Ой, такъ я назвавъ куна въ деревъ,*
 Ой, дай Боже, куна съ деревъ
 Святый вечеръ.
 Куна въ деревъ, двѣка въ теремъ,
 Ой, дай Боже, двѣка въ теремъ,
 Святый вечеръ!
 Ой, какъ же, братца, куна въ деревъ;
 Ой, дай Боже, куна въ деревъ,
 Святый вечеръ!
 А мнѣ братца, двѣка въ теремъ!
 Ой, дай Боже, двѣка въ теремъ,
 Святый вечеръ!

— Дай Боже вечеръ добрый! Будь хозяинъ здор-
 ровъ! съ праздникомъ, съ Рождествомъ Хрисовымъ!

— Спасибо! а ну еще!

И за окномъ шумнѣе прежняго раздались голоса:

— У мосту, мосту войско стояло;

Соколъ, соколу ясный,
 Молодецъ красный,
 Василько!

Войско стояло, ладу незнало

Соколъ, соколу ясный,
 Молодецъ красный,
 Василько!

Вывели ему коня у нарядъ;

Соколъ, соколу ясный,
 Молодецъ красный,
 Василько!

Онъ коняка взявъ, шапочки не зная;

Соколъ, соколу ясный,
 Молодецъ красный,
 Василько!

— У мосту, мосту войско стояло,

Соколъ, соколу ясный,
 Молодецъ красный,
 Василько!

* Назвавъ — узнавъ, развѣдалъ. Куна — кунца.

Войско стояло, ладу не знало;
 Соколь, соколу ясный,
 Молодец красный,
 Василько!
 Вынесли ему блюдо червонцевъ
 Соколь, соколу ясный,
 Молодец красный,
 Василько!
 Онъ червонци взять, шапочки не зная;
 Соколь, соколу ясный,
 Молодец красный,
 Василько!
 — У мосту, мосту войско стояло,
 Соколь, соколу ясный,
 Молодец красный,
 Василько!
 Войско стояло, ладу не знало,
 Соколь, соколу ясный,
 Молодец красный,
 Василько!
 Вывели ему дѣвку у нарядѣ,
 Соколь, соколу ясный,
 Молодец красный,
 Василько!
 Онъ дѣвочку взять шапочку зная,
 Соколь, соколу ясный,
 Молодец красный,
 Василько!
 Шапочку зная и подяковать!
 Соколь, соколу ясный,
 Молодец красный,
 Василько!

Добре, добре дѣвчата! слышишь хлопчикъ! А ну еще! Да идите въ хату: я васъ до-миха угошу!

И цѣлая толпа Колядовщицъ въ пестрыхъ нарядахъ, въ большихъ чоботахъ, въ шубахъ и свиткахъ, занесенныхъ снѣгомъ, ввалила въ хату. Десятки голосовъ проговорили:

— Здравствуйте! будьте здоровы! съ праздником!

— Спасибо! Оксана, водки! Давай имъ водки. А что много накалядовали?

— Нѣтъ еще! къ вамъ, дидусю, къ первымъ пришли!

— И за то спасибо! Оксана давай водки! кушайте, будьте здоровы. А это кто?—спросилъ старикъ, увидивши высокаго парубка, который молча стоялъ у дверей и держался обѣими руками за пустой мѣшокъ, повѣшенный черезъ плечо.

— Да то нашъ мѣхоноша, дидусю! Мы на колядуемъ и пироговъ, и паляницъ, и сала, а онъ носить за нами.

— Чтожь вы сами не носите?

— Да не дѣвичье то дѣло! на то онъ паробокъ!— отвѣчали дѣвчата.

— А поди сюда, мѣхоноша! можетъ водки выпьешь!

— Да выпью! — отвѣчалъ мѣхоноша, и протерся сквозь толпу колядовщицъ.

— Это Степанко? сказалъ старикъ.

— А тожь! — отвѣчалъ паробокъ.

— Вышій добрый человекъ!

— А табаку дадите, дядюшка, трубку закурить?

— Вотъ тебѣ и табакъ, кури на здоровье.—Паробокъ вынулъ изъ запазухи трубку въ мѣдной оправѣ, закурилъ, и сѣлъ на лавку.

— А, ну, еще колядку да веселье! ну, дѣвчата!

Ой славень козакъ да старый Павло;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Хвалився конемъ передъ Королемъ;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Хвалився лучкомъ передъ Гайдучкомъ;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Хвалився мечемъ передъ паничемъ;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Хвалився стрѣлкою передъ дѣвкою:
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Не мае у короля такого коня;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Не мае у Гайдучка такого лучка;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Не мае у панича такого меча;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Не мае у дѣвки такой стрѣлки;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Якъ я схожу, Дунай перескочу;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Якъ я схожу, весь лѣсъ потоцну;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Якъ я схожу, море переплыву;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Море переплыву ноги не вмочу;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Море переплыву сѣдельца не замочу;
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Море переплыву стремянечка не вмочу!
 Ой, дай Боже святый вечеръ!

Будьте здоровы, старый козакъ Павло! Дай Боже вечеръ добрый!

— Вотъ спасибо! ай, дѣвчата! славно! Оксана, подноси имъ! — Да! когда-то Павло былъ славный козакъ! Бывало выйдешь на улицу — и молодицы и

дѣвчата сами напередъ здороваются: «здравствуй-те Павло! здравствуйте, здоровы ли?» — Да здоровъ, спасибо! вы здоровы ли! — И въ парубкахъ былъ вожакомъ; и на сѣнокосѣ бывало всѣ станемъ рядомъ, а я съ краю, да какъ махнемъ разъ, два, три, — смотреть, а я ужъ впереди....

— Да! да! — говорили гости; — да! повторялъ за ними старикъ.

— Татусю! пустите меня съ дѣвчатами! — просила Галя.

— За чѣмъ съ дѣвчатами?

— Да колядовати!

— Колядовати?

— Пустите, татусю! проговорили вдругъ нѣсколько дѣвчатъ. Пустите!

— Ну, пусть идетъ! да скорѣй приходи!

— Скоро, скоро!

Спасибо за хлѣбъ, за соль, и за винцо, и за доброе слово, и за ласку! кричали дѣвчата и стали выходить изъ хаты.

— Куда вы, постоитъ! Оксана дай имъ паляницъ, давай имъ пироговъ, давай грошей.

И старикъ снова завелъ рѣчь про старину. А на улицѣ свистѣлъ вѣтеръ и сливался съ звонкими голосами колядовщицъ.

Онъ уже пѣли у окна сосѣдней хаты колѣдку на дѣвчину:

Ясна красна въ лузъ * калина;
 Ой, дай Боже, въ лузъ калина,
 Святый вечеръ!

Еще краснѣйша у Семена дочка;
 Ой, дай Боже, у Семена дочка,
 Святый вечеръ!

До церковки шла убиралася;
 Ой, дай Боже, убиралася,
 Святый вечеръ!

Убиралася, наряжалася;
 Ой, дай Боже, наряжалася,
 Святый вечеръ!

Луданы ** брала, платя надѣвала;
 Ой, дай Боже, платя надѣвала,
 Святый вечеръ!

У церкву прійшла, якъ зоря зійшла;
 Ой, дай Боже, зоря зійшла,
 Святый вечеръ!

Изъ церкви шла пань стрѣчали;
 Ой, дай Боже, пань стрѣчали,
 Святый вечеръ!

Пань стрѣчали шапки снимали;
 Ой, дай Боже, шапки снимали,
 Святый вечеръ!

А что жъ то идетъ, за паняночка?
 Ой, дай Боже, за пояночка,
 Святый вечеръ!

Ой чи попивна, чи Короливна?
 Ой, дай Боже, чи Королевна,
 Святый вечеръ!

Ой, то не попивна, не королівна;
 Ой, дай Боже, не королівна,
 Святый вечеръ!

Ой, то дѣвочка Семенова дочка!
 Ой, дай Боже, Семенова дочка,
 Святый вечеръ!

Едва кончилась эта каляда уже запѣли другую:

* Лузъ—лѣсъ; въ лузъ—въ лѣсу.

** Цѣптыя или шитыя башмаки.

Ой въ лѣску въ лѣску, да на жовтемъ песку,
 Святый вечеръ!
 Тамъ пава ходить, перьячко рошить;
 Святый вечеръ!
 За нею ходить молода Марьечька;
 Святый вечеръ!
 Перьячко збира, въ рукавецъ кладе;
 Святый вечеръ!
 А изъ рукавца бере, на скамью кладе,
 Святый вечеръ!
 А зъ скамьи бере вѣночикъ плете;
 Святый вечеръ!
 Да сплевши вѣночикъ пишла у тавочникъ;
 Святый вечеръ!

Дай Боже вамъ вечеръ добрый, а намъ пирогъ
 долгій!

За пѣснею послышались крики, хохоть и раз-
 дались голоса ребятишекъ, у которыхъ колядов-
 щицы, насмѣхъ, отнимали мѣшокъ съ колядкой, т: е:
 со всѣмъ что они успѣли собрать по деревни пѣ-
 снями. Но на этотъ шумъ и крики нагрянула тол-
 па паробковъ, и дѣвчата съ визгомъ и крикомъ раз-
 сыпались по улицѣ. Однѣ падали на сугробы снѣ-
 га, другія жались къ заборамъ и просили пощады,
 между тѣмъ ребятишки обѣгали хаты и пѣли:

Якъ у городъ да на торговя,
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Тамъ Якирко ходить,
 Коника водить,
 Ой, дай Боже святый вечеръ!
 Съ коникомъ говорить:
 — Ой коню мій коню,
 Продамъ я тебе!
 Ой, дай Боже святый вечеръ!

* Въ кругъ, въ хороводъ.

— Паве мій паве!
 Гадай, погадай;
 А мене коня да не продавай!
 Ой, дай Боже святый вечерь!
 Якъ тебе нагнали
 Турки съ Татарами;
 Ой, дай Боже святый вечерь!
 Я въ Дунай вскочивъ,
 Стременъ не вмочивъ,
 Ой, дай Боже святый вечерь!
 И твоей збруи козацкон
 Да й не замочивъ!
 Ой, дай Боже святый вечерь!

— Добре! спасибо. Вотъ вамъ гроши, да и бѣгите.

Дѣти пошли къ другой хатѣ. Звонко раздавались ихъ голоса, но слова колядки разносилъ вѣтеръ....

Между тѣмъ миръ скоро былъ заключенъ и толпы паробковъ и дѣвчатъ пошли въ разныя стороны. Вдругъ одна изъ дѣвчатъ пропѣла въ слѣдъ парубкамъ :

Пѣхали наши паробки на ловы *
 До зеленой дубровы,
 Да уловили комаря;
 Стали суды судити,
 Стали камаря дѣланти...
 Ивъ!... Ивъ!...

Паробки остановились, и не много позамявшись отвѣчали :

Чи у васъ челядь ** дорога,
 Дорога?

* На охоту.

** Челядь — дѣти, мелкота.

— *Гонъ, гонъ!* кричала дѣвушка и брякала подковками, и весело запѣла:

Ой черезъ рѣчку,
Черезъ болото,
Дай мнѣ рученьку,
Мое золото!

Петро, перебирая ногами на одномъ мѣстѣ, отвѣчалъ:

Ой черезъ рѣчку,
Черезъ быструю,
Дай мнѣ серденько
Хоть и другую....

Славно Петро! ай, да Петро!

И Петро, разшевеливаясь запѣлъ:

Ой не витиль мѣсяць свѣте *
Витиль ясны зирки. **
Унадився *** Петрусенько,
До чужой живки.
Унадився, унадився
Якъ кабанъ у жито!

— Да что вы дѣлаете? кричалъ Микита расталкивая дѣвчатъ. Пора до дому! говорилъ онъ Петру, таща его въ сани. А Петро запѣлъ:

— Ой жена до дому,
до дому!
— Бѣсе муже не пиду,
не пиду!

Не пиду! какъ не пиду! Будеть тебѣ не пиду.

* Не оттуда мѣсяць свѣтитъ.

** Отколь ясны звѣзды.

*** Унадився—повадился.

— Пиду, пиду! отвѣчалъ Петро, но Микита уже свалилъ его въ сани и повезъ домой.

Толпа повалила вдоль улицы и дружно запѣла:

Ой заказано и зарадено,
Святый вечеръ!
Всѣмъ козаченькамъ у войско иди,
Святый вечеръ!
Нану Ивану хоругвь * нести,
Святый вечеръ!
А его нянька ** ще не старенька,
Святый вечеръ!
Выпровожала и научала:
Святый вечеръ!
Ой сине мій сынку!
Святый вечеръ!
Не попережай у передь войска,
Святый вечеръ!
И не оставайся позади войска;
Святый вечеръ!
Держися войска, все середнаго
Святый вечеръ!
И козаченька все статечнаго!
Святый вечеръ!
Молодой Иванко не послухавъ нени,
Святый вечеръ!
У передь войска конемъ играе,
Святый вечеръ!
А позадь войска мечемъ махае,
Святый вечеръ!
Якъ гяне, то самъ Царь на кресль:
Ой, колибъ я знавъ
Чій то сынъ гулявъ,
За его бъ я дочку отдавъ,
Поль-царства подаровавъ!
Святый вечеръ!

* Хоругвь.

** Нянька, немл—мать, матушка.

— Зайдемте еще къ Стехи, проколядуемъ ей. И
онѣ подошли къ первой хатѣ и запѣли:

Ой умна, умна каменная гора,
Святый вечеръ!

Что не уродила шовкова трава,
Святый вечеръ!

Да ѣ уродило зелене вино.
Святый вечеръ!

Якъ налетѣли райскія пташки,
Святый вечеръ!

Да и позобали зелене вино,
Святый вечеръ!

Якъ проснулась дѣвка, Катинька:
Святый вечеръ!

— Ой шуга, пуга райскія пташки
Святый вечеръ!

Да не зобайте * зелена вина,
Святый вечеръ!

Ще мени вина богато треба:
Святый вечеръ!

Брата женити, сестру давати,
Святый вечеръ!

Сама молода зарученая!
Ой, дай Боже, зарученая,
Святый вечеръ!

— Дай, Боже, вечеръ добрый!

Отвѣта не было. Колядовщики съ пѣснями по-
шли вдоль улицы.

— Прощайте дѣвчата, пора домой! сказала Галя.

* Зобать - клевать.
Книга III.

— Еще не пора, останься Галя! говорили дѣвчата и паробки.

— Нѣтъ, пора, пора! а то и на вечерницу нельзя будетъ придти.

— Приходи Галя! сказали паробки. Приходи мое серденько! прибавилъ Гриць.

— У стараго Павла ложились спать. Ивась давно спалъ. Петро, выпивши горьлки съ перцемъ, согрѣлся и не помнитъ какъ уснулъ.

— Поздно доню! поздно Галю!—сказалъ отецъ вошедшей дочери.

— Еще дѣвчата колядуютъ, татусю; только я пришла домой!

— Чего они колядуютъ, когда люди спятъ! — А у его оконъ вдругъ раздалась колядка:

Ой на горъ яворъ зеленый, кудрявый!

Радуйся, ой, радуйся земле,

Веселся Боже нашъ,

Что породилъ васъ!

.....

.....

Не кончивши колядки, паробки поздравляли хозяина съ праздникомъ:

Дай Боже вечеръ добрый!

Изъ хаты отвѣту не было. — Пусть ихъ идутъ!
говоришь про себя старикъ!

— Дай Боже вечеръ добрый! раздались десятки
голосовъ.

— Чего вы кричите! дѣтину разбудите! отвѣчалъ
старикъ.

Колядовщики побѣжали отъ окна, и снова доно-
сились ихъ пѣсни. Въ хатѣ Павла долго не мог-
ли убаюкать Ивася. Старикъ самъ принимался раз-
сказывать ему сказки, но дитя затихъ только подъ
колыбельную пѣсню:

Коте, коте, котусю!
Займи мою телусю,
На поповій на толоки,
Тамъ травы по-боки!
Конь бѣжить,
Трава шумить;
Бѣжи, бѣжи коню
До бѣлки хатки,
До дѣвчины Гапки.
А дѣвчина Гапка
Сидитъ на виконьци,
Прядеть волоконьци:
Что выведетъ нитку
То поше свитку
Что выведетъ полтора;
То поше рукава;
Что выведетъ нитуюшкъ,
То поше кожуюшкъ. *

* т. е. Какъ выведетъ *ничего*, то сошьетъ шубку.

Оксана затихла, дитя уснуло!

— Чтожь ты Оксана не поешь, дитя проснется;
Оксана знала, что старикъ любилъ самъ засыпать
подъ колыбельныя пѣсни и запѣла:

Э, э, люлѣчки!
Шовковыя вервѣчки!
Малеваны билца! *
Пишли до Кирильца:
Что кирилецъ робить?
А Кирилецъ робить:
Черевички строить,
Да не дорогіе
По два золотые!

Старикъ дремалъ. Оксана смѣшала пѣсни и пѣла:

Э, э, котку
Не лезь на колодку....
Разибьешь головку!....
А ты котя сѣрый
Да вымети сѣни....
Э, э, э, коточикъ,
Да унесь клубочикъ!
Э, э, э, люли....
Налетѣли гули,
Гули.... Гули....
Гу.... ли....

Живо хлопцы! живо ребята! музыка! живѣе! кри-
чалъ Грицко выплясывая гопака. Музыка играла,
поробки припѣвали:

* Здѣсь говорится о колыбели: шелковыя веревочки, крашенныя рас-
порочки.

На курячки перьячко рабое,
Любимось, кохаемось обое.
Дыбъ, дыбъ на село,
Кивъ, моргъ на его,
Будто любить его,
Будто дѣвка его,
Будто пиде за него!

И Грицко взявшись за кушакъ, выдѣлывалъ такія штуки ногами и въ бокъ и прямо и назадъ, и мелкой дробью, и въ присядку, и такъ ловко и важно поправлялъ смушковую шапку, что и разсказать не возможно...

У Галя такъ билось сердце, что она не могла заснуть. Только задремлетъ, а оно: токъ токъ. Только закроетъ глаза, а Гриць зоветъ ее на вечерницу: «пойдемъ Галя, пойдёмъ скорѣе!»... привстанетъ, начнетъ одѣваться, и боится: неравно, батько, не спитъ. Но въ хатъ тихо — и Галя одѣлась, перекрестилась и пошла.

— Пошла таки на вечерницу! подумалъ старикъ. Я зналъ что поидетъ. Да пусть идетъ, толькобъ боялась что батько узнаетъ. Видишь, думаетъ что я сплю, такъ и не слышу. Ни, не тотъ человекъ.

— Галя! Галичка! Серденько! А ну, музыки! вскричалъ Гриць, и не давши ей какъ должно поздороваться, уже танцевалъ съ ней козачка. А на сельникто лучше Грица не танцевалъ козачка, да и Галя не отставала отъ него: что за узоры выдѣлываетъ

ногами; а перебираетъ ими такъ складно, такъ скоро, что глазамъ больно; а подковками въ разъ, да въ разъ: *щелкъ, брякъ; щелкъ, брякъ*. Боже мой Господи, какая мастерица!...

МЕЛАНКИ, БОГАТЫЙ ВЕЧЕРЪ

ИЛИ

ЩЕДРОВКИ.

— Нѣтъ, Оксана, такъ страшно! право страшно!

— Чего жь тутъ страшнаго?

— А какъ онъ закричитъ, такъ меня и поймають. Тогда-то наберусь стыда: нельзя будетъ на улицу выдти... смѣяться стануть.

— Да ты возьми его, да скорѣй въ мѣшокъ, чтобъ некогда было кричать.

— Какъ же я найду его сестра? вѣдь я не знаю гдѣ онъ сидитъ. Нѣтъ, Оксана, страшно, право страшно!

— Ну, какъ хочешь, Галю... А когда я гадала какой у меня будетъ женихъ, такъ все узнала, и страшно было да узнала. И ты узнаешь какой будетъ у тебя женихъ?

— У кого жь я сестра возьму?

— Да у кого хочешь, у того и возьмешь.

— Нѣтъ, скажи, Оксана, у кого лучше?

— Да за кого хочешь за мужь идти, у того и возми.

— Да у кого же, Оксана? скажи мнѣ сестра; скажи голубушка. Скажи, такъ я и послушаюсь тебя, и пойду.

— Пойдишь ты къ Грицю, тамъ и возьми свою долю, либо недолю! А знаешь что, Галию? ты скажись Настусь: ужь какъ она захочетъ, такъ оно и будетъ.

Но можетъ быть еще не всѣ знаютъ Настусю, сестру Грица. Она дѣвушка добрая, бойкая и очень любила Галию. Ей нечего и некого дѣлать съ Галей. Она знала что Галию любить Гриць, стало быть Галя не мѣшала ни одному паробку быть женихомъ Настуси. За то другимъ дѣвчатамъ было досадно за чѣмъ Гриць и говорить больше съ Галей и танцуетъ больше съ Галей. Вотъ онѣ и выдумаютъ что нибудь на нее: то она вечеромъ долго за воротами одна стояла, то разговаривала съ кѣмъ-то какъ ходила за водой, только нельзя было разсмотреть что-то былъ за паробокъ.... Выдумаютъ да и начнутъ смѣяться, а за Галию и вступится Настуся. Нѣтъ, говорить это не паробокъ былъ, а я; а вотъ ты Евдоха, лазила черезъ плетень, помнишь? а что? И ты, Приська, помнишь какъ съ поля шли? что забыла! А ужь объ Гали нечего говорить: никто ничего не скажетъ.... А что?...

— И пойдутъ толки, а Галя все останется правой. Очень любила ее Настуся. Отъ того-то Оксана и говорила сестрѣ: какъ захочетъ Настуся такъ

оно и будетъ. — А Настуся легка на поминъ, тутъ и есть.

— Здравствуйте, Оксана, здравствуй Галя! — и дѣвушки поцеловались. — Знаешь, Галя, будемъ сегодня гадать!

— Я сама думала, да боюсь, какъ возьмешь его, а онъ закричитъ, люди и услышатъ.

— Кто закричитъ?

— Да пѣтухъ!

— Пѣтухъ! если ты хочешь пѣтухомъ гадать, такъ возьми у насъ: я дамъ тебѣ такого пѣтуха, что во всей слабодѣ не найдешь другаго.

— А какъ узнаетъ Гриць, да поймаетъ?

— Не бойся! я сдѣлаю такъ что и Гриць не узнаетъ. Пойдемъ же Галя!

— Нѣтъ теперь рано, посиди у насъ.

Между тѣмъ въ другой хатѣ, соперница Гали, Одарка — сбиралась съ подругами также на промыслъ за пѣтухомъ и выборъ палъ также на Грица.

— Ужь я знаю, дѣвчата, говорила она, какъ его взять; я и прошлаго года брала, и вчера зашла къ Грициной сестрѣ, да будто не нарочно и узнала гдѣ спитъ пѣтухъ, а онъ съ самага краюшка къ дверямъ.

Пока дѣвчата толкуютъ и собираются на охоту за пѣтухами, нашъ старый знакомый, Степанко, что былъ мѣхоношей у дѣвчатъ, когда онъ колядовали, сидитъ и учитъ *щедровать* ребятишекъ.

— Слушайте, мелкота, пойдѣмъ вмѣстѣ со мною,
только учитесь какъ пѣть; а кто не умѣетъ, пусть
молчитъ. Ну, начинайте:

Прилетивъ сокиль * зъ Кіева на Динь; **
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Да и съзъ же сокиль да на виконечку,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

— Грицко не отставай!

Да поглядае да у свѣтлоночку;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
А тамъ Настуся свѣтлоньку мете,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Свѣтлоньку мете кисоньку плете;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Ее батянько суконьку кроить,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ.
Кроили сукню да и укоротили
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Шили башмачки да и помалили;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ;
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
А остаточки на пидпяточки,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
А обрвзочки на привязочки!
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

* Сокиль — Соколь.

** Динь — Донь.

— *Добре хлопци! добре дѣтворя!* Только не тяните, а такъ ровненько:

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ...

— Знаете какъ?

— Знаемъ! знаемъ!

— А ну:

Ой, ясна красна у лузв калина,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

— Ну, пойте одни, а я буду слушать! и Степанко вынулъ ситцевый кисеть съ табакомъ и трубкой, наложилъ, выскѣкъ огня и закуривши слушалъ, что поетъ его мелкота.

А еще краснѣйша у Василька дочка,
Щедрый вечеръ....

— Стой! не надо щедрый вечеръ, пойте одну пѣсню; а какъ станемъ щедровать, тогда и щердый вечеръ пойте!

До церковницишла зъ яснымъ мѣсяцемъ,
Тамъ Паны стояли, шапки снимали;
Шапки снимали, мужикивъ пытали *
— Чи се царева? чи королева?
— Се жъ не царева, не королева;
Василькова дочка молода настуса.
По двору ходить макъ рожу ** сидитъ
Пидишовъ къ вѣкню батенько ее.

* *Пытать* — спрашивать.

** *Макъ—рожа*, макъ—роза.

— На чтожь донько тоби сей макъ и рожа;
 Что ты у меня дононько и такъ хороша,
 Что тоби паны всѣ дивовались,
 Что тоби паны и шапки знимали!...

— Ну, щедрый вечеръ....

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
 Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

— Такъ! ай ребята! А эту знаете:

Чи дома панъ господарь.

— Знаемъ! знаемъ! какъ можно, эту всѣ знаемъ!

— А эту всѣ знаете:

Ой на рѣцѣ на Йордань...

— Иэту всѣ знаемъ!— Знаете эту хлопцы?— знаемъ, знаемъ!

— Пойдемъ же щедровать! ну, гайда! вы чего отстаете! и Степанко шель какъ великанъ посреди ребятишекъ; черезъ плечо перекинуть у него мѣшокъ; одной рукой держался онъ за кушакъ, другая была на волю; шагъ широкій, поступь медленна; мушковая шапка, будто сей часъ изъ лавки.

— Къ кому же идти сперва, дядюшка?—спрашивали его ребятишки.

— Идите сперва къ Павлу!—А Павло отдохнувши въ своемъ любимомъ уголкѣ сидѣлъ на лавкѣ, подлѣ стола, и игралъ съ внучкомъ. Мальчикъ тянулъ его за посядьные усы, бралъ его за чупрыну—старикъ смѣялся и тѣшилъ ребенка.... давалъ ему пряниковъ

и разбивалъ орѣхи, которыми Галя угощала Настю.

— Помогай Богъ!—раздалось за окномъ.

— Спасибо! отвѣчалъ Павло!

— *Чи щедрувати?*

— Щедруй!

И хоръ ребятишекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, запѣлъ:

Чи дома панъ Господарь?
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Ой, я знаю, что онъ дома,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Сидитъ онъ въ концѣ стола;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ.

— Какъ будто знаютъ гдѣ я сижу! проговорилъ старикъ, а Ивасъ и поймалъ его за усь. — Слушай хлопчикъ, слушай Ивасю!

На немъ шуба соболева,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ
А на шубочцѣ шовковый поясокъ;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
А на поясокѣ шовкова калиточка! *
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

* Кошелекъ

А въ калиточцѣ семь шелягизъ;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Тому, сему по шелягу,
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
А вамъ, братця, па перижечку. *
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ.

Дай Боже хозяину вечеръ добрый, а намъ пиро-
гогъ довгий! На всю лопату! такой — съ твою хату!

— И мнѣ! закричалъ дитя. И мнѣ пирогъ такой
большой!

— Дамъ, дамъ! — Спасибо хлопцы!

— А еще, хотите? — спросили щедровщики.

— Хочешь Ивасю?

— Хочу! дай мнѣ! — и протянулъ рученки.

— Ну, щедруйте!

— Ой, на рѣццѣ, на Иорданѣ;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

Но Ивасъ не слушалъ пѣсни, кричалъ, просилъ
у дѣдушки пирога; и когда старикъ далъ ему пря-
никъ, то колядовщики уже допѣвали:

.....
.....

Дай Боже хозяину вечеръ добрый и съ дѣтками
и съ хозяйкою!

* По пирожку.

— Съ хозяйкою! — сказалъ про себя Павло, и на лицъ его выступило горе! — Съ хозяйкою! — тихо повторилъ онъ. Да! когдабъ жива была моя Маруся... нѣтъ теперъ не живутъ такъ на слободѣ... а внучать не привелъ Богъ видѣть... и онъ крѣпче прижалъ къ себѣ Ивася, и выпавшая изъ глазъ слеза катилась по стезь, пробитой лѣтами и горемъ. Последнее время, старикъ какъ-то чаще вспоминалъ про Марусю — и даже плакалъ. Дитя не сводилъ съ него глазъ и тоже не зналъ играть ли ему или плакать...

— А что щедровать? — спросили за окномъ.

— Нѣтъ, спасибо! Оксана дай имъ чего нибудь.

— Знаете ли вы — спросилъ старикъ у дочерей, что каждая звѣздочка на небѣ — душа человѣческая?

— А у меня, отецъ говоритъ, отвѣчала Настуся, что это Ангелы смотрять въ окошечки.

— Да, оно такъ и будетъ. Чья душа на небѣ, та и Ангельская. Вотъ, кто жилъ на землѣ праведно, тотъ въ царствѣ небесномъ живетъ Ангеломъ, и какъ настанетъ ночь — душа и смотритъ опять на родное мѣсто: что дѣти думаютъ, что отецъ съ матерью дѣлаютъ, какъ мужъ въку доживаетъ. Вотъ такъ и думаю! Можетъ и моя Маруся смотритъ на меня! А люди говорятъ что это звѣзды... нѣтъ это не простыя звѣзды... Вотъ какъ востоскуется душа — по роднымъ своимъ, и полетитъ на землю.... Видели вы какъ звѣзды летаютъ? это не звѣзды, а души праведныя. Знаете: когда у человѣка станеть

весело на сердце; это душа прилетаетъ съ неба, да и рассказываетъ про небо, а человеку и весело... За то не дай Господи кому на горе посылается душа, кто обидѣлъ или погубилъ человека: такъ и советъ, вотъ здѣсь, у самого сердца.... Не дай Богъ!— И старикъ началъ рассказывать разныя исторіи, какія слыхалъ еще отъ дѣда, а дѣдъ его жилъ на бѣломъ свѣтѣ лѣтъ сто и много зналъ и видалъ.

Между тѣмъ щедровщики ходили отъ хаты къ хатѣ и пѣли разныя пѣсни:

Бери сынку райскіе ключи;
 Да отпирай же рай и пекло;
 Да выпускай праведны души;
 Только тои не пускай
 Что въ пятницу проспѣвала *
 Отца и няньку поругала!
 Еще и родиноньку прогвѣвала!
 Щедрый вечеръ, добрый вечеръ
 Добрымъ людемъ на весь вечеръ!

Щедрикъ ведрикъ,
 Дайте вареникъ,
 Грудочку кашки,
 Кильце ковбаски!-
 Дайте ковбасу
 До дому донесу!

И припѣвая ребята прыгали, и танцовали, и толкались; но изъ хаты вынесли паляницу — и Степанко, принявъ ее въ безконечный мѣшокъ, повелъ команду далѣе.

— Пора, Галю, пойдемъ гадать! говорила Настя.

— Пойдемъ! А что, страшно... Настуся?

* Пятницу прогвѣла.

— Ничего не страшно! —

Онъ вышли изъ хаты и остановились у воротъ.

— Знаешь что, Галю? отгадаемъ въ которой сторонѣ наша доля! и снявши съ правой ноги черевикъ, бросила его черезъ ворота.

— Вотъ такъ! это что за штука? кто-то проговорилъ за воротами.

Галя то же сняла и бросила.

— Это что за кумедія? проговорилъ тотъ-же голосъ.

Дѣвчата выбѣжали за ворота, а Петро стоитъ и держитъ въ обѣихъ рукахъ по башмаку.

— Вотъ, спасибо дѣвчата! Теперь мнѣ есть въ чемъ танцовать.

Черевички, невелички
Золотомъ шты!
Полюби мене дѣвчинонька,
Что я домовитый...

И Петро выплясывая, хотѣлъ вернуться отъ дѣвчатъ; но дѣвчата поймали его за руки: отдайте дядушка! чего вы смѣтесъ! отдайте! — и отняли свои черевички, невелички.

Смотришь Галю, какъ придешь къ насѣсти, такъ и бери крайняго, а я буду сторожить, чтобъ не увидѣлъ ктонибудь.

Галя отворила двери, подошла къ насѣсти и схвативши пѣтуха, такъ что онъ не успѣлъ порядкомъ закричать, спрятала его подъ полу.

— А что Галю?

— Ничего! поймала.

— Ну, пойдѣмъ же гадать.

Только что онъ со двора, а Одарка съ дѣвчатами на дворъ.

— Смотрите, дѣвчата! смотрите! если увидите кого — такъ спрячьтесь! слышите.

Тихо прокралась Одарка въ сарай. Но распуганная куры разлетѣлись какъ удалось. Только что она въ двери — вдругъ что-то вспрыгнуло изъ подъ ногъ и поднялось хлопанье, крикъ; и на право и на лѣво вездѣ летаютъ, кричатъ; одна курица со всѣмъ было съела ей на голову. Одарка къ насѣсти, схватила что-то, да и въ мѣшокъ.

— Ну, дѣвчата, насилу поймала. Только что я отворила дверцы, а куры и всполошились, и подняли крикъ! Да, нѣтъ! я свое взяла. Слышали вы, какъ онъ кричали.

Между тѣмъ Галя и Настуся сидѣли въ каморѣ у стараго Павла и гадали. На опрокинутой кадкѣ стоялъ свѣточъ или *каганецъ*; на полу ходилъ пѣтухъ, представитель Грица, и курица — Галя, снятая съ домашней насѣсти. На полу насыпано ячменное зерно; въ черепкѣ поставлена вода. Галя и На-

стуся молчали. Долго пѣтухъ смотрѣлъ на свѣточъ, вытягивая шѣю на всѣ стороны. Вдругъ взмахнулъ, запѣлъ, раскинулъ крыло, сдѣлалъ кругъ — и началъ клевать зерна и кликать къ себѣ курицу... она что-то тихонько проговорила, подбѣжала къ нему, и они дружно стали подбирать ячмень и запивать водою.

— Ну, Галю! быть тебѣ за мужемъ, и мужъ будетъ человекъ веселый, славный! Вотъ прошлаго года Ивочка гадала, такъ пѣтухъ началъ бить курицу; это не хорошо, не къ добру. А тебѣ къ счастью Гали.

— Давай его скорѣй, давай, Одарка! кричали дѣвчата вбѣжавши къ ней въ хату.

Одна дѣвушка выпустила на полъ курицу — не доставало пѣтуха!

— Давай его, Одаря!

Одаря встряхнула мѣшокъ, и изъ него выпрыгнула курица...

— Ахъ, ахъ! закричали дѣвчата и давай смѣяться. То-то было смѣху. И теперь вотъ ужъ скоро Святая, а какъ вспомнить про курицу, такъ и расхохочутся...

— Не хочу такъ гадать! — закричала Одарка. — Чтобъ ты пропала, проклятая курица! Гоните ее дѣвчата, вотъ такъ! еще! вотъ такъ!... Пойдемте на улицу да станемъ подъ воротами и будемъ слушать что скажутъ, какъ мимо насъ пойдутъ.

— Будьте здоровы хозяйнѣ съ хозяйкою! — кричалъ у сосѣдней хаты Степанко съ толпою ребятишекъ.

— Вотъ видите дѣвчата! это хорошо! право хорошо.

Но не такъ думала гадать Галя: она хотѣла узнать все что будетъ.

— Что еслибъ, Настуся, еще погадать, будетъ ли любить мужъ? добрый ли онъ будетъ, не будетъ ли браниться!

— Какъ же ты хочешь гадать?

— Да такъ! знаешь... на снѣгу.

— На снѣгу! ну, ты гадай, а я не буду!

Обѣ дѣвчины пошли по колыно въ снѣгу черезъ токъ, въ садъ. Галя остановилась; осмотрѣлась кругомъ: нѣтъ никого. — Вотъ здѣсь, Настуся! А что можно?

— Да можно! отвѣчала Настуся.

Галя сняла кафтанъ и отдала его подругъ; сняла корсетъ; развязала поясъ — и плахта упала на снѣгъ, и сорочка, подобранная подъ кушакъ, сбѣжала до полу.

— Смотришь, Настусю! Хорошенько смотри.

Тихо легла она на снѣгъ. Снѣгъ обхватилъ и запечатлѣлъ всѣ формы ея тѣла. Черезъ минуту она уже была одѣта и загадывала:

«Если будетъ у меня мужъ доброй и богатой, тогда *тѣнь* моя будетъ чиста и не помята; а если сердитый, то и звѣри *тѣнь* мою потопчутъ и птицы разгребутъ и вѣтромъ замететъ.»

— Что-то будетъ, Настуся! Посмотримъ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Едва занялся свѣтъ, въ хатахъ томятся печи: огонь блеститъ на окнахъ; дымъ легко вѣется въ воздухъ.

Галя стоитъ въ саду и смотритъ на свою *тѣнь*! кругомъ трескочутъ сороки, прыгая по деревьямъ и съ вѣтокъ валятся снѣгъ. Кажется все хорошо: ни одинъ звѣрь не проложилъ слѣда на ея *тѣни*, ни птица не разгребла ногами; правда какой-то звѣрокъ раза два обошелъ кругомъ, да не переступилъ: почувалъ ли онъ близость человека, или такъ не хотѣлъ помѣшать счастью Гали, не знаю — только не переступилъ. Но чтожь это значить? за чѣмъ на ея *тѣни* лежитъ прутикъ? видно сороки прыгали и обломали вѣтку. Чтожь онъ значить? Должно быть ничего, такъ! — Еслибъ встала по раньше, такъ не было бы прутика, говорить Галя, и задумавшись идетъ въ хату.

Старикъ уже всталъ и помолился Богу. Петро только что умывался. Дверь отворилась и въ хату вошли трое дѣтей. Въ приполкахъ были у нихъ пшеничвыя, ячменныя и просыяныя зерна! Еще не

здоровался съ хозяиномъ, они пошли кругомъ хаты, разсыпали зерна по окошкамъ, по лавкамъ, на полу и припѣвали:

На счастье! на здоровье!
 На новый годъ!
 Роди, Боже, жито, пшевицу,
 И всяку пашницу!
 Жита копку
 И горошку мѣрку!

— Будьте здоровы! съ праздникомъ, новымъ годомъ!

Оксана дала имъ по пшеничному хлѣбцу, испеченному нарочно для этого случая. Они пошли въ слѣдующую хату; а къ Павлу вошли новые поздравители. Такъ ходили по хатамъ дѣти и сыпали зерна и пѣли до самой обѣдни.

А у Гали все одно на умъ: что это значить прутикъ? вѣрно Настуся знаетъ что онъ значить.

Но мы теперъ промолчимъ о томъ, что говорила ей Настуся о сорокахъ и о прутикъ. Богъ дастъ доживемъ до Галиной свадьбы, такъ все узнаемъ. Весь праздникъ дѣвчата ходили на вечерницы, и въ гости, и гадали, и наряжались, и пѣли, и танцевали съ паробками.

За то какъ пришла голодная кутья или крещенскій сочельникъ — все приутихли, какъ будто и праздника не было. Опять сварили кутью, сдѣлали изъ листьевъ лапушника крестъ, поставили его въ кутью: А послѣ вечери Павло помолился Богу цѣ-

лой семьею; взялъ мѣлъ и назначилъ имъ крестъ на божницѣ, потомъ на окнахъ, на каждомъ по кресту; надъ дверями крестъ; надъ сараями, надъ загонами — вездѣ назначилъ кресты, даже на посудѣ. Накурилъ въ хатѣ ладономъ. А на другой день, какъ пошли съ водосвятія, Петро набралъ святой воды, а Павло, какъ хозяинъ, окропилъ ею всю хату, даже плагы, и клѣтъ, и дворъ, и сарай, и ворота, и токъ, и садъ — все окропилъ.

Тѣмъ и святки кончились!

В. ПАСЕКЪ.

Примчаніе. Передавая Рождественскія святки въ Малороссіи, я старался описать вмѣстѣ съ обычаемъ самый бытъ народа, а потому святки представлены въ живыхъ картинахъ. Пѣсни собраны мною въ Губерніяхъ: Харьковской, Воронежской и Полтавской: во всѣхъ Губерніяхъ онѣ поются почти безъ измѣненія; сцены я *рисовывалъ* болѣе съ тѣхъ, какія мнѣ доводилось видѣть самому, присутствуя не разъ на празднествѣ народномъ.

При этомъ считаю необходимымъ замѣтить: 1. Въ трехъ упомянутыхъ Губерніяхъ и въ новороссійскомъ краѣ, вездѣ гдѣ доводилось мнѣ видѣть святки, въ сочельникъ *не колядуютъ*, а проводятъ его тихо и семейно. 2. Колядуютъ болѣе дѣвчата, а поробки рѣдко, и болѣе для шутки, чтобъ поиграть съ дѣвчатами. 3. Мышки, въ которые собираютъ колядку, рѣдко носятъ сами дѣвчата, а выбираютъ поробка, который и называется на это время: *Михоноша*. 4. *Щедруютъ* болѣе дѣти: дѣвочки и мальчики; взрослые очень рѣдко. 5. Крестные дѣти ходятъ съ поклономъ къ крестному отцу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ первой день праздника; а кумы выкупаютъ крестниковъ и крестницъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на второй день. 6. Кромѣ описанныхъ гаданій еще загадываютъ смотри въ зеркало въ пустой комнатѣ, но рѣдко. Вообще гаданій менше, нежели въ губер-

віяхъ чисто Русскихъ. 7. *Сухой мятелью* называется вьюга, когда взволнуется на степяхъ снѣгъ, бурно взвевается, ломить и засыпаетъ все что встрѣтитъ. Въ это время обыкновенно довольно морозно, и снѣгъ неидетъ. Простая или мокрая *мятель* называется, когда идетъ сильный снѣгъ при сильномъ вѣтрѣ. Она не столь опасна и страшна, какъ первая.

та, по-
б и з-
ьно по-
вагса,
ь ога-

КОЗАКИ-ГАЙДАМАКИ

УНИАТСКОЙ ВОЙНЫ.

1595—1654.

«Пріемше во власть свою Поляки Кіевъ и всю украинскую землю, изволили въ работъ имѣти живущихъ людей; а иже бяху отъ сихъ воинскаго чину во бранныхъ дѣлѣхъ упражняхуся, а не работнымъ промысломъ живяще, около рѣки Днѣпра ниже пороговъ въ пустыхъ мѣстахъ и въ дикихъ лугахъ, и рѣчными рыбными и звѣринными ловы. Егда же Король Польши Степанъ Батори, хотяще войско козацкое устроить и въ наилучшій порядокъ привести, соизволи позволить на расселеніе козацкихъ воиновъ по всей Украинѣ ажъ за Кіевъ, то вся Украина Русская и по ту сторону Днѣпра, како и посю, раздѣлена сталась на десять козацкихъ полковъ, а за порогами оставшись Запорожцы и вольные льщари, и въ Лугахъ имѣли своихъ Атамановъ.»

Такъ рассказываютъ мѣстные летописи о первобытномъ состояніи козаковъ въ XVI вѣкѣ. И если сообразить эти рассказы съ рассказами историковъ

Польскихъ и со свѣденіями, почерпнутыми изъ актовъ дипломатическихъ и записокъ иностранцевъ; то увидимъ, что, къ концу XVI вѣка, завися частію отъ короны Польской, частію отъ удѣльныхъ помѣщиковъ, и вообще терпя притѣсненія подъ властію Поляковъ, Украина старалась освободиться изъ подъ этаго ига сколько могла, и находила утѣшеніе въ бытѣ козацкомъ. Тутъ же надобно вспомнить и безпрестанныя нападенія Татаръ на Украину, отъ которыхъ она могла защищать себя тѣмъ-же бытомъ козацкимъ. Мало по малу число козаковъ чрезвычайно распространилось. «Воинства же козацкаго, говорили современники, никто изчести не можетъ: сколько бо конныхъ, столько и пѣшихъ, и сколько на Украинѣ и Малороссіи людей (свободныхъ, или освободившихся), столько и козаковъ. Речеть только «на охотника» regimentъ держащій, абіе сколько тебе воинства соберется. Не тебе нуждою собирать яко по иныхъ чужеземныхъ странахъ творять, не тебе великаго найму обшчавати: речеть старшій слово, абіе войска числомъ аки трава будетъ. И добре это-сь рекъ Турьского царя на вопросъ о количности козацкаго войска: въ насъ — рече — Турьскій царю, що коза, то козакъ, а де кракъ, або байракъ, то по сто и по двѣсти козакивъ.» Тако и вси ти зъло храбръ». Нужда открывала Украинцу путь къ козачеству; а жизнь разгульная, жизнь добычью и войною, веселая и беззаботная, привлекала его къ себѣ, и заставляла его любить этотъ бытъ, богатый прелестями для народа угнетеннаго, бѣднаго и необразованнаго.

Начиная съ первыхъ временъ распространенія козачества въ Украинѣ, видимъ въ ней два рода козаковъ: одни носили названіе «лейстровыхъ» (записанныхъ въ ресстрѣ), а другіе принадлежали къ вольнымъ кравчинамъ (общинамъ). Сіи-то послѣдніе, далеко превышая первыхъ числомъ, назывались общимъ именемъ «гайдамакъ» или «гайдамаковъ» имья, впрочемъ, въ разныхъ мѣстахъ различныя названія. До Баторіи, правда, извѣстно было болѣе названіе «Лугарей», жившихъ въ лугахъ Днѣпровскихъ, за рѣкою Конкой, грабежемъ и набѣгами въ Крымъ и землю Волоцкую; впрочемъ тогда число ихъ было незначительно и притомъ едва-ли не было кромѣ Лугарей и другихъ гайдамаковъ. Въ послѣдствіи времени видимъ, что Лугари обитали въ своихъ лугахъ, между тѣмъ какъ другіе гайдамаки являются жильцами прирѣчныхъ глухихъ дубравъ по Днѣпру и отчасти по рѣкамъ въ него впадающимъ. Къ концу XVI-го столѣтія началась ужасная Уніатская война между католицизмомъ Поляковъ и православіемъ Украинскимъ, война въ полномъ смыслѣ народная, огненная и кровавая, долженствовавшая рѣшить судьбу не только Украинѣ, но и Польши. Народныя ополченія, сдѣлавшіяся въ то время обыкновенными въ Украинѣ, давали козакамъ гайдамакамъ возможность мѣнять разбойничій ножъ на воинскую саблю и вступать въ ряды Лейстровыхъ козаковъ противъ «враговъ вѣрь»: Ляховъ, Уніатовъ и Жидовъ. Гайдамаки пользовались случаемъ, стекались толпами подъ знамена Гетмановъ войска запорожскаго, и нерѣдко, если не воинскимъ искусствомъ, то отваж-

ностию и множествомъ, помогали побѣдамъ козаковъ надъ Поляками. Можетъ быть даже, что Гайдамаки первые подняли и знамя мѣтежа противъ Поляковъ, потому что они большею частію состояли изъ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ своихъ владѣльцевъ, и безъ сомнѣнія, желавшихъ отмстить имъ за притѣсненія.

Во всякомъ случаѣ начало Уніатской войны между православной Украиной и Католической Польшей, желавшей обратить ее къ католицизму посредствомъ Уніи — соединенія церкви Грекороссійской съ Папскою, можно полагать, временемъ появленія козаковъ Гайдамаковъ.

Какъ же жили эти козаки Гайдамаки, каковы были въ своемъ бытѣ, въ своей народности? Мало замѣтокъ объ этомъ сохранили летописи, почти столько же свѣдѣній сберегла и память народная, и это немногое надобно еще повѣрить.... Повторимъ то, что менѣе подвержено сомнѣнію и болѣе любопытно.

Въ наше время уцѣлѣли только жалкіе остатки тѣхъ лѣсовъ дубовыхъ и глухихъ, которые тянулись по бережьямъ Днѣпра и рѣкъ въ него впадающихъ: кое гдѣ попадаются пни, на которыхъ, какъ говорятъ въ народѣ, можно повернуться возомъ, пни уже выгнившіе и окруженные стѣннымъ чистопольемъ, коегдѣ въ балкахъ (оврагахъ) на козацкихъ насыпяхъ выросли уже новые дубы; осталось одно преданіе. Въ этихъ лѣсахъ, безопасно укрывавшихъ отъ внезапныхъ нападеній, или, лучше

сказать, безъ вѣсти скрывавшихъ всякаго, кто могъ имѣть въ этомъ нужду, въ этихъ лѣсахъ жили Гайдамаки, принимая въ свои круги женатыхъ и холостыхъ, лишь бы сильныхъ и вѣроу Грекороссіянъ. Въ дичи лѣсной жили они шайками подъ управленіемъ вольно избираемыхъ атамановъ, которыхъ власть ограничивалась общими сѣвѣщаніями—*радами*, какъ это было у всѣхъ Днѣпровскихъ козаковъ. Грязная землянка была жилищемъ Гайдамака или цѣлой ихъ семьи; рѣка давала рыбу, лѣсъ давалъ дичь, а набѣгъ на село или на городъ, или на панскій замокъ давалъ деньги, одежду, овецъ, воловъ и лошадей. Рубашка, порты, пастилы (родъ башмаковъ), и кобуръ (овчинная шапка): такова была обычная одежда Гайдамака, хотя многіе, особенно въ дни разгула, имѣли возможность одѣваться очень пышно: одинъ Польскимъ паномъ, другой козакомъ запорожскимъ или Венгерцемъ. Бритая голова съ чубомъ, завивавшимся кольцомъ за ухо, длинныя усы и подстриженная борода, придавали имъ видъ воинственный и грозный. Ихъ вооруженіе было запорожское: ружья, сабли, пистолеты, списы (копья), а иногда и стрѣлы.

Рѣдкіе имѣли лошадей, и выходили въ битву болѣе пѣшіе, выходили таборомъ, т. е съ цѣлымъ обозомъ воловыхъ воевъ, которые служили имъ защитой отъ внезапныхъ нападеній.

Изъ табора они дѣлали вылазки, оставляя, въ случаѣ нужды, въ таборѣ одну стражу, и, нападая, всегда дѣйствовали въ разсыпную, когда отрядъ ихъ

былъ невеликъ, или толпою, когда ихъ бывало у одного атамана нѣсколько тысячъ. Обыкновенные враги ихъ были Поляки, Уніаты, тѣ изъ Украинцевъ, которые волю или неволею отдались подъ религіозную власть Папы, и Жиды; иногда они предпринимали походъ въ Крымъ, въ Буджацкую степь, или въ землю Волошскую, впрочемъ, рѣдко. Разбиваемые, или теряя побѣду, они дрались отчаянно, до послѣдней капли крови, не считали, впрочемъ, постыднымъ бѣгства, если оно было выгодно; побѣждая становились извергами, не щадили никого, ничего, жгли жилища, рѣзали, топили, даже сожигали людей, отвѣчая хохотомъ на стоны своихъ жертвъ. Во всякомъ случаѣ, они не соблюдали запорожскаго правила оставаться трезвыми до конца битвы, и вотъ, вѣроятно, почему чаще теряли, нежели выигрывали. Не менѣе грубы Гайдамаки были и въ жизни домашней, семейной. Многіе не имѣли законныхъ женъ, а вмѣсто ихъ «дѣвчинъ», и вовсе не считали это грѣхомъ; дѣтей мужескаго пола съ перваго возраста пріучали къ воинскому быту, имѣя при себѣ, или раздавая товарищамъ вмѣсто чуръ (военныхъ слугъ, оруженосцевъ); а дѣвочки, рѣдко оставаясь при матеряхъ, были раздаваемы родственникамъ, или даже убиваемы. Вообще чувства и понятія о родствѣ и родственной привязанности были имъ во многомъ чужды. Мѣсто ея заступала привязанность къ товариществу; такъ что Гайдамакъ считалъ священнымъ долгомъ не жалѣть, жизни за жизнь собрата и помогать ему всѣмъ, чѣмъ могъ; но и это благородное чувство, подкрѣпляемое есте-

ственнымъ чувствомъ общей боязни къ притѣсненіямъ и надежды на общую взаимную нужду въ помощи, было заглушаемо нерѣдко чувствомъ чести, налагавшимъ обязанность омывать кровью оскорбленія, наносимыя товарищемъ, бывшимъ для Гайдамаковъ и закономъ и судьей, и исполнителемъ приговора.

Можно себя представить къ чему вель быть, управляемый такими чувствами: враги внѣшніе нерѣдко забывались въ раздорахъ домашнихъ, доходившихъ иногда до того, что свои выходили на своихъ цѣлыми толпами; случалось и то, что цѣлые отряды Гайдамакъ переходили на сторону вражью и помогали врагамъ сражать товарищей. — При всемъ этомъ Гайдамаки считали себя христианами, исполняли посты, свято чтили иконы, имѣли свои молебни и даже церкви, не жалѣли своихъ добычь для обогащенія храмовъ не только своихъ, но и городскихъ.

Таковы-то были Гайдамаки въ своемъ полудикомъ бытѣ, и въ ихъ пѣсняхъ, сохранныхъ памятью народной, доселѣ любимыхъ молодыми парнями захолустій Украйны, выражается живо этотъ бытъ. Вотъ на примѣръ одна, напоминающая о *Лугарскомъ времени*:

І. Журба мене сушить, журба мене валить,
 Журба жъ мене мати скоро зъ нигъ звалить,
 А яжъ тій журбѣ да й не падаюся,
 Пійду до шинкарки, горьлки напыюся.
 Горьлочка пьяна, суча журба упряма,
 Горьлочка сумна, суча журба умна.

Чомужъ мени, братця, горьлка не пьеться,
 Била мого серденька якъ гадина вьеться.
 Коло сердца, брате, коло сердца мого,
 А коли не вьришь, нехай била твого.
 Були у мене луги, стали жито жати,
 Бувъ у мене отецъ, и ридная мати;
 А теперъ никому порадоныки дати!
 Були у мене луги, высокии виляхи,
 Були у мене дядки и ридни титки,
 А теперъ порадоныки немаю ни звидкиль
 Да були у мене луги, були и копици,
 А теперъ никому подати и водици.
 Не дай Боже смерти—на чужини умерти,
 Ой, никому доглянути да моеи смерти. —

Въ другой пѣснѣ славится лѣсная жизнь:

II. Ой, у лѣсъ вовки да лисици, —
 Отъ тожъ мон братци да сестрици;
 Ой, у лѣсъ чорный воронъ криче:
 Здоровъ бувай, пане Гайдамаче!

Можно еще привести одну не менѣ этой дыша-
 щую чувствомъ чисто Гайдамацкимъ:

III. Наѣхали козаки до Маруси въ гости,
 Марусенько пани! чи е твѣй панѣ дома?
 Колижъ нема пана, выйди до насъ сама.
 Марусенька непизнала, въ черевичкахъ выйшла:
 — Есте вы казаки, есте Гайдамаки!
 — Марусенько пани! якъ ты пизнала?
 Якъ то ты пизнала, правдоньку казала!
 — Що я свого пана коника пизнала. —
 — Марусенько пани, неправдоньку жъ кажешъ:
 Мы того коника у твого пана купили,
 Въ зеленѣй доброви гроши личили *
 Въ холоднѣй криници могогаричъ запили,
 Пидъ суху колоду пана пидкотили.

* *Личить*—считать.

Обратимся теперь къ преданіямъ о дѣлахъ Гайдамаковъ и объ ихъ участи въ Уніатской войнѣ, увидимъ ихъ бытѣ, въ дѣйстви, сколько позволятъ намъ его увидѣть лѣтописи и пѣсни, сохранившія «преданья старины далекой.»

Знатнѣйшіе изъ первыхъ предводителей козацкихъ, возставшихъ противъ Поляковъ, были Павелъ Гвоздичъ Наливайко и Иванъ Лобода, дѣйствовавшіе въ послѣдніе года XVI вѣка. Въ это время въ первый разъ за одно съ козаками являются и отряды Гайдамакъ, и именно тогда, когда Наливайко каралъ враговъ Православія около Брацлава, не ожидая сильнаго сопротивленія, не зналъ что Жолкевскій выступалъ противъ него, позволялъ своимъ воинамъ охотиться, а самъ пировалъ въ Новгородѣ. Одинъ изъ отрядовъ Гайдамакъ занялъ въ это время Мацѣевичи, и, по обычаю, ограбивъ жителей, началъ свой веселый пиръ. Уже всѣ были пьяны, иные дремали, иные пѣли пѣсни побѣды, какъ внезапно 1000 Поляковъ съ Жолкевскимъ ворвались въ мѣстечко. «Сдавайтесь!» кричатъ Поляки. «Бейтеся!» кричатъ пьяные Гайдамаки. Начинается сѣча. Поляки поджигаютъ дома, схватываютъ Гайдамакъ и предають казни: имъ, конечно, не дешево стоила эта побѣда надъ горстью пьяныхъ вольниковъ. Наливайко принужденъ былъ бѣжать въ Уманьскую степь. Между тѣмъ Гайдамаки бродили изъ города въ городъ, изъ села въ село, разбивали гарнизоны Польскіе, и, хоть были побѣждаемы въ одномъ мѣстѣ, за то въ другомъ сами били Поляковъ, рѣзали и топили Жидовъ и всѣхъ кого считали врагами Православія. — Въ

славной битвѣ Чигринской, Гайдамаки также участвовали: въ минуту разгара сѣчи, они ринулись въ середину стана Польскаго, и этимъ отчаяннымъ нападениемъ много содѣйствовали побѣдѣ козаковъ. — Не менѣе славили Гайдамаки и свой походъ съ Наливайкомъ подѣ Могилевъ. Окруживши Могилевъ, Наливайко требовалъ выдачи всѣхъ Жидовъ и Уніатовъ тамъ бывшихъ. Требованіе не было исполнено, и Наливайко началъ осаду. Гайдамаки подожгли его со всѣхъ сторонъ, и ворвались въ него первые: Гарнизонъ былъ разбитъ, Жиды перерѣзаны, городъ раззоренъ и превращенъ въ пепель, а потомъ въ Украинѣ пѣли:

IV. Ой, у городи Могилени
Дымомъ потягнуло,
Якъ то войско Запорожске
Зѣ гармать да и ревуло!
Ой, у городи Могилени
Да сталося пусто,
Якъ повѣяли козаки
Зѣ самопаливъ густо. —

Гайдамаки считали Наливайка своимъ Гетманомъ, и оплакивали его смерть.

V. Козаки Гайдамаки
Думали, гадали,
Тяжко, важко за Гетманомъ
Своимъ сумовали.

Лобода, товариць Наливайка, также погибъ отъ Поляковъ, и Гайдамаки не остались равнодушными къ его гибели:

VI. Ой у городи Батурпизъ
 Дзвони задзвонили
 То козаки Гайдамаки
 У ради рядили.
 Ой, у ради да й рядили
 Якъ на Польшу стати....
 А по переду панъ Сулима
 Атаманъ Кошовый
 Козакивъ збирае,
 Да й усмиъ тмиъ Гайдамакамъ
 Отъ-такъ промовляе.
 Товарищи Гайдамаки!
 Чинить мою волю,
 Що вамъ треба видомстити
 Украинску недолю.—
 Якъ натее обизвався
 Лободивскій Чура,
 До козакивъ уклоняе
 Отъ-такъ промовляе:
 Ой, пацове Гайдамаки!
 Пана Ивана спомяните
 Да за того пана Ивана
 Ляхамъ видомстите.

И, разумѣтся, Чура Лободы не даромъ увѣщевалъ Гайдамаковъ, хотя народное преданіе и непомнитъ, чѣмъ кончилось дѣло.

Во время всей Уніатской войны Гайдамаки оставались постоянными защитниками Украйны... Впрочемъ иные изъ нихъ, а можетъ быть и многіе, равно какъ и козаки, переходили на сторону Лиховъ и Уніи, и тогда рыцари Украинскіе не рѣдко сходились на битвы между собою — одни за одно съ Лягами, другіе противъ нихъ, призывая на помощь Татаръ. О подобныхъ обстоятельствахъ народныя преданія помнятъ, между прочимъ, два случая: одинъ о Тетеренкѣ, другой о Савѣ Чаломъ.

Тетеренко былъ Асауломъ Каневскаго куреня, за щипцалъ при Наливайкѣ каневскіе козачьи поселенія, взять Поляками въ плѣнъ, ушелъ изъ плѣна, и потомъ добровольно сдѣлался измѣнникомъ Украйны, Уніагомъ.

Собралась рада Гайдамакъ...

VII. А у ради присудили
Тетеренка съкати,
А піймавши Тетеренкови
Голову здіймати,

Одинъ изъ нихъ — Случай взялся исполнить рѣшеніе рады.

Отъ, якъ ставъ овъ до Варшави
Конемъ привертати,
Ставъ зъ Ляхами Тетеренко
Зъ лѣсу выхожати.
Здоровъ, здоровъ Тетеренко
Якъ ще маемъ жити?
Приказали Гайдамаки
Тебе изловити —
Тоди стали на Случая
Ляхи наступати,
А Случай ставъ Гайдамакигъ
Бити да рубати.
Усихъ побивъ, усихъ зрубивъ,
Тетеренка повязавъ,
До коника привязавъ
Да й заполовавъ. *
Случай, Случай полоуе
А Тетеренко бьется..
Молишь, просишь Случаеви....
Лихо не минется. —
Минулося лихо,
Якъ степи минули,
Да до съчи до великои
Хутко привернули. **

Половать — вхаты, скакаты полемъ

* *Хутко* — круто.

Подобный случай былъ и съ Савою Чалымъ, передавшимся на сторону Ляховъ почти въ тоже время. Собрались опять Запорожцы въ ряды. Сыскался опять Гайдамака—Гольмъ, общая:

VIII. Я того пана Сава
Въ руки пймаю.

Гольмъ добрался до Чалаго, въ Немировъ, и вотъ какъ описывается въ пѣснѣ это дѣло:

Ставь Игнаць Гольмъ зъ Кравчиною
Ворота ломати —
Якъ видсуне да панъ Сава
Виконце видь рынку;
А вже панъ Гайдамаки
Блукують по синку:
Да здоровъ, здоровъ пане Саво,
Якъ ты соби маешь?
Що здалека гостей маешь,
Чѣмъ ихъ привитаешь?...
Ой вежиже насъ, пане Саво,
У нову камору,
Да отдавай намъ, пане Саво,
Козацкую збрую.
Да пидняли Гайдамаки
На три списы вгору;
Ой не успивъ же да панъ Сава
На ковика упасти, —
У кайданы заковали,
Стали на визь класти.

Однако съ Савою кончилось на этотъ разъ не такъ какъ съ Тетеренкомъ: онъ отмолился, обещалъ впередъ вѣрно служить козацкому дѣлу, прославился храбростію въ битвахъ противъ Поляковъ, и уже послѣ, избѣнивши обычая козацкому въ другой разъ, поплатился за это жизнью:

IX. Гей бачили многи люди
 Украиньску Совочку
 Что привнесла пану Савъ
 Смертелю сорочку.
 Прителгли къ Пану Савъ
 Украиньски вороны,
 Задзвонили пану Савъ
 Разомъ во всь дзвонъ. —

Еще болѣе прославились Гайдамаки послѣ Гетмана Сагайдачнаго, когда около 1623 года между козаками составились тайныя партіи, которыхъ предметомъ и цѣлю было уничтоженіе власти Папской, истребленіе Уніатовъ и жидовъ, освобожденіе Украйны «отъ ига Египетскаго», какъ называютъ лѣтописцы состояніе подвѣстія Украйны отъ католицизма. Эти партіи съ каждымъ годомъ возрастали все болѣе, хотя и продолжая дѣйствовать скрытно. Заговорщики разорили многіе замки, проникали въ глубь Польши, и, небудучи узнаваемы, совершали тамъ свои злодѣянія, предпринимали умертвить самого Короля Польскаго Сигизмунда III-го. Это продолжалось болѣе 10-ти лѣтъ.... и потомъ смолкли дѣла Гайдамакъ на долго. Вѣроятно, что они со всѣми козаками, желавшими сохранить свободу, бѣжали въ степи Днѣпровскія, между тѣмъ, какъ Украйной, послѣ послѣднихъ битвъ Острианицы, Чурая, Полтора-Кожуха и другихъ предводителей, послѣ погибели большей части вѣрныхъ сыновъ Украйны, овладѣли Поляки. И вотъ каково было состояніе Украйны въ то время, какъ говорили сами современники:» Дѣти во младенченствѣ умирають безъ крещенія и очищенія отъ грѣховъ; совершенно возросшіе живутъ внѣ законнаго брака, а, что

всего больше—безъ исповѣди и причащенія св. таинъ, лишаются временной и купно вѣчной жизни, мертвецы также погребаются безъ подобающихъ православной церкви обрядовъ. Недовольно, что знаменитый народъ Русскій доведенъ до такой бѣды и толь тяжкаго угнетенія, будучи, Богъ вѣсть, за что гонимъ; лишили насъ еще и свободы. И пусты нивы были, и пусты сельбища. Во-области Іуды сталъ Господень храмъ. Іуда продавалъ причастіе духа святаго, Іуда продавалъ крестъ спасенія. Многіе храмы православные были запечатаны; иные обращены въ синагоги. Ризы иконъ и сосуды переливались въ монеты.» Современикъ иностранецъ, Левасеръ-де-Бопланъ, говорить, что дворянство одно блаженствуетъ какъ въ раю, между тѣмъ какъ народъ мучится какъ въ чистилищѣ.

Только въ 1648 году, когда снова началось возстаніе козаковъ подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, только послѣ первыхъ его удачъ въ битвахъ съ Поляками, Гайдамаки показали снова между рядами реестровыхъ Гетманскихъ козаковъ, и очень вѣроятно, большая часть ополченій вольныхъ козаковъ состояла изъ кравчинъ Гайдамацкихъ. Больше всего острили они свои сабли противъ воеводы Русскаго князя Іериміи Вишневецкаго, который, бывши прежде ревностнымъ Грекороссіаниномъ, сдѣлался послѣ еще болѣе ревностнымъ Уніатомъ, а потомъ католикомъ, и ужасно угнеталъ Украинцевъ, выжигалъ у нихъ глаза, вѣшалъ ихъ, сажалъ на колъ, рѣзалъ, морилъ голодомъ, мучилъ всѣми ужасными муками медленной казни. Вся за-

падная Украина наполнилась толпами вольниковъ, истреблявшихъ враговъ православія: около Канева Лисенко съ Вовгуревцами сдиралъ кожи съ Уніатовъ и Жидовъ; вокругъ Кіева дѣлалъ тоже Харченко; на Подоль буйствовали толпы Гайдамакъ съ Остапомъ Павлюкомъ и Морозенкомъ; на Волини падала шляхта Польская подъ ударами Ганджи. Чорнота, Калинь, Воронченко, Лобода, Бурлай, Полкожуха, Небаба, Нечай, Тиша, съ дружинами, проникали въ глубь Польши. Всѣхъ грознѣе была кравчина Максима Кривоноса. Волинь и Подоль были поприщемъ его дѣйствій, — и не было отъ него пощады ни женамъ, ни дѣтямъ, ни старикамъ. Разбитый подъ Звягелемъ воинами Вишневецкаго, Кривонось положилъ 6000 изъ нихъ на полѣ битвы подъ Полоннымъ; потомъ въ Умани и Ладыжинѣ принесть въ жертву своего мщенія цѣлую толпу Жидовъ и Уніатовъ, а повзятіи Бара совершилъ столь же кровавую тризну надъ 3000 Уніатовъ и 15000 Жидовъ. Напрасно Вишневецкій преслѣдовалъ его и побѣждалъ. Кривонось продолжалъ лить потоками кровь и разносить повсюду пламя.

Память народная доселѣ не забыла его имени, и въ пѣсняхъ повторяетъ сказанія о его подвигахъ. Вотъ одна изъ этихъ пѣсней:

Х. Ой, ведали Перебійносу
 Да вечеряти състи,
 Ой, прийшли Перебійносу
 Немудри вѣсти:
 Стережися, Перебійносу,
 Ты-сій чорнон гати:
 Ой, иде Ляхивъ сорокъ тисячъ

Хотятъ тебе взяти. —
 Ой, крикне панъ Перебийнось
 Ни хлопця малого:
 Обьгай хлопче, обьгай малый,
 Одъ хаты до хаты!
 Ой дай же ты, малый,
 Всѣмъ козаченькамъ знати!
 Ой, крикнувъ панъ Перебийнось
 На хлопця малого:
 Осѣдай хлопче, осѣдай малый,
 Коня вороного,
 А соби хлопче
 Хоча полового. —
 Ой, не дали да Перебийносу
 На коника упасти,
 Якъ взявъ Ляхивъ якъ взявъ панивъ
 Якъ снопики класти.
 Ой, не дали да Перебийносу
 На коника състи,
 Якъ взявъ Ляхивъ, якъ взявъ панивъ
 На капусту сикти
 Ой, глянне панъ Перебийнось
 На лъвую руку:
 Да невмскочить его кинь вороный
 Изъ Ляшкаго трупу:
 Ой, глянне панъ Перебийнось
 На правое плече:
 Ажъ изъ Ляхивъ, ажъ изъ панивъ
 Кровавая рѣчка тече.

Лисенко, товарищъ Кривоноса, попался-было въ плѣнъ, но былъ освобожденъ, и оба они съ тѣхъ поръ еще болѣе дѣлали Полякамъ зла. Наконецъ Кривонось былъ умерщвленъ собственными руками Вишневецкаго. Лисенко и другіе также погибли. Остался Морозенко, — остался на долго, но онъ былъ вождемъ, кажется, не однихъ Гайдамаковъ.

Между тѣмъ Хмѣльницкій твердымъ шагомъ шелъ по предназначенному пути. Нерѣдко приходилась ему бѣда отъ Поляковъ, но онъ сносилъ бѣду, ждалъ лучшихъ дней, и ждалъ даромъ. 1-го Января 1654-го года, послѣ частыхъ прозбъ и долгихъ жданій, посольство Русское: ближній бояринъ Василій Васильевичъ Бутурлинъ, окольничій Алферьевъ и думный дякъ Лопухинъ были встрѣчены Полковникомъ Павломъ Тетерею въ Переяславѣ 8-го Января. Собралась рада. Хмѣльницкій предложилъ покориться царю Русскому Алексѣю Михайловичу, и подъ его покровомъ искать защиты отъ Поляковъ. «Волимъ» воскликнули козаки, «волимъ пидъ царя Православнаго»... И на другой день народъ далъ присягу.... Миръ возстановился въ Украинѣ, и она, подъ именемъ малой Россіи, сдѣлалась областію Царства Русскаго.

Съ этихъ поръ слава Гайдамаковъ стала темнѣть, и незамѣтно исчезло ихъ имя изъ ряда именъ дѣйствовавшихъ въ Украинѣ Малороссійской. Оставались еще Гайдамаки на Подолѣ и Вольни; но тамъ они жили съ своими соплеменниками и единовѣрцами какъ разбойники; а потомъ и о тѣхъ Гайдамакахъ не стало слышно...

«Скорбѣли сердца людей, и опустошались страны, и на пепелищахъ городовъ поднялись могилы, и изъ развалинъ счастья возникъ цвѣтъ новаго счастья»

И. Срезневскій

РЕВАНЪ

или

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ОБРЯДЪ ТАТАРЪ РЕМЕ- СЛЕННИКОВЪ, ВЪ КРЫМУ.

Кто изъ Татаръ не принялъ *Ревана* и захочетъ заняться какимъ-нибудь ремесломъ, тотъ долженъ напередъ прослужить безденежно у цеховаго мастера *тысячи одинъ день*, и если послѣ такого срока или ранѣ мастеръ признаетъ его способнымъ, то онъ съ позволенія *Уста-Биши* или цехмейстера и прочихъ мастеровъ, можетъ заниматься своею работою или самъ посебъ или у котораго нибудь изъ ремесленниковъ. При этомъ позволеніи обыкновенно дѣлаютъ закуску и приглашаютъ на нее начальниковъ цеховъ, съ ихъ помощниками, и духовныхъ, читающихъ въ свое время молитву. Такое угощеніе называется у нихъ *лонджа*. Но не смотря ни на какое искусство ремесленника, если онъ не принялъ *Ревана*, то подвергается бѣльшимъ ограниченіямъ: онъ можетъ закупать для своихъ работъ только тѣ товары, которые не нужны ремесленникамъ торже-

ственно принятымъ въ цехъ; издѣлія свои не можетъ продавать обыкновеннымъ порядкомъ, развѣ въ другой городъ; ему не позволяется нанимать учениковъ, помѣсячно или погодно, а только на каждую работу особенно, напр: на выстроганіе, выдѣлку извѣстнаго числа штукъ, чѣму положена цѣна въ каждомъ цехѣ; онъ не смѣетъ вступить въ сообщеніе мастеровъ, ни даже сидѣть между ними, и если, не смотря на запрещеніе, держитъ учениковъ, то всякій мастеръ воленъ отнять ихъ у него, когда захочетъ. Такимъ запрещеніемъ подлежитъ всякій *нереванный*, между тѣмъ какъ и трехлѣтній ребенокъ, принявшій *Реванъ*, изъемлется въ свое время отъ ограниченій, имя его вносится въ списокъ мастеровъ и посреди ихъ назначается ему мѣсто.

Такъ важенъ для Крымскаго Татарина *Реванъ*, или торжественное празднество для принятія въ цехъ, съ правомъ свободнаго отправленія ремесла.

По словамъ Крымскихъ Татаръ, обрядъ этотъ воспріялъ начало во времена пророка ихъ Мугамеда, и какъ на Востокъ, такъ и здѣсь въ Крыму, признанъ за священный обычай, и свершается только одинъ разъ въ продолженіи десяти или двадцати лѣтъ, со всею торжественностію и весельемъ пиршествомъ.

Когда въ городъ и его округъ увеличится число подмастерьевъ, до того что они всостояніи посильными вкладами составить сумму достаточную на расходы для Ревана, то открываютъ его съ позволенія своихъ мастеровъ, *Уста-Баши* и *Нахына*, или

духовной особы Мугомедова поколѣнія и вмѣстѣ наследственнаго главы всѣхъ цеховъ одного города или округа.

Въ 1827 году 1 Юня свершался въ Бахчисараѣ Реванъ Кожевниковъ, начатый съ 28 Мая, и я, бывши очевидцемъ этого праздника, рѣшился описать его, какъ оно происходило.

На пространномъ мѣстѣ между кожевенными заводами была устроена терраса, убранная коврами и подушками, какъ татарская гостинная. Къ одному столбу террасы было прикрѣплено *цеховое знамя*, или древко, обтянутое зеленою бурметью (грубою бумажною тканью), перевязанною тесмою; на верху древка была укрѣплена зеленая дощечка, и на ней изображено слово *Аллахъ* (Богъ) вырѣзанными насквозь буквами, величиною въ два вершка. Это знамя дано право имѣть одному кожевенному цеху. Подлѣ другаго столба террасы былъ поставленъ *знакъ веселія* или *нагылъ*: его представляетъ коническая фигура, вышиною аршина въ два, обвѣшенная узенькими лоскутками изъ разноцвѣтной бумаги и шумихи; на верху укрѣпленъ позолоченный мѣсяцъ, убранный вырѣзанными изъ бумаги цвѣтами и птичками. Этотъ знакъ веселія стоитъ на трехъ окрашенныхъ ножкахъ вышиною въ поларшина. Предъ гостиною вокругъ площадки, стали гдѣ въ одинъ, гдѣ въ два ряда, какъ позволяло мѣсто, кандидаты въ ремесленники, въ лучшемъ своемъ одѣяніи и разноцвѣтныхъ *пештималахъ*, или покрывалахъ шелковыхъ или бумажныхъ, сложенныхъ въ

длину и перекинутыхъ черезъ правое плечо, концами къ лѣвому боку, подъ поясъ. *Уста-Баши*, *Игитъ-Баши*, или глава подмастерьевъ, *Чаушъ* и *Серчешме*, или помощникъ *Нахыпа*, наложивъ на себя такимъ же образомъ *пѣштималы*, и принявъ, кромѣ послѣдняго, приготовленные для нихъ, къ этой церемоніи жезлы, приступили каждый къ своей обязанности. *Серчешме*, сопровождаемый чело-вѣкъ пятнадцатію подмастерьевъ, отправившись къ *Нахыпу*, испросилъ его знамя и, принеся его на плечь, утвердилъ подлѣ другаго столба гостиной рядомъ съ цеховымъ и знакомъ веселія. Потребное число подмастерьевъ разослано ко всѣмъ существующимъ въ городѣ цехамъ, духовенству и почетнѣйшимъ жителямъ, для объявленія о Реванѣ и приглашенія къ сборному мѣсту на *чашку кофе*. *Уста-Баши* и *Игитъ-Баши*, съ старшинами своего цеха, съ-ли въ гостиной для приѣма гостей, а *Чаушъ* приказалъ играть музыкъ, состоявшей изъ барабановъ, литавръ и гобоевъ, и открылъ торжество, въ продолженіи котораго заставляли молодыхъ людей почти непрерывно плясать однихъ за другими.

Скоро послѣ того начали сходитья и гости, которыхъ за всеобщими съ обѣихъ сторонъ приветственными словами, принявъ каждаго на приличномъ ему мѣстѣ, угощали трубкою, потомъ кофе и въ слѣдъ за тѣмъ вареньемъ.

По прибытіи чело-вѣкъ осми изъ духовныхъ, Цех-мейстеръ велѣлъ умолкнуть музыкъ и попросилъ одного изъ нихъ прочесть надлежащую молитву по-

миновенія *Пировъ*: въ продолженіи этой молитвы, всѣ кандидаты, сидѣвшіе предъ терасою, и весь народъ, съ подъятыми руками повторили нѣсколько разъ: *аминь*. Татары почитаютъ *Пировъ* изобрѣтателями и покровителями искусствъ и ремеслъ, и рассказываютъ, что Адамъ изобрѣлъ земледѣліе и былъ первымъ *Пиромъ*; что послѣ раскаянія его Ангелъ Гавріиль по вѣлѣнію Божію завѣсилъ его покрываломъ или передникомъ, а что въ послѣдствіи времени Богъ послалъ Ангела же Гавріила завѣсить, подобно Адаму, каждого изобрѣтателя, въ числѣ которыхъ было много Пророковъ. Къ этому прибавляютъ, что Адамъ бывши Пророкомъ, зналъ неминуемость потопа, и желавши передать потомству имена *Пировъ*, надѣлалъ черепицъ, написалъ на нихъ пальцемъ на разныхъ языкахъ имена всѣхъ изобрѣтателей ремеслъ, и, выжегши черепицы, закопалъ ихъ въ землю; всѣ эти свѣденія, по ихъ преданіямъ, открыты послѣ потопа и сохраняются въ рукописяхъ Восточныхъ народовъ.

Пока собирались гости, въ это время на Качинской долинь, верстахъ въ шести отъ города, на прелестномъ лугу, подлѣ рѣчки и тѣнистыхъ деревьевъ дѣлались приуготовленія для главнаго дѣйствія обряда. И когда тамъ, устроивъ все какъ слѣдовало донесли о готовности, цѣхъ совершилъ моленіе съ поминовеніемъ *Пировъ* и выступилъ туда въ устроенномъ порядкѣ.

Серчесме принялъ на плечо знамя *Нахына*, а отряженный къ нему кожевникъ—цеховое. Рядомъ съ

ними заняли мѣста, по обѣимъ сторонамъ, *Уста-Баши* и *Игитъ-Баши*. Предъ знаменами три кандидата держали *нагыль* или знакъ веселія, а впереди построились музыканты (безъ литавръ). Позади знамень сталъ поварь съ уполовникомъ, поднятымъ къ плечу, за нимъ двое съ котломъ, а за ними кандидаты — одинъ за другимъ въ два ряда. Ремесленники и народъ заключили шествіе съ обѣихъ сторонъ. Но прежде, нежели оно тронулось, послали на повозкѣ къ *Нахылу*, къ каждому цеху, начальникамъ духовныхъ и почетнѣйшимъ изъ гражданъ съ приглашеніемъ ихъ на пиршество.

По прибытіи на мѣсто пиршества, открылась площадь, обнесенная съ трехъ сторонъ палатками. Внутренность большаго намета для улемовъ и духовныхъ и почетнѣйшихъ Татаръ, была съ трехъ сторонъ убрана богатыми подушками, прислоненными къ периламъ, и коврами, подъ которые были посланы тюфяки; по срединѣ намета, на довольномъ разстояніи одна отъ другой стояли двѣ жаровни съ огнемъ и щипцами. Другой наметъ на противоположной сторонѣ, саженьхъ въ двухъ отъ перваго былъ обмеллированъ по Европейски для иноверныхъ господъ обоюго пола; рядомъ съ нимъ одинъ, а напротивъ, во всю длину мѣста, два холщевые шатра, устланные коврами и войлоками, съ подушками, прислоненными къ периламъ; впереди обоихъ шатровъ насыпаны были мѣстами горящіе угли для трубокъ.

По прибытіи процессіи на это мѣсто, поставили предъ главною палаткою знакъ веселія и знамена.

Поварь пошелъ въ свое мѣсто, куда отнесли за нимъ и котель. Кандидаты, кромѣ распределенныхъ по разнымъ занятіямъ, ставши въ три ряда лицомъ къ знаменамъ, примкнули къ отдаленнымъ концамъ боковыхъ палатокъ, и оградилъ такимъ образомъ поприще длиною въ пятьдесятъ, а шириною въ тридцать пять шаговъ. Музыканты, число которыхъ увеличилось десятью скрыпачами и такимъ же числомъ ихъ помощниковъ съ бубнами, заняли мѣсто на муравь, у ногъ кандидатовъ. И звукъ музыки, непрерывная пляска и борьба за призы увеселяли званыхъ и незваныхъ зрителей, и каждый новый гость былъ угощаемъ, если онъ мугамеданинъ, трубкою и кофе, а если нашъ и пріѣзжалъ передъ вечеромъ, то чашкою чаю.

Никто почти изъ Татаръ не возвратился на ночь домой. При захожденіи солнца, когда настало время ихъ обыкновенной вечерней молитвы, музыка умолкла; всѣ, вставши съ своихъ мѣстъ, вышли изъ палатокъ, и, подославъ подъ себя верхнее платье, молились, при отправленіи вечерни однимъ Муллою. Эта переменна зрѣлища была восхитительна и переходъ отъ шумнаго празднества къ тихой молитвѣ поражалъ невольно.

По окончаніи молитвы сѣли по мѣстамъ, и скоро потомъ разнесенъ былъ всѣмъ безъ изыятія ужинъ изъ хлѣба и чорбы, т. е. кашицы съ бараниною. Всю ночь палатки были освѣщены огнями, музыка не умолкала, пляски и разговоры не прерывались, а кого обремѣнялъ сонъ, тому стоило только протя-

нуться и накрыться шубою, которую нарочно для такого случая каждый бралъ съ собою.

На другой день, послѣ утренней молитвы и поминовенія *Пировъ*, всѣмъ гостямъ поднесенъ былъ кофе; борцы явились опять на поприще, и до объѣда очердовались съ танцующими. Тогда цехмейстеръ, взявъ съ собою *Серчемме*, пошелъ просить духовенство о благословеніи яствъ. Семь *Эфендіевъ*, сопровождаемые *Цехмейстеромъ*, *Серчесиме* и *Чаушемъ*, отправились на кухню. Тамъ помолясь съ поминовеніемъ *Пировъ*, просили Бога объ изобиліи, и, давши приказаніе повару отпускать пищу, возвратились на свое мѣсто.

Покуда повара выкладывали кушанье на пятнадцать столовъ, на каждый по пяти блюдъ, въ главномъ наметѣ происходило омовеніе рукъ; послѣ того подали круглые столы (гдѣ деревянные, а гдѣ кожаные), около которыхъ усѣлось человекъ по двѣнадцати. Вокругъ были длинныя полотенца или ручники; достаточное число ломтей хлѣба и ложки по числу людей, составляли всю столовую принадлежность. Во второмъ наметѣ накрытъ былъ столъ со всеми приборами по Европейски, для Христіанъ изъ высшаго сословія и почетнѣйшихъ купцовъ и мѣщанъ; а въ ближайшемъ саду, подъ большими деревьями, былъ поставленъ приличный столъ для начальника губерніи и избранныхъ ему собесѣдниковъ, между которыми помѣстилось небольшое число значительнѣйшихъ особъ изъ Духовенства и Дворянства татарскаго.

Кухню составляло открытое мѣсто, на которомъ приготовлено было: груда ломтей бѣлаго хлѣба; вышиною аршина полтора, двадцать два мѣдныхъ котла съ девятнадцатью чугунными, вмѣщавшими первые отъ семи до осми, а послѣдніе отъ четырехъ до шести ведеръ кушанья, которое состояло болѣе въ баранинѣ и пилавѣ.

Кромѣ объдавшихъ въ палаткахъ духовныхъ и ремесленниковъ, все пространство между ними покрывлось стѣснившимися зрителями, которые расположились объдать кругами на зеленой равнинѣ. По окончаніи объда и омовенія рукъ подали имъ кофе и трубки, а потомъ, вставши, совершили всѣ полуденную молитву и заняли опять свои мѣста.

Послѣ того въ главномъ наметѣ отправили молебствіе о здравіи и благоденствіи Государя Императора и Августѣйшей фамиліи; о здравіи главнаго и мѣстнаго начальника Тавриды. Потомъ помянули усопшихъ Государей, — а послѣдняя молитва заключилась поминовеніемъ *Пировъ*. Всѣ же тамъ сидѣвшіе и народъ, при всякой молитвѣ, съ поднятыми руками, восклицали: «Аминь!»

Тутъ *Нахылъ*, оставивъ свое мѣсто, бывшес между *Эффендіями*, сѣлъ предъ ними по срединѣ на мѣсто, довлѣемое его Великому Пророку Мугамеду. По обѣимъ сторонамъ *Нахыла*, мѣсто *Пировъ* заняли Цейхмейстеры — каждый то, которое принадлежитъ Пиру ихъ ремесла, и именно: по лѣвую или высшую сторону *Нахыла*, 1 слѣдуетъ Цейх-

*

мейстеру земледѣльцевъ, 2 башмашниковъ, 3 сѣдѣльниковъ, 4 мясниковъ, 5 плотниковъ, 6 токарей и т. д. до 36-го, т. е. до банщиковъ включительно; по правую руку, 1 мѣсто занялъ Цехмейстеръ кожевниковъ, 2 брадобрѣевъ или циркульниковъ, 3 ткачей, 4 портныхъ, 5 кузнецовъ и проч. до 36-го или до хирурговъ и 37-го, которое занимали повивальныя бабки. Это послѣднее искусство считалось у нихъ *полуремесломъ*; но какъ рѣдко бываютъ цехи всѣхъ семидесяти двухъ съ половиною ремеслъ, то садятся только тѣ цехмейстеры, которымъ случится быть въ томъ городѣ, не оставляя мѣсть праздныхъ; или, лучше сказать, тамъ нѣтъ мѣста Пирю, гдѣ ремесло его не имѣетъ цеха и цехмейстера. Вотъ почему и не засѣдали здѣсь, съ *Нахиломъ*, повивальная бабка и акушеръ, даже операторъ и многіе другіе присутствующіе при Реванѣ.

Быть можетъ покажется страннымъ, почему одно только ремесло *кожевниковъ* и цехмейстеръ его въ Реванахъ всѣхъ цеховъ, занимаетъ столь высокое мѣсто, не смотря на то, что Пиръ его явился въ позднѣйшія времена, но добродушные Татары объясняютъ это такъ: «однажды Халивъ (Калифъ) Магометъ послалъ противъ непріятеля зятя своего Пророка Алія, давъ ему знаменосца Шейхъ-Махмута съ тридцатью двумя воинами. По возвращеніи ихъ съ битвы, Мугамедъ спросилъ Алія: «Какъ былъ въ дѣлахъ Шейхъ-Махмутъ?» Алію отвѣтствовалъ, что онъ сражался, какъ *Эванъ*. Тотъ же вопросъ былъ сдѣланъ и воинамъ, которые едино-

гласно подтвердили слова Алія. Тогда Верховный Пророкъ сказалъ. «Эвранъ все равно, что братъ мнѣ;» и еще спросилъ ихъ: «чѣмъ они изъяснятъ ему свою признательность?» Тутъ всѣ, вмѣсто отвѣта, поднесли знаменосцу, каждый по мѣрѣ своей возможности, дары, стоившіе много или мало, — хотя бы иной равнялся цѣною одному листу древесному. Послѣ того, обратясь къ своему зятю, сказалъ: «А ты чѣмъ надѣлишь Шеихъ-Махмута?» Онъ отвѣчалъ: — Я дамъ ему въ замужство дочь мою Рухые.» Этотъ бракъ Халивъ совершилъ своимъ иждивеніемъ; пиршество продолжалось три дня. Не считая прочихъ припасовъ, въ первый день было зарѣзано 35 барана, на второй 35 козла, на третій столько же быковъ. Послѣ свадьбы, когда новобрачный явился къ Великому Пророку для целованія руки, то Пророкъ, повелѣвъ ему слѣдовать за собою, пришелъ въ поварню, и, обозрѣвъ всѣ кожи зарѣзаннаго скота, сказалъ: «Эти избытки я дарю тебѣ: употреби ихъ въ свою пользу.» Шеихъ-Махмутъ, выдѣлалъ кожи, многія окрасилъ, — однѣ въ черную, другія въ желтую или красную краски, — и, свернувъ всѣ десятками, поднесъ *Намѣстнику Бога*. Великій Пророкъ и всѣ предстоявшіе ему, рассмотрѣвъ издѣлія, осыпали изобрѣтателя похвалами. Пророкъ Алій, также отдавшій справедливость зятю своему, взялъ одну кожу на жезлъ, и, навелъ на нес лоскъ. Увидѣвъ это, всѣ присутствующіе и самъ Шеихъ-Махмутъ сказали: «Вотъ теиерь усовершенствовалось ремесло!» Послѣ того нѣкоторые изъ свиты Пророка прибавили: «Не достойно ли это дѣло *покрова?*»

и Магометъ, взявши два *Пештимала*, самъ, своею рукою, завѣсилъ однимъ *Алія*, а другимъ *Шеихъ-Махмута*. Благословивъ же обоихъ, онъ приказалъ имъ облечь равнымъ образомъ тѣхъ тридцать двухъ воиновъ, которые, подобно *Алію* и зятю его, стали *Пирами*, избрѣтя каждый, почти въ это же время, по одному ремеслу.»

По отводѣ мѣстъ цейхмейстерамъ, *Серчесиме* подошелъ съ докладомъ къ *Нахыпу*: «*позволитъ ли отпереть врата подмастерьямъ?*» Вѣроятно въ томъ смыслѣ: освободить ли ихъ отъ ограниченій. Получивши ожидаемый отвѣтъ, онъ, отступая, прошелъ шаговъ двадцать до самыхъ кандидатовъ, которые для этого подошли ближе. Поставивъ ихъ, одного за другимъ въ два ряда, велѣлъ всѣмъ держать на головѣ обѣ руки, сложенныя кистями одна на другой. Потомъ, оборотившись лицомъ къ Присутствію, сталъ рядомъ съ предстоящимъ *Калфа Баши*, взявъ его за левое ухо, и, придерживая правою рукою, началъ громогласно читать молитву въ память *Пирамъ*, испрашивая благословенія Всевышняго кандидатамъ. Продолжая молитву, онъ подался на одинъ шагъ впередъ и повлекъ главу подмастерьевъ; всѣ кандидаты последовали впередъ на шагъ. Остановившись на четверть минуты, онъ шагнулъ еще и двинулъ всѣхъ, не умолкая. После того же третьяго приступа онъ остался на мѣстѣ, окончилъ молитву и, возвысивъ голосъ, вторично просилъ *Нахыпа* о доступѣ. Когда же этотъ наклоненіемъ головы изъясилъ знакъ согласія, онъ оставляетъ ухо, прыжками подбѣгаетъ къ *Нахыпу*,

целуетъ его руку, шепчетъ ему на ухо и, отступая, приходитъ опять на свое мѣсто. Потомъ, обратившись къ Калфа-Баши, снимаетъ съ плечъ его пештималь, развертываетъ его, три раза обводитъ имъ вокругъ его тѣла, перехватывая покрывало изъ одной руки въ другую, и завѣсивъ его отъ пояса внизъ, завязываетъ позади узломъ верхніе концы запона.

Тутъ, ставъ съ лѣвой стороны, сказалъ ему шопотомъ: *«Запертыхъ дверей не отворяй, отпертыхъ не заворяй; мало приобрътай, много тми.»* *

Потомъ, разръшивъ его руки, взявъ опять за ухо лѣвою рукою, пригнувъ ему голову, а ладонью правой руки, ударивъ крѣпко по голой шеи, отправилъ въ Совѣтъ Засѣдавшихъ на мѣстахъ Мугамеда и Пировъ. *Калфа-Баши*, получивши это разрѣшеніе, облобызалъ шуицу благословившую его, и, побѣжавъ въ Присутствіе, целовалъ руки у *Нахипа*, Цейхместера и своего мастера: отступая же до своихъ товарищей, онъ сталъ позади всѣхъ, а тѣ понемногу подвигались къ *Серчешме*, поступавшему и съ ними такимъ же образомъ, исключая малолѣтныхъ, къ которымъ онъ только дотрогивался.

Не удивительно, что и потомки Еллиновъ, а съ ними вѣсть и Армяне, (хотя послѣдніе не потеряли нечего), подходили, во время угнѣтенія отъ Татаръ, подъ реванное благословеніе къ Серчешме. Фанатизмъ владѣвшихъ Крымомъ Мугамеданъ былъ

* Т. е. въ чужія дѣла не мѣшайся, знай свое, и малое стяжаніе да будетъ для тебя избыточно. *Примѣчаніе Автора.*

такъ великъ, что отъ насильствъ ихъ Греки, жившіе внутри полуострова, утратили обычаи и свой языкъ до послѣдняго слова, сохранивши впрочемъ Христіанскую вѣру; а обитавшіе на южномъ берегу, промѣнявъ ее на Мугамеданскій законъ, остались и нынѣ при своемъ языкѣ, что можно видѣть какъ здѣсь, такъ и въ Екатеринославской губерніи въ Маріополь (колоніи вышедшей отсюда). Но странно видѣть теперь Грековъ (изъ состоящихъ даже въ военной службѣ) и Армянъ, подвергающихъ уху и выю свою рукамъ Татаръ, превосходящихъ нынѣ кротостію всѣ прочія націи, живущія въ Тавриды.

По совершеніи разрѣшенія Серчешме принесъ отъ лица новопроизведенныхъ мастеровъ въ даръ Нахышу тонкаго сукна на кафтанъ, двѣ штуки *шамъ-аладжи*, и въ нихъ по два бумажныхъ и шелковыхъ платочка; Цейхмейстеру того цеха, *Игимъ-Баишъ* и *Чаушу* по куску сукна на кафтанъ, а кончивъ и это дѣло, онъ съѣлъ внѣ намета, куда принесли и ему аршина четыре сукна.

Послѣ того, новопринятые подъ покровительство *Шейхъ-Махмута*, поднесли, каждый отъ себя мастеру; у котораго онъ обучался, дары, состоявшіе по большей части въ штукъ шамъ-аладжи, съ однимъ или съ двумя въ ней платочками, и поцеловавъ у нихъ руки, отошли въ свое мѣсто. Даровъ не носили однѣ дѣти, не бывшія еще у мастера, которыхъ родители дѣлали участниками *Ревана* только для того, чтобъ впослѣдствіи времени онъ были свободны отъ запрещеній цеха, въ который ихъ по-

свящали. Между тѣмъ *Серчешме* пересѣлъ на другое мѣсто, куда принесено было два узла съ фабричными различной доброты платочками, мѣшокъ турецкаго мыла и два картуза полные ухвертокъ роговыхъ и пальмовыхъ. При помощи двухъ чело-вѣкъ онъ завернулъ въ каждый платокъ по брусочку мыла и ухвертки, и разносилъ гостямъ, начиная отъ почетнѣйшихъ въ главномъ наметѣ и давая каждому по одному, не исключая и нашихъ Русскихъ, между которыми немногіе однако съ вѣжливостію отказались отъ предлагаемаго.

Начальникъ губерніи, съ свойственной русскому боярину щедростію, какъ наканунѣ, такъ и въ тотъ день отличавшимся на зрѣлищѣ дѣйствующимъ лицомъ, вмѣсто просимой у него руки для целованія, жаловалъ бѣлыя ассигнаціи. Когда у одного чиновника просили совѣта: «Можно ли въ знакъ благодарности за сдѣланную имъ честь поднести посильное приношеніе?» и получивши въ отвѣтъ, что Его Превосходительству пріятнѣе будетъ признательность въ однихъ только словахъ, отложили это до послѣдняго привѣтствія; и тогда уже почти нѣмымъ краснорѣчіемъ, благодаря его за снисхожденіе: весь цехъ, убогій старецъ *Серчешме*, удивленный и тронутый такою милостію до слезъ, почетнѣйшіе гости и множество народа при повторяемыхъ поклонахъ въ поясъ, прикрытый ладонью лѣвой руки, и прикладывая правую то къ головѣ, то къ груди, сопровождали его до самой рѣчки.

Наконецъ предстояло *Серчешме* отправить послѣднее дѣйствіе: *Разрѣшеніе запоновъ*. Но какъ

онъ отвелъ пожалованныхъ имъ къ сторонѣ за мѣстомъ зрѣлища, гдѣ развязывая узлы, металлъ на плеча хозяина *Пешипималъ*, за что надѣляемъ былъ каждымъ по нѣскольку гривенъ; то и гости, не обращая на это вниманія, немедленно откланялись хозяевамъ, кромѣ небольшого числа не спѣсивыхъ господъ, оставшихся и до слѣдующаго дня допивать и доѣдать остатки припасенаго въ такомъ количествѣ, что одинакими блюдами, какъ говорятъ, (кромѣ сидѣвшихъ за Европейскими столами), было насыщено три тысячи пятьдесятъ человекъ чинно и безъ малѣйшаго нарушенія чьего либо удовольствія.

Такія торжества, отправляемые у ремесленниковъ на Крымскомъ полуостровѣ въ однихъ только городахъ: Бахчисараѣ, Карасубазарѣ и Эвпаторіи, не всѣ продолжаются столь долго и пышно. Это зависитъ отъ числа и состоянія кандидатовъ, которые въ малыхъ цехахъ начинаютъ и оканчиваютъ въ однѣ сутки и менѣе свой обрядъ, называемый и *Реванъ* и *Тефериджъ*. Но разница этихъ словъ состоитъ, кажется, въ томъ, что Реванъ значитъ открытіе пути или разрѣшеніе къ свободѣ; а Тефериджъ реванное торжество съ угощеніемъ разнаго званія и состоянія людей, отнюдь не исключая бѣдныхъ и нищихъ. Никакое впрочемъ пиршество не называется *тефериджъ* или *тефериць*, а какое другое освобожденіе *Реваномъ*.

Е. Булатовъ.

КОРЕННАЯ ЯРМОРКА. *

Главное торговое мѣсто въ Курской губерніи находится, можно сказать, въ чистомъ полѣ, при коренной пустыни. Поле это, заключаая около 50 десятинъ, окружено съ трехъ сторонъ невысокимъ валомъ и рвомъ: съ западной устроена застава Московская, съ южной Курская, а восточная сторона скатывается къ пустыни и дачамъ ея, лежащимъ при рѣкѣ Тускарѣ.

Вѣхавши въ курскую заставу, во время ярмарки, видишь загоны съ лошадьми, возы съ рыбою, табакомъ и фуражными припасами; за ними, по обѣ стороны, балаганы съ разными товарами; еще далѣе два каменныхъ флигеля, выстроенные для пребыванія Гражданскаго Губернатора и корпуснаго командира; наконецъ за площадью открывается каменный двухъ этажный гостинный дворъ.

Всѣ ряды двора пересыпаны свѣжею травою. При входахъ въ него находится двѣ кондитерскія. Около полудня, встрѣчается въ панскомъ ряду все лучшее общество, посѣтившее ярмарку. Оно гуляетъ здѣсь, будто на Невскомъ проспектѣ; вездѣ пестрота и богатство товаровъ, и ничто не безо-

* Статья эта доставлена мнѣ въ Іюль 1836. Изд.

контъ гуляющихъ: ни пыль, ни стукъ отъ ѣдущихъ экипажей, ни знойное солнце, ни самый дождь. Вечеромъ готовятся другія удовольствія: собраніе и театръ. Все живо здѣсь во время ярмарки: веселятся и молятся; торгуютъ, и приносятъ дары въ храмы. Едва займется день, и все засуетится: въ балаганахъ, потомъ въ Думъ, въ трактирахъ, ставкахъ, и наконецъ въ гостинномъ дворѣ, гдѣ каждый торговецъ живетъ въ своѣй лавкѣ или пристроенной къ ней палаткѣ. Богомольцы спѣшатъ въ церковь пустыни, которая приютилась къ высокому берегу Тускари, и въ лучезарныхъ крестахъ своихъ удалилась отъ суеты міра.

Войдя въ святыя ворота, открываются на право кельи, на лѣво больница, и прямо за ними возвышается храмъ Рождества Богородицы; за нимъ устроена площадка, обнесенная перилами; съ нее открывается прелестнѣйшій видъ за Тускаръ: зрѣніе теряется въ безконечности, тамъ — гдѣ небо, кажется, сливается съ землею.

Ниже площадки, на самомъ берегу Тускари, находится другой каменный храмъ во имя Живоначальнаго Источника. Онъ соединенъ съ соборною церковью Рождества Богородицы, крытыми переходами и широкою лѣстницею изъ 154 ступеней и 12 площадокъ. По обѣимъ сторонамъ устроены двери для входа и выхода богомольцевъ; по стѣнамъ видны изображенія чудесъ, совершенныя Св. Иконою.

Со второй площадки на право идетъ лѣстница къ трапезѣ храма, среди которой предъ царскими вратами находится чудесный кладезъ. Когда пройдетъ

время ярморки и уже рѣдко встрѣчаются богомольцы; и содержатель театра усаживаетъ въ повозки своихъ Калифовъ и Гамлетовъ; послѣдній извозчикъ тянется къ заставѣ; и дѣти ищутъ на землѣ лакомствъ и игрушекъ,—тогда не вѣришь глазамъ своимъ, минувшее кажется сномъ... Невольно представляешь въ воображеніи живую картину, только что скрывшуюся отъ зрѣнія, и предаешься воспоминаніямъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней, преданьяхъ старины глубокой.

Издавна вся Курская Губернія называлась *Посемьемъ* и была Украиной древней Руси. Съ юга и востока облегали ее пустыни и степи, на которыхъ кочевали Половцы. Путивль, Курскъ, Рыльскъ, Бѣлгородъ и другіе города были укрѣпленными мѣстами *Посемья*. Любимой страной для набѣговъ Половецкихъ была эта Украина. Они врывались въ нее изъ за Оскола или черезъ пустыни нынѣшней Харьковской Губерніи. Вѣроятно довольство жизни Курчанъ болѣе всего привлекало къ нимъ беспокойныхъ сосѣдей. А плодородіе земли и мѣстность, удобная для *торговли* того времени, обоготчили страну. Покрайней мѣрѣ судя по нашимъ древнимъ путямъ торговли и образу войны, *Посемье* служило складочнымъ мѣстомъ для первой и роздыхомъ для второй. Въ немъ берутъ начало рѣки, впадающія въ Днѣпръ и въ Волгу, и сближаются своими верховьями, такимъ образомъ главные пути торговли съ *Востокомъ* и *Византіей* соединялись и здѣсь, какъ соединялись они между верховьями Днѣпра и Волги. Курская Губернія была *волокомъ* на югѣ

между Окою, Сеймомъ и Десной, какъ на сѣверъ нынѣшній *Вышній Волочокъ* былъ волокомъ между Волгой и Балтійскимъ моремъ. Этотъ путь торговли былъ обыкновеннымъ въ древнія времена, и кромѣ историческихъ памятниковъ и урочищъ указываютъ на него множество арабскихъ и византійскихъ монетъ, находимыхъ въ землѣ по берегамъ Днѣпра, Оки и особенно Волги, чрезъ которую шли товары Персидскіе и даже Индійскіе, и передавались въ руки Ганзейской торговлѣ. Военные пути пролегали также по теченію рѣкъ—и завоеванія отдаленныхъ Славянскихъ племянъ, а также Чуди и Хазаръ, производились по рѣкамъ. Святославъ, отправляясь противъ Греціи, плылъ въ ладьяхъ по Днѣпру и потомъ Чернымъ моремъ, по возможности придерживаясь береговъ; а обратившись противъ Вятичей и далѣе, вошелъ рѣками въ Курскую Губернію, оттуда къ Верховьямъ Оки, и Окою въ Волгу. Въ обоихъ случаяхъ Курская Губернія была перепутьемъ съ юга на сѣверъ — и для торговли и для военныхъ дѣйствій. Вѣроятно это самое, открывая новыя средства жизни, развивало дѣятельность въ жителяхъ и поддерживало въ нихъ бодрость. Отражая набѣги кочевыхъ племенъ, Курчане нерѣдко ходили въ степи, вносили ужасъ и возвращались съ добычей. Вотъ какъ говорилъ Всеволодъ, Князь Курскій брату своему Игорю Святославичу: «Одинъ братъ, одинъ у меня свѣтъ свѣтлый ты Игорь: мы оба Святославичи. Сѣдай, братъ Игорь, своихъ борзыхъ коней, а мои ужь готовы, у Курска стоятъ подъ сѣдломъ. Куряне извѣстные воины:

подъ трубами повиты, подъ шлемомъ взлелѣяны, концемъ копья вскормлены. Пути имъ знакомы, овраги всѣ знаютъ. Натянуты луки ихъ; колчаны открыты, сабли ихъ остры, и рыщутъ они сѣрыми волками въ поле, ища себѣ чести, а Князю славы.» (1)

Этими немногими словами вѣрно и поэтически описанъ воинственный бытъ жителей нашего Посямья. И два боя гибельныхъ для Руси: одинъ на Каялѣ близъ Донца и другой на Калкѣ недалеко отъ Азовскаго моря, доказали какъ умѣли биться Курчанѣ. Когда Игорь Святославичъ, раненый, взять былъ въ плѣнъ, тогда съ немногими воинами остался Всеволодъ Курскій — и пѣшій хотѣлъ пробиться къ Донцу.

«О, ярый туръ Всеволодъ! стоишь въ оборонѣ и прыщешь стрѣлами, гремитъ о шелома твой мечъ харалужный. Кудѣ принесешь, твой шлемъ гдѣ заблещетъ, тамъ головы Половецкія поле покрыли. Калеными саблями, Ярый-Туръ Всеволодъ, разсѣкъ ты шлемы Оварскіе.» (2)

Также отважно бился Олегъ Курскій на Калкѣ, противъ Татаръ, въ 1224 году.

Но черезъ пятнадцать лѣтъ уже не было Курска. Буря поднялась на Востокъ, ворвалась въ нашу Русь, пролетѣла отъ Рязни почти до Новгорода и оттуда на югъ въ степи половецкія: все, что было на пути, все пало или преклонилось или бѣжало. Въ продолженіи сличкомъ сорока лѣтъ Курчане испытывали свои силы противъ Татаръ, успѣвали раззорять ихъ улусы; но ровно черезъ сто лѣтъ послѣ битвы на Каялѣ (1285) толпы Татаръ, предводимыя

Темиромъ, военачальникомъ Ногай, совершенно разгромили наше *Посльме*: Князя бѣжали; большая часть бояръ погибли; города были разрушены и вскорѣ о Курскѣ стали упоминать, какъ о пустынь: «Страна Курская раззореніемъ отъ Татаръ пришедъ въ конечное запустѣніе заросла лѣсами, и была изобильна птицами и звѣрями.... » (3)

Въ 1295 году одинъ изъ охотниковъ Г. Рьльска, въ лѣсу на берегу р. Тускари, гдѣ теперь церковь Рождества Богородицы, обрѣлъ на корнѣ икону знаменія Богоматери, обращенный ликомъ къ землѣ, и поднявши его увидѣлъ какъ заструился источникъ чистой воды. Вѣсть объ этомъ открытіи дошла до Рьльскаго князя Шемяки, и по его приказанію образъ перенесенъ въ Рьльскѣ. Благоговѣнно встрѣтилъ народъ св. икону, но самъ Князь не хотѣлъ присутствовать при торжествѣ—и былъ объятъ слѣпотой, отъ которой избавился только сознаніемъ своей вины и принесеніемъ молебствія предъ явленною иконою. Чудеса творятся по мѣрѣ благочестія народа, и много ихъ свершилось со времени обрѣтенія чудотворнаго образа. На мѣстѣ его обрѣтенія была сооружена часовня, въ которую онъ былъ перенесенъ изъ Рьльска и, несмотря на желаніе жителей города оставить его у себя, пребылъ здѣсь не отлучно слишкомъ *триста* лѣтъ.

Но въ 1597 году Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, увѣдавъ о чудесахъ св. образа, указалъ поднять его въ Москву и торжественно встрѣтилъ его; а Царица Ирина Ѳеодоровна украсила его богатою ризою, приказала вставить его въ новую дску и приписать не

ней вверху Господа Саваоа, по правую руку—Давида, Моисея, Иеремію и Гедеона; а по левую—Соломона, Данила, Исаію и Ілію; и приложила богатыя пелены изъ краснаго атласа къ означенію года. Потомъ Государь торжественно отпустилъ св: образъ въ пустыню, и повелѣлъ выстроить на мѣстѣ часовни монастырь, въ которомъ былъ первымъ Игуменомъ Священникъ Георгій, въ иночествѣ Евфимій. Въ томъ же году по указу Царя возобновленъ Курскъ.

Царь Борисъ Феодоровичъ прислалъ къ св: образу: иконы, книги, свѣчи, ладонъ, колокола и казну.

Въ 1603, Григорій Отрепьевъ, зная вѣру народа въ чудотворный образъ, вызвалъ его въ Путивль и въ сопровожденіи его двинулся къ Москвѣ.

Въ 1612 году, когда Польскія войска стѣснили Курскъ, и во время приступа взбирались на стѣны его, въ это время народъ, памятуя чудеса своей заступницы, обратился къ ней съ молитвою, и далъ обѣтъ построить монастырь. Приступъ былъ отбитъ, жители исполнили свой обѣтъ. Къ монастырю была приписана (1618) коренная пустынь, и самая икона была перенесена въ него. Но въ 1764, при составленіи штатовъ, Коренная пустынь снова отчислена отъ вѣдомства Курскаго Знаменскаго монастыря и оставлена на своемъ содержаніи при *строительскомъ* начальствѣ.

Съ 1767 по 1806 годъ, св. икона находилась не выносимо въ Курскъ, но съ 1806 года, ношеніе ея на мѣсто обрѣтенія возобновлено и свершается каж-

дый годъ въ дѣвятую Пятницу по Пасхѣ. Копію съ иконы удостоенъ имѣть Бѣлогородскій полкъ.

Къ 1806 году должно отнести и постоянное открытіе ярмарки, въ понедѣльникъ на 9 недѣль по Пасхѣ. И вѣроятно это назначеніе времени для ярмарки было согласно съ установленіемъ ее по обычаю народному.

Періодическое стеченіе народа къ св: мѣсту само собою мало по малу произвело ярмарку, которую въ этомъ отношеніи можно назвать естественною. По нынѣ сохранился обычай, не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ классѣ приносить въ даръ образамъ разныя издѣлія отъ трудовъ рукъ своихъ. Этотъ обычай былъ сильнѣе въ древности, потому что деньги были рѣдкостію. Первыя приношенія образу знаменія Коренной Божіей Матери, состоявшія изъ холста, сукна, пушнаго товару, обращались мѣстными священниками въ деньги, или мѣнялись на другія нужнѣйшія вещи. Когда же покупатели и мѣновщики привыкли туда приходить и пріѣзжать для такой торговли, и для полученія за дешевѣйшую плату товаровъ, начали выставлять вещи и блестящія для поселянъ бездѣлки; тогда богомольцы начали приносить собственные товары для продажи и мѣны, и такимъ образомъ положено было начало ярмарки.

Чтобъ представить себѣ живѣе первоначальную Коренную ярмарку, необходимо посвятить для этого послѣдніе четыре дня 9-й недѣли по Пасхѣ. Уже съ середины десятки тысячъ народа кипятъ на площади города Курска; но въ этомъ приливѣ народ-

номъ почти не видишь поселянъ: только ихъ жены и дочери стеклись сюда изъ всѣхъ уѣздовъ Курской и изъ разныхъ селеній сосѣдственныхъ губерній, чтобы проводить святую икону до Коренной пустыни, или чтобъ только поклониться ей.

Они принесли съ собою свои избытки: простые кушаки, фланель, камлотъ, холстъ, чулки, и другіе мелочные товары. Продавая ихъ, многіе и понынѣ считаютъ грѣхомъ запрашивать дороже настоящей цѣны, которая уже заранѣе назначена на приношеніе св: иконѣ. Торговцы, пользуясь стеченіемъ народа, выставляютъ потребные для него товары: мѣдные кресты, перстни и кольца, бисеръ, бусы, лоскутки шелковой и бумажной ткани, грубый миткаль, выбойку и платки.

Такъ воскресаетъ первоначальная ярмарка, но уже въ Курскѣ: она не велика по цѣнности обращающихся въ ней товаровъ, но замѣчательна по стеченію народа, исполненаго религіознымъ чувствомъ, бѣднаго потребностями житейскими и привычкою къ удобствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мало нужно для поселянки, для ея наряда, для ея покоя. Кромѣ подгородныхъ поселянокъ и однодворокъ, очень не многія покупаютъ на свои трудовыя деньги: бумажные и шелковые платки и ткани, а вообще вся закупка каждой состоитъ въ мѣдномъ крестѣ, перстнѣ, кольцѣ, шнуркѣ, нѣсколькихъ ниткахъ бисера, и лоскутьяхъ, что все вмѣстѣ обходится не дороже пяти копѣекъ серебромъ. Мѣдныя вещи она несетъ въ гостиницѣ своимъ дѣтямъ, изъ лоскутковъ

*

шьеть себѣ головной уборъ подѣ названіемъ *сороки*, или *повойника*, изъ остатковъ огъ него, т. е. изъ самыхъ мелкихъ лоскутковъ, дѣлаеть къ своей сорокѣ *махорочки*, дѣлаеть себѣ или дочери букли, называемыя *заушниками*, а бисеромъ поновляеть щитокъ головной повязки, покрывающей шею и называемый *подзатыльникомъ*. Нарядъ для дѣвушки или невѣсты, который доводится купить одинъ разъ въ жизни, рѣдко стоить болѣе 75 копѣекъ серебромъ. Платья, платки и прочее дѣлають болѣе изъ шерстяной, льняной и конопляной ткани своего издѣлія.

Вода и хлѣбъ составляютъ здѣсь ихъ пищу, и рѣдко увидишь, чтобъ десять поселянокъ кунили себѣ для общаго обѣда: на грошъ квасу, на грошъ луку и на два-три гроша сухой рыбы.

Настанеть ночь, онѣ не ищутъ удобнѣйшаго пріюта: безъ крова голая земля или каменная мостовая служить имъ постелью. На ней располагаются онѣ цѣлыми селеніями, укладывались головами вмѣстѣ, и спать сладко и спокойно.

Въ пятницу, едва раздастся призывный колококъ къ обѣднѣ, весь народъ, осѣняясь крестомъ, отправляется къ Московской заставѣ; но красная площадь и монастырскій дворъ все еще пестрѣють толпами. Здѣсь съ благоговѣніемъ молится народъ на храмъ Знаменія Богаматери, въ которомъ обрѣтается образъ ея Заступницы, Надежды небесной.

Кончилась обѣдня, и въ 10 часовъ самъ Преосвященный епископъ курскій и бѣлогородскій, предшествуемый хоругвами, огромными фонарями, кіотомъ

и духовенствомъ, износить изъ храма св: икону. Всѣ мысли, всѣ очи народа устремлены къ ней.

Процесія достигаетъ середины площади; Епископъ благословляетъ св: образомъ народъ на всѣ четыре стороны и въ это время протодіаконъ произноситъ приглашеніе къ молитвѣ, а пѣвчіе поютъ: «Пресвятая Богородица спаси насъ.» Благоговѣніе народа достигаетъ высшей степени, цѣлыя сотни его падаютъ ницъ.

Первыя сановники губерніи приемятъ изъ рукъ преосвященнаго св: образъ и несутъ его до Ильинской церкви, на Московской улицѣ, гдѣ Архимандритъ Коренной пустыни, принявъ отъ нихъ икону, вноситъ ее въ кіотъ.

Тысячи людей, не имѣя возможности слѣдовать до пустыни, останавливаются, преклоняютъ колѣна, молятся, пока не престанутъ долетать до нихъ слуха послѣдніе звуки хвалебной пѣсни, пока не исчезнетъ изъ глазъ послѣдняя хоругвь удаляющейся процессіи. Шествіе ея ни дождь, ни что не прекращаетъ, и она около 8 часовъ вечера достигаетъ Коренной ярмарки, хотя и останавливается для отдыха въ селеніи Каменевъ, у Малоховыхъ постоялыхъ дворовъ и при селеніи Долгомъ. Но вся дорога, въ продолженіи цѣлаго дня, отъ Курска до самой Коренной, покрыта народомъ; повсюду малыя торжища для удовлетворенія необходимыхъ потребностей; тамъ народъ предшествуетъ; тутъ сопровождаетъ; тамъ спѣшитъ въ срѣтеніе, а здѣсь уже на колѣнахъ молится предъ нею.

Здѣсь у Курской заставы встрѣчаетъ процессію множество народа, предупредившаго икону и собравшагося изъ ближайшихъ селеній, вмѣстѣ съ архимандритомъ пустыни. Послѣдній, изъявъ икону изъ кіота, передаетъ сановникамъ, которые несутъ до амвона, устроеннаго на площади ярмарки, гдѣ съ духовенствомъ пустыни ожидаетъ ее епископъ, который пріявъ, возлагаетъ ее на аналогію.

Свершается молебствіе, и по провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и Августѣйшей его фамиліи, св. образъ сопровожденъ въ нижнюю церковь пустыни, во имя Живоначальнаго Источника, на мѣсто обрѣтенія, надъ чудеснымъ кладеземъ. Отсюда вверхъ по лѣстницѣ, всѣ 128 ступеней и 11 площадокъ покрыты молящимися. Предъ ними св. образъ и струящійся кладезь, сотни горящихъ свѣчъ и въ облаченіи духовныя лица, поющія хвалебныя пѣсни. Чудный свѣтъ, упавъ на зеркальныя струи, преломляется въ миллионы лучей и озаряетъ, оживляетъ все окружающее, особенно пробѣгая по золоту и серебру облаченій, ризъ св. образа и иконостаса. Кажется само небо ниспослало свой вѣчно живый свѣтъ, среди котораго отверсты царскія врата.

По совершеніи всенощной, св. образъ перенесенъ въ верхнюю церковь и народъ началъ прикладываться къ нему.

На утро та же простая ярмарка кипитъ на землѣ пустыни, какая кипѣла въ Курскѣ. Но въ этомъ мѣстѣ селяне болѣе покупаютъ, нежели продаютъ, а болѣе всего ходятъ молиться то въ храмъ Рождества Богородицы, то въ храмъ Живоначальнаго Источника.

Ходъ торговыхъ оборотовъ на здѣшней ярмаркѣ и вообще въ Курской губерніи имѣлъ свои періоды. 1. Съ уничтоженіемъ ига монгольскаго, съ увеличеніемъ притѣсненій малороссійскихъ козаковъ со стороны Польши, и съ повелѣніемъ последовавшемъ въ 1597 году, возобновился Курскъ, явились на берегахъ Севернаго Донца, Оскола, Семи и Харькова русскія и малороссійскія селенія, явился новый городъ при устьѣ Кура, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось число богомольцевъ, увеличилось торжище сельскими произведеніями, явились на немъ городскіе менѣе грубые товары, доставляемые купцами ближайшихъ городовъ.

2. Когда въ 1755 и въ 1775 были отменены манифестами всѣ внутреннія миллионныя пощлины для пользы и свободы торговли, промысловъ и сельскаго хозяйства, тогда это благодѣяніе для народа и дальновидная цѣль для увеличиванія доходовъ казны, оживили всѣ промышленности, сдѣлали ярмарочный рынокъ доступнѣйшимъ для большаго числа людей, слѣдовательно обширнѣйшимъ.

3. Съ открытія въ 1779 г. Курской и другихъ сосѣдственныхъ губерній и съ учрежденіемъ въ нихъ многихъ городовъ, потребности на городскіе товары увеличились; ихъ начали привозить на ярмарку московскіе и другихъ отдаленныхъ городовъ купцы изъ мѣстъ дальнихъ и даже отъ Балтійскихъ портовъ, и притомъ съ каждымъ годомъ лучшаго качества и въ большемъ количествѣ. Торговля въ коренной начала обращаться изъ розничной въ оптовую.

4. По распространеніи границъ Россіи за Кубань

и до береговъ Чернаго и Азовскаго морей, по открытіи для Русскаго флага этихъ морей, по учрежденіи въ южномъ краѣ портовъ, городовъ и селеній, и при постоянномъ нахожденіи тамъ войскъ, внутреннія губерніи начали входить въ бѣльшія и бѣльшія между собою торговыя сношенія съ тѣмъ краемъ, съ инородцами тамъ обитающими. Это еще болѣе увеличило ярмарочный рынокъ, породивъ новыхъ потребителей и новыхъ производителей, и обратило коренную въ центръ, къ которому стекались, такъ сказать, товары отъ сѣвера для размѣна съ товарами отъ юга.

Къ благопріятнымъ причинамъ ярмарочной торговли принадлежитъ и послѣдовавшее большое удобство для торговли особенно дорогими товарами, большая безопасность ихъ отъ огня и непогодъ, такъ какъ по силѣ Высочайшаго повелѣнія 1787 г. Курское градское общество, на счетъ ярмарочнаго сбора, выстроило въ Коренной каменный гостинный дворъ, начавъ его въ 1793 г. и почти окончивъ къ 1812 г.; съ этаго года половина ярмарочныхъ доходовъ обращается въ казну, а половина по 1834 г. назначалась единственно для производства новыхъ строеній на ярмаркѣ для ремонта прежнихъ и на прочіе расходы; съ послѣдняго года весь остатокъ суммъ отъ этихъ построеній, ремонта и расходовъ, обращается въ пользу г. Курска.

Неудобства кореннаго гостиннаго двора состоятъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ: 1-е верхній этажъ остается почти всегда пустымъ, кромѣ немногихъ лавокъ, занятыхъ нарядами и платьемъ;

потому что для быстроты торговли, особенно ярмарочной, для выказанія на одной площади всѣхъ товаровъ, и для удобства покупателей, каждый торговецъ, не находя свободнаго нумера въ нижнемъ этажѣ того двора, предпочитаетъ выставить ихъ внѣ его, въ сосѣдственномъ балаганѣ; 2-е нумера во всемъ дворѣ низки и столь тѣсны, что почти каждый торговецъ въ панской линіи долженъ брать два три четыре нумера, чтобы помѣстить въ нихъ свой товаръ; 5-е каменные лавки и отчасти балаганы расположены внутри двора крестообразно, между тѣмъ какъ самое выгодное расположеніе подобныхъ зданій, есть повтореніе строеній такъ, что если замкомъ выстроены главные ряды, то и внутреннія строенія должны идти замкомъ же; 4-е такъ какъ въ курской губерніи встрѣчаемъ мы каменную мостовую и тротуары только въ Курскѣ и Ст. Осколь: то въ случаѣ дождливой погоды, грязь до того бываетъ велика въ Коренной, что гостинный дворъ дѣлается доступнымъ почти для однихъ имѣющихъ возможность ѣхать.

6. Континентальная система произвела сначала неблагоприятное вліяніе на Коренную ярмарку; но она имѣла необходимымъ послѣдствіемъ обращеніе дѣятельности и капиталовъ народныхъ къ мануфактурной промышленности и внутренней торговли; а потому вскорѣ неблагоприятное вліяніе той системы стало уничтожаться, и въ 1811 г. уже мало замѣтны слѣды его въ торговлѣ на Коренной ярмаркѣ, судя по цѣнѣ оборота.

7. По уничтоженіи континентальной системы ярмарочная торговля, при вліяніи изложенныхъ при-

чинъ, начала быстро увеличиваться, не смотря на то что многія изъ мануфактурныхъ заведеній пали; потому что осталось еще достаточное число ихъ для пониженія цѣны на многіе изъ иностранныхъ издѣлій, и тѣмъ самымъ для увеличенія числа потребностей; а когда съ 1826 г. капиталисты болѣе увѣрились въ неизмѣнности тарифа, въ постоянномъ стремленіи Высшаго Начальства, особенно самаго Государя Императора увеличить и распространить внутреннія мануфактурныя заведенія, съ того времени, вмѣстѣ съ ними, быстро начала увеличиваться и распространяться торговля на ярмаркѣ.

8. Въ настоящее время очевидно возрожденіе той торговли; но о причинахъ этаго будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ.

Для большей же ясности помѣщается здѣсь въ-домость за 1836 о торговлѣ на Коренной ярмаркѣ, о доходахъ и расходахъ ея, начиная тысяча семь-сотъ восемьдесятъ седьмымъ, и оканчивая минувшимъ тысяча восемьсотъ тридцать пятымъ годомъ. *

Въ которомъ году.	На какую сумму рублей товаровъ:			Получено до- ходъ посред- ствомъ сбора съ лавокъ, мѣстъ и прочаго.	
	Привезено.	Продано.	Осталось.		
	Рубли.	Рубли.	Рубли.	Рубли.	К.
1787				1973	45
1778				9662	75
1789				8241	20
1790				10725	60

* Въдомость о торговыхъ оборотахъ на Коренной ярмаркѣ за 1836 годъ приложена отдѣльно отъ статьи.

1791				14224	40
1792				13352	10
1793				15024	65
1794				14517	15
1795				15044	25
1796				14171	11
1797				16460	76
1798				17025	84
1799				17222	9
1800				22853	40
1801				18693	18
1802				21592	35
1803				22023	80
1804				21578	90
1805				21151	45
1806				25013	15
1807				19900	75
1808				20388	62
1809				19722	75
1810				20318	85
1811				22429	75
1812				36891	99
1813				43133	60
1814				47229	70
1815				45735	5
1816				542244	25
1817				73307	10
1818				85633	10
1819				88006	50
1820				100586	72
1821				94115	50
1822				88226	10
1823				83579	10
1824				85726	80
1825				74024	67
1826				74000	40
1827				76530	40

1828	11968000	3050000	8218000	74747	5
1829	3547683	22803823	12673007	79631	86
1830	32063769	17537191	14526578	80516	12
1831	16031884	8768595	7263289	52446	70
1832	35146719	22361358	12785361	74468	85
1833	34000000	15000000	19000000	76404	65
1834	17859900	7677275	101-2625	88901	92
1835	16657660	8689270	7967390	92014	52
Итого.				2191540	87

Въ 1836 году курскою Градскою Думою собрано съ Коренной ярмарки дохода за билеты на гербовой бумагъ 2361 р. 70 коп. за лавки, балаганы, мѣста и прочее 98446 р. 23½ коп., всего 10080 р. 23½ коп., изъ которыхъ обращено въ казенный доходъ 49223 р. 11½ копейекъ.

При этомъ можно замѣтить и вывести слѣдующее :

1. Чѣмъ разнообразіе одноименные товары, тѣмъ, особенно при розничной торговлѣ, меньшая часть ихъ продается.

2. Продажа шелковыхъ тканей уступить продажѣ ихъ въ прежніе годы, потому что цѣна на нихъ возвысилась, соответственно значительному возвышенію цѣны на шелкъ.

3. Донское вино, хотя имѣло противъ прежнихъ лѣтъ большую цѣнность, по возвышенію цѣны на сахаръ, которымъ подслащивается; но поступая въ продажу почти изъ первыхъ рукъ, оно продавалось по прежнимъ цѣнамъ, и потому торговля имъ шла быстрее прежняго.

4. Сахаръ Осташковскаго завода Савина, хотя уступаетъ добротой сахару другихъ заводчиковъ,— но шелъ въ продажѣ очень быстро, потому только, что сахаръ вообще очень вздорожалъ, а его былъ дешевле двумя и тремя рублями на пудъ.

5. Множество товаровъ, выставленныхъ самими мануфактуристами, доказываетъ или недостатокъ кредита въ торговлѣ, или не всеобщую потребность произведеній, или неумѣстность самыхъ заведеній, или худое устройство въ нихъ производства, которое бываетъ причиною худаго качества товаровъ, а оттого малоизвѣстности самыхъ заведеній, — такъ равно дороговизны товаровъ, поставляющей въ необходимость производителя соединять въ своемъ лицѣ — лицо мануфактуриста и лицо купца.

6. Нѣкоторые изъ значительныхъ торговцевъ, не желая войти въ торговлю, или лучше сказать въ кредитныя отношенія съ тѣми торговцами южныхъ губерній, которые уплату производятъ на украинскихъ и малороссійскихъ ярмаркахъ, предпочитали розничную продажу, а гуртовую ограничивали сбытомъ торговцамъ, которые платятся въ Москвѣ, нижнемъ Новгородѣ и Пензѣ.

7. Розничные торговцы южныхъ губерній избегаютъ покупать товаръ иначе, какъ изъ первыхъ или вторыхъ рукъ, и потому только тѣ изъ нихъ прѣзжаютъ въ Коренную ярмарку, которыхъ товаръ, закупленный на украинскихъ и малороссійскихъ ярмаркахъ, разпроданъ быстрѣе ожиданія, или не достало имъ капитала и кредита для закуп-

ки его на тѣхъ ярмаркахъ въ достаточномъ количествѣ.

8. Многіе торговцы, изъ городовъ близкихъ къ Коренной, прѣзжаютъ туда безъ товара, а закупивъ его въ самомъ началѣ ярмарки, открываютъ имъ тутъ же торговлю, и по мѣрѣ продажи закупаютъ вновь гуртомъ товары, собственно уже для торговли въ тѣхъ городахъ.

9. Очень многіе товары, которые заготавливаются и складываются около Москвы и въ ней, могли быть куплены въ Коренной гуртомъ за ту же цѣну, какъ и въ самой Москвѣ. Этому можно полагать причиною то, что товары сіи не увеличились въ цѣнности отъ перевалки, храненія и прочаго въ самой Москвѣ.

10. Даже вообще, по увѣренію окрестныхъ розничныхъ торговцевъ, несравненно выгоднѣе въ Коренной купить гуртомъ товару на 5, 6 тысячъ рублей, нежели самому ѣхать за нимъ въ Москву, не считая собственныхъ трудовъ и времени.

11. На Кавказскую линію, въ Крымъ, Бессарабію и вообще въ Южныя области, болѣе требовались ткани низшихъ сортовъ, нежели высокнхъ.

12. Крупчатая мука не требовалась въ сѣверныя Губерніи отъ того, что она идетъ туда болѣе съ крупчатокъ Елецкихъ.

13. Очень немногіе товары покупались въ Черниговскую Губернію, а особенно на Вольнь и въ Бѣлоруссію, потому что первая и вторая получаютъ ихъ болѣе на Роменской, Кролевецкой и другихъ ярмаркахъ, бывающихъ около тѣхъ мѣстъ, а въ

Бѣлоруссiи классъ торговцевъ составляютъ преимущественно Евреи, закупающіе товары отчасти на тѣхъ же ярмаркахъ, а отчасти въ Москвѣ.

14. Можно видѣть, что гуртовая торговля шла очень хорошо. Но изъ розничной такъ шла только господскими, горожанскими, господско-горожанскими и отчасти общими товарами, а поселянскими шла очень посредственно, кромѣ предметовъ, поступающихъ на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей. Последнее кажется, не включая другія причины, происходило отъ того, что съ 1833 года цѣны на хлѣбъ были очень высокія и онъ потребовался изъ курской и орловской губерній въ такія мѣста, куда прежде, особенно изъ послѣдней губерніи, не было сбыта, именно въ Украйну, Малороссію, Новороссію и такъ далѣе; съ прошедшаго же года вообще цѣны на хлѣбъ очень упали и означенное требованіе совершенно прекратилось, оттого и денежный приходъ у поселянъ тѣхъ губерній чрезвычайно уменьшился; между тѣмъ съ одной стороны они по привычкѣ къ жизни нѣсколько лучшей не сохранили своихъ расходовъ въ теченіи, такъ сказать, земледѣльческаго года, считая его отъ уборки, до весенняго посѣва хлѣба; а съ другой стороны торговцы, упустивъ изъ вида изложенное, выставили для нихъ на ярмаркѣ товаровъ болѣе, нежели представляли прежде. Притомъ въ предшествовавшіе для поселянъ годы, они запаслись разными предметами на продолжительное время, какъ то: сбрусю и подобнымъ; слѣдовательно не имѣли никакой надобности покупать ихъ въ послѣднее время.

15. Вовсе не замѣтно на Коренной ярмаркѣ, чтобъ торговцы, продавъ свой товаръ, покупали на ней другой товаръ, и такимъ образомъ сдѣлали бы два оборота въ одно почти время, кромѣ торговцевъ кушаками, пушнымъ и кожевннымъ товарами, донскими винами и колоколами; изъ коихъ, по продажѣ привезеннаго товара, первые покупаютъ шерсть и краски, вторые и третьи невыдѣланныя шкуры и кожи, четвертые бутылки въ значительномъ количествѣ, пятые — мѣдный ломъ.

16. Въ отношеніи производимости, кругъ ярмарочной торговли охватываетъ всю землю: въ немъ заключаются произведенія тропическія вмѣстѣ съ полярными, русскіе съ американскими. Въ отношеніи же внутренней торговли, онъ обхватываетъ въ обширномъ смыслѣ пространство, лежащее между Дунаемъ, Невой, Волгою, даже Исетью и западными берегами Каспійскаго моря, а въ тѣснѣйшемъ смыслѣ губерніи: московскую, костромскую, нижегородскую, тульскую, орловскую, курскую, воронежскую, харьковскую, полтавскую, екатеринославскую, херсонскую и таврическую, земли донскихъ и черноморскихъ козаковъ, Кавказъ и Бессарабію.

17. Хотя Коренная ярмарка и не имѣетъ сильно соперничающей съ ней, по времени, ярмарки, но кругъ торговли ея къ своему развитію годъ отъ году болѣе и болѣе будетъ встрѣчать затрудненій отъ сосѣдства съ Харьковомъ, гдѣ четыре ярмарки въ году, и притомъ городъ этотъ занимаетъ превосходное мѣсто въ южной полосѣ Россіи, такъ ска-

зять безводной: это будущая наша южная Москва, отстоящая отъ черноморскихъ, азовскихъ и каспійскихъ гаваней на столько же, какъ и древняя столица отъ гаваней Балтійскаго моря и Сѣвернаго Океана, сосредоточивающая въ себѣ множество путей, окруженная земледѣльцами, которые стѣсняются болѣе и болѣе отъ увеличенія населенности, отъ невозможности сбывать за вознаграждающую плату свои произведенія, которыя по необходимости должны будутъ измѣнить свой промыслъ и тѣмъ удвоить, утроить жизнь черноморской, азовской и кавказской торговли.

18. Причины, по которымъ въ нынѣшнемъ году почти четвертою частію увеличился привозъ товаровъ на ярмарку, противъ 1834 и 1835, извѣстнѣе иѣстному начальству, нежели мнѣ; но безсомнѣнія, при разсмотрѣніи ихъ надобно принять во вниманіе:

а) исправность дорогъ въ здѣшней губерніи, отъ дурнаго состоянія которыхъ въ прежнее время товары нерѣдко не достигали своевременно ярмарки.

б) Правильность расположенія и отдачи лавокъ, балагановъ, мѣстъ и прочаго; между тѣмъ какъ въ предшествовавшіе годы, отъ безпорядка расположенія, товары не были видны, трудно было ихъ отыскать, улицы между балаганами были болѣе, нежели искривлены, или ближе сказать, улицъ вовсе не было, а были самыя тѣсныя дорожки. Самыя ряды заваливали вещами укупорки и подобнымъ. Отдача лавокъ, балагановъ, мѣстъ обратилась въ торговлю посредствомъ исходатайствованія многихъ билетовъ на нихъ не для выставки своихъ товаровъ

а для сдачи по высокимъ цѣнамъ въ наемъ другимъ торговцамъ; с) постановленіе въ надлежащій поря-докъ трактирныхъ и подобныхъ заведеній, потому что Коренная ярмарка особенно нуждается въ нихъ, находясь, можно сказать, въ полѣ. d) Никогда небы-валая прежде безопасность отъ огня и вообще лич-ная, между тѣмъ какъ въ прошедшіе годы не про-ходило ни одной ярмарки безъ убійствъ, насилій, притѣсненій и подобныхъ происшествій; кромѣ то-го, въ прежнія времена, самовары грѣлись и огни горѣли по мелочнымъ лавочкамъ гостиннаго двора; е) всѣ медицинскія пособія можно получить въ кру-гу ярмарочной черты. Вообще живая заботливость о истинныхъ выгодахъ и спокойствіи сколько тор-говцевъ курской губерніи, столько и инородныхъ. Въ заключеніи же этой статьи должно сказать, что вообще купцы, и притомъ самые значительные, по привозу товаровъ, въ томъ числѣ московскіе: Гг. Майковъ, Сазиковъ и многіе другіе, отзывались вполне довольными торгомъ своимъ въ ярмарку 1836, и предполагали на будущій годъ увѣличить коли-чество выставяемаго ими товара на Коренную. Для успѣшнаго развитія ничто такъ не требуетъ без-опасности, отсутствія всѣхъ притязаній, всѣхъ воз-можностей къ принужденію, всѣхъ неудобствъ, какъ торговля: гдѣ находятъ она эти выгоды, тамъ пре-имущественно и развивается, при равенствѣ другихъ обстоятельствъ.

Свобода торговли есть мать торговли, а торгов-ля есть необходимое орудіе для произведенія бо-гатства народнаго: это истина, утвержденная въка-

ми. Но нигдѣ такъ торговцы не пользуются тою свободою, какъ на ярмаркахъ; слѣдовательно общія для народа выгоды доставляетъ и Коренная ярмарка. Остается обратиться къ частному разсмотрѣнію этихъ выгодъ.

1. Находясь почти на срединѣ пути между гаванями южными и сѣверными, на прямомъ пути отъ мануфактурныхъ губерній и первѣйшаго въ Россіи складочнаго мѣста Москвы, къ безводному и безлѣсному Новороссійскому краю, Коренная ярмарка есть одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, на которыхъ сѣверные купцы у южныхъ, и обратно, покупаютъ товары, такъ сказать изъ первѣхъ рукъ. 2. На Коренной болѣе двухъ милліоновъ рублей выдается портовыми купцами жителямъ курской и сосѣдственныхъ губерній въ задатокъ на поставку сала и пеньки. 3. Коренная ярмарка многимъ фабрикантамъ и заводчикамъ доставляетъ возможность сбыть выгодно такія произведенія, которыя или не покупаются или не продаются въ самыхъ заведеніяхъ, по разнымъ причинамъ. 4. Сотни разныхъ торговцевъ безъ Коренной ярмарки съ одной стороны не успѣвали бы капиталы свои обращать лишній разъ въ годъ, а съ другой стороны лишились бы многихъ потребителей на свои товары, закупивъ въ другомъ мѣстѣ дороже и потому дороже продавая ихъ. 5. Движеніе въ Коренной и отъ нее товаровъ и торговцевъ улучшаетъ жизнь многихъ тысячъ поселянъ, занимающихся почти на всемъ пространствѣ Имперіи извозомъ, ямскою гоньбою, содержаніемъ постоялыхъ домовъ, а для многихъ изъ нихъ

служить единственнымъ средствомъ къ пропитанію себя съ семействами. 6. Жителямъ всѣхъ состояній, обитающимъ на значительномъ пространствѣ во кругъ Коренной, даетъ удобство покупать за дешевѣйшую плату, по разницѣ, товары, и по выгоднѣйшимъ цѣнамъ, въ большемъ количествѣ, сбывать свои произведенія.

Излишне доказывать, что все это имѣетъ самое благотворительное вліяніе на народное богатство вообще, въ особенности же очевидно то вліяніе на благосостояніе жителей курской губерніи, а именно: 7. Многіе гуртовые купцы курской губерніи отчасти взяли перевѣсъ надъ торговцами другихъ губерній, отчасти вовсе исключили ихъ изъ торговли нѣкоторыми издѣліями не только отдаленныхъ мѣстъ Россіи, но даже заграничными, напр. фарфоровою, фаянсовою и хрустальною посудою, иностранными винами, косами. 8. Для всей Имперіи главное заготовленіе кушаковъ производится въ курской губерніи, а главный сбытъ ихъ бываетъ на Коренной. Болѣе-главная закупка шерсти и красокъ для производства кушаковъ бываетъ на Коренной. 9. Издѣлія курской Губерніи, приготовленные на кожевенныхъ и мыловаренныхъ заводахъ, на крупчаткахъ, шорныхъ, щепныхъ и подобныхъ, имѣютъ въ теченіи весны главный сбытъ свой въ Коренной. 10. Произведенія другихъ фабрикъ и заводовъ, какъ то: суконныхъ, бумажныхъ, конскихъ и другихъ, также сбываются въ Коренной. 11. Сколько мелочныхъ торговцевъ курской губерніи разсыпано всегда по мелочнымъ украинскимъ и малороссійскимъ ярмар-

камъ, гдѣ закупивъ изъ первыхъ рукъ шерсть, воскъ, медъ, кожи и прочее, они сбываютъ ихъ оптовымъ купцамъ, своимъ землякамъ; а послѣдніе продаютъ въ Коренной гуртомъ тѣ товары. 12. Торговцы, ведущіе мелочную торговлю издѣліями мануфактурныхъ сѣверныхъ губерній и заграничными, закупаютъ гуртомъ въ Коренной нужные имъ товары по цѣнамъ возможно дешевымъ, безъ чего они не могли бы почти торговать, потому что они легко бы подверглись убыткамъ, еслибъ закупили тѣ товары въ Курскѣ, гдѣ не можетъ быть между гуртовыми купцами соперничества, или еслибъ они должны были ѣздить за ними въ Москву. Притомъ тѣ торговцы въ особенности пользуются возможностью увеличить свой капиталъ посредствомъ купли, продажи и опять купли въ продолженіи ярмарки. 13. Марена, собранная въ курской губерніи и другія мелочи продаются въ Коренной отдаленнымъ купцамъ. 14. Сколько поселянъ успѣваютъ сбыть во время ярмарки свой избытокъ хлѣба, сѣна, другихъ съѣстныхъ и фуражныхъ припасовъ. 15. Сколько ихъ пользуется исключительно наймомъ для привоза изъ окрестныхъ городовъ въ Коренную и для вывоза изъ нее туда товаровъ. 16. Сколько выгодъ отъ Коренной ярмарки, въ особенности для жителей всѣхъ состояній курской губерніи, закупающихъ годовые запасы для своихъ собственныхъ потребностей. 17. Неоспоримо, что многими изъ означенныхъ выгодъ, пользуются наиболее жители города Курска, который получаетъ ежегодно на свои общественныя потребности чистаго дохода отъ Коренной

ярмарки нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, безъ чего онъ немогъ бы удовлетворить тѣхъ потребностей. 18. Однимъ словомъ Курская губернія, въ которой нѣтъ понынѣ выгодно открытыхъ славныхъ рѣкъ, бѣдная землями, еслибъ не въѣзжала въ себя Коренной ярмарки, то лишилась бы на долго сотней тысячъ рублей чистаго дохода; не имѣла бы и половины капиталовъ, нынѣ находящихся въ оборотѣ; тотъ оборотъ потерялъ бы жизненность, тысячи семействъ терпѣли бы, при всѣхъ усиляхъ своихъ, самую тяжкую нищету, многіе города на половину бы запустили.

Къ этому должно еще присовокупить, что такъ какъ Коренная ярмарка открывается не въ одно число, а въ день, считающійся послѣ Святой: то отъ этаго происходятъ разныя неудобства, такъ напр. рыба иногда не успѣваетъ выдти ко времени ярмарки соответственно могущему быть требованію; на Роменскую ярмарку, къ 20 Іюля, наиболѣе отправляется товаръ послѣ Коренной, слѣдовательно иногда остается слишкомъ долгое время мертвымъ, и такъ далѣе.

Не лучше ли вмѣсто того дня, назначить среднее число между десятками пятницами разныхъ годовъ, какъ для открытія ярмарки въ Коренной, такъ и для перенесенія св: Иконы въ пустынь. Хотя торговцамъ вообще очень пріятна, можно сказать, кочевая коренная жизнь, потому что они ее считаютъ пребываніемъ на дачѣ; но за то дворянство, принужденное квартировать болѣе въ дурныхъ, тѣсныхъ и грязныхъ постоялыхъ дворахъ, не слишкомъ до-

вольно пребываніемъ въ Коренной и придерживается въ большемъ числѣ съѣзжаться туда; чрезъ что и розничная торговля уменьшается и вообще много отнимается жизни у ярмарки.

Не ѣлезнѣ ли будетъ открыть въ Коренной уздѣиный городъ? Для этого находятъ слѣдующія удобства: къ ней прилегаютъ экономическія земли, а узды въ Курской губерніи не въ 30, какъ должно быть по учрежденію о губерніяхъ, а въ 100 т. жителей.

Изъ всего сказаннаго легко можно сдѣлать заключеніе, что Коренная ярмарка имѣетъ самое благодѣтельное вліяніе на доходы Государственные; потому что она: 1, придавая отчасти жизнь торговымъ оборотамъ и стремленію къ распространенію фабрикъ и заводовъ, отчасти, такъ сказать, рождая ихъ, много споспѣшествуетъ къ составленію болѣе или менѣе значительныхъ капиталовъ, къ увеличенію существующихъ; однимъ словомъ, къ произведенію и увеличенію народнаго богатства вообще, и тѣмъ самымъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ; 2, обращаясь къ большей подробности, въ особенности къ Курской губерніи, рѣшительно можно сказать, что ярмарка въ этой губерніи и въ самомъ городѣ Курскѣ, по крайней мѣрѣ, удваиваетъ число купеческихъ капиталовъ, фабрикъ и заводовъ, и доставляетъ поселянамъ нѣкоторую возможность удерживаться отъ впаденія въ большую и неоплатимую казенную недоимку; 3, посредствомъ мѣстныхъ и гербовыхъ сборовъ вноситъ ярмарка, чрезъ Курскую Градскую Думу, нѣсколько десятковъ

тысячь рублей въ число казенныхъ доходовъ и да-
етъ возможность ремонтировать кавалерійскіе полки,
съ меньшими издержками. Впрочемъ, выгоды этаго
сбора ничтожны въ сравненіи съ благотвельною
и дальновидною силою вліянія собственно на ходъ
всей промышленности, благосостояніе Губерніи и
бытъ ея жителей.

Е. П—ъ.

РУСАЛКА.

НАРОДНОЕ ПОВѢРЬЕ.

Чѣмъ однообразнѣе жизнь, тѣмъ игривѣе міръ фантазіи, который ее окружаетъ. Какъ посреди безплодной степи миражъ создаетъ, изъ тумановъ и облаковъ, города, озера, замки, очаровательные виды, въ которыхъ проявляется красота и ужасъ природы, такъ воображеніе поселянина окружаетъ его мечтательными существами, которыя чаруютъ чувства и волнуютъ кровь, застывающую отъ недостатка впечатлѣній, и всѣ эти видѣнія являются олицетвореніями стихій и понятій о добрѣ и злѣ, олицетвореніями необходимыми для чловѣка, живущаго одними впечатлѣніями чувствъ. Чувства вѣрятъ тому, что испытали сами; и вотъ причина, почему истинная, *естественная* фантазія, живетъ только въ повѣрьяхъ народныхъ. Въ ней нѣтъ вымысла, все истинное событіе, рассказываемое и внимаемое съ полной вѣрой.

У всѣхъ народовъ впечатлѣнія чувствъ и вѣрованіе въ существъ сверхъестественныхъ одинаковы; повсюду олицетворенія однѣ и тѣже, и различаются

только именами отъ различія языковъ и формой, зависящей отъ большей или меньшей образованности воображенія.

Въ числѣ подобныхъ повѣрій, живо сохранилось еще въ народѣ повѣрье о водяныхъ дѣвахъ, олицетвореніяхъ оболещенія. Самое богатое и полное принадлежитъ Мифологіи Скандинавской: у царицы моря Рины девять дочерей; эти дѣвы волны (*Wellenmädchen*), олицетворенные девять валовъ морскаго теченія (гиппа): *Химинглоффа* въ небо ударяющая, *Дуфа* глубокая, *Блодугхадда* кровожадная, *Хефрингъ* воздымающаяся, *Удуръ* острая, *Раунъ* шумная, *Бильгя* бурная, *Дрѳна* дробящаяся и *Кольга* приливающая.

Всѣ погибающіе на морѣ, увлекаемые девятью дѣвами на дно, живутъ въ подводныхъ палатахъ царицы моря.

Въ Греціи нимфы водъ раздѣлялись на Океанидъ, Нереидъ и Мелій — дѣвъ морскихъ; Наядъ—Нимфъ фонтановъ, называвшихся также Кринейми (нимфами Криницъ) или *Пегями*; *Потамидъ*—нимфъ рѣчныхъ; *Лимнадъ*—озерныхъ. Сверхъ того, онѣ получали названіе отъ рѣкъ, въ которыхъ обитали, на примѣръ: *Тибериады*—нимфы Тибра, *Пактолиды*—нимфы Пактола, точно также какъ и русалки по рѣкъ Немену назывались Неминками, по рѣкъ Свигязю — Свигязянками. *

Въ Германіи дѣвы водъ истоковъ, ручьевъ и рѣкъ называются Ундинами.

* Русс. Прост. Празд. И. М. Свигирева.

Въ Сѣверной мѣологіи *Никсы* (Nixen) также очаровательныя дѣвы водъ. Когда юноша внушитъ въ *Никсу* къ себѣ любовь, она увлекаетъ его въ кристальное царство, въ подводныя палаты, построенныя изъ коралловъ и раковинъ, и блаженствуетъ съ нимъ до тѣхъ поръ, покуда любимецъ нѣжнаго существа не огорчитъ его своей суровостью.

Въ Сербіи тоже преданіе о русалкахъ, подъ названіемъ *Виль* (Welle?). *Вилы* живутъ близъ водъ въ скалахъ и лѣсистыхъ берегахъ, и слѣдовательно онѣ есть нимфы истока: онѣ молоды, прекрасны собою, съ распущенной косой, облачены въ бѣлое длинное покрывало, сами никому зла не причиняютъ, но мстятъ за обиду смертью, поражая въ ногу, въ руку или въ сердце.

Въ русскомъ повѣрьѣ о русалкахъ много игры воображенья. Эти водяныя красавицы любятъ сидѣть на берегахъ рѣкъ, озеръ и ручьевъ, расчесывать косу или при блѣдномъ свѣтѣ луны водить хоро-воды. Всего чаще ихъ вызываетъ на землю заря: русалки любятъ скрывать въ травѣ и кустарникахъ, орошенныхъ росой. Здѣсь, притаившись, онѣ ожидаютъ прохожихъ или дѣвушекъ, которыя въ это время ходятъ за водой. Увидѣвши когони-будь, русалка выпрыгиваетъ изъ своей засады, и бѣда неосторожнымъ, забывшимъ заpastись *полянью* или *зарей* травами, предохранительными отъ нападенія русалокъ. Тогда *водяная* бросается на нихъ, щекочетъ безъ пощады и загадываетъ: *полянъ* или *петрушка?* Знающіе или догадливыя отвѣчаютъ:

«попьнъ» и русалка убѣгаетъ; но ежели кто назоветъ «петрушку,» то она или защекочетъ до смерти и броситъ въ тальникъ, или живаго увлекаетъ въ воду. Рассказываютъ, что русалки живутъ подъ водою въ гнѣздахъ, свитыхъ изъ перьевъ и соломы, которыя похищаютъ у поселянъ на *зеленой недѣль*; по другимъ повѣрьямъ житіе ихъ подъ водою, привольно и роскошно: вездѣ блеститъ серебро, жемчугъ и кораллы; по дну, усѣянному разноцвѣтными раковинами, журчатъ потоки и водопады съ шумомъ катятся чрезъ хрустальные чертоги, украшенные алмазными и яхонтовыми колоннами. Прекрасныя собой; но блѣдныя, съ распущенными волосами, дѣвушки, взявшись за руки, водятъ хороводы и поютъ пѣсни. Днемъ лучи солнца, проникая сквозь воду, освѣщаютъ ихъ жилище; ночью мѣсяцъ и звѣзды, отражаясь въ голубыхъ волнахъ, выманиваютъ русалокъ на берегъ. Недѣля передъ Троицынымъ днемъ называется *русальной* или *зеленой*. Въ это время житія нѣтъ отъ русалокъ: поселяне въ безпрестанномъ ожиданіи таинственныхъ, опасныхъ приключеній; никто не рѣшится идти одинъ въ поле или въ лѣсъ или за водою; всѣ собираются толпами, боясь отстать другъ отъ друга; кладутъ себѣ за рубашку попьнъ и зорю, и только, спустя шесть недѣль послѣ Духова дня, считаютъ себя совершенно безопасными отъ *водяныхъ*.

На *зеленой недѣль*, въ глубокую полночь, русалки бѣгаютъ по берегамъ рѣкъ и источниковъ, поютъ шумять, качаются на вѣтвяхъ, цѣпляются по деревьямъ, или свернувшись клубкомъ, съ хохотомъ катаются по

дорогамъ и въ крапивѣ, а наканунѣ Духова дня бѣгаютъ по ржи и хлопаютъ въ ладоши. Въ Тульской губерніи, на зеленой недѣлѣ, женщины и дѣвушки, собравшись вмѣстѣ, идутъ на поля, засеянныя хлѣбомъ, и тамъ ловятъ русалку, которая, по ихъ мнѣнію, воруетъ у нихъ хлѣбъ; сдѣлавши изъ соломы куклу, одѣваютъ ее въ женское платье, говоря, что это пойманная ими русалка; потомъ съ пѣснями и пляскою топятъ ее въ рѣкѣ. Въ Малороссіи думаютъ, что дѣти, умершія безъ крещенія, до семи лѣтъ носятся въ воздухѣ, а въ Духовъ и Троицынъ день просятъ себѣ крещенія, и многіе слышатъ въ высотѣ голосъ:

«Мене мати народила,
Нехрещеву положила.»

Если кто нибудь изъ христіанъ, услышавъ этотъ призывный голосъ, скажетъ: *«Иванъ да Марья! Крещая тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа!»* то душа младенца уносится въ рай; а если до семи лѣтъ не было отвѣта на призывный голосъ дѣтской души, то она превращается въ русалку. Говорятъ, что утопленницы поступаютъ также въ число Русалокъ; но онѣ отлчаются длинными зелеными волосами, съ которыхъ журчитъ и струится вода. Многія деревенскія дѣвушки рассказываютъ, что, купаясь около мѣльницы, видали, какъ русалки сидѣли на мѣльничномъ колесѣ и чесали свои волосы; иногда съ громкимъ хохотомъ бросались съ него въ воду; иногда при быстромъ движеніи колеса онѣ хватаются за него и шутя вертятся вмѣстѣ съ нимъ; иногда, про-

кричавъ куку, ныряли подъ мѣльницу. Въ Черниговской губерніи, недалеко отъ Новгорода Сѣверскаго, есть источникъ, который называютъ *родникомъ Ярослава* или *кришницею русалокъ*. Говорятъ, что на зеленой недѣли, каждый день, рано на зарѣ, на срубѣ колодца сидятъ три прекрасныя дѣвушки и расчесываютъ длинныя, русыя волосы: это *русалки Ярославовой кришницы*. Если надъ могилой вспыхнетъ огонекъ, поселяне говорятъ, что его зажигаютъ днѣпровскія русалки, хотятъ заманить путника и увлечь въ свой глубокій Днѣпръ. Дунайскія дѣвы славятся своею красотою, но, кажется, днѣпровскія занимаютъ первое мѣсто между своими подругами. Русалкамъ вѣрятъ и на югѣ и на самомъ дальнемъ сѣверѣ; вѣрятъ, что нѣкоторые изъ увлеченныхъ подъ воду женились на водяныхъ дѣвушкахъ и, получая способность жить на землѣ и въ водѣ, передавали ее своимъ дѣтямъ.

Вотъ одно изъ подобныхъ повѣрій, рассказанное намъ самовидцемъ русалокъ и дѣйствующими лицами чуднаго событія.

Въ числѣ архангельскихъ промышленниковъ, оставшихся зимовать на Новой землѣ, былъ молодой человекъ Иванъ Савельичъ. Оставшись одинокимъ въ своей избѣ, окруженной снѣгами и долгой ночью, онъ при слабомъ свѣтѣ ночника и блескѣ сѣверныхъ сіяній, прогонялъ скуку игрою на балалайкѣ. Однажды, заигравшись, онъ не замѣтилъ, какъ погасъ ночникъ и въ грустномъ забытіи продолжалъ играть въ потемкахъ. Вдругъ послышался ему легкій шорохъ. Прислушивается... кто-то пляшетъ

легко, живо. Иванъ Савельичъ не вѣрить ушамъ: онъ знаетъ, что въ избѣ, кромѣ его, никого нѣтъ; кому же плясать? Перестаетъ играть, пляска прерывается.... Страхъ обдалъ его холодомъ. Начинаетъ онъ про себя творить молитву и, дрожа какъ листъ, высѣкаетъ огонь. Искры сыплются, ночникъ засвѣтился.... Иванъ Савельичъ робко озирается, осматриваетъ всѣ уголки своего бѣднаго жилища: никого нѣтъ: вездѣ пусто и тихо. Ставить ночникъ на мѣсто, и снова принимается за баламайку. Заигралъ плясовую... Тихо, пляски нѣтъ.

— Кому жъ плясать! мнѣ послышалось, думаетъ Иванъ Савельичъ; да я не трусливъ: нарочно загашу ночникъ! и загасивъ заигралъ *во-лузякъ*; слышитъ пляшутъ.... точно.... пляшутъ.... легко, игриво, почти подлѣ него. Любопытство преодолеваетъ въ немъ страхъ: тихо протягиваетъ онъ руку, хочетъ поймать плясуна и хватаетъ пустое мѣсто. Съ нами крестная сила! — бросилъ баламайку, вздулъ огонь, обгаль всю избу — нѣтъ никого. Нѣсколько дней сряду повторяетъ онъ свой опытъ; заиграетъ въ темнотѣ — кто-то пляшетъ; засвѣтитъ огонь — перестанетъ. Иванъ Савельичъ рѣшился во что бы то ни стало поймать невидимку. Да какъ же поймать? — думалъ, думалъ и придумалъ: засвѣтилъ ночникъ, прикрылъ полой и заигралъ плясовую. Слышитъ: пляшетъ кто-то. Только что невидимка расходилась, а Иванъ Савельичъ какъ отдернетъ полу, а передъ нимъ молоденькая, миленькая, хорошенькая дѣвушка, да блѣдная какъ снѣгъ. Русые волосы, раскинутые по плечамъ, упали до земли.

— «Кто ты?» спросил ее изумленный Иванъ Савельичъ.

— Я... *Русалка!* отвѣчала она ему тихо томнымъ голосомъ. — Я люблю тебя, Иванъ Савельичъ: куда ты, туда и я за тобой.

Онъмелъ Иванъ Савельичъ, рука не поднимается перекреститься. Плънила его красота Русалки.

— Живу я, продолжала Русалка, недалеко отъ нижняго Новгорода, въ небольшой рѣчкѣ, впадающей въ Волгу. Отцомъ моимъ былъ человекъ, и я получила способность жить на землѣ, но только въ присутствіи одного человека. Я полюбила тебя и не могу безъ тебя жить.

Иванъ Савельичъ самъ не свой отъ радости. Вотъ, условились они прозимовать вмѣстѣ. Все приняло другой видъ въ его жилищѣ съ того времени, какъ поселилась въ немъ водяная: вездѣ порядокъ и откуда все взялось. Въ свободное время отъ работы, Иванъ Савельичъ игралъ на балалайкѣ, а Русалка весело передъ нимъ плясала. Зима прошла незамѣтно. Настала весна, пришло время возвращаться въ Архангельскъ съ прочими промышленниками. Иванъ Савельичъ загрустилъ, задумался; Русалка плачетъ, а надо разстаться:

— Иванъ Савельичъ! не покидай меня! пойдѣмъ въ воду! сказала она ему однажды, со слезами.

— Въ воду? какъ можно, мнѣ надо вѣхать въ Архангельскъ,» отвѣчаетъ Иванъ Савельичъ.

— Что тебѣ дѣлать въ Архангельскѣ; говорить Русалка, тебѣ будетъ привольнѣе житье у меня.

Жаль Ивану Савельичу разстаться съ Русалкой и въ воду не хочется.

— «Постой, подумаю,» сказалъ онъ.

— Гдѣ думаютъ, тамъ не любятъ. Я не задумалась жить съ тобою на землѣ. Когдабъ ты зналъ что у насъ за жизнь! Не покидай меня, пойдѣмъ и— она обнимала его, заливалась слезами, прижималась къ сердцу.

— Слушай, сказалъ Иванъ Савельичъ; лучше приходи ты ко мнѣ въ Архангельскъ. Въ Архангельскѣ мнѣ дѣло теперь. Надо честно расчитаться съ хозяиномъ. Приходи!

— Нельзя, никакъ нельзя! отвѣчала, рыдая, Русалка.

Горестъ ея тронула Ивана Савельича.

— «А гдѣ мнѣ найдти тебя?»

— Прїѣзжай въ Нижній; тамъ, недалеко отъ города, лѣсомъ течетъ рѣчка, впадаетъ въ Волгу. Въ этомъ мѣстѣ ты увидишь омутъ, а надъ нимъ большое дерево. Ровно въ полдень или въ полночь ты съ этого дерева, не крестясь, бросься въ омутъ, а тамъ я тебя встрѣчу.

— Посмотримъ, сказалъ Иванъ Савельичъ. Утѣшенная Русалка еще разъ прижала его къ груди и исчезла.

Возвратившись въ Архангельскъ, онъ недолго пожилъ дома: тоска одолѣла его. Вездѣ ему чудится Русалка. Грустная, она зоветъ и манитъ его къ себѣ.

— «Боже ты мой, Господи!» говорилъ онъ; — «это не жизнь, а наказанье!... Пропадай душа! брошусь къ ней въ омутъ, и поминай какъ звали!»

Вотъ поѣхалъ онъ въ Нижній Новгородъ, пошелъ по Волгѣ отыскивать рѣчку, о которой говорила ему Русалка, входитъ въ лѣсъ, вотъ и рѣчка, вотъ и омутъ, и дерево надъ нимъ раскинулось. Иванъ Савельичъ, не переводя духа, взлѣзаетъ на дерево, всматривается въ глубину. Волны шумятъ; въ нихъ какъ будто мелькаетъ умоляющій призракъ, манитъ его знакомымъ привѣтомъ и потомъ дробится, исчезаетъ. Вотъ, кажется, всплываетъ длинная коса: нѣтъ, это стелются водяныя растенія. Вотъ, точно нѣжная рука разсѣкла воду. Всматривается: это мелькнула рыба и исчезла въ глубинѣ. Иванъ Савельичъ тяжело вздохнулъ, взглянулъ на небо. Солнце горитъ жарко и высоко.

— «Бросаться въ воду или нѣтъ?» подумалъ Иванъ Савельичъ. — «Говорила она, что не дастъ утонуть. Попробуемъ нырнемъ, была не была, а можетъ и живъ останусь. Вотъ и полдень,» сказалъ онъ, невольный трепетъ пробѣжалъ по его членамъ. Волны звучно зажурчали какимъ-то призывомъ. Иванъ Савельичъ подымаетъ руку: хочетъ перекреститься, да нельзя. Сердце сжалось, дыханіе замерло, и онъ бухъ въ омутъ. Съ шумомъ разступились волны, слились, далеко разбѣжались

кругъ за кругомъ и рѣка течетъ по прежнему. Что жъ Иванъ Савельичъ? Тихо качаясь на зыбкой волнѣ, погружается онъ все глубже, и глубже, и опустился на дно. Зажмурясь, пританцвнши дыханье, не смѣетъ онъ пошевелиться, и только мало по малу рѣшается открыть глаза... смотреть: надъ нимъ раскинулся сводъ воды, сквозь него радугами прорѣзываются лучи солнца; по блестящему песку катятся прозрачныя волны, бьютъ ключи, струйки журчатъ и шелестятъ тростникомъ; а изъ тростника выглядываютъ какія-то чудныя дѣвушки; на лугу множество русалокъ, переплетаясь руками, водятъ хороводъ, поютъ звонкія пѣсни: точно какъ вода плескаетъ на хрусталь. Иванъ Савельичъ всматривается въ лица русалокъ, ищетъ знакомую свою: вдругъ хороводъ разрывается и одна изъ дѣвушекъ бѣжитъ къ нему, вскрикнула и обвила его нѣжными руками. Восклищаніе отозвалось подъ водою.

— Всплеснулись волны, зажурчали струи со всѣхъ сторонъ, а его нѣжить и ласкаетъ страстная Русалка, хохочетъ и плачетъ, рѣзвится какъ дитя и, кажется, хочетъ выщѣловать у него душу. Долго-ли прожилъ Иванъ Савельичъ подъ водою, самъ не знаетъ; но какъ-то, встосковавшись по землѣ, онъ сотворилъ крестное знаменье; очнулся, и увидѣлъ себя на своей квартирѣ въ Нижнемъ Новгородѣ. За великую тайну рассказывалъ онъ это происшествіе только самымъ короткимъ приятелямъ. И рѣдко кто сомнѣвался въ истинѣ словъ Ивана Савельича; потому, что рассказъ его былъ не вымысль, а то,

*

что сбылось съ нимъ — въ мѣрѣ внутреннемъ, или наружномъ: въ этомъ онъ не можетъ дать самому себѣ отчета; впечатлѣнія однѣ и тѣже: на яву случилось чудо, или болѣзнь, *огневица*, ласкалась къ нему въ видѣ нѣжной Русалки, увлекала на дно гроба; но духъ жизни вспыхнулъ въ немъ грустью по землѣ, Иванъ Савельичъ перекрестился—и выплылъ изъ объятій смерти на Божій свѣтъ.

★

ПРІЇЗДЪ ВЪ БАХЧИСАРАЙ.

УВЕСЕЛЕНІЯ И ОБЫЧАИ ТАТАРОКЪ.

I.

Солнце закатывалось, когда передъ нами открылся Бахчисарай. Онъ расположенъ въ узкой лоцинѣ между двухъ высокихъ, утесистыхъ горъ. Дома, сады, минареты, христіанскіе храмы, мечети, разбросанныя по косогорамъ, и среди всего райны или пирамидальныя тополи—придаютъ Бахчисараю видъ странный и пріятный. Съ высокой горы мы спустились въ городъ и медленно приближались къ Ханскому Дворцу, по тѣсной, длинной улицѣ. На ней сохранились триумфальныя ворота, сдѣланныя для пріѣзда Государыни Екатерины Алексѣевны. Изъ трещинъ камней выросла трава и вѣется по остаткамъ украшеній. По обѣимъ сторонамъ улицы расположены лавки: однѣ изъ нихъ уже закрывались, Караимы собирались въ свой Чуфуть Кале; въ другихъ лавкахъ еще сидѣли Татары, курили трубки, занимались ремеслами и торговали, одни шили *терлики*, * полировали стальныя вещи, точили

* Разноцвѣтные сапожки.

на станкахъ; другіе продавали черешню, медъ, зелень; на нѣкоторыхъ прилавкахъ стояли кувшины и стаканы съ цвѣтами. Въ лавкахъ пестрѣли разноцвѣтныя *мечеты*, * блестели кинжалы, трубки, разныя украшенія; тутъ же рядомъ висѣла баранина, стручковатый перецъ, свѣчи, стояли головы сахара, табакъ... На улицахъ встрѣчались пѣшеходы, тянулись скрышучія арбы и маджары. Когда мы достигли Дворца, было уже темно — едва можно было разсмотрѣть обширный дворъ, обсаженный кустами и деревьями, и множество зданій съ оградами, за которыми журчали фонтаны. Въ Бахчисараѣ ожидали Графа В.... Почти всѣ комнаты были назначены для его свиты. Почтенный смотритель дворца, желая доставить намъ болѣе спокойствія, пригласилъ насъ провести нѣсколько времени въ его отдѣленіи.

Привѣтны показались мнѣ комнаты, послѣ не долгаго, но утомительнаго переѣзда въ жаркій день. Въ раскрытыя окна, затѣненные цвѣтами и южными растеніями, навѣвало прохладой и запахомъ розъ; подъ окнами струился фонтанъ. Въ комнатахъ широкія, турецкія диваны манили отдохнуть.

Поутру мы увидѣли изъ оконъ громаду зданій въ восточномъ вкусѣ, съ неправильными фасадами, легкими кровлями, которыя поднимаются одна надъ другой, съ разноцвѣтными стеклами, рѣшетками, башнями, террасами, и все это облитое свѣтомъ солнца казалось еще пестрѣе и разнообразнѣе. На лѣво

* *Мечеты* — башмаки цвѣтныя.

открывался памятникъ Дильбара или Маріи,—осмиугольное зданіе съ круглымъ куполомъ: говорятъ, здѣсь Крымъ-Гирей плакалъ надъ прахомъ христіанки.

Пойдемте смотреть единственный памятникъ ханскаго величія, послѣдній остатокъ самобытности. Не бойтесь! васъ не будетъ беспокоить солнце: сады тѣнисты, вода прохладна, дворъ обсаженъ густыми шелковицами, тополями и кустами или лучше сказать деревьями розановъ, осыпанныхъ такимъ множествомъ бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ, что сквозь нихъ едва видна зелень. Съ трехъ сторонъ его окружаютъ зданія; съ четвертой по горъ, въ три уступа, возвышаются террасы: здѣсь были некогда великолѣпные фруктовые сады, теперь же по нихъ разбросаны остатки одичавшихъ грушъ и яблонь; кой гдѣ рдѣютъ вишни и вѣтса виноградъ; за верхней террасой видны отвѣсныя горы; на нихъ разбросаны Татарскіе домики. Противъ дворца возвышается съ минаретами ханская мечеть, въ два свѣта, съ цвѣтными стеклами, колонами, лѣстницами и надписями. Мы вошли на хоры, гдѣ некогда Ханъ присутствовалъ при молитвѣ. Передъ нами открылась вся внутренность мечети, отдѣланная просто, съ рѣзною каедрою для муллы и съ небольшимъ углубленіемъ вмѣсто алтаря, предъ которымъ горѣли желтыя и зеленыя восковыя свѣчи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны покрыты надписями изъ корана. Народъ входилъ въ мечеть, оставляя въ сѣняхъ верхнюю обувь, становился на колѣна или садился поджимая ноги; нѣкоторые разстилали подъ себя ков-

ры или верхнюю одежду, и всѣ молились, не обращая никакого вниманія на приходящихъ, не отвѣдая взоровъ отъ мѣста, гдѣ лежалъ коранъ. После нѣкоторыхъ молитвъ, прочитанныхъ Муллою, всѣ восклицали: *аминъ, аллахъ! аминъ, аминъ, аллахъ.*

Подлѣ мечети, за каменной стѣной, стоятъ два осмиугольные зданія съ свинцовыми куполами, оспенныя луною; въ нихъ покоится прахъ хановъ и немногихъ изъ ихъ родственниковъ. Нѣкоторыя гробницы обиты чернымъ бархатомъ, другія высѣчены изъ мрамора. На срединѣ стоитъ скамейка, на ней неугасаемо горитъ въ шандалѣ восковая свѣча; подлѣ лежитъ алкоранъ, и Дервишъ, сидя на маленькомъ коврѣ или стоя на колыняхъ—почти непрерывно молится и читаетъ. Вокругъ часовень, среди деревьевъ, цвѣтовъ и огородныхъ растений, разбросаны памятники знаменитыхъ мурзульманъ; при самомъ входѣ въ ограду вы видите на лѣво—бѣлый мраморный памятникъ Крымъ-Гирей; далѣе за деревьями, въ родѣ сквозной ротонды, развалины памятника Менгли-Гирей. Среди кладбища журчитъ фонтанъ, на немъ поставлена хрустальная кружка и виситъ полотенце, для желающихъ утолить жажду и сдѣлать омовенье. Многія памятники разрушены, заросли густой травою; между ними тянутся гряды съ крымскими огурцами, горохомъ и капуцинами; ихъ вѣтки, осыпанныя желтыми и лиловыми цвѣтами, выются по разрушенному величію, на которое собираются порой дѣти, чтобъ нарвать сладкихъ ягодъ склоненной надъ мраморомъ шелковицы.

«Гдѣ скрылись Хань?... Кругомъ все тихо, все уныло, все измѣнилось.... но не тѣмъ въ то время сердце полно было: «дыханье розъ, фонтановъ шумъ» влекли въ садъ, въ ханской Дворецъ.... и вотъ передъ нами торжественный входъ съ колоннами, надписями, рѣзными разноцвѣтными украшеніями и съ желѣзною дверью, въ которую нѣкогда входили Хань. Надъ этимъ входомъ раскинулъ свои крылья двуглавый орелъ. Войдя въ сѣни, выложенныя камнемъ, видите на право широкое крыльцо, которое ведетъ въ верхнія комнаты; прямо передъ нами фонтанъ, украшенный разными изображеніями цвѣтовъ и фруктовъ. Рассказываютъ, что Капланъ-Гирей, сдѣлавшій этотъ фонтанъ, отказался отъ престола, вынуждаемый Турецкимъ Султаномъ къ жестокости. *Я лучше сойду съ престола, отвѣчалъ онъ, какъ говорить объ этомъ преданіе, но не сдѣлаю несправедливости и не буду жестокимъ противу дѣтей моихъ.* На лѣво виднѣнъ фонтанъ слезъ. Изъ него вода катится въ бѣлыя мраморныя чаши и, разбѣгаясь струями, скрывается подъ полъ, чтобы брызнуть дождемъ и разлиться потокомъ изъ другихъ водометовъ; прохладить душныя комнаты, окрасить цвѣты, блеснуть живой струей передъ зеленою садовъ и снова скрыться подъ землю. Рассказываютъ, что одна молодая дѣвушка, посѣтившая Бахчисарай, посвятила въ даръ этому фонтану сочиненіе его пѣвца — *Бахчисарайскій фонтанъ* въ богатомъ переплетѣ, и положивши его подлѣ фонтана, изъявила желаніе, чтобы онъ остался здѣсь навсегда;

но одинъ посѣтитель, прельстившись красивымъ переплетомъ, лишилъ грустный памятникъ его единственнаго достоянiя.

За *фонтаномъ слезъ* огромная комната была при Ханахъ Судилищемъ или Государственнымъ Советомъ. Она устроена въ два свѣта; въ верхнемъ ряду цѣльныя окна убраны кругомъ разноцвѣтными стеклами; нижній рядъ оконъ замѣняетъ двери, которыя, тремя ступенями, выводятъ въ цвѣтникъ; стѣны украшены живописью: чашами и кувшинами, съ цвѣтами и фруктами. Противъ входа видна терраса, задѣланная мелкой рѣшеткой. Она не освѣщена ни однимъ окномъ, ходъ въ нее идетъ изъ внутреннихъ покоевъ дворца. Здѣсь-то Ханъ невидимо присутствовалъ при судѣ и рѣшенiи дѣлъ его сановниками. Подлѣ дивана, какъ будто для отдыха отъ дѣлъ, устроена фонтанная комната, окруженная цвѣтникомъ. Свѣтъ съ трехъ сторонъ радужно освѣщаетъ ее, проходя сквозь разноцвѣтныя стекла, за ними по зеленымъ колоннамъ вьется виноградъ; роскошныя кусты розонувъ прижимаются къ стекламъ, и если поднимите окно — они пышными вѣтками врываются въ комнату, трепетно склоняясь на пунцовыя подушки широкихъ дивановъ. Когда въ жаркiй полдень раскалены горы Бахчисарая, здѣсь прохладно и свѣжо: посреди комнаты струится и плещетъ чистая, холодная вода и разбѣгается по мраморному помосту; около стѣнъ идутъ диваны, покрытыя пунцовой матерiей, съ золотой бахрамою; стѣны украшены живописью; на малиновомъ потолкѣ съ

золотой рѣшеткой виситъ люстра, спускаясь къ водомету; въ ея хрустальной чашѣ, наполненной водою, порой плаваютъ золотыя константинопольскія рыбки. Цвѣтникъ богатъ розами, ландышами и виноградомъ, который вьется кругомъ стѣнь и по легкой террасѣ. Посреди цвѣтника сдѣлана мраморная купальня, затѣненная вѣтвями цвѣтовъ и винограда. Въ верхнемъ этажѣ дворца множество комнатъ: вездѣ въ нихъ позолота, рѣзба, мраморъ и нѣсколько видовъ Константинополя, сдѣланныхъ альфреско и безъ перспективы. Полъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ устланъ тростниковыми рогожками; зеркала и ткани болѣе новыя, привезенныя изъ Стамбула, въ послѣднѣй прѣздъ Царской Фамилиі въ столицу Крыма. Мебели много Европейской; среди ея хранится кровать Государыни Екатерины Алексѣевны. Небольшая спальня хановъ и *Золотая комната* остались безъ перемѣны; до нихъ не коснулись передѣлки ни въ новѣйшее время, ни при перестройкѣ дворца лѣтъ за пятнадцать, ни даже въ торжественный прѣздъ сюда Екатерины II. Въ нѣкоторыхъ окнахъ золотой комнаты стекла разноцвѣтныя; кругомъ стѣнь видны начертанія, какъ говорили намъ, изъ Персидскихъ поэтовъ; надъ каминомъ нѣсколько видовъ Константинополя.

Изъ Ханской спальни виднѣнъ *Гаремъ*. Онъ нѣкогда соединялся съ дворцемъ переходами. Огромная рѣшетчатая терраса при входѣ и четыре или пять небольшихъ отдѣльныхъ комнатъ, въ два свѣта — вотъ Гаремъ. Нѣтъ признака роскоши; сохранились

только простыя крашеные шкафы, вдѣланные въ стѣнахъ: въ нихъ лежали наряды ханскихъ женъ.

Высокая каменная ограда окружаетъ Гаремъ и принадлежащій къ нему небольшой садъ. Въ немъ осталось не много деревьевъ, но я нигдѣ не видала раины, выше и величественнѣе той, которая поднялась надъ гаремомъ. Посреди сада въ небольшомъ павильонѣ льется фонтанъ, описанный такъ роскошно нашимъ поэтомъ и такъ бѣдный въ настоящее время.

Теперь здѣсь самое уединенное мѣсто, и безмолвіе прерывается только ропотомъ водомета, шелестомъ густыхъ яворовъ и приходомъ путешественника.

Ко дворцу присоединяется нѣсколько дворишковъ, цвѣтниковъ и садовъ: тамъ зеленѣютъ шелковицы, деревья грецкихъ орѣховъ, вишни, тополи; вездѣ шумитъ и льется вода; даже дикая коза скачетъ по двору, щиплетъ розы и забирается иногда въ сады. Здѣсь вы на Востоке: самый воздухъ навѣваетъ на васъ нѣгой и располагаетъ къ сладкому бездѣйствію.

Въ Бахчисараѣ мы провели почти мѣсяць лучшаго времени года, и взяли отъ него всѣ удовольствія, какія онъ могъ доставить. Въ небольшомъ кругу Христіанъ, живущихъ здѣсь, мы нашли людей образованныхъ: они оставили по себѣ пріятныя воспоминанія. Хорошо намъ было въ Крыму; кажется тамъ сама судьба лелѣла насъ.

Увижуль я когда нибудь, тебя Таврида? твои моря, твои долины, твои заоблачныя горы? Увижу-ли тебя, покинутый Дворецъ Бахчисарая... Часто

я задумывалась подъ шумъ твоихъ водометовъ, часто бродили мы по твоимъ обширнымъ заламъ, гдѣ еще такъ недавно все кипѣло жизнью и страстями. Иногда входили при насъ во дворецъ старый *Эфенди* и ученый *Османъ* снимать надписи, которыми украшены стѣны. Какъ теперь вижу ихъ: одного въ бѣлой чалмѣ, а другаго въ черной, высокой шапкѣ; какъ они въ 50 градусовъ жара, закутанные въ пунцовыя бархатныя шубы сидятъ неподвижно и съ какимъ-то благоговѣніемъ срисовываютъ мудренныя начертанія. Я любила въ это время оставаться въ той же комнатѣ, читать книгу или, ничего не дѣлая, разсматривать пестрыя узорчатыя стѣны. Мой неразлучный товарищ, малютка сынъ, часто подъ эту тишину засыпалъ у меня на колѣняхъ. Окончивши свое занятіе, оба ученые обращались къ намъ съ благодарною улыбкой за безмолвное уваженіе къ ихъ святому занятію, и каждый разъ награждали моего малютку спрятаннымъ у нихъ подъ шубою букетомъ цвѣтовъ, или огурцомъ. Добрые старики, для васъ дворецъ Бахчисарая сохранилъ все свое величіе. Полные трепета вы вступаете въ него, и не догадываетесь, что, списывая эти начертанія, исполняете дѣло потопства и срисовываете развалины.

II.

Желая ближе познакомиться съ образомъ жизни Татарокъ, я пригласила къ себѣ жену Османа. На другой день по утру сказали мнѣ, что чрезъ садъ идутъ ко мнѣ гости. Я вышла на террасу, думая встрѣтить одну или двухъ женщинъ, и съ удивленіемъ

увидѣла цѣлую толпу закутанныхъ въ покрывала Татарокъ, разряженныхъ Татаръ, дѣтей и за ними множество оборванной прислуги. Я только тогда повѣрила что это мои гости, когда они еще издали привѣтствовали меня поклонами и шумной толпой поднялись на террасу. Изумленная, я пригласила ихъ въ свои комнаты и послала за Караимомъ — переводчикомъ. Всѣ онѣ, оставивши у дверей туфли, расположились на диванахъ, а дѣти и прислуга усѣлись на полу, на тростниковыхъ рогожкахъ. Пришедшій Караимъ объяснилъ мнѣ, что если приглашаютъ въ гости Татарку, то она приходитъ съ мужемъ, дѣтьми, близкими родственниками и со всею прислугой. Тутъ я поняла, что значить Татарскій набѣгъ. Всѣ женщины оставались въ покрывалахъ, изъ-подъ которыхъ блестѣли черные глаза. Я просила ихъ раскрыться, но онѣ молча качали головами. Караимъ велѣлъ принести большія ширмы и раздѣлилъ ими комнату на двое. Въ одной половинѣ помѣстились Татары и закурили трубки; въ другой женщины, сбросивши *фэрэджэ* и покрывала, смѣясь сѣли въ кружокъ на полу и мы нѣсколько времени безмолвно разсматривали другъ друга. Разговоръ черезъ переводчика былъ очень затруднителенъ: онѣ сидѣль за ширмами, и каждый мой вопросъ могъ передавать женщинамъ только черезъ ея мужа, также какъ и я получала отъ нее отвѣтъ черезъ мужа и переводчика. Я велѣла подать моимъ гостямъ густаго *чернаго кофе*, нѣсколько тарелокъ варенья, грецкихъ ореховъ и фрукты. За десертомъ женщины разговари-

лись между собою и часто знаками дѣлали мнѣ вопросы, которые я скоро понимала и довольно удачно отвѣчала на нихъ также знаками. Съ одной Татаркой мы разбѣнялись, на время, платьями и ей очень понравилась наша легкая свободная блуза. Татары *ажну*, когда я вышла къ нимъ безъ покрывала: каждый съ испугомъ всматривался—не его ли жена сдѣлала такое преступленіе; но узнавши меня остались очень довольны моимъ переодѣваніемъ. Ихъ одежда показалась мнѣ тѣсна и неудобна. Съ удивленіемъ смотрѣла я на молодого, высокаго Татарина, который свободно входилъ къ намъ за ширмы и разговаривалъ съ непокрытыми женщинами. На вопросъ мой Караимъ отвѣчалъ, что это *нянька*, и рассказалъ, что у Татаръ, по большой части, смотрятъ за дѣтьми и нянчатъ ихъ молодые люди, которые иногда вступаютъ въ родственныя отношенія съ семействами, гдѣ были прислугою.

Дня черезъ два послѣ этаго посѣщенія я была приглашена утромъ на *кофе*, къ одной изъ Татарскихъ Княгинь. Сынъ ея былъ помолвленъ на Княжну Ширинской, знаменитые предки которой вступали въ родственныя связи съ Ханами и были блюстителями правъ народа. Дочь ея выходила замужъ за какого-то богатаго Мурзу. Княгиня предложила мнѣ посмотреть подарки жениха и невесты. Принесли два большіе, окованные желѣзомъ сундука, и раскрыли прежде съ подарками Княжны Ширинской. Большая часть изъ нихъ состояла изъ работъ невесты: множество платковъ и полотенецъ, вышитыхъ золотомъ и шелками; разно-

цвѣтныя кушаки изъ серпянки и шелковыя, вышитыя золотомъ и серебромъ; константинопольскія, сырцовыя сорочки, обшитыя шелковымъ кружевомъ, кисеты для табака, чехлы для мундштуковъ, шитыя кисейныя шали и богатые халаты. Въ другомъ сундукъ хранились подарки отъ молодаго мурзы: парчевыя и шелковыя *энтэри*, бархатъ для *салта марка*, дукаты нашитыя на узкомъ черномъ бархатъ, которые необходимо долженъ каждый женихъ дарить своей невѣстѣ. Тутъ же были шитыя золотомъ *тэрлики*, шелковыя платки и сафьянный ящичекъ съ богатыми сергами, браслетами и запонкой лучшей петербургской работы.

Послѣ обѣда меня пригласила къ себѣ Татарская Княгиня К....

Узнавши, что я желаю видѣть образъ жизни и обычаи Татарокъ, она сдѣлала для меня вечеръ и праздникъ. Въ назначенное время, по принятому обычаю, взявши съ собою дѣтей и нянекъ, я отправилась къ Княгинѣ пѣшкомъ, вмѣстѣ съ одной изъ Бахчисарайскихъ дамъ, которая хорошо знала татарскій языкъ и предложила быть переводчицей.

Когда я вошла къ Княгинѣ во дворъ, окруженный высокими стѣнами, то увидѣла до пятидесяти татарскихъ женщинъ и дѣвушекъ въ богатыхъ и блестящихъ нарядахъ: однѣ изъ нихъ стояли а другія ходили по террасѣ, обнесенной перилами и легкими деревянными колонками. Дочь Княгини, дѣвушка лѣтъ семнадцати, узнавши о моемъ приходѣ, встрѣтила меня на крыльцѣ. На ней было *энтэри*

изъ константинопольской шелковой матеріи, застегнутое на талин круглыми золотыми пуговками; узкіе рукава перехватывались браслетами изъ золотыхъ цѣпочекъ, съ дорогими негранеными камнями. Сверхъ *энтэри* была надѣта черная бархатная *самтамарка*, съ короткими рукавами, вышитая въ узоръ, по всѣмъ краямъ золотымъ шнуркомъ. На груди была видна планшетная *рубашка* изъ тонкой сырцовою матеріи, въ родъ нашихъ русскихъ, со сборками и полуоткрытымъ воротомъ, застегнутая изумрудною *запонкою*. На шеѣ висѣли *дукаты*, изъ константинопольскихъ золотыхъ монетъ, нашитыхъ, въ нѣсколько рядовъ, на черную узкую бархатку. Широкий *попсъ*, спущенный довольно низко, застегивался по *энтэри* двумя огромными золотыми бляхами, рельефной работы. Длинные черные волосы Княжны, заплетенные въ множество мелкихъ косъ, висѣли по плечамъ; въ нихъ было вплетено нѣсколько золотыхъ талисмановъ, привезенныхъ какимъ-то *Дервишемъ* изъ Мекки. На головѣ была надѣта маленькая, круглая шапочка изъ пунцоваго бархата, съ большою золотой кистью. Въ сергахъ висѣли длинныя жемчужныя подвѣски. Въ легкихъ сафьянныхъ *терликахъ*, вышитыхъ серебромъ, ножкамъ Княжны было очень свободно. Широкия шелковыя *шалвары*, густыми сборками, были обвязаны надъ *терликами*.

Одежда другихъ дѣвушекъ отличалась только цвѣтомъ или драгоцѣнностію украшеній; у нѣкоторыхъ шапочки были обшиты золотою бахра-

мой или привѣсками изъ червонцевъ. Женщины были повязаны шелковыми платками, съ золотымъ шнуркомъ и бахромками. Какъ скоро я поднялась на террасу, нѣкоторыя изъ Татарокъ поклонились мнѣ, приложивши руку ко лбу. Княжна сказала, черезъ переводчицу, нѣсколько привѣтствій въ восточномъ вкусѣ и пригласила въ комнату. Въѣсть съ нею мы вошли въ обширныя сѣни; за нами слѣдовала вся толпа Татарокъ. Въ дверяхъ встрѣтила меня Княгиня, женщина лѣтъ около пятидесяти, довольно полная. Одежда ея отличалась простотою: на ней было изъ легкой, шелковой матеріи *энтэри*, застегнутое одною пуговицей; грудь едва прикрывалась константинопольской рубашкой, въ которой блестяла драгоценная запонка; на головѣ слегка былъ повязанъ темный, шелковый платокъ, въ ушахъ были однѣ золотыя колечки. Встрѣтивши меня, она остановилась и сказала, черезъ переводчицу: «что радуется моему посѣщенію, желаетъ, чтобъ дни мои были ясны, чтобъ я утѣшалась дѣтьми моими, чтобъ мои сыновья росли и укрѣплялись какъ тополи, а дочери разцвѣтали бы какъ розы, и чтобъ я дождалась дѣтей дѣтей моихъ.» Еще многое говорила Княгиня, и спрашивала о здоровьи моего мужа, отца и матери.... Я отвѣтила предъ такимъ потокомъ краснорѣчія; вокругъ, все въ безмолвіи ожидали моего отвѣта, вѣроятно самаго пышнаго. — Сдѣлайте одолженіе, сказала я переводчицѣ, пожелайте отъ меня Княгинѣ всякаго благополучія и, по обычаю, привѣтствуйте ее какъ можно великолѣпнѣе.

Въ невѣдомыхъ мнѣ выраженіяхъ переводчица что-то долго объясняла Княгинѣ, которая обратилась ко мнѣ съ благосклонною улыбкой и пригласила въ *гаремъ*. За нами вступили всѣ Татарки. Это была большая комната, раздѣленная тонкими деревянными колоннами на двѣ неровныя части. Первая, небольшая половина была безъ всякихъ украшеній; во второй, за колоннами, полъ былъ нѣсколько возвышенъ и устланъ коврами, вокругъ стѣнъ стояли низкіе, широкіе диваны, покрытые пестрымъ ситцемъ. Прямо, противъ входа, два окна съ разноцвѣтными стеклами, были задѣланы пестрою деревянною рѣшеткою; за ними возвышалась стѣна, изъ-за которой зеленѣли деревья. На право одно окно открывалось на террасу, а другое въ небольшую комнату съ диванами, гдѣ приготовляли для насъ чай и десертъ.

Княгиня пригласила сѣсть на диванъ: меня, дѣтей моихъ съ няньками и переводчицу; подлѣ меня на полу, на подушкѣ, помѣстилась Княжна; въ сторонѣ, на диванъ сидѣла пожилая женщина, въ ситцевомъ *энтэри*. Это была *кормилица* Княжны и ея старшаго брата. Сама Княгиня, поджавши ноги, расположилась у окна, *раскрытито* на террасу. Я никакъ не рѣшалась принять подобнаго положенія. Всѣ остальные Татарки почтительно стояли за колоннами; у дверей, при входѣ въ комнату, видно было нѣсколько служанокъ. Одна изъ нихъ принесла трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, украшенную богатымъ янтаремъ и, по знаку Княгини,

безмолвно, предложила мнѣ. Я нѣсколько смутилась не желая огорчить отказомъ и не зная что дѣлать съ этимъ угощеніемъ.

— Скажите, можно ли, не оскорбивши Княгини, отказаться отъ трубки? спросила я у переводчицы.

Она обратилась къ Княгинѣ и сказала, что я благодарю за сдѣланную мнѣ честь, но что по нашему обыкновенію женщины не курятъ. Княгиня взяла трубку, что-то сказала уходящей служанкѣ и начала курить.

Черезъ минуту раздалась подъ окнами музыка изъ нѣсколькихъ скрипокъ, дудочекъ и бубновъ: играли татарскую плясовую пѣсню. Княгиня молча подала знакъ, и двѣ дѣвушки подошли къ ней, наклонились, приложили ея руку ко-лбу и поцѣловали. Тоже самое сдѣлали онѣ передъ Княжной и передо мною. Я-было не хотѣла дать имъ руки, но мнѣ отвѣчали, что онѣ оскорбятъ отказомъ. Исполнивши обрядъ, дѣвушки, потупивши глаза, стали посреди комнаты одна противъ другой; лѣвой рукою подперлись, правую скруглили надъ головою, переплели ноги, поднялись на пальчики—и въ этомъ положеніи мѣрно качались нѣсколько времени. Потомъ, медленно и стройно переступая съ ноги на ногу, расходились въ разныя стороны, перемѣнялись мѣстами и безпрестанно дѣлали движеніе кистью поднятой руки. Вдругъ музыка заиграла веселѣе, пляска оживилась; взоры танцовщицъ одушевились; движенія сдѣлались быстры.... Кончивши пляску, онѣ, какъ прежде, подошли къ рукѣ и молча стали на свое мѣсто. Ихъ замѣ-

нила другая пара, съ тѣми же церемоніями, и, такимъ образомъ, однѣ смѣняли другихъ. Съ нѣкоторыми Татарками Княгиня разговаривала и позволила сѣсть на коврахъ, и даже диванахъ. Въ это время я замѣтила, что у многихъ изъ женщинъ волосы, брови и рѣсницы были почти краснаго цвѣта. Мнѣ сказали, что Татарки имѣютъ обыкновеніе красить волосы оранжевою краской, называемою *кна*. У нѣкоторыхъ были того же цвѣта ногти на рукахъ и даже на ногахъ.

Почти всѣ женщины и дѣвушки были сильно наблѣнены и нарумянены; у многихъ *насурмленыя* брови соединились въ одну черту. Но Татарки знатнаго рода никогда не прибѣгаютъ къ подобнымъ украшеніямъ.

По большей части Татарки черноволосыя или темно-руссыя; глаза у нихъ большіе, каріе или черные; очеркъ лица рѣдко правильный, въ выраженіи замѣтна наклонность къ забавамъ и удовольствіямъ; во всѣхъ ихъ формахъ много изнѣженнаго и мало свѣжести. Одна дѣвушка, лѣтъ четырнадцати, привлекла мое вниманіе своимъ миловиднымъ лицомъ: ея большіе, черные глаза были осѣнены густыми рѣсницами; не высокія брови были тонки, какъ шнурокъ; въ нѣжныхъ чертахъ лица выражалось много благороднаго и пріятнаго; длинныя, черныя косы, переплетенныя съ талисманами, упали почти до коленъ; пунцовая шапочка очень шла къ ея дѣтскому личику, на которомъ уже начинала развиваться красота дѣвушки. Это была *Сіадэ*—единственная дочь

богатаго *Кадія*. Узнавши, что она мнѣ понравилась, Княгиня велѣла ей, въ продолженіе всего праздника, сидѣть на коврѣ у ногъ моихъ. Улыбаясь и краснѣя, дѣвушка исполнила приказаніе. *Сіадэ* часто оглядывалась и привѣтно смотрѣла въ окошко, раскрытое въ небольшую комнату, гдѣ готовилось угощеніе. Желая знать, что привлекало ея вниманіе, я также оглянулась и увидѣла подъ окномъ пожилую женщину, добраго пріятнаго вида: она съ любовію смотрѣла на *Сіадэ*. Въ ея взорѣ я прочла знакомое мнѣ чувство — чувство матери: оно насъ сблизило.

— Это мое единственное дитя! сказала она мнѣ черезъ переводчицу, указывая на *Сіадэ*.

Я стала хвалить *Сіадэ*. На лицѣ матери выразилась признательность и на глазахъ навернулись слезы.

Между тѣмъ пляска продолжалась, музыка гремѣла, въ комнатѣ сдѣлалось душно. Раскрыли изъза рѣшотокъ окна, за ними брызнулъ и заструился фонтанъ; въ комнату вошли служанки съ большими серебряными подносами, на которыхъ стояли хрустальные графинъ съ чистою холодною водою, стаканы и множество серебряныхъ и золотыхъ блюдецъ съ разными вареньями и фруктами. Тутъ были: розы въ сахарѣ, сохранившія свой цвѣтъ и запахъ, недозрѣлые грецкіе орѣхи, вареные въ меду; вишни, кизиль, айва, земляника и прославленное варенье изъ бѣлыхъ лилій. Взявши его одну ложку, я не могла согласиться съ восточнымъ вкусомъ и

поторопилась выпить стаканъ воды: въ немъ было такъ много корицыг и разныхъ пряностей, что не оставалось и признака вкуса и запаха лилій. Когда обнесли ими гостей безъ исключенія, то весь подносъ поставили передо мною, на круглой низенькой скамеечкѣ или татарскомъ столѣ.

Княгиня желала знать, зачѣмъ мы прѣхали въ Крымъ, долго ли пробудемъ, и сказавши, что дочь ея выходитъ замужъ, а сынъ, служащій въ гвардіи, женится, пригласила меня на обѣ свадьбы, которыя должны были совершиться осенью. Я отвѣчала, что мы въ это время будемъ за тысячу верстъ — и въ самомъ дѣлѣ пожалѣла, что не могла воспользоваться приглашеніемъ. Пока мы разговаривали, пляски измѣнились. Татарки, взявшись за руки, составили полукругъ и танцовали извѣстный здѣсь *Греческій танецъ*. Двѣ первыя держались за концы платка, поднявши его надъ головами, дѣлали разныя фигуры и вѣли за собою всю вереницу; потомъ всѣ проходили подъ платокъ и *заплетались плетнемъ* *. Пройдя снова подъ платкомъ, онѣ разплелись и составили *кругъ*. Въ это время музыканты заиграли французскую кадрили: дѣвушки пробовали что-то танцовать, потомъ съ громкимъ смѣхомъ перемѣшались, столпились, и вдругъ нѣсколько чистыхъ, пріятныхъ голосовъ запѣли татарскую пѣсню; музыка умолкла, имъ вторила одна скрипка. Пропѣвши первый

* У насъ въ Россіи также водятъ хоры подъ извѣстную пѣсню: *заплетися плетень, заплетися*. И весь хоръ дѣвушекъ, проходя подъ платокъ, заплетается плетнемъ.

куплетъ, онѣ умолкли. Имъ отвѣчали изъ-за окна музиканты всѣмъ хоромъ съ звуками бубновъ и флейтъ. Куплетъ пропѣли и въ комнатѣ снова раздались женскіе голоса....

Я задумалась.... Вдругъ кто-то чистымъ рускимъ языкомъ спросилъ меня: хотите чаю? это была Княжна: она все еще сидѣла подлѣ меня на подушкѣ. Вы говорите по-русски? спросила я ее.

— Нѣтъ, не умѣю! отвѣчала она.

— Да развѣ это не по-русски? — Княжна засмѣялась.

— Гдѣ научилась Княжна поруски? спросила я переводчицу? она мнѣ сказала, что Салтанета выучилась, часто бывая у нее въ гостяхъ, и даже съ своимъ женихомъ говорила по-русски.

— Какъ, Княжна, сказала я, вы видѣлись съ вашимъ женихомъ до свадьбы?

Она закрыла лице руками и наклонила голову въ колѣни.

— Княжна находитъ необходимымъ, отвѣчала переводчица, узнать жениха до свадьбы.

— Вы не вѣрьте ей, сказала Салтанета, поднявши голову, она васъ обманываетъ.

Въ это время намъ подали въ фарфоровыхъ чашкахъ прекрасный чай. Въ серебряномъ молочникѣ были густыя, варенья сливки, а на хрустальномъ

блюдицкъ нарѣзанный лимонъ; на другомъ подносѣ сухари и бѣлый хлѣбъ. Княжна подчивала меня очень усердно.

— Вы умѣете читать? спросила я ее.

— Да, я читаю и пишу, и сочиняю стихи. Тутъ она обратилась къ переводчицѣ и сказала по-татарски, что пришлетъ мнѣ завтра свои стихи. Я поблагодарила и отвѣчала, что попрошу перевести ея стихи и буду хранить на память нашего знакомства. Они и теперь у меня, написанные рукою Салтанеты.

Послѣ чаю, музыка замолкла и Татарки начали забавляться разными играми и какими-то мимическими представленіями. То раздѣлясь на двѣ вереницы и взявшись за руки, съ пѣньемъ сходились и расходились; то составляли кругъ, разрывали его и ловили другъ друга. Потомъ сдѣлали изъ подушки куклу, перебрасывали ее изъ рукъ въ руки, и одна изъ дѣвушекъ плясала съ нею посреди комнаты. Княжна не участвовала ни въ ихъ пляскахъ, ни въ играхъ; но когда все это перешло въ шалость, то она, будто нечаянно, вмѣшалась въ ихъ ряды, съ одними вертѣлась, другихъ толкала и дергала за платье. Даже сама Княгиня, мимоходомъ, удостоила нѣкоторыхъ порядочными толчками.

Наступали сумерки, въ комнатахъ становилось темно, и Княгиня приказала позвать музыкантовъ на террасу, такъ чтобъ они не могли видѣть внутренности комнатъ. Музыканты заиграли, загремѣли въ бубны, и хоромъ начали воспѣвать славныя под-

виги Хановъ, знаменитыхъ родомъ, ихъ героевъ, воспѣли и Княгиню, ея дѣтей, Княжну *Салтанету* и ея жениха. А *Салтанета* сидѣла въ это время на диванѣ, облокотясь рукою на визеньскій столикъ, обдѣланнѣй перламутромъ, на которомъ горѣли въ серебряныхъ подсвѣчникахъ двѣ свѣчи. Задумчиво, она склонила голову, и длинныя косы ея спустились почти до земли. Въ этомъ положеніи и въ своемъ нарядѣ, она была какъ-то странно хороша. За колоннами Татарки надѣвали на себѣ бѣлья, шерстяныя *фереджэ*; нѣкоторыя уже завязывали нижнюю часть лица полотняными и миткалевыми платками и накидывали на себя кисейныя *маграма* или покрывала. Когда музыканты перестали прославлять татарскія знаменитости, Княгиня спросила, не желаю ли я, чтобъ они что нибудь еще пропѣли. Я часто слышала любимую простонародіемъ пѣсню: *Чипеимъ*, гдѣ дѣло идетъ о красавицѣ: *Я назвалъ бы тебя розой, говоритъ поэтъ, но роза не вѣчна. Когда я несъ тебѣ конфекты, то и самъ ихъ не пѣмъ, зная, что слова твои слаще конфектъ.* Голосъ этой пѣсни живой и пріятной. Я всегда слушала ее съ удовольствіемъ и теперь попросила спѣть: *Чипеимъ*. При этихъ словахъ, на лицѣ Княгини выразилось неудовольствіе, она замѣлась; всѣ Татарки переглянулись, и я замѣтила, что сдѣлала какую-то неловкость, прищда въ смущеніе и просила переводчицу объяснить мнѣ, что это значитъ? Она со смѣхомъ отвѣчала, что известная красавица *Чипеимъ* не славилась скромностію жизни, и недавно, получивши разводную, вышла изъ Бахчи-

сарая. А потому избѣгаютъ говорить о ней, особенно въ такомъ почетномъ домѣ. Я просила объяснить Княгиню, что мнѣ неизвѣстны многія происшествія въ ихъ столицѣ. Переводчица долго говорила съ нею, и лице ея Сіятельства просвѣтлѣло; она улыбнулась и громко сказала въ окно музыкантамъ: *Чипеимъ!* Въ мгновеніе комната огласилась веселою живою пѣснею; Татарки пересмѣивались; Княгиня нѣсколько разъ невольно улыбалась. Когда пѣсня кончилась, я стала прощаться. Княгиня извинилась, что не приготовила ужинать, потому что рано утромъ должна ѣхать въ Качинскую долину, а по возвращеніи оттуда будетъ у меня и надѣется, что я приду къ ней обѣдать и ужинать. Послѣ долгихъ взаимныхъ привѣтствій мы разстались. Я, не выходя изъ комнаты, надѣла шляпку и манто; няньки взяли на руки полусонныхъ дѣтей и мы пошли домой. Княгиня привѣтливо проводила насъ до дверей, а Княжна въ снѣи. Передъ нами и за нами мелькали группы закутанныхъ Татарокъ. Было довольно темно; накрапывалъ крупный дождь; осторожно ступая по мокрымъ камнямъ неровной мостовой, мы пробирались во дворецъ. По улицѣ мимо насъ пронеслась, на татарскихъ лошадяхъ, кавалькада путешественниковъ, одѣтыхъ въ бурки, и дамъ, завернутыхъ въ манто. Когда мы пришли во дворецъ, — по двору вываживали лошадей; множество дамъ, мужчинъ и дѣтей сидѣли на террасѣ и пили чай. Промокнувъ и продрогнувъ, мы пробрались въ свое *отдѣленіе*, гдѣ насъ давно ожидали за чайнымъ столомъ и засыпали вопросами. Самоваръ кипѣлъ; души-

тый чай разливался въ чашки; разговоръ оживился. Приютно, и тепло, и свѣтло показалось мнѣ въ комнатѣ.

Скоро вѣтеръ разогналъ облака. Въ синѣвѣ глубоко загорѣлся мѣсяць ... все освѣтилось.

Хороши твои ночи, Таврида!

С М Ъ С Ь.

I. КИРГИЗСКІЙ ХАНЪ ЧЖАНГИРЪ И КИРГИЗЫ. * На другое утро я былъ допущенъ къ аудіенціи. Его Высочество ** привѣтствовалъ меня дружескимъ рукожатіемъ у дверей аудіенцзаль, устланной Персидскими коврами, посадилъ меня на диванъ, и самъ сѣлъ подле меня. Двумъ моимъ спутникамъ были предложены стулья. Когда я высказалъ ему чувствованія благодарности за сдѣланное мнѣ гостепріимство, то онъ принялъ слова мои благосклонно, и сказалъ, что былъ извѣщенъ о моемъ прибытіи, уже за нѣсколько недѣль, Оренбургскимъ Военнымъ Генералъ - Губернаторомъ, и обѣщался дать мнѣ лошадей до Глининнаго, при озерѣ Камышъ-Самаръ, и въ другія мѣста. Гвардію Хана составляютъ 50 Уральскихъ козаковъ.

* Эта и слѣдующая статья объ Индійскомъ Богослуженіи заимствованы изъ путешествія Гебеля: *Reise in die Steppen des südlich: Russlands internem: Von Gebel.* Книга посвящена Е. В. Государю Наслѣднику.

** Титулъ хана.

Книга III.

Ханъ Чжангиръ лѣтъ около тридцати, сложенія крѣпкаго, роста средняго; выраженіе лица имѣеть Монгольское. Цвѣтъ лица желтоватый, глаза сѣрые, пріятные; руки бѣлы и нѣжны, борода, усы и брови русые и рѣдкіе. По русски говоритъ охотно и бѣгло. Одежду его составляютъ: фіолетовой, бархатный кафтанъ, роскошно обшитый золотымъ и серебрянымъ галуномъ, такіе же шаровары, вышитый золотомъ камзолъ, и острая, обложенная соболями и вышитая золотомъ бархатная шапочка. Перепоясанъ онъ былъ кушакомъ выложеннымъ аметистами; за кушакомъ былъ Черкесскій кинжалъ и кривая сабля. На правой сторонѣ кафтана была звѣзда ордена св. Анны.

У Хана двѣ жены и отъ обихъ 11 дѣтей: изъ нихъ семь мальчиковъ, которыхъ называютъ Султанами. Старшая жена — Киргизска, а младшая и любимая — Татарка. Послѣ я видѣлъ маленькихъ Султановъ; они похожи на отца, при каждомъ изъ нихъ свой дядька. Старшій Султанъ воспитанъ въ Оренбургѣ.

Домъ Ханскій деревянный, но построенъ со вкусомъ; вокругъ него видны небольшіе домики, въ которыхъ номѣщаются значительные люди и Султаны; изъ нихъ шестеро были здѣсь со множествомъ народныхъ старшинъ. Эти зданія построены Русскимъ Правительствомъ. Ханъ живетъ въ нихъ только зимою, а лѣто проводитъ въ степи, въ палаткѣ.

У Хана есть свои собственныя владѣнія: большія стада овецъ, рогатаго скота, верблюдовъ и до

3000 лошадей. По приблизительнымъ свѣденіямъ, кочуютъ въ степи, подъ непосредственною зависимо­стью Хана 189,300 душъ обо­его пола, въ 16,550 кибиткахъ; у нихъ считается: 99,300 верблюдовъ; 165,000 рогатаго скота, 824,500 курдюковыхъ барановъ, и 496,500 лошадей. Прежде считалось 3,000,000 овецъ, но большая часть ихъ погибла отъ жестокихъ зимъ и непогодъ. Каждый годъ продается до 100,000 штукъ овецъ: цѣна за трехгодо­вую 12 р., за годовую 6. Лошадь продаютъ отъ 50 до 200 рублей. А верблюдовъ рѣдко продаютъ и берегутъ ихъ для перевозки кибитокъ и тягостей.

II. БОГОСЛУЖЕНІЕ ИНДІЙЦЕВЪ, ВЪ АСТРАХАНИ. Духъ чело­вѣка невольно стремится за предѣлы ума и знанія; какъ будто томится на землѣ; вездѣ ищетъ Бога, и чело­вѣкъ съ благоговѣніемъ преклоняется предъ своимъ Создателемъ. Самое грубое богослуженіе язычниковъ есть также созна­ніе Бога и стремленіе къ нему безсмертнаго духа. Въ этомъ отношеніи любопытно познакомиться и съ младенчествуящимъ богослуженіемъ Астраханскихъ Индѣйцевъ, нашихъ соотечественниковъ. Въ огромномъ зданіи, которое называется Индѣйскимъ купеческимъ дворомъ, въ длину всего дома сдѣлана крытая галерея; изъ нее ведутъ дверцы въ небольшія комнатки, занятые Индѣйцами. Одна изъ этихъ ком­натокъ назначена для *пагода* (Индѣйскаго храма). Она не болѣе другихъ, темна и не чиста. Сквозь

два окна проходить слабый свѣтъ, на стѣнахъ видны изображенія ихъ боговъ, работы грубой и вида отвратительнаго. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери двѣ или три ступеньки ведутъ на возвышенность, сдѣланную по обычаю восточному и устланную коврами. На право устроено капище, на подобіе игрушечнаго шкафа. На столѣ, совершенно закрытомъ шелковою матеріею, сдѣланъ на четырехъ выкрашенныхъ красною краскою столбикахъ балдахинъ, а подъ нимъ что-то въ родѣ терассы, на которой поставлены небольшіе идолы: мѣдные, бронзовые и серебрянные; одни изъ нихъ украшены золотомъ и жемчугомъ, другіе наряжены въ платья; они вообще непріятнаго вида, отъ трехъ до осьми вершковъ вышиною, подобно нашимъ кукламъ. Подлѣ балдахина находится кровать съ занавѣсами, убранная шелковою матеріею; на эту кровать, каждый вечеръ укладываютъ спать боговъ. Подъ потолкомъ комнаты повѣшены два колокола, въ которые звонятъ во время службы. Вокругъ комнаты былъ уставленъ домашній скарбъ, и подлѣ двери стоялъ мѣшокъ съ мукою; во всемъ *пагодѣ*—была нечистота, на запачканныхъ окнахъ стояли неугасимыя лампы, сдѣланные изъ жести и утвержденныя на одной ножкѣ.

Мы пришли довольно рано. Индѣйцы спали, расположившись на полу коридора, и нашъ приходъ не возмутилъ ихъ. Одинъ изъ нихъ, отправлявшій послѣ службу, замѣтивши насъ, всталъ, началъ говорить съ сильными тѣлодвиженіями и безпрестан-

но показывалъ на заходящее солнце. Вѣроятно онъ давалъ намъ знать, что съ закатомъ солнца начнетъ богослуженіе. Это былъ человекъ высокій и сухощавый, съ рѣдкою, темнорусою бородою; вялою кожей и оранжевыми полосами на переносѣе.

Когда солнце закатилось, въ *пагодъ* ударили въ колоколь и пригласили насъ войти. Службу управляли два индійца: священникъ и его помощникъ. Они оба стояли съ обнаженными ногами: помощникъ звонилъ въ колоколь, а священникъ зажигалъ у неугасимой лампы маленькія восковыя свѣчи и ставилъ ихъ предъ нѣкоторыми идолами. Потомъ, безпрестанно звоня лѣвою рукою въ колоколь, въ тоже время вертелъ страннымъ образомъ подсвѣчникъ (*Lichterfass*), пока не поставилъ его въ маленькій храмъ. Послѣ этого, онъ взялъ небольшую раковину, налилъ изъ нее воды на дно сосуда и сталъ повертывать точно также какъ подсвѣчникъ. Наконецъ повертывая то раковину, то подсвѣчникъ, пѣлъ съ своимъ помощникомъ самыя монотонныя пѣснопѣнья. Во время молитвы, подобно мугамеданамъ, они проводили ладонями рукъ по лицу, распростирались по землѣ и надолго прикасались лбомъ къ полу. Иногда священникъ извлекалъ сильные звуки изъ раковины особеннаго устройства, напоминая богамъ, въ случаѣ если они задремлютъ, что время молиться. Потомъ взявши полную ложку своей святой воды, поднесъ ее помощнику, погасилъ свѣчи, оставивши только неугасимыя лампы, и богослуженіе, продолжавшись около часа, кончилось.

Мнѣ позволено было подойти къ идоламъ, рассмотреть ихъ, даже дотрогиваться до нихъ, и когда я все это сдѣлалъ съ важнымъ видомъ, то Индійцы остались очень довольны, и кажется приняли мое состраданіе за уваженіе и набожность къ ихъ кукламъ.

Въ Индійцахъ замѣтна большая склонность къ добровольнымъ мученіямъ себя. Нѣкоторые изъ нихъ даютъ обѣты просидѣть тридцать лѣтъ поджавши ноги, другіе полага обѣ руки на голову — и часто умираютъ въ такомъ положеніи. Какія бы златыя времена настали для людей, если бы они были также непреклонны въ добродѣтели! (Gebel's Reise).

III. РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ОДЕССЫ. Конечно многіе изъ читателей знаютъ, что кругомъ Одессы лежатъ степи, на которыхъ рѣдко удастся видѣть не только рощу или садъ, но даже дерево или кустарникъ. Почва вообще камениста, известковаго свойства, покрыта неровнымъ слоемъ чернозема. Дожди перепадаютъ рѣдко, снѣга держатся не долго. Самое жаркое лѣто постоянно продолжается почти полгода. Тѣмъ радостнѣе видѣть, когда умъ и искусство человека, ставши въ борьбу съ неудобствами природы, побѣждаютъ ихъ упорнымъ трудомъ и часто, уловивши, располагаютъ ими для собственной пользы. Многіе изъ помѣщиковъ и колонистовъ уже успѣли развести въ этой

обнаженной пустынь фруктовые сады. Бывшій градоначальникъ города Одессы А. И. Левшинъ насадилъ на переносномъ морскомъ пескѣ известковаго свойства, огромныя плантаціи лозы, тополей и другихъ деревьевъ, и успѣлъ почти совершенно остановить страшное дѣйствіе песковъ, которые, подымавшись при сильныхъ морскихъ вѣтрахъ, неслись въ городъ цѣлыми тучами, проникали во всѣ зданія и вѣрно имѣли гибельное вліяніе на здоровье жителей. Другой почтенный мужъ — Директоръ Императорскаго ботаническаго сада Г. Десметъ (Desmet), въ продолженіи двадцатилѣтнихъ опытовъ и наблюденій успѣлъ побѣдить неудобства природы и, извлекиши изъ нее неувимыя для другихъ выгоды, развелъ сады и питомники, которыми почти съ вѣрнымъ успѣхомъ могутъ пользоваться не только жители города и его окрестностей, но и всей Губерніи. «Съ 1819 года, говоритъ онъ въ каталогъ растѣній усвоенныхъ имъ здѣшнему мѣсту, я изучилъ почву и климатъ Одессы, чтобы обогатить прилегающія къ ней земли полезными или пріятными деревьями и травами: составленное мною собраніе растѣній оправдываетъ мои усилія. Но для большей пользы я умножилъ эти растительныя сокровища, и предлагаю ихъ желающимъ по самой умеренной цѣнѣ. Любитель садоводства можетъ теперь же приобрести въ Одессѣ множество породъ довольно рѣдкихъ деревьевъ, болѣе или менѣе усвоенныхъ здѣшнему климату, не прибѣгая къ выпискѣ ихъ изъ чужихъ краевъ, всегда сопряженной съ значительными издержками.»

Кромѣ оранжерейныхъ растѣній, можно найти у
Г. Десмета: *

Abies—ель.....	5 видовъ.	Cirilus—орѣшина.....	6
Acer—кленъ.....	16	Cotoneaster.....	1
Aesculus—горькой каштанъ	8	Cratoegus—крушина.....	10
Айлантусъ.....	1	* Cupresus—кипарисъ.....	3
Alnus—ольха.....	2	Cydonia—айва.....	5
Amorpha—аморфа.....	3	* Cynanchum.....	1
Ampelopsis — безплодный		Cytisus—ракетникъ.....	4
виноградъ.	1	Daphne.....	4
* Amigdalus—миндаль.....	9	Diervilla.....	1
Aralia.....	1	* Diospyros.....	3
Aristolochia—пхиовникъ.	1	Elaeagnus—дикая маслина.	2
Artemisia—чернобыльникъ.	1	Evanimus—верескледъ....	6
Baccharis.....	1	Fagus—букъ.....	3
Berberis—барбарисъ.....	7	* Figus—смоковница.....	1
Betula—береза.....	6	Fontanesia.....	1
Bignonia—бигноня.....	2	Fraxinus—ясень.....	25
Broussonetia.....	2	Geni-ta—дрокъ.....	6
* Bupleurum.....	1	* Ginko.....	1
* Buxus—зеленице.....	4	Gledischia—гледичье дер.	7
* Capparis—каперсъ.....	1	* Glycine.....	1
Caragana—карагана.....	4	Gymnocladus.....	1
Carpinus—грабина.....	3	Halezia.....	1
Cassia—кассия.....	2	Hedera—плющъ.....	1
Castanea—каштанъ.....	2	* Hibiscus—просвирка дер.	7
Celtis—карказъ.....	5	Hippophae.....	3
* Ceanothus.....	1	Hysspus—яссопъ.....	2
* Cephalanthus.....	1	Iberis.....	1
Cercis—иудино дерево.....	3	* Ilex—остромить.....	1
* Chionanthus.....	1	* Itea.....	1
* Cineraria.....	1	Iasminum. }.....	1
Clethra.....	2	}.....	2
Colutea—мошна.....	4	Iuglans—орѣхъ.....	9
Cofiatia.....	1	Iuniperusможжевеликъ }.....	2
Cornus—деренъ.....	4	}.....	3

* Растѣнія, предъ названіемъ которыхъ поставлена звѣздочка, требуютъ прикрытія въ зимнее время.

<i>Koelreuteria</i>	1	<i>Planera</i> —зълъка.....	1
<i>Lavendula</i> —лаванда.....	1	<i>Platanus</i> —чинаръ.....	2
<i>Ligustrum</i>	2	<i>Populus</i> —тополь.....	7
* <i>Liriodendron</i>	1	<i>Potentilla</i> —жабникъ.....	1
<i>Larix</i>	2	<i>Prinos</i>	1
<i>Lonicera</i> —жимолюсть.....	6	<i>Prunus</i>	10
<i>Licium</i> —лицюмъ.....	2	<i>Radus</i> —черемуха.....	1
<i>Malus</i> —яблонь.....	7	<i>Ptelea</i> —кожевникъ.....	1
<i>Meppilus</i> —меспельное дер. 23		<i>Rugus</i> —груша.....	7
<i>Morus</i> —шелковица).....	6	<i>Quercus</i> —дубъ.....	3
)*.....	1	<i>Rhamnus</i>).....	2
<i>Ononis</i> —стальникъ).....	3)*.....	1
)*.....	1	<i>Rhus</i> —сумакъ.....	5
<i>Paliurus</i> —держн дерево..	1	<i>Ribes</i> —смородина.....	9
<i>Philadelphus</i>	2	<i>Robina</i>	10
* <i>Phillyrea</i>	3	<i>Rubus</i> —малина.....	6
* <i>Phlomis</i>	1	* <i>Ruscus</i> —иглица.....	2
)*.....	7	<i>Ruta</i> —рута.....	1
<i>Pinus</i> —сосна.....).....	2		
)*.....	2		
* <i>Pistacia</i> —фисташковое дер. 2			

<i>Salix</i> —ива.....	8
<i>Salvia</i> —шалфей.....	1
<i>Sambucus</i> —бузина.....	3
<i>Saturcia</i> —чаберъ.....	1
<i>Sophora</i> —софора.....	1
<i>Sorbus</i> —рябина.....	4
<i>Spartium</i> —желъзякъ.....	2
<i>Spiraea</i> —таволга.....	8
<i>Staphilea</i>	2
* <i>Sitrag</i>	1
<i>Symphoricarpos</i>	2
<i>Syringa</i> —сирена.....	8
<i>Tamarix</i> —гребенщикъ.....	2
<i>Taxodium</i> —кипарисъ.....	1
<i>Taxus</i> —тисъ.....	1
<i>Thuja</i> —жизнь дерева.....	2
* <i>Thymus</i> —тиміанъ.....	1
<i>Tilia</i> —льня.....	5
* <i>Ulex</i>	1
<i>Ulmus</i> —вязъ.....	14
<i>Vilurnum</i> —калина.....	4

Vinea.....	5
Virgilia.....	1
Vitex—верба италіан..	2
Vitis—виноградъ.....	1
* Zanthoxylum.....	1
* Zizyphus.....	2

Кромѣ этихъ раствнй разведены Г. Десметомъ многія разствнйя оранжерейныя, болѣе 100 сортовъ однихъ розононъ и множество разныхъ цвѣтононъ. Всѣ эти раствнйя и сѣмена продаются по самой умѣренной цѣнѣ, и каждый покупатель можетъ пользоваться опытными и добросовѣстными совѣтами Г. Десмета.

Тотъ вполне пойметъ важность и безкорыстіе трудовъ почтеннаго Ботаника, кому доводилось жить въ степи, гдѣ даже рѣдко говорятъ о деревьяхъ, не только не видятъ ихъ, и кто довольно вникнулъ въ положеніе безлѣснаго края и въ состояніе города, гдѣ часто сажень дровъ продается дороже 100 р. ас.

В. П.

IV. ЦѢННОСТЬ ЗЕМЕЛЬ ВЪ КРЫМУ, ЗА 35 ЛѢТЪ. Комиссія учрежденная въ Крыму для разбора споровъ о земляхъ, и распредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ, занялась въ 1802 г. раздѣленіемъ земель на классы и оцѣнкою каждаго класса.

Къ *первому* были причислены земли садовыя, съ каналами, проведенными отъ рѣкъ.

Десятина такой земли оцѣнена въ 30 р.

Ко второму — мѣста съ крупнымъ лѣсомъ, который удобно вывозить на морскіе берега и въ степи.

Десятина въ 50 р.

Къ третьему — лѣсныя мѣста, съ трудною перевозкою лѣса.

Десятина въ 15 р.

Къ четвертому — мѣлкій лѣсъ и пахотная земля.

Десятина въ 10 р.

Къ пятому — степи.

Десятина въ 1 р.

Теперь тѣже степи вздорожали до 5 и 10 р. за десятину, кромѣ самыхъ неудобныхъ мѣстъ; земли высшихъ сортовъ вздорожали также впятеро и вдесятеро; а прежнія пустыя земли на южномъ берегу, часто продаются подъ виноградники до 500 р. за десятину и даже дороже.

В. П.

V. НОГАЙСКІЯ СТЕПИ — лежатъ вдоль по сѣверному берегу Азовскаго моря верстъ на сто вдлину отъ р. Молочной до р. Берды и верстъ на 50 ширину, занимая болѣе 360,000 десятинъ. Онѣ усыяны курганами или могилами и каменными статуями или болванами, какъ слѣдами жизни какого-то сильнаго народа. Земля здѣсь плодородна, но во многихъ мѣстахъ солонцовата и покрыта озерами соленой воды. Слой чернозема, смѣшанный съ известковыми и глинистыми частицами, бываетъ тол-

щиною въ аршинъ. Вообще степи сухи, безлѣсны и хотя кажутся ровными, но въ самомъ дѣлѣ изрыты неглубокими логами, по которымъ весною бѣгутъ ручьи. Лѣтомъ почти нѣтъ прѣсной воды на поверхности степей: ее достаютъ изъ колодезей. Съ Апрѣля до Іюня равнины зеленѣютъ сочными травами и усыяны цвѣтами, особенно тюльпанами и лиліями. По берегу моря растетъ солодовый корень и необыкновенной величины хрѣнъ, котораго корни достигаютъ до нѣсколькихъ аршинъ длины, и вкусомъ лучше обыкновенныхъ. Кустарникъ попадаетъ только въ логахъ. Садовъ очень мало, лѣсовъ, даже деревьевъ вовсе нѣтъ. Топять здѣсь кизякомъ или кирпичами изъ навоза. Прибрежныя мѣста довольно высоки, кромѣ плоскихъ косъ, вдающихся въ море. Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ степи выше, такъ что при сѣверномъ рубежѣ поднимаются надъ уровнемъ моря до 200 футовъ. Изъ рѣкъ, главная: *Молочная вода*; лѣтомъ она почти пересыхаетъ; а *Берда* и *Обиточная* еще бѣднѣе водою. Изъ животныхъ водятся: волки, лисицы, суслики, сурки, хорьки, ежи, земляные зайцы; журавли, драхвы, голуби, стрепеты, цапли, аисты и по берегамъ моря лебеди, пеликаны, колпицы и проч. Въ рѣкѣ Молочной и другихъ попадаютъ: карпы, шуки, стерляди, окуни, черепахи и множество раковъ. Изъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся водятся пестрые жуки, бабочки, змѣи, ящерицы, саранча, тарантулы; лѣтомъ множество крошечныхъ мухъ.

Въ степяхъ часто бываютъ пожары или отъ неосторожности, или отъ поджога, или съ намѣрені-

емъ очистить поля отъ сорныхъ травъ. Для этого обыкновенно, когда старія травы высохли, а новыя еще не показались, зажигаютъ степи; пламя перебирается по засохшимъ стеблямъ травъ и бѣжитъ повѣтру вмѣстѣ съ клубами дыма. Лѣтомъ эти пожары страшны и земля грустно обнажается.

Климатъ, судя по положенію степей, довольно суровъ, вѣроятно отъ беззащитности ихъ отъ сѣвернаго вѣтра. Теплоота доходитъ до 30°, а морозъ отъ 10 до 20. Снѣгъ идетъ рѣдко, вѣтеръ часто жестокъ. Выпавшій снѣгъ лежитъ не долго. Въ Октябрѣ бываютъ морозы. Въ Февралѣ часто падаютъ. Ночи очень холодны. Температура измѣняется иногда по нѣскольку разъ въ день и располагаетъ къ лихорадкамъ. Жителей, ногайскихъ Татаръ, считается болѣе 35,000 обоого пола душъ.

В. П.

VI. ДѢТИ САМОЯДОВЪ. Беременность женщинъ не составляетъ у Самоядовъ ни малѣйшаго препятствія продолжать ихъ промыслы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и переходы изъ мѣста въ мѣсто. Такимъ образомъ беременныя женщины должны рожать въ полѣ. Правда Самояды возятъ съ собою чумы, разбиваютъ ихъ на привалахъ и ночлегахъ, но женщины никогда въ нихъ не рожаютъ, а выходятъ на снѣгъ, которій въ первыя минуты существованія новорожденнаго младенца, служитъ ему и постелью и банею. Такой холодный пріемъ, едва ли не охлаждаетъ въ нѣкоторыхъ изъ пришельцовъ въ нашъ

свѣтъ охоту пользоваться жизнью; за то, вѣрно, уцѣлѣвшіе должны быть большіе охотники пожить. Не могу теперь рѣшить, спартанское вино или Самоядскій снѣгъ лучше доказываютъ здоровье младенца. Дети Самоядовъ укрѣпляются и вырастаютъ на томъ же снѣгѣ, подъ вьюгами и морозомъ. Мальчики лѣтъ 6 приучаются дѣйствовать лукомъ, дѣвушки присматриваются къ хозяйству. Тѣ и другія незамѣтно привыкаютъ къ необходимымъ занятіямъ своей бѣдной, бродячей жизни.

Шавровъ.

ВИ. ПРОСТОНАРОДНЫЯ СРЕДСТВА ЛЕЧЕНІЯ.

Въ Тверской Губерніи, отъ сильнаго кашля собираютъ лиловые цвѣтки высокихъ колокольчиковъ, топятъ ихъ въ молокѣ и пьютъ по нѣскольку разъ въ день.

При ослабленіи *мапки* и *желудка*, берутъ по равной части золототысячника, соколиного перелета, тысячалиственника и медвѣжьяго ушка, варятъ все это вмѣстѣ и пьютъ холодный взваръ утромъ и вечеромъ по одному стакану, соблюдая воздержность въ горячительныхъ напиткахъ и пищѣ. Иногда вмѣсто этого отвара пьютъ, какъ чай, розовую полевою гвоздику.

При остановленіи мѣсячныхъ *очищеній*, берутъ 5 свеколъ, горсть хмѣля, наливаютъ это рѣчною холодною водою, закрываютъ накрѣпко горшокъ, обмазываютъ его тѣстомъ, и, поставивъ въ вольную

пѣчь, вынимають на другой день утромъ. Настой этотъ пьютъ по стакану каждый день.

Когда у дѣтей дѣлаются судороги или рѣзъ въ животѣ, то кладутъ въ кувшинъ укропу, наливаютъ кипяткомъ, ставятъ на нѣсколько времени въ закрытую печь, потомъ разводять теплою водою и купаютъ въ ней больное дитя.

Отъ головной боли моють голову теплымъ взваромъ васильковъ или душицы, а вымывши обвязываютъ платкомъ. Эта же трава во всей Малороссіи ставится пучками и привѣшивается къ иконамъ; ею вмѣсто кисти кропятъ святою водою народъ въ церквяхъ, съ нею вспрыскиваютъ больную скотину.*

В. П.

VIII. ПРОСТОНАРОДНЫЯ РУМЯНА. Простой народъ между многими средствами для приданія лицу румянца употребляетъ самую красную свеклу: разрѣзываютъ ее на-двое и половинной натирають щеки, а послѣ доканчиваютъ притираніе рукою. Это средство, совершенно безвредное, придаетъ лицу удивительную свѣжесть, которую и опытный глазъ не вдругъ отличить отъ естественнаго румянца; только надобно привыкнуть, чтобъ съ полнымъ успѣхомъ дѣлать притираніе.

В. П.

* Душица—origan, называется въ Малороссіи Васильками.

IX. МАЛОРОССІЙСКАЯ ПѢСНЯ.

Пріяхавъ мій миленькій зъ поля	Пріѣхаль мой миленькій съ поля
Да привязавъ коня край порога.	Да привязалъ коня у порога.
—Ой, умру, умру, живая небуду	—Ой умру, умру, живою небуду
—Чи яжъ тебе поличеньку ударивъ	—Да развѣ я тебя поличнику ударилъ
Чи яжъ тебе здоровѣчка избавивъ?	Иль я у тебя здоровица убавилъ!
—Ой умру, умру, живая не буду	—Ой умру, умру, живою небуду,
Да роби труну яловую.	Давай же гробъ мнѣ яловой.
—Ниде ялночки взяти:	—Негдѣ взять мнѣ яловой
Будешъ у дубовый лежати!	Будешъ лежать и въ дубовомъ.
—Надивъ милый красную сорочку,	—Надѣнь милый красную сорочку,
Поховай у вишневому садочку,	Схорони въ вишневомъ садочку
Посади калину и малину.	Посади калину и малину.
Будешъ калину ломати	Будешъ калину ломати
Мене пробуждати.	Меня пробуждати.
Будешъ по садоньку ходити,	Станешъ по садику ходити
Дитятко на ручкахъ носити,	Дитятка на ручкахъ носити,
Другаго за ручку водити,	Другаго за ручку водити,
А третье буде сльвдочкомъ ходити;	А третье будетъ сльвдочкомъ ходити.
—Вставай, мила! вставай дорогая!	—Встань милая! вставай дорогая
Плаче дѣтина малая.	Плачетъ малютка дитя.
—Нехай плаче, вона перестане,	—Пусть его плачетъ онь перестанетъ,
А матнѣнка довѣку нестане.	А мать ужъ во вѣки нестанеть.
—Вставай мила, вставай дорогая!	—Встань милая! вставай дорогая!
Плаче дѣтина другая.	Плачетъ малютка другая.
—Нехай плаче, воно перебуде	—Пускай ее плачетъ она перебудетъ.
А матнѣнка до вѣку не буде	А матерн во вѣки не будетъ.

X. КРАИНСКАЯ ПѢСНЯ. Какъ ни далеки мы отъ нашихъ братьевъ Краинцевъ; а все слышится что-то свое родное въ ихъ словѣ и чувствѣ. Вотъ одна изъ ихъ пѣсенъ:

Охъ, ви логи, темни логи,
Логн милетински!

Чему ви се зелените
 Въ зими ко по лѣти?
 Рада бы се не плакала,
 Не морила сердца,
 Аь повѣйте добре людье,
 Кто би се не плакаль?
 Къе е мой прелюби ойче?
 Закопанъ е въ гроби!
 Къе е мати, добра мати!
 Трава по нѣй расте.
 Нимамъ брата, нимамъ сестре,
 Любича ми взели.

Тажа пѣсня на Старочешскомъ, или старомъ Богемскомъ языкѣ.

Ахъ вы лѣси, тмави лѣси,
 Лѣси милетности!
 Чему вы се зеленате
 Въ зимѣ, лѣтъ ровно?
 Рада быхъ язъ не плакала
 Не мутила сердце:
 А рѣквите, добри людь,
 Кто бы не плакаль здѣ?
 Кдѣ мой отчикъ, отчикъ милы?
 Загребенъ въ ровечцѣ.
 Кдѣ мое мати, добра мати!
 Травка на ней расте.
 Ни ми брата, ни ми сестры,
 Юошу ми взеху.

ХІ. ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Вы хотите, друзья, чтобъ я вамъ сообщалъ мои наблюденія, замѣчанія о дальнемъ краѣ, куда меня забросила судьба: извольте. Но съ чего начать? Въ какомъ порядкѣ передавать вамъ мысли? Хорошо встарину

Книга III. 2

писали путешествія, съ большимъ порядкомъ, на пр. ПIANO Карпини мало того что въ предисловіи говоритъ о чемъ рѣчь въ главахъ, но даже въ самыхъ главахъ систематически предрасполагаетъ порядокъ изложенія. За ПIANO Карпини не угодяешь-ся, его книга переведена съ Латинскаго, читается всѣми образованными людьми, а кто будетъ переводить мои письма на Латинской языкъ? Въ одномъ хотѣлось бы сравниться съ ПIANO Карпини.... онъ, насмотрѣвшись досыта на Татаръ, уѣхалъ на родину....

Je suis en Asie!

Catherine II à Voltaire, de Casan.

Маленькой городокъ Чебоксары не похожъ на наши маленькіе городки великороссійскіе. Я тутъ въ первый разъ замѣтилъ даль отъ Москвы: толпы Черемисъ и Чувашей, ихъ пестрый нарядъ, странное нарѣчіе и пѣвучее произношеніе — ясно сказали о въѣздѣ въ другую полосу Россіи, запечатлѣнную особымъ характеромъ. До Казанской губерніи мало замѣтно пространство, отдѣляющее отъ древней столицы, особенно въ городахъ. Владиміръ, Нижній, слитые съ нею, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, живущіе ея жизнью, похожи на дальніе кварталы Москвы. У нихъ одно средоточіе, къ нему все примкнуто. Около Казани своя полоса. Казань, нѣкоторымъ образомъ, главное мѣсто, средоточіе губерній, прилегающихъ къ ней съ юга и востока: онъ получаютъ чрезъ нее просвѣщеніе, обычаи и моды. Вообще значеніе Казани велико: это

мѣсто встрѣчи и свиданія двухъ міровъ. И потому въ ней два начала: западное и восточное, и въ ихъ встрѣтѣ на каждомъ перекресткѣ ; здѣсь они отъ непрерывнаго дѣйствія другъ на друга сжались, сдружились, начали составлять нѣчто самобытное по характеру. Далѣе, на востокъ, слабѣть начало Европейское, далѣе на западъ мертвѣеть восточное начало. Ежели Россіи назначено, какъ провидѣль Великій Петръ, перенести западъ въ Азію, и ознакомить Европу съ востокомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что Казань главный Караванъ-Сарай на пути идей Европейскихъ въ Азію и характера азіатскаго въ Европу. Это выразишь Казанскій Университетъ. Ежели бы онъ ограничилъ свое призваніе распространеніемъ одной Европейской науки, значеніе его осталось бы второстепеннымъ ; онъ долго не могъ бы догнать не только германскіе университеты, но наши, на пр. Московскій и Дерптскій; а теперь онъ стоитъ рядомъ съ ними, занявъ самобытное мѣсто, принадлежащее ему по мѣсту рожденія. На его кафедрахъ преподаются въ обширномъ объемѣ восточныя литературы, и преподаются часто Азіатцамъ; въ его музеумахъ больше одеждъ, рукописей, древностей, монетъ *Китайскихъ*, *Манчжурскихъ*, *Тибетскихъ*, нежели *Европейскихъ*. Удивитесь ли вы, послѣ этого, встрѣтивъ въ рядахъ его студентовъ *Бурятъ*. Но все это наша Русь, святая Русь: я это *чувствовала*, приплывъ по разливу Волги къ стѣнамъ кремля. Казанскій Кремль, какъ Нижегородскій, имѣетъ родственное сходство съ Московскимъ кремлемъ: это меньшіе братья его. Греческая вѣра

*

и византійское зодчество привились глубоко къ жизни Руси. Смотри на наши соборы и кремли, какъ будто слышится родной напѣвъ и родной говоръ.

Подъѣзжая къ Казани на паромъ, первое что я увидѣлъ, былъ памятникъ Царя Іоанна Васильевича. Здѣсь онъ на мѣстѣ, здѣсь Грозный исполнилъ великое; здѣсь онъ былъ герой и предтеча Петра, силою оружія занявшій мѣсто для простора идеямъ его, для простора Рускому духу.

Положеніе города нехорошо. Казань по татарски значить *котель*; въ самомъ дѣлѣ онъ во впадинѣ; бѣденъ чистой водою; въ немъ много сырыхъ мѣстъ. Строенія довольно чисты; главныя улицы красивы; на нихъ все живо; вездѣ толпятся, кричатъ, шумятъ; множество бурлаковъ съ атлетической красотой формъ; множество Татаръ съ продажными *ичигами* и *тибштейками*, * съ халатами и въ халатахъ, съ приплюснутымъ носомъ, узенькими глазками и хитрымъ выраженіемъ лица. Словомъ, вездѣ вы видите большой городъ, исполненный жизни, центральный своего края, торговый, и что всего важнѣе, городъ двуначальный: Европейско-Азіатскій.

Въ Казани провелъ я нѣсколько дней. Досадно мнѣ было, что обстоятельства не дозволили основательно изучить ее. При выѣздѣ изъ Казани, по сибирскому тракту, видъ прелестный: въ этомъ видѣ что-то пошире той природы, къ которой мы привыкли. Руское населеніе смѣнялось Татарскимъ, Татарское-Финскимъ. Жалкія, бѣдныя племена Чер-

* Сафьянные сапоги и шитыя шапочки.

мисъ, Вотяковъ, Чувашей и Зырянъ, нагнали на меня тоску. Я вспомнилъ Императрицу Екатерину; она писала въ 1767 году къ Волтеру, изъ Казани: »Я въ Азіи! Я собственными глазами хотѣла видѣть «этотъ край. Въ Казани двадцать различныхъ народовъ, ни сколько не похожихъ другъ на друга; а имъ надобно шить одну одежду, удобную для всѣхъ. Конечно есть общія начала; но частности и какія частности: надобно создать цѣлый міръ, соединить «его, сохранить.» Великая Императрица постигла многое, окинувъ гениальнымъ взоромъ одинъ участокъ Россіи, которую Петръ Великій не напрасно называлъ цѣлою частію свѣта.

А. Г.

ХП. ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРИ И КАЗАНИ. *

Письмо о Казани—пробудило въ душѣ моей, товарищъ дѣтства моего, воспоминанія первыхъ лѣтъ юности. Памятно мнѣ, когда мы приближались къ Казани. Былъ тихій, лѣтній вечеръ, солнце склонялось уже къ горизонту, дорога шла между молодымъ дубовымъ лѣсомъ. Съ какимъ чувствомъ мы ожидали, когда откроется предъ нами городъ, о которомъ столько разсказовъ въ нашей родной Сибири. Помню съ какимъ жаднымъ вниманіемъ мы всматривались въ полосу зданій, когда въ право открылся предъ нами городъ. Живы и желанія въѣхать въ него до ночи, и чувство скорби при воспо-

* Письмо къ издателю.

минаніи избіенія 10,000 Русскихъ на Арскомъ полѣ, и дѣтское любопытство, съ которымъ мы всматривались въ громады зданій. Казань удовлетворяла нашимъ мечтамъ о городахъ. Мы не видали до этихъ поръ ни одного столь обширнаго и великолѣпнаго. Казань можно считать первымъ городомъ Россіи, послѣ столицъ, по красотѣ, обширности и дѣятельности. Много причинъ способствовало къ ея развитію: сначала переселеніе Русскихъ для удержанія завоеванія: новые переселенцы, соединившись съ туземцами, съ первыхъ годовъ нашего владычества въ этомъ краю, придали Казани значительность. Потомъ, Казань была главнымъ пунктомъ нашей власти на востокъ Россіи, въ продолженіи почти цѣлаго вѣка. Наконецъ, она находится на двухъ главныхъ путяхъ нашихъ для сообщенія и торговли: главномъ Сибирскомъ и водяномъ съвера, и центра Россіи съ Астраханью и Азіей. Первые двѣ причины послужили для удержанія прежней важности Казани и послѣ паденія Царства; а послѣдняя открываетъ средства жителямъ къ обогащенію. Многолюдство, соединенное съ изобиліемъ, доставляетъ всѣ удобства для развитія промышленности, торговли, и вмѣстѣ всѣ выгоды городской жизни. Это служитъ главною причиною къ возрастанію города.

Но я не согласенъ съ мнѣніемъ, что Казань есть мѣсто встрѣчи двухъ міровъ: Азіатскаго съ Европейскимъ. Казань точно соединяетъ въ себѣ Европейизмъ съ Азіатствомъ; но это соединеніе только механическое. Азіатство не проникаетъ въ жизнь общества и не придаетъ ему характера Европейско-

Азіатскаго: Русское первенствуетъ и составляетъ основу и всю силу общества. Азіатство Казани состоитъ въ томъ, что нѣсколько улицъ города населены Татарами, что часть промышленности и торговли въ рукахъ Татаръ. Казань точно есть центръ Азіатства, но Азіатства, зашедшаго на Сѣверъ и занявшаго пространство отъ Волги до Уральскихъ горъ: въ ней *собственное* Азіатство; а не Азіатство отъ вліянія на нее, въ настоящее время, Азіи. По моему мнѣнію, Казань вовсе не мѣсто встрѣчи и свиданія двухъ міровъ: Азіатскій кругъ ея отдѣленъ отъ Азіи населеніями вовсе не Азіатскаго характера или совершенно чуждыми Азіатству Казани. За Уральскими горами, начиная съ самага хребта до Байкальскаго моря, жители исполнены дѣятельности, предприимчивости, братства, гражданской семейности; однимъ словомъ, всѣхъ началъ Европейской жизни. Тамъ таже Россія — новая, мощная, живая: родное дитя Руси. И такимъ огромнымъ промежуткомъ, истинно Европейскимъ, отдѣлена Азія отъ Европейско-Азіатскаго пространства, гдѣ Казань служитъ центромъ.

На югъ пространство по р. Кинели, Самаръ и Уралу, съ одной, и по Саратовской губерніи съ другой стороны Волги, заняты поселеніями большею частью Русскими, или племенами не родными Азіатству, окружающему Казань. Полу-азіатской уголь, между Волгою и Уральскими горами, будетъ доставлять намъ средства въ сношеніяхъ нашихъ съ Азіей, и не болѣе. Но никогда Казань не сдѣлается главнымъ караванъ - сараемъ, чрезъ который будутъ ид-

ти идеи изъ Европы въ Азію. Для этого есть другіе пункты, уже теперь находящіеся въ прямой связи съ Азіей: Оренбургъ и Астрахань въ Европейской Россіи, и Кяхта въ Сибири, пока не изберутъ удобнѣйшаго мѣста на границахъ Китая.

Правда, что Казань до сихъ поръ доставляетъ образованіе Сибири: большая часть молодыхъ Сибиряковъ образуются въ Казанскомъ университетѣ; но это нисколько не можетъ вести къ заключенію, что Казань есть караванъ-сарай, черезъ который идутъ или будутъ идти идеи изъ Европы въ Азію. Въ Казанской университетѣ поступаетъ большая часть молодежи, только отъ недостатка средствъ отправиться въ Москву, или Петербургъ, или пугаясь дальности разстоянія столицъ отъ родины. Не смотря на то, я встрѣчалъ молодыхъ Сибиряковъ образующихся въ столицахъ.

И Казань не близкая, не родная Сибири. Ее любить, какъ первый городъ святой Руси. Россія! вотъ страна мечтаній для Сибиряковъ, страна обремененная всѣмъ очарованіемъ фантазіи; страна по которой грустятъ и плачутъ въ Сибири, и переливаютъ живую любовь къ ней, какъ къ землѣ обитованной.*

А между Сибирью и Казанью нѣтъ ни родства, ни сродства. Слишкомъ много силъ въ Сибири, слишкомъ необъятна она, чтобъ сродоточилась

* Но при переездѣ въ Россію оценивъ вполнѣ приволье жизни Сибирской; прямую честность, безкорыстное радушіе Сибиряковъ, тѣмъ болѣе, что они вообще щедро одарены отъ природы большимъ здравымъ разсудкомъ, свѣтливостію и силою воли.

жизнь ея въ Казани. Получая учителей изъ Казани, Сибиряки не подавляются ихъ авторитетомъ и мечтають о томъ: скоро ли у нихъ учредятся собственные университеты.

Есть роды промышленности Казанской, которые первенствуютъ надъ туземными, но эти произведенія первенствуютъ и въ Россіи: мыло, сафьянъ. Впрочемъ произведенія всей Россіи первенствуютъ надъ Сибирскими, но это доказываетъ только дѣтство городской жизни въ Сибири, и не болѣе. Казань даже не караванъ-сарай для торговли Сибири съ Россією: все идетъ чрезъ Ирбитъ и Нижній. И можно утвердительно сказать, что Казань совсѣмъ не есть мѣсто встрѣчи двухъ міровъ и никогда не можетъ быть имъ.

Помнишь ли, другъ мой; какъ мы, бродя по обширнымъ лугамъ Волги и Казанки, измѣряли глазами крутизну высоты, на которой стоитъ древній городъ, низкія стѣны его, и тонули думой во временахъ минувшихъ... Предъ нами воскресалъ станъ Грознаго, и битвы подъ стѣнами, и ужасы кроваваго паденія столицы царства Казанскаго. И вотъ, я какъ будто снова стою у памятника на могильномъ курганѣ русскихъ; приближаюсь къ огромной усѣченной пирамидѣ-памятнику; молюсь въ часовнѣ, устроенной внутри его, всматриваюсь со страхомъ въ черты грознаго Царя, и проникнутой тяжелымъ, трепетнымъ чувствомъ, спускаюсь по тѣсной и темной лѣстницѣ въ склепъ могильный. — Свѣтъ неугасимой лампы, горящей предъ святою иконой, тускло озаряетъ полуистлѣвшія кости падшихъ уже

почти три вѣка. Прекрасно пасть за отчизну на полѣ славы! страшно покинуть на землѣ близкое сердцу! Съ торжественно грустнымъ чувствомъ стоялъ я у гроба.

Д. П—ъ.

ХІІІ. СЛОБОДА КАПЛУНОВКА. Въ Украинѣ, случаемъ, соберется деревенская молодежь и слушаетъ рассказы стариковъ про времена козачества, времена военныхъ смуть, тревогъ и славы.

Разсказываютъ, какъ отмстили козаки двойную измѣну Саввы Чалаго, какъ гуляли они по колѣно въ Ляшской крови, какъ бились за Бѣлаго Царя съ Полтавскимъ Пушкаремъ, и мало-ли есть о чемъ поразсказать.... Чего не пережила Украина въ борьбѣ съ Ордой, съ Литвой, Польшей, Турками, Волохами! Всѣ пѣребывали ея врагами. Грозно и умно билась она съ ними смертнымъ боемъ — и отважно, отчаянно пошатнула Орду и Польшу. Чудная сила въ этой душѣ! Ни горь, ни скаль, ни порядочной крѣпости: открытые со всѣхъ сторонъ, козаки стоятъ и противъ кочеваго и противъ сильнаго, образованнаго народа—за Вѣру православную, за спасеніе матери Украины. Поругана святая Вѣра, нѣтъ защиты для семействъ, не стало приюта въ родной землѣ.... Бѣжитъ народъ къ порогамъ Днѣпровскимъ, уходитъ въ лѣса и пустыни—и все не сдается, все стоитъ за Вѣру православную, за спасеніе Матери-Украины.

Сердце разрывается, когда послушаешь, что за страшную жизнь вели Украинцы въ послѣднія гоненія Польши.

Такъ пѣлъ Украинецъ:

Горе меня сушить, горе съ погъ валить!
 Родимая матушка, оно меня свалить....
 А я тому горю да не поддаюся
 Пойду я къ шинкаркѣ, вина тамъ напьюся.
 Ахъ что же мнѣ, братцы, вино то не пьется,
 Зачѣмъ вокругъ сердца змѣя будто вьется.
 На моихъ ли лѣсахъ стали жито жати,
 Какъ и нѣтъ у меня ни батюшки, ни родимой матушки.
 Что и вымолвить не кому слова ласковаго.
 Не дай Боже, смерти въ далекой чужбинѣ,
 Что и некому приглануть меня въ часъ смертный.

Или каково чувство отчаянія и дикости въ этой пѣснѣ:

Въ лѣсѣ волки да лисицы:
 Вотъ и братцы и сестрицы.
 Въ лѣсѣ чорный воронъ кличетъ:
 Здравствуй, здравствуй гайдамаче!

И эти пѣсни смѣняются однѣ другими и льются потокомъ въ долгой бесѣдѣ. Тихо переходитъ чарка изъ рукъ въ руки.... Порой слышенъ торбанъ; порой засверкаютъ глаза воспоминаніемъ прежняго горя и прежней славы; порой изъ глазъ каплютъ слезы.

Бывало послушаешь — и самому станеть чудно-весело, такъ весело, что кажется съѣлъ бы на коня, взялъ пику да саблю, да и гуляй по широкой степи. А подъ часъ слушаешь, и невольно слезы наверты-

ваются. Но не думу, не былъ козацкую хочу я передать теперь: мнѣ хочется указать на мѣста, гдѣ болѣе сохранилось воспоминаній о старинѣ.

Еще много мѣстъ, гдѣ бандуристы и слѣпцы воспѣваютъ героевъ козачества. Въ большей части полтавской губерніи; близъ Днѣпровскихъ пороговъ; кое гдѣ въ губерніи воронежской; въ изюмскомъ и змѣевскомъ уѣздахъ—богата память народною стариною; въ послѣднихъ особенно про времена татарщины. Въ уѣздахъ волковскомъ, богодуховскомъ, даже ахтырскомъ сохранилось много сказаній о дѣлахъ съ Шведами.

Проѣзжая по ахтырскому уѣзду, я остановился въ слободѣ *Каплуновкѣ*, * чтобы поклониться иконѣ Божіей Матери. Эта икона была поднимается въ Харьковъ во время пребыванія тамъ Петра Великаго въ 1709 году; потомъ вся Русская армія молилась и самъ Царь со слезами лобызалъ св. икону, въ день битвы подъ Полтавою.

Въ ознаменованіе победы, Петръ Великій сдѣлалъ для иконы богатую ризу съ драгоценными камнями, которая, къ сожалѣнію, передѣлана на конію, а для подлинной внесена новая помѣщицею Гамалѣевою. Здѣсь же въ храмъ находится Евангеліе съ рѣзною надписью: «По указу Великаго Государя построено сіе святое Евангеліе изъ Гермоляндеккой канцелярии, на Государевы деньги Ахтырскаго уѣзда въ село Каплуновку, въ церковь Пресвятую Богородицу. Вѣсу серебра 15 фунтовъ; на позолоту золотниковъ 35 червон.»

* Въ 18 верстахъ отъ г. Ахтырки.

Замѣчательно, что здѣсь же, въ церковной ризницѣ, находятся богатые ризы, положенныя въ даръ церкви *Мазепою*. На оплечіяхъ ризъ изображены живописью лики святыхъ.

Первая церковь въ слободѣ Каплуновкѣ, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, была деревянная, построенная Полковникомъ Перекрестовымъ—Осиповымъ, въ томъ же 1688 году, когда положено основаніе самой слободѣ. Теперь церковь каменная, сооруженная въ 1793 г. въ итальянскомъ вкусѣ, съ огромнымъ куполомъ, въ которомъ двадцать оконъ.* Изъ старой же деревянной сдѣлана часовня, и на стѣнахъ ея видны слѣды шведскаго пламени; внутренность церкви великолѣпна и украшена очень хорошо живописью. Иконостасъ бѣлый съ серебрянымъ отливомъ, и по немъ сдѣланы золотыя украшенія. Вѣроятно, онъ взятъ изъ старой деревянной церкви, потому что на немъ означенъ годъ 1758. Возобновленъ въ 1827 г. На царскихъ дверяхъ изображены два Ангела, превосходной работы. Надъ царскими дверями Тайная Вечеря; еще выше изображеніе Покрова Пресвятыя Богородицы; надъ нимъ изображеніе Бога Отца и Святаго Духа; на самомъ верху иконостаса рѣзное золоченое распятіе. На лѣво отъ иконостаса икона 1753 года, въ богатомъ серебряномъ окладѣ съ позолотою, принесенная, вкладомъ, отъ *Графа Петра Ивановича и Графини Мавры Егоровны Шуваловыхъ*. На право, икона 1760 г., перенесенная, изъ Сумскаго Успенскаго монастыря, монахомъ Сампсономъ *Задзорою* и

* На прилагаемомъ рисункѣ лучше видна архитектура зданія.

Сумскимъ жителемъ Луканомъ Довбишею. Предъ чудотворною иконою устроена лампада, на которой вырѣзано: «1747 года, Генеральша Евдокія Тараканова, за избавленіе отъ тяжкой болѣзни; а если кто отыметъ, того судить Богъ.»

Алтарь украшенъ по серебряному полю изображеніями херувимовъ и серафимовъ.

Надъ широкою внутренностію храма высоко поднятъ куполь и двадцатью большими окнами разливаетъ свѣтъ на его святыню.

Кто посѣтитъ Каплуновку, тотъ у владѣльцевъ ея, *Перекрестовыхъ-Осиповыхъ*, потомковъ Полковника Ахтырскаго слободскаго полка, можетъ видѣть грамоты, данныя ихъ предкамъ Царями, саблю дарованную Петромъ Великимъ, старинныя украшенія и сосуды Слободскихъ Полковниковъ, и кромѣ того собраніе древнихъ монетъ, вещей, находимыхъ въ курганахъ, оружіе Сибирскихъ народовъ, портретъ Карла XII, полученный изъ Стокгольма, прекрасный садъ, въ которомъ поставлены двѣ замѣчательныя статуи или каменныя бабы, и въ домъ помѣщиковъ—обычное радушіе.

Недалеко отсюда находится слобода *Городное* съ остатками укрѣпленій на высокой живописной горѣ. Здѣсь еще недавно была цѣла мѣльница, гдѣ, по народному преданію, скрылся нечаянно захваченный нами Карлъ и едва спасся отъ плѣна. Здѣсь же, въ Волостномъ правленіи, жилъ Карлъ, и дверь, изстрѣленную пулями, недавно замѣнили новою. Близъ деревни помѣщика Иваненка растетъ огромный дубъ,

подъ которымъ отдыхалъ Петръ Великій. Во всей Слободской Украинѣ живы слѣды Шведской войны и пребыванія здѣсь Великаго Царя. Въ Изюмѣ построены имъ соборъ Преображенія Господня; въ Преображенскомъ Куряжскомъ монастырѣ хранится данное имъ Евангеліе; близъ Валокъ были устроены плантаціи шелковичныхъ деревьевъ; около Изюма разведенъ виноградъ; во многихъ мѣстахъ уцѣлели укрѣпленія. Въ памяти народной сохранилось много событій и преданій.

В. П.

XIV. РУССКІЙ ПРОСТОНАРОДНЫЙ НАРЯДЪ,
Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда. Встарину любили наряжаться не менѣе нашего; только моды были постояннѣе и платье, переходя въ наслѣдіе дѣтямъ, составляло богатство семейства. Великіе Князья, дѣлавши завѣщанія, подробно описывали въ нихъ свои одежды и заботливо передавали ихъ сыновьямъ. Теперь стало трудно считать платье капиталомъ; оно по большей части не имѣетъ никакой цѣнности, когда переживаетъ моду, по которой сдѣлано. Древній вкусъ нашей одежды, вѣроятно, занесенный издалека, измѣнялся и дополнялся вкусомъ другихъ народовъ. Но для этого требовалось, чтобъ все Руское Царство вступило съ ними въ близкія отношенія: для этого надобно было завоеваніе Татаръ или сосѣдство съ Греціею, которая передала намъ прежде св. Вѣру, или паденіе Гре-

ціи и переселеніе изъ нее Царевны Софіи съ многочисленною свитою.

Князья и бояре носили *аксамитный зипунъ* съ драгоценными пуговицами, опоясанный *золотымъ поясомъ*, съ *калитою*; *сорочка* была вышита въ петлю, съ поясомъ изъ шелка шамаханскаго съ кисточками и бахромачками; на шеѣ *цѣль* кольчатая, золотая, драгимъ и самоцвѣтнымъ каменіемъ узорочно перевитая; сапоги сафьянные или бархатные, шитые волоченнымъ золотомъ; нарядныя шапки носили *двоемор.гія*, съ запоной изумрудною или яхонтовою, съ петлею жемчужною; *околецъ* на шапкѣ изъ чернаго соболя. Дорогія шубы крыты были бархатомъ, шитымъ узорочно серебромъ и златомъ. Сверхъ всего, зимою надѣвали *охабень*, подбитый лисицей или соболемъ.

Не менѣе богаты были и женскіе наряды; *кики* и *убрусы*, шитые жемчугомъ, драгимъ каменіемъ и златыми *дробляницами*; *ожсерелья*, *обручи*, *запьястья*, *запоны* были не менѣе драгоценны. *Лѣтники* дѣлались изъ атласа *венедицкаго*. Были *фрязи* на соболяхъ, и *шубки кизилбашскія* и *тѣлогрты алтобасныя*, *сорочки тафтяныя*; *поясъ* шелковый съ кистями и бахромками; *башмаки* бархатные или атласные, шитые жемчугомъ; знали *встарину* и *кружева* и *серебренное плетеніе*.

Давно перевелась старинная мода. Много переменялись и сами люди съ того времени. Только въ простомъ народѣ остались еще древнія одежды и сохранились ихъ названія. Въ каждой губерніи, почти

въ каждомъ уездѣ есть своя особенность въ русскомъ нарядѣ, преимущественно въ головномъ уборѣ, хотя главный вкусъ одѣванія вездѣ имѣеть много общаго.

На головахъ носятъ: *убрусы*, *сороки* и *кокошники* съ *подзатыльниками* или *подубрусниками*. Они дѣлаются полумѣсяцемъ, прямые и острые. На шеѣ носятъ *ожерелья* изъ дутыхъ стеклянныхъ бусъ, иногда позолоченыхъ или посеребренныхъ; руки украшаютъ *перстнями* серебряными, мѣдными и оловянными; *серги* носятъ съ длинными *подвѣсками*. Одѣваются въ *сарафаны* и *панёвы*; обуваются въ *башмаки*, *коты*, *пестрыя туфли* и *лапти*; носятъ и *пылогрты* и *ферязи*; накрываются шелковою и бумажною *фатой*. Въ холодное время надѣваютъ *кафтаны* и *тулупы*.

На приложенной картинкѣ изображены двѣ дѣвушки. Головный ихъ уборъ составляетъ *повязка* изъ золотого или серебрянаго газа, нашитаго на картонъ или крѣпкую холстину; сзади она завязывается шелковыми *лопостями*, которыя спускаются почти до пояса. Поверхъ повязки прикрѣпляется *поднизь*, плетеная въ рѣшоточку, съ *бахромой* изъ бѣлыхъ бусъ или жемчуга. Волосы заплетаютъ въ одну косу, и въ нее вплетаютъ, по праздникамъ, *цвѣтную ленту*; а по буднямъ *косищъ* или пучекъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Рубашка миткалевая или холстинная, затканная въ узоръ красной бумагой; полуоткрытый, пышно собранный *воротъ*, застегивается запонкой. Сарафаны изъ голубой или синей

китайки называются—*китайкою*; изъ кумача—*кумачницей*; изъ синей крашенины—*салномъ*; но всѣ известны подъ общимъ названіемъ сарафановъ. Дѣлаются они спереди гладкіе, сзади собираются густыми борами, на плечахъ держутся проймами, подпоясываются шелковымъ поясомъ, или гайтаномъ, съ золотыми оконечниками. Спереди сарафанъ застегивается, во всю длину, пуговицами, и обшивается въ два ряда *прошвами*, которыя около груди и подола идутъ въ одинъ рядъ. Нарядные сарафаны обшиваютъ иногда золотымъ или серебрянымъ газомъ. Такъ одѣваются во многихъ мѣстахъ уѣздовъ Тверскомъ и Корчевскомъ.

В. П.

XV. КАРАСУБАЗАРСКІЙ БАЗАРЬ. Скрипятъ арбы и маджары, и спѣшать до ночи и тянутся всю ночь до ранняго утра. Тяжело нагруженныя фруктами, живностию, хлѣбомъ, сѣномъ, зеленью, лукомъ, дровами, семьями Татаръ, онѣ приходятъ въ городъ цѣлыми караванами и вступаютъ въ него со всѣхъ сторонъ. Изъ долинъ, съ степей и горъ ѣдутъ всадники въ косматыхъ буркахъ и черныхъ шапкахъ. Издалека тянутся обозы съ досками и перекачевываетъ толпа бродячихъ Цыганъ съ нагими дѣтьми; изъ разныхъ мѣстъ идутъ пѣвцы и музыканты съ *кобзами*, съ скрипками, съ дудками, съ бубномъ и барабаномъ—и все это населеніе сходится на *базарную площадь*. Весь Крымъ въ походѣ: все собирается

на базаръ — купить, продать, позвать, покурить, проплясать; напиться *бузы*, поѣсть *шешыковъ*, набраться новостей — и развести и разнести ихъ въ степи, въ долины и въ горы.

На базарахъ собирается весь Крымъ всею разнообразіемъ населенія—и все это вы можете видѣть каждую пятницу, особенно лѣтомъ и осенью, въ Симферополь, Бахчисарай и Карасубазаръ.

Откуда взялось столько народа въ Карасубазаръ: имъ залилась вся площадь, улицы и переулки. Изъ высокихъ маджаръ Татары выгружаютъ мѣшки съ мукою и просомъ и вѣсютъ его на *римскомъ безмльнѣ*; подлѣ лежатъ усталые верблюды и буйволы; огромную кадъ съ *бузою* обступили правовѣрные: одинъ пьетъ, другой присѣлъ и дѣлаетъ *кейфъ*; оборванная Цыганка протягиваетъ руку за подаеніемъ; ребятишки играютъ въ черпки и на нихъ по цѣлымъ часамъ неподвижно и молча смотритъ какой нибудь старикъ. Далѣе, *Теллаъ*, обвѣшенный, съ головы до ногъ, платьемъ, оружіемъ, платками, часами, съ сергами и перстнями, прицѣпленными къ ушамъ, къ губамъ и носу, кричитъ на весь міръ, что у него славныя вещи, дешевыя вещи. Со всѣхъ сторонъ шумятъ и кричатъ:

- Кому надо вишень, чершень!
- Алма, юкъ алма! армутъ юкъ!
- Щербеть холодный, хороший!
- Таутъ, юмарта, таутъ!
- Картофель, буттеръ, буттеръ!
- Славки хорошія, смитана!

- Сакым, сакым! купи, бояръ, у цыганки!
- Не надо ли бѣльнѣ, румянѣ? купи, другъ, *ма!*
- Се, такъ що базарѣ, бачь лѣй!
- Игирма! отузъ! бехалы! уджюзъ!
- Аллахъ—ичинъ—беръ—Аллахъ!

Булгаринъ распѣваетъ:

Юдоло идетъ Кючукъ Сулейманъ,
 На горъ отваждать Кючукъ Сулейманъ, момиче младо!
 Ой ладо, ладо, момиче младо,
 Ой Недо, Недо, Горвенска чедо!

Съ голосомъ его сливается голосъ Татарина:

Харемъ, фелегъ, пахлава
 Сынмыъ асынъ чипенмъ,
 Ахылъ, джегымъ сенъ адимъ,
 Джейма ахла чипенмъ....

А Татарина перебиваетъ Молдаванъ пѣснею, которую перевелъ Пушкинъ въ своихъ *Цыганахъ* :

Арди ма! Фреджи ма!
 Пи карбуне пуне ма! *

А кругомъ: пьютъ, ѣдятъ, варятъ, жарятъ, курятъ, поютъ, пляшутъ; гремятъ бубны и заливается флейта, пищитъ и стонетъ кобза, и дудочки разсыпаются звуками, и все это мѣшается съ ревомъ верблюдовъ, буйволовъ, съ скрипомъ арбъ, маджаръ и топотомъ конскимъ.

И что за разнообразіе одеждъ: куртки, шальвары, халаты, шали, платки, чепчики, бараньи шапки, чал-

* Жги меня, рѣжь меня и проч.

мы. Здѣсь Турокъ въ пунцовомъ платьѣ важно пьеть шербегъ; тамъ верхомъ разъѣзжаетъ молодой Татаринъ въ зеленомъ кафтанѣ, означающемъ его высокій родъ; тамъ колонистка — нѣмка сидитъ, на возѣ съ картофелемъ, въ шпензерѣ и соломенной шляпкѣ, и спуетъ Еврей въ черномъ балахонѣ, и прогуливаются чиновники въ форменныхъ фракахъ.

Настоящій базаръ. И вся эта живая, пестрая картина замыкается грудю зданій, надъ которыми поднялись стройныя тополи и минареты — и кругомъ ее обступили горы.

Въ открытой долинѣ этихъ горъ Татары присягали на подданство Русскому Царю.

Карасубазаръ былъ нѣкогда ханскою столицею и принадлежалъ къ лучшимъ городамъ Крыма. И теперь онъ едва ли не первый по величинѣ. Въ немъ до двадцати мечетей, много караванъ-сараявъ, гостинные дворы, трактиры и болѣе тысячи лавокъ и пекарней. Сюда съѣзжаются купцы изъ Анотолїи. Здѣсь торгуютъ: Татары, Греки, Армяны, Евреи и Русскіе. Съ разсвѣтомъ дня открыты *кофейныя* — и цѣлый день посѣщаются правовѣрными. Лучшихъ лошадей, сѣдлы, сбрую, оружіе, бурки, продаютъ въ Карасубазарѣ.

Онъ, кажется, былъ прїемникомъ торговли Старого Крыма, послѣ паденія этого города. А про Старый Крымъ рассказываютъ, что его и ловкій вздокъ не могъ обскákatъ въ полдня, что въ немъ были мра-

морныя мечети, и приходили караваны и обозы изъ Хивы, съ Кавказа и Украйны. Теперь на мѣстѣ Старога Крыма почти не замѣтно и развалинъ его. Последнiе остатки стѣнъ разобраны на жильѣ Болгарскими выходцами. Близъ него, въ долину, видна высокая могильная насыпь надъ прахомъ *Мамал*.

В. П.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1. Первоначальное значеніе слова *Литтература* означало *соверш. ижеіе жертвоприношенія*: отъ слова *Літо* (Литія — возливаніе) жертвоприношеніе, и *рѣчь* рѣчь (оракула); *Рѣчь* рѣчь — *ogator*.— Латинское же слово *littera* произошло отъ *lito, litare*, и въ послѣдствіи придалось священнымъ знакамъ, обратившимся въ буквы.
2. Слово близкое къ Санскр: *ऋत* (*нзіата*) — возвышенность, превосходство, *excellence, gréeminence*, — производящее отъ *ऋ* (*иза*) имя *Сивы*, въ значеніи творца, произродителя, природы; отсюда Египетское названіе *Isis* — *Изида*.
3. Египтяне называютъ *кушитовъ авоо* (*эоюпи*). Кушиты, *Эоюпы*, Хананеи и Египтяне (копты) составляли въ древности одно племя, называвшееся *aetheriens* (*Airien* по Евсемію); Плиній пишетъ, что эти народы назывались также *Амлантими*. *Dynast. du 9. liv de Manethon. Comte. I. Potocki.*
4. Просвѣтителя своего Индѣйцы называютъ также *Деванисо* *देवनिषि* — *божество ночи*, изъ чего Греки образовали *Дионисіа*.
5. Ch. Lassen Zeitsch. für die Kunde des Morgenlandes 1. Heft. 70.
6. Chateaubriand, Ess. sur la litt. angl.

7. *Нама* по Санскр: имя, помен, пате; поклонение, наклонность (свойство), *намаеъ* — даръ, покорность, склонность.
8. По Санск. *Сакала* знач. чешуя (рыбья) кора, скоро (шкура), schale, écale, coupe, bassin (у дикихъ по сіе время чешуя рыба и раковины замѣняютъ чашу, и инструментъ, котораго звуками, какъ *тарелками*, они сопровождаютъ свои пѣсни), — отъ *сакла*—schale, чешуя, чаша, écaille, coquille, tasse (тазь) и schall звукъ, по Готич. skald; schall—образуется въ chant, точно также какъ schalle, въ Англ. skin или chin, son, chant. Кора и кожа у древнихъ замѣняли щитъ; отъ чего skald сходно съ skild—щитъ. *Сакала* знач. также корабль (отъ кора), барва; ибо первообразъ кораблей были сдѣланные изъ кожи или коры *лады*; отъ чего и *лады* сходно съ словами *ладъ*, и leder—кожа.
9. Слово *диванъ*, происходитъ отъ *дева-с*—боги, правители; *диванъ*—засѣданіе боговъ или правителей, *собраніе*: слово соотвѣтственное вполнѣ *думъ*, которое также значить судилище правит: засѣданіе (по Гот. dāta), бесѣда и дума—размышленіе. *Диванъ* у Сербовъ имѣеть также значеніе: бесѣда, разговоръ. Въ Азіи, близъ Бассоры, у такъ называющихся *пенде - jahia*, т: е: учениковъ Іоанна, главная священная книга называется *Диванъ*, вероятно въ значеніи: *сборникъ*, *собраніе*.
10. Изъ названія *Cael*, Caledon, culdées (solitaires), по различнымъ нарѣчіямъ, у Римлянъ образовалось названіе *Celtae*, которое придали жителямъ Шотландіи, между тѣмъ какъ тоже племя, жившее на твердой землѣ, получило преимущественно названіе *Галловъ*, которыхъ однакоже должно отличить отъ *Галловъ* потопленныхъ Римлянами и Норманнами; для отличія мы назовемъ *Галловъ* — *Цельтовъ*—*Галлійцами*. Собственно названіе *Cael*, одно и тоже что въ Готическомъ *Hol*, *Holig* (sacer), и *Caledon*, одно и тоже что въ Гот. *Helgedom*, *Heiligthum*—священство; ибо *h*. взмѣняея часто въ *k*, с: такъ *helsa* (salutare)-*kalsa*. — *Heiligt*, *Helgar*, *Heiliger* — *калугарь*.
11. Владѣтели, Цари; по Камбр. *jarl*—знач. comes, отъ *Herus*—dominus. *Heriles*—*Геруль*.
12. Безъ сомнѣнія и валъ въ Булгаріи, отдѣляющій по рѣкѣ *Карасу* (черноводы) малую Скиѣю отъ Мизіи, построенъ также *Адріаномъ*, когда въ 133 году, онъ, опасаясь набѣговъ Скиѣовъ на Римскія области, разрушилъ мостъ на Дунавъ, построенный

- Трапезомъ и утвердилъ такимъ образомъ границу Дунай, до Черноводъ; отъ Черноводъ, по левому берегу этой рѣки, до Кнестенки на Черномъ морѣ, сухую границу укрѣпиль землянымъ валомъ, съ оконами для стражи. Окоши, въ родъ большихъ редутовъ, видны по сіе время на разстояніи версты одной отъ другаго.
13. Славян. Мильана, Мажива, Милева, Милена, Милія.
14. Dick. Sansc. Wilson.
15. Hist de Fran. Michelet. по Logan, the Scotisch gaël. t. II. p. 215.
16. По Цельтически *Кольмо*—Glin. Rech. Hist, sur l'orig de Sarm. Sestr. de Bahuz
17. Штр. наз. о Слав. годъ $\frac{919}{945}$ стр. 120.
18. Тавробанъ, или Цейлавъ назывался также *Салице*. Онъ посвященъ былъ *Солмю*.
19. Кольхи (Кольхиды) также напоминаютъ намъ поселеніе Книмвровъ или Киммеріанъ на Черномъ морѣ (Амазонскомъ, Киммерійскомъ, Русскомъ.)
20. *Skald* значить также child (щитъ), Held, герой; helf—help хланъ, въ древнемъ значеніи вспомогательный воинъ; *skal*, по ноландски знач: домъ, обитель, село; *skali*, *skalabu*— живущій въ лѣсахъ; также знач. *gigas* гигантъ, великанъ, *risar*.
21. Мы уже упомянули, что *Бгарата*, по Санскр. значить также божество слова.
22. «Celebrant carminibus antiquis, (quod unum apud illos memoriae et annalium genus est) Tuisconem deum terra editum et filium Mannum, originem gentis conditoresque.»
Къ стр. 30-й. *летя* (*кама*)— любовь, желаніе, удовольствіе, *Comis* и *Κωμος*— joie, festin.
23. Troubadour (по фр. Trouvere) происх. отъ слова troubar, trevar, trevejar, что знач: скитаться, путешествовать; trevaire— скитающаяся душа, отъ tref— трона, дорога, путь. *Тросуа* *δάρσιον*— представленіе, пѣснь. *Дромо* *δρομος*— путь, дорога, — *дрома* *δρομα*— дѣло, торговля, переговоры, представленіе. *Аидис* *αιδις*— пѣвецъ, рассказчикъ. — Греки называли Россювъ Дромитами, т. е. странствователями. Сим. Логое. Изв. о Рос. Штрит. стр 20.

Къ стр. 32-й. «Когда многіе изъ Римлянъ, даже мужи достоинства Косувальскаго (т. е. дворянство) употребляли иноземный Греческій языкъ для описанія Исторіи Рима, Трогъ-Помпей первый написалъ Исторію Греціи и общую Исторію на Латинскомъ языкъ.» *Justin.*

Къ стр. 39-й. Такъ какъ Греки въ основаніи своемъ были народъ *гражданскій*, а не *сельскій*; то можно предполагать, что большую часть *сельскаго* населенія Фракіи, и вообще Греціи, издавна составляли *Славяне*; и потому ихъ языкъ былъ собственно народнымъ, *сельскимъ*; и слѣдовательно ученые, готовящіеся къ духовному званію, или къ гражданскимъ должностямъ, должны были знать *сельскій* языкъ.

Къ стр. 39. Философъ Филиппъ, по прозванію Пустынникъ, ученый Грекъ, бывшій некогда въ Россіи, по желанію духовнаго отца своего Каллиника, жившаго въ Смоленскихъ предѣлахъ, написалъ въ 1095 году на Греческомъ языкъ *Diontru*, т. е. *зерцало*; онъ въ заключеніи книги своей говоритъ: «Святый духъ, давшій силу вдохновенія Пророкамъ, тѣмъ же навтіемъ дѣйствовалъ и на Апостоловъ; они составили 60 книгъ: *Въсѣмъ тридцать и три надъ силами, новаго же двадцать и семь ко оныѣмъ.*»

Иоан. Экз. Болг. Изгнѣд. Конст. Калайдовича.

Къ стр. 46-й. «Греки, одолжившіе насъ, — говоритъ Голицковъ, (Доп. къ дѣя. Петра великаго т. 3. стр. 206. изд. 1790) введшимъ Христіанскаго закона, не ввели ни словесныхъ, ни другихъ наукъ, хотя бывшій тогда въ Константинополѣ патріархъ Фотій былъ одинъ изъ ученѣйшихъ мужей своего времени, и Академія наукъ уже существовала тамъ....»

Въ примѣчаніи: Митрополитъ св. Михайлъ софтовалъ Владиміру устроить училища на утвержденіе вѣры и собрать дѣтей въ наученіе. Владиміръ, собравъ дѣтей, роздалъ по церквамъ священникамъ со причетники въ наученіе книжное. Вотъ въ чемъ состояли тѣ училища и ученіе

24. Мы полагаемъ, что названіе гудочки — *Славица* — облизилось съ словомъ *Слапыца*, точно также, какъ слово *blind* съ *blähend* (надувающимъ) *flatueux, ventucux, venteur; fluteur* съ *flatteur; aveugle* — а (членъ) *v'ugle — viole; geiger, joueur, gueux, gueuser, ходитъ по міру*. И можетъ быть слово *jammer* — жалоба близко

съ *homeres* — Омръ — словомъ означающимъ слѣпцовъ, нищихъ на Еолійскомъ нарвчїи.

Къ стр. 25. Различіе списковъ «Нибелунговъ» показываетъ постепенныя измѣненія въ языкѣ. Изустныя преданія довели эти *aventures* или *abenteuer* до времени письменности народной, со всѣми измѣненіями языка по временамъ и нарвчїямъ, и съ разновременными вставками, производящими историческую и хронологическую смуту въ поэмѣ. И это доказываетъ, что когда возникла письменная литература, списки производились съ изустныхъ преданій также въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ и на разныхъ нарвчїяхъ.

Къ стр. 49. *Сива*, въ свойствѣ войны и победы — *Сканда*, *Скандер*, *Ель-Скандеръ*, или по свойству языка измѣняющаго букву *Л* члена на начальную слова, предъ которымъ стоятъ: *Искандеръ*; напр: *раджулумъ* — человекъ, вместо *ель раджулумъ*, прован. *ерраджулумъ*.

2. СВАТКИ.

Передавая *колядки* и *щедровки* съ бытомъ, въ это время, простаго народа я помѣстилъ пѣсни какія имѣлъ и какія могъ помѣстить. Въ правописаніи я старался удержатъ, сколько теперь возможно, корни словъ, въ увѣренности что, знаніе молороссійскій языкъ, прочтутъ эти пѣсни чистымъ малороссійскимъ выговоромъ и въ тоже время онѣ понятны для Русскихъ читателей. Желаніе передавать произношеніе знаками и буквами бесполезно для Малороссіи и еще менѣе для Русскихъ читателей, не смотря на всѣ усилія автора, искажаютъ его произведенія во время чтенія вслухъ. Кроме того не соблюденіе корней языка вредитъ ему и затмѣваетъ его. Страшно было бы и по-русски писать, придерживаясь одного выговора.

3. ГАЙДАМАКИ.

Дальнѣйшее повѣствованіе о Гайдамакахъ будетъ передано въ картинахъ, сценахъ и анекдотахъ.

4. РЕВАНЪ.

Эта статья, въ первоначальномъ ея видѣ была помѣщена въ Таурическихъ губерн. Газетахъ. Но дополненная и исправленная, доставлена мнѣ почтеннымъ авторомъ по просьбѣ моеѣ.

5. КОРЕННАЯ ЯРМОГА.

1. Слово о полку Игоревъ. 2. idem. 3 Сказаніе о Курскѣ.
Статистическая таблица за 1836 г. будетъ приложена отдѣльно.

6. РУСАЛКА.

Рассказъ объ Иванѣ Савельичѣ заимствованъ изъ изустнаго преданія.

7. ПРАЗДНЕСТВО У ТАТАРОКЪ.

Доступно только дамъ и картина его, казалось мнѣ, тѣмъ любопытнѣе, что до сихъ поръ не была передана и не могло быть известна нашимъ путешественникамъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. РУССКАЯ СЛОВЕСНОТЬ.
 - II. МАЛОРОССІЙСКІЯ СВЯТКИ: РОЖДЕСТВЕНСКІЙ СОЧЕЛЬНИКЪ, КОЛЯДКИ, ЩЕДРОВКИ И ПРОЧ.
 - III. КАЗАКИ-ГАЙДАМАКИ УНИАТСКОЙ ВОЙНЫ.
 - IV. РЕВАНЪ ИЛИ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ОБРЯДЪ ТАТАРЪ РЕМЕСЛЕННИКОВЪ ВЪ КРЫМУ.
 - V. КОРЕННАЯ ЯРМАРКА.
 - VI. РУСАЛКА, НАРОДНОЕ ПОВѢРЬЕ.
 - VII. ПРИѢЗДЪ ВЪ БАХЧИСАРАЙ; УВЕСЕЛЕНІЯ И ОБЫЧАЙ ТАТАРОКЪ.
 - VIII. СМѢСЬ: КИРГИЗСКІЙ ХАНЪ ЧЖАНГИРЪ И КИРГИЗЫ. БОГОСЛУЖЕНІЕ ИНДІЙЦЕВЪ ВЪ АСТРАХАНИ. РАСТИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ОДЕССЫ. ЦѢННОСТЬ ЗЕМЕЛЬ ВЪ КРЫМУ, ЗА 35 ЛѢТЪ. НОГАЙСКІЯ СТЕПИ. ДѢТИ САМОЯДОВЪ. ПРОСТОНАРОДНЫЯ СРЕДСТВА ЛЕЧЕНІЯ. ПРОСТОНАРОДНЫЯ РУМЯНА. МАЛОРОССІЙСКАЯ ПѢСНЯ. КРАИНСКАЯ ПѢСНЯ. ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦИИ. ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРИ И КАЗАНИ. СЛОБОДА КАПЛУНОВКА. РУССКІЙ ПРОСТОНАРОДНЫЙ НАРЯДЪ. КАРАСУЕВЪ-ЗАРСКІЙ БАЗАРЪ.
-

ОЧЕРКИ
РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Вадимомъ Пассекомъ.

КНИГА IV.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.
1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Маія 14 дня 1840
года.

Ценсоръ, *М. Каченовскій.*

КАРЛЪ XII.

Приступая къ изображенію Петра Великаго какъ Полководца, необходимо сдѣлать очеркъ Карла XII; притомъ, Карлъ XII какъ соперникъ преобразователя Россіи, имѣеть у насъ народный интересъ.

Когда опредѣлится значеніе героя Сѣверной войны и героя Швеціи, тогда откроется само собою превосходство Петра надъ Карломъ.

ГЛАВА I.

Въ 1699 году Польша и Данія вступили въ тайный союзъ для наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій противъ Швеціи; къ нему приступила и Россія, съ условіемъ не начинать войны раньше заключеніе мира съ Турціей. Всѣ три государства имѣли въ виду уничтожить преобладаніе Швеціи на сѣверѣ: но были и болѣе ближайшія побужденія у каждаго изъ нихъ. Петръ I хотѣлъ обладать частію береговъ Балтійскаго моря, чтобъ войти въ тѣснѣйшія отношенія съ Европою. Августъ, удержаніемъ войскъ Саксонскихъ въ Польшѣ, подъ предлогомъ

войны, и стяжаніемъ славы думалъ прочіе утвердиться на Польскомъ престолѣ; а Данія уничиженіемъ Швеціи желала удовлетворить народной враждѣ. Сверхъ прежнихъ побужденій къ враждѣ между Данією и Швецією, присоединилась новая и довольно сильная. Герцогство Голштинское принадлежало Даніи и поступило во владѣніе меньшей линіи Датскаго Короля Фридриха I въ 1533 году. Съ тѣхъ поръ постоянной политикой Даніи было возвращеніе Голштиніи; а владѣтели ея, для безопасности своей, искали дружбы, или лучше, покровительства Швеціи, и даже вступили въ родство съ Шведскимъ Домомъ: сестра Карла XII была за мужемъ за Фридрихомъ, тогдашнимъ Герцогомъ Голштиніи.

Польскій Король первый началъ непріятельскія дѣйствія въ исходѣ 1699 г., безъ объявленія войны. Саксонскія войска хотѣли хитростію захватить Ригу, имѣя на своей сторонѣ нѣкоторыхъ обывателей города; но заговоръ открылся и намѣреніе не удалось. Потомъ, Саксонскія войска вступили въ Лифляндію, какъ будто для возвращенія своихъ дезертеровъ, и овладѣли 25-го Марта 1700 года Динамундомъ. Въ это же время, 20 Марта, Датскій Король вторгнулся въ Голштинію, овладѣлъ замкомъ Готторпскимъ и осадилъ Тоннингенъ. Герцогъ Голштинскій удалился въ Швецію и просилъ защиты у союзника и зятя своего Карла XII. Юный, но гордый Король Шведскій, считая себя оскорбленнымъ въ лицѣ зятя, со всею пылкостью принялъ на себя защиту Герцога. Открылся случай удовлетворить всѣмъ страстямъ, всѣмъ побужденіямъ 18-ти лѣтнаго Короля:

враждѣ народной, личной ненависти и жадѣ души, искавшей славы. И онъ устремился со всею дѣятельностію къ исполненію своего намѣренія.

Все было готово къ высадкѣ въ Данію; между тѣмъ Саксонцы уже въ Апрѣль потерпѣли сильное пораженіе около Риги и принуждены были возвратиться на лѣвый берегъ Двины. Только въ Іюнѣ начались настоящія военныя дѣйствія со стороны Августа Польскаго Короля. Въ Іюнѣ онъ прибылъ самъ въ Лифляндію съ значительными подкрѣпленіями и осадилъ Ригу. Но неудачи заставили снять ее; а Карлъ XII, уже въ началѣ Мая, съ 15 т. отправился изъ Карльскроны къ берегамъ Зеландіи и сдѣлавъ высадку, осадилъ Копенгагенъ. Смѣлость и рѣшительность Карла имѣли полный успѣхъ.⁽¹⁾ Устрашенный Фридрихъ IV отказался отъ требованій своихъ на Голштинію, и заключилъ, 18 Августа, въ Травендалѣ миръ. Едва освободилась Швеція отъ одного соперника, какъ открылся другой гораздо опаснѣйшій: Петръ I-й объявилъ войну 19 Августа и немедленно двинулъ изъ Москвы къ Новгороду армию свою. Въ Сентябрѣ она уже выступила изъ Новгорода къ Нарвѣ, и 9 числа корпусъ Трубецкаго обложилъ крѣпость. * Остальная ее часть прибыла къ 1-му Октябрю.

Карлъ XII, кончивъ дѣла въ Даніи, отправился съ 20 т. войскъ къ берегамъ Эстляндіи, и высадившись въ Перновѣ, 6 Октября узналъ о стѣсненіи Нарвы, а потому немедленно и двинулся

* Для поспѣшности войскъ были везены на подводахъ.

къ ней *. Русская армія, въ числѣ 38 т., находилась подъ начальствомъ Герцога де-Кроа, и большей части иностранныхъ Генераловъ и офицеровъ, изъ которыхъ весьма немногіе умѣли говорить по-Русски. Солдаты не имѣли къ своимъ начальникамъ никакой довѣренности, и не могли имѣть, потому что не понимали другъ друга. На военномъ совѣтѣ, собранномъ при приближеніи Шведовъ, Шереметевъ предложилъ вѣйти на встрѣчу непріятеля, и пользуясь превосходствомъ въ числѣ, атаковать его съ фронта и фланговъ; но Герцогъ нашелъ лучшимъ ожидать нападенія за контръ-валлаціонною линією, растянутаю на семь верстъ. Для отраженія непріятеля, онъ расположилъ войска наши въ двѣ линіи: первая, въ одну шеренгу стала вдоль вала, солдатъ отъ солдата на разстояніи сажени, а вторая, состоящая изъ малыхъ резервовъ, расположилась въ значительномъ удаленіи отъ вала.

Карлъ XII, построивъ всю пѣхоту въ три колонны и прикрывъ фланги ихъ кавалерійскими, двинулся подъ прикрытіемъ огня сильныхъ батарей ** противъ середины нашихъ укрѣпленій; а самый центръ, гдѣ устроена была крѣпостца, послалъ штурмовать два батальона пѣхоты и пятьдесятъ гренадеръ.

* Карлъ сначала имѣлъ намѣреніе идти противъ Августа; но узнавъ объ его отступленіи, послѣ неудачнаго покушенія въ Іюнь мѣсяцѣ, противъ Риги, рѣшился обратиться противъ Русскихъ.

** Для поддержанія праваго фланга была поставлена батарея въ семнадцать орудій, а лѣваго, въ двадцать одно орудіе (Бутурлинъ Т. I).

Сомнительно чтобъ и лучшія распоряженія, нежели какіе сдѣлалъ Герцогъ де-Кроа для защиты растянутой на семь верстъ укрѣпленной линіи, имѣли успѣхъ противъ сосредоточенныхъ дѣйствій Карла XII; а по распоряженію де-Кроа, Шведы вошли безпрепятственно на наши укрѣпленія. Впрочемъ, этому способствовали два обстоятельства: 1-е, мѣтель, которая несла снѣгъ прямо въ глаза Русскимъ, такъ что Шведовъ увидѣли, можно сказать, только на валу; а 2-е, резервы, вмѣсто того, чтобъ обратиться на помощь первой линіи, съ крикомъ: *измѣна*, бросились на своихъ начальниковъ — Нѣмцовъ. *

Разорвавъ въ центрѣ Русскую армію, Шведы, подъ начальствомъ Рейншильда, обратились противъ праваго фланга ея: а подъ начальствомъ Веллинга противъ лѣваго. Единственный мостъ, черезъ Нарву устроенный, за правымъ флангомъ разорвался отъ тяжести бѣгущихъ, и казалось, онъ подвергался совершенному истребленію. Но самая опасность вызвала природное мужество Русскихъ; полки: Преображенскій, Семеновскій, и полкъ Лимы отбили нѣсколько стремительныхъ атакъ самаго Короля Шведскаго, и не только спасли все крыло отъ истребленія, но и заставили Карла XII вспомнить объ опасности, какой онъ подвергался, находясь заключеннымъ между крыльями Русской арміи **. Вотъ первый плодъ потѣхъ юноши-

* Бутурлива В. И. П. Р. въ XVIII столѣтіи. Т. I. ст. 51.

** Г. Веллингъ, замѣтивъ рѣшимость Русскихъ сдѣлать отчаянное сопротивленіе, не рѣшился атаковать ихъ лѣваго крыла, припертаго къ рѣкѣ Наровѣ.

Петра въ селѣ Преображенскомъ. Всю ночь Шведы простояли подъ ружьемъ, а на другой день Карлъ XII согласился, чтобъ Русскіе устроили мостъ и беспрепятственно удалились отъ Нарвы, оставивъ свою артиллерію. Но когда правый флангъ переправился, и для Карла XII опасность миновалась, онъ воспользовался выгоднымъ своимъ положеніемъ противъ лѣваго фланга, проходящаго мимо его арміи, и заставилъ его оставить знамена, оружіе, и объявилъ военнопленными всѣхъ Генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, прибывшихъ къ нему въ лагерь по заключеніи условія.

Освободивъ Нарву, Шведская армія двинулась въ Лифляндію, и около Дерпта расположилась на зимнихъ квартирахъ. Бездѣятельныя покушенія Августа противъ Риги не возбуждали воинской дѣятельности Карла, не представляли пищи для души его, жаждущей славы.

Назначивъ 6 т. для прикрытія Ингерманландіи, 8 т. для защиты Финляндіи, самъ Король, въ Іюнь 1701 года, съ 25 т. двинулся противъ Саксонцевъ, находившихся на Двинѣ около Кокенгузена. Двигаясь прямо на Кокенгузенъ, Карлъ XII заставилъ думать, что хочетъ сдѣлать переправу въ этомъ пунктѣ, и, собразно такому мнѣнію, Фельдмаршалъ Штейнау сдѣлалъ распоряженіе чтобъ воспрепятствовать переправѣ Шведовъ около Кокенгузена; но Карлъ XII, послѣ фланговаго движенія на Ригу, остановился на 3 дни, сдѣлавъ только 2 перехода, и тѣмъ открылъ Штейнау настоящее свое намѣреніе и далъ время предупредить его у Риги.

Къ счастью Карла, Штейнау не воспользовался временемъ для сосредоточенія войскъ около Риги, находившихся отъ нея въ трехъ переходахъ, а своими распоряженіями во время переправы способствовалъ успѣшнымъ дѣйствіямъ Шведовъ.

Фельдмаршалъ Штейнау, узнавъ 5 Іюля, о движеніи Карла XII къ Ригѣ, вышелъ изъ Кокенгузена только съ 900 кавалеріи на помощь войскамъ, расположеннымъ противъ Риги, а остальнымъ Саксонскимъ войскамъ 860 чемовѣкамъ пѣхоты и 300 кавалеріи, также 10-ти полкамъ Русской пѣхоты, всего болѣе 11 т., велѣлъ двигаться постепенно за собою, такъ что Русскіе вышли только 7 Іюля. Между тѣмъ Король 8 числа ночью посадилъ: драбантовъ, 100 рейтаровъ конной гвардіи, 100 лейбъ-драгунновъ и 12 батальоновъ пѣхоты на приготовленные суда, и менѣе нежели въ $\frac{5}{4}$ часа переправилъ ихъ на лѣвый берегъ Двины, подъ прикрытіемъ огня собственной и крѣпостной артиллеріи и подъ защитою паромовъ и канонерскихъ лодокъ. Сдѣлавъ переправу, Карлъ XII немедленно построилъ ихъ въ боевой порядокъ, и для вѣрнаго удержанія позиціи, въ ожиданіи остальныхъ войскъ, прикрылъ фронтъ рогатками, а фланги кавалеріею. Штейнау, пропустивъ время атаковать ихъ еще не устроившихся, тщетно употреблялъ всѣ усилія сбить Шведовъ, и наконецъ принужденъ былъ отступить съ потерею 36 пушекъ, 2500 убитыхъ и раненыхъ.

Овладевъ переправою, Карлъ XII преслѣдовалъ союзниковъ до границы Литвы. Штейнау отступилъ

къ Ковно; Русскіе къ предѣламъ Россіи; а Карлъ, желая склонить на свою сторону Поляковъ, и тѣмъ върнѣ низложить Августа, согласился не нарушать неприкосновенности республики своимъ вступленіемъ въ ея владѣнія, и расположился въ Курляндіи на зимнія квартиры. Тѣмъ кончился второй годъ Сѣверной войны.

Въ это время въ Литвѣ было двѣ партіи—Огинскаго и Сапѣги, враждующія между собою. Сапѣга, сильно стѣсненный Огинскимъ, просилъ помощи у Карла XII. Король Шведскій послалъ ему вспоможеніе и даже самъ, въ Декабрѣ, дѣлалъ набѣздъ въ Литву противъ Огинскаго, въ то самое время, какъ Шереметевъ, при Эррестферѣ, разбилъ на голову корпусъ Шлиппенбаха. Это нападеніе на Шлиппенбаха Русскими, было сдѣлано четыре мѣсяца спустя послѣ неудачнаго ихъ вступленія въ Лифляндію, гдѣ главныя силы Шереметьева не участвовали. Карлъ, довольный тогда удачнымъ отраженіемъ Русскихъ, слабо подкрѣпилъ Шлиппенбаха и не принялъ дальнѣйшихъ мѣръ къ защищенію всего приморскаго края. Онъ дѣйствовалъ какъ будто не зная громадности Россіи, обратившей свои усилія противъ при-Балтійскихъ провинцій Швеціи; даже послѣ пораженія Шлиппенбаха, Карлъ, занимаясь, Польшей, не принялъ дѣятельныхъ мѣръ къ защитѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Ингерманландіи.

Многіе убѣждены, что дѣйствія Карла XII въ первые 2-а года войны, были основаны на геніальныхъ стратегическихъ соображеніяхъ, и полагають, что

онъ избалованный счастьемъ, сдѣлался самонадѣяннымъ, и потому въ послѣдствіи впадалъ въ ошибки.

Дѣйствительно, успѣхи, но только успѣхи случайные, дѣйствуютъ губительно на душу чловѣка; основанные же на гениальности, болѣе благотѣльны для души, чѣмъ вредны: Александръ Великій и Наполеонъ неопровержимые тому примѣры. И начало сѣверной войны ни сколько не доказываетъ стратегической гениальности Карла XII; успѣхи его были точно случайные, и вовсе неоснованные на стратегическихъ соображеніяхъ

Всѣхъ изумляютъ результаты двухъ лѣтъ Сѣверной войны. Данія отказывается отъ своихъ требованій и оставляетъ союзъ; Русскія войска разбиты и Швеція на долго обезпечена со стороны Россіи; Саксонскія войска опрокинуты въ предѣлы республики и Поляки готовы приступить къ избранію новаго Короля. Изумленіе къ результатамъ придаетъ важность дѣйствіямъ Карла XII. Случайные успѣхи, приобретаемые имъ, какіе приобретаютъ великіе полководцы, заставляютъ ложно придавать гениальность соображеніямъ Карла XII.

Нельзя и полагать, чтобъ онъ, пользуясь удаленіемъ войскъ Датскихъ въ Голштинію, имѣлъ въ виду: обратить первые удары на Данію, и освободясь отъ одного врага, вернуться дѣйствовать противъ Польши и Россіи. Разсмотрѣвъ факты, дѣлается яснымъ, что страсти Карла XII занимали первое мѣсто, при нападеніи на Копенгагенъ. Притомъ,

когда Король Шведскій устремился къ исполненію своего предпріятія для наказанія Даніи, со всеѣмъ жаромъ раздражительной и жаждущей славы души: Король Августъ не приступалъ еще къ настоящимъ дѣйствіямъ; а покушенія Саксонскихъ войскъ были неважны, неудачны и по значительному удаленію отъ Стокгольма, не обращали на себя большаго вниманія Карла. Наконецъ Россія еще не объявляла войны, и Данія, можно сказать, была единственнымъ непріателемъ Швеціи. ⁽²⁾

И нельзя согласиться, что Карлъ XII послѣ Травендальскаго мира, имѣлъ въ виду стратегическія соображенія: обратиться сперва противъ Русскихъ, чтобы, освободясь надолго отъ нихъ, имѣть болѣе возможности низложить Августа; а потомъ, со всеѣми средствами и силами дѣйствовать противъ самаго сильнаго союзника — Петра I. Извѣстно, что не стратегическія соображенія, но опасность, угрожавшая Нарвѣ, заставила Короля обратиться сперва противъ Русскихъ. Притомъ, когда Русскіе стѣснили Нарву, Августъ ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія Карла. А можно сказать утвердительно, что всегда предметомъ дѣйствій Карла XII была не цѣль стратегическая, но цѣль возбуждающая его страсти, которая болѣею частію заключалась въ арміи противника. Впрочемъ, были случаи, гдѣ онъ забывалъ и армію, увлекаясь ничтожными страстями.

Далѣе, весьма естественно, что Карлъ XII, изъ Дерпта, въ 1701 году, обратился къ Ригѣ противъ Саксонцевъ, потому что Русская армія какъ бы не

существовала, а Ригъ угрожала опасность. Отъѣхавши же до Литвы Штейнау, первая и весьма естественная мысль, какая могла родиться: это мысль, требовать отъ республики, чтобъ она избрала новаго Короля; потому что просьба сейма, не вступать во владѣніе Республики, основывалась на томъ, что не Республика, а Августъ съ своими войсками ведетъ войну противъ Швеціи. Но достаточно было Карлу XII пожелать однажды чего нибудь, чтобъ устремиться со всею пылкостью къ достиженію желаемаго, забывая обо всемъ, гораздо важнѣйшемъ, и первымъ плодомъ этого недостатка было пораженіе Шведовъ при Эррестферъ.

Пока стратегическія цѣли совпадали съ цѣлю страстей Карла XII, до тѣхъ поръ дѣйствія его заслуживаютъ похвалы военныхъ писателей, какъ слѣдствіе стратегическихъ соображеній; а только разошлись эти цѣли, т. е. съ 1702 года—и сдѣлалась ясна его необсудительность на театрѣ войны: писатели удивляются, не узнаютъ прежняго Карла, и обвиняютъ счастье, которое испортило такого великаго полководца, какимъ онъ явился въ началѣ Сѣверной войны. Но Карлъ XII въ концѣ Сѣверной войны былъ тѣмъ же, чѣмъ явился въ началѣ. Даже трудность войны противъ Петра I, которую весьма хорошо понималъ Карлъ, не вызвала его стратегической гениальности. Но изложеніе послѣдующихъ событій сдѣлаетъ яснѣе эти заключенія.

ГЛАВА II.

Въ Мартъ 1702 года Карлъ XII занялъ Самогитію, чтобъ прекратить набѣги Огинскаго и тѣмъ наказать Поляковъ за несговорчивость на избраніе новаго Короля. Когда же Сеймъ потребовалъ уплаты за собранную реквизицію въ Самогитіи, Карлъ XII двинулся къ Варшавѣ и занялъ ее безъ сопротивленія, 15 Мая. Августъ удалился въ Краковъ, имѣя у себя уже до 14 т. Саксонскихъ войскъ.

Чѣмъ оправдать остановку Карла XII? ⁽³⁾ Ему была извѣстна неосновательность, медленность, неединодушіе Поляковъ въ общественныхъ дѣлахъ, особенно при избраніи Королей. Онъ зналъ, что они цѣлые годы проводили въ междуусобіяхъ; а въ последнее время не иначе Сеймъ рѣшался на избраніе, какъ по сильнѣйшему внѣшнему вліянію: при избраніи Августа были двинуты Петромъ I Русскія войска къ Польскимъ границамъ. Карлъ же, оставаясь на границѣ, совершенно не могъ надѣяться на избраніе новаго Короля, когда Августъ занималъ Варшаву и Польшу Саксонскими войсками. Имѣя 20 т. Шведовъ ⁽⁴⁾, Карлъ XII не могъ нуждаться въ подкрѣпленіяхъ ⁽⁵⁾ для наступательныхъ дѣйствій противъ Саксонцевъ, только что разбитыхъ имъ, между тѣмъ, какъ Польша и не могла участвовать въ войнѣ, не имѣя вовсе устроенныхъ войскъ. И въ 1702 г., по недостатку денегъ не могла выставить коронной арміи. Быстрое же наступленіе, по духу По-

ляковъ, немедленно рѣшило бы участь Польши, Карлъ XII для этого имѣлъ примѣръ Карла X ⁽⁶⁾; но онъ успокоился лестными обѣщаніями Поляковъ, и тогда только двинулся на Варшаву, когда былъ раздраженъ требованіями Сейма объ уплатѣ реквизиціи. А между тѣмъ далъ Августу усилиться до 20 т., изъ которыхъ 8 т. еще находились въ Саксоніи ⁽⁷⁾.

Двинувшись на Варшаву, Карлъ XII собралъ гарнизоны Курляндіи въ одинъ корпусъ и отдалъ его подъ начальство Стюарта. Объ основаніи дѣйствія и прочномъ сообщеніи съ Швеціею и ея провинціями, Карлъ XII вовсе не заботился — характеръ Польши допускалъ подобныя дѣйствія; но Карлъ XII дѣлалъ это не основывая на характеръ народа: походъ его на Россію подтверждаетъ мои слова.

Скоро Карлъ убѣдился въ робости Сейма, объявить себя противъ Августа, имѣвшаго въ Польшѣ сильную армію, и потому двинулся въ Краковъ, чтобъ истребить его силы. ⁽⁸⁾ Послѣ дѣла при Клишовѣ, 9 Іюля, Карлъ XII взялъ Краковъ; Августъ же, присоединивши 8 т. пришедшихъ изъ Саксоніи и пользуясь беззащитностію Варшавы, снова занялъ ее. Простоявъ въ Краковѣ до Сентября мѣсяца, Шведская армія наконецъ двинулась къ Люблину, гдѣ было 12 т. Польскаго сброду; которые по приближеніи Шведовъ и ушли къ Лембергу, а Шведы заняли квартиры около Люблина. При движеніи изъ Кракова къ Люблину, Карлъ XII

отправилъ Рейншильда, чтобъ выгнать Августа изъ Варшавы и дѣйствовать на сеймъ, собранный приверженцами Карла XII. Августъ безъ боя удался къ Торну, а сеймъ не согласился на требованія Карла.

Между тѣмъ Шереметевъ въ Июль разбилъ Шлиппенбаха при Гуммельсгофѣ около Дерпта, и взявъ Мариенбургъ, возвратился въ Псковъ. Въ Августъ мѣсяцъ Апраксинъ одержалъ поверхность надъ Г. Кронгіортомъ, прикрывавшимъ Ингерманландію; а въ Сентябрь, Петръ, возвратившись изъ Архангельска, стянулъ главныя силы Русской арміи къ Хотенбургу и 27-го приступилъ къ осадѣ, а 11 Октября, послѣ упорнаго штурма, крѣпость сдалась на капитуляцію и названа Шлиссельбургомъ. Въ Смоленскѣ вѣрно было собраться войскамъ, чтобъ поддержать Огинскаго въ случаѣ надобности. Осенью, когда Г. Майдель увелъ на подкрѣпленіе Карла всѣ свои войска изъ Самогитіи, то Сапѣга, не имѣя средствъ сопротивляться Огинскому, получившему отъ Петра два полка стрѣльцовъ, последовалъ за Майделемъ, имѣя отъ 2—3 т. И такимъ образомъ Карлъ самъ уничтожилъ свою партію въ Литвѣ.

Въ Мартъ 1703 года Карлъ снова идетъ противъ Августа, разбиваетъ на походѣ отдѣльно стоявшую Саксонскую кавалерію въ Пултускѣ и осаждаетъ Торнъ, занятый Саксонскимъ гарнизономъ. Августъ имѣя предъ собою беззащитную Варшаву, съ остальными войсками двинулся къ ней и во второй разъ овладѣлъ Столицею ⁽⁹⁾. Послѣ раздѣленія ар-

міи Вишневецкаго, назначеннаго Августомъ для освобожденія Торна, Литовскія войска 6 т. съ Вишневецкимъ, въ Сентябрѣ, возвратились въ Литву; Польскія 3 т. ушли въ Люблинъ; Саксонскія до 5 т. въ Краковъ; Августъ же отправился въ Саксонію для ускоренія мѣръ къ продолженію войны. Карлъ XII, взявъ Торнъ въ концѣ Сентября, потомъ Данцигъ и Эльбингъ, срылъ укрѣпленія Торна и занялъ зимнія квартиры въ Польской Пруссіи.

Въ Апрѣлѣ, Русская армія была собрана при Шлиссельбургѣ, 23 числа двинулась къ Нѣншанцу, 27 началась осада, а 1 Марта крѣпость сдалась на капитуляцію. По неудобству мѣста и удаленію крѣпости отъ моря, укрѣпленія Нѣншанца были срыты, а на мѣсто ее, 16 Мая, на островъ Луст-Эйландъ, заложили новую крѣпость — С. Петербургъ. Послѣ чего Русская армія, раздѣлившись на части, занялась работами въ Петербургѣ, въ Ямбургѣ, опустошеніемъ Эстляндіи и Лифляндіи, и отъсненіемъ Г. Кронгорта къ Выборгу.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ, Огинскій потерпѣлъ пораженіе при Салатахъ, желая пресѣчь путь отступленія Левенгаупту. Огинскій, обезахоченный неудачей и ослабленный удаленіемъ Вишневецкаго съ главными силами Литовской арміи къ Августу, не предпринималъ ничего. Для подкрѣпленія партіи Огинскаго, 15 т. Малороссійскихъ казаковъ, въ Апрѣлѣ, пошли на соединеніе съ Халецкимъ, осаждавшимъ Быховъ на Днѣпрѣ, занятый партією Сапѣги; а для большаго усиленія Огинскаго, Русскія войска

изъ Смоленска были посланы къ Быхову, который и сдался 8 Октября.

Хитростию Примаса Карлъ достигъ цѣли своей: въ началѣ 1704 года Августъ былъ объявленъ неспособнымъ занимать Польскій престолъ. Оставалось довершить дѣло избраніемъ Короля, расположеннаго къ Шведамъ. Съ этой цѣлью Карлъ съ 31 т. двинулся къ Варшавѣ и расположился 29 Іюня въ окрестностяхъ ея; а 2 Іюля Станиславъ Лещинскій былъ объявленъ Королемъ Польши, согласно желанію Карла и къ общему неудовольствію Поляковъ. Между тѣмъ Августъ, принужденный Рейншильдомъ оставить Краковъ, въ началѣ года занялъ Сендомиръ, для сближенія съ Русскимъ корпусомъ, который шелъ ему въ помощь, и чтобъ имѣть возможность присоединить къ себѣ подкрѣпленія, шедшія изъ Саксоніи.

Кончивъ дѣла въ Варшавѣ и оставивъ въ ней гарнизонъ въ 1200 человекъ, Карлъ XII обратился противъ Августа. Соединившись съ Рейншильдомъ въ Сендомиръ, Карлъ XII преслѣдовалъ Августа до Ярославля. Здѣсь отмщеніе Лембергу за отказъ въ контрибуціи отвлекло Карла отъ преслѣдованія Августа, и онъ, пользуясь этимъ, соединился съ Голицынскимъ, двинулся на Варшаву, взялъ въ плѣнъ гарнизонъ Шведскій и овладѣлъ столицею въ третій разъ. Новый Король удалился въ Люблинъ; а Карлъ, узнавъ о приближеніи Мазепы, остался въ окрестностяхъ Лемберга, и только въ половинѣ Сентября двинулся противъ Августа, ус-

пѣвшаго соединиться съ Шуленбургомъ. 12 т. съ Г. Паткулемъ были отправлены для осады Познани *.

При приближеніи Карла XII къ Варшавѣ, Августъ, не сдѣлавъ покушенія затруднить переправу Шведовъ, которая производилась частію войскъ въ Прагъ, а главными силами выше Варшавы, отступилъ къ Варшавѣ и приказалъ Паткулю снять осаду Познани. Преслѣдуемый Карломъ, Августъ раздѣлилъ свою армію на двѣ части: одна, состоявшая изъ всей пѣхоты съ малымъ числомъ кавалеріи, подъ начальствомъ Шуленбурга, должна была прикрывать Саксонію, а другая, состоящая изъ остальной кавалеріи, двинулась съ Августомъ къ Кракову, съ цѣлію не утратить вліянія на Польшу и развлечь вниманіе Карла. Отгѣснивъ Шуленбурга за Одеръ, Шведская армія заняла, въ Силезіи, зимнія квартиры.

Петръ предполагалъ для поддержанія Короля Августа отправить Шереметева въ Польшу, но общее неудовольствіе Поляковъ за насильственное избраніе новаго Короля и медленность Карла, давая возможность усилиться Августу, заставили переменить намѣреніе Петра. ** Шереметевъ съ 23 т. занялся оса-

* 4 т. Русской пѣхоты, 2 т. Саксонской кавалеріи, 3 т. Поляковъ и 5 т. казаковъ.

** Карлъ самъ возсталъ противъ себя Поляковъ. Имѣя на своей сторонѣ Примака, Великаго Гетмана Князя Любомирскаго и большую часть Магнатовъ Польши, нисколько не сообразовался съ духомъ народа, не думалъ соглашать выгоды Вельможъ Польскихъ съ своими и только по личному расположенію къ Стан-

дою Дерпта, которая и продолжалась два мѣсяца. 11 Юля крѣпость сдалась на капитуляцію. Русская армія въ 25 т. осадила Нарву 15 Юня. Въ концѣ Юля Шереметевъ присоединился къ войскамъ, осаждавшимъ Нарву. 9 Августа крѣпость была взята штурмомъ. Шведы потеряли плѣнными и убитыми до 4 т. И сверхъ того Шлиппенбахъ, желавшій помочь Нарвѣ, потерпѣлъ поражение и потерялъ 1200, такъ, что весь корпусъ его состоялъ всего изъ 1400. Финляндія была прикрыта 3,800, въ Курляндіи находилось 4 т.; къ нимъ присоединился Сапѣга, возвратившійся въ Литву съ 4 т.

При Якобштатѣ, въ концѣ Юля, Левенгауптъ разбилъ Огинскаго, который и удалился въ Русскій лагерь подъ Нарву. Петръ, желая возстановить партію Огинскаго, отправилъ Решнина въ Литву. Левенгауптъ отступилъ, въ Сентябрь, къ границамъ Курляндіи, а потомъ къ Митавѣ, а Огинскій, сдѣлавъ поискъ противъ Сапѣги, въ Ноябрь овладѣлъ всею Самогитією.

Въ началѣ 1705 года, кавалерія Августа, выгнѣнная изъ Кракова Шведами, удалилась къ Бресту Литовскому, а самъ онъ отправился въ Дрезденъ для усиленія обороны Саксоніи. Только 10 т. Саксонскихъ и 6 т. Русскихъ войскъ прикрывали ее, и можно сказать, что она была беззащитна предъ побѣдоносною армією Карла XII; но онъ занимался коронованіемъ Станислава, которое льстило его са-

славу Лещинскому, молодому воеводѣ Познанскому, рѣшился доставить ему корону Польскую, противъ желанія Поляковъ. (Голиц. часть II, стр. 147—151. Бутурлинъ Т. I. стр. 217—222.

молюбію, и не думалъ о рѣшительномъ низложеніи Августа. Такъ прошла половина 1705 года.

Между тѣмъ въ Іюнь Петръ собралъ армию въ Полоцкѣ, сдѣлалъ покушенія противъ Левенгаупта, и овладѣвъ Курляндіей, двинулся со всею арміею къ Гродно, которую и занялъ 10-го Сентября. Въ Гродно присоединилъ къ Русскимъ Саксонскія и Литовскія войска ⁽¹⁰⁾. Дѣйствія Русской арміи заняли вниманіе Карла, и онъ, оставивъ Г. Реншильда съ 12 т. для прикрытія Силезіи, самъ съ 30 т., 29-го Іюля, выступилъ изъ Равича, на границахъ Саксоніи, чтобъ встрѣтить Русскихъ въ Польшѣ, и расположился около Блони, гдѣ присоединилось къ нему 10 т. Поляковъ, которыхъ онъ употребилъ для прикрытія Варшавы, противъ 6½ т. Саксонцевъ и Поляковъ, находившихся у рѣки Наревы. Съ наступленіемъ морозовъ, Карлъ XII, усиленными переходами, поспѣшилъ къ Гродно. Обошедъ Тикочинъ, передовый пунктъ Русскаго расположенія, переправился чрезъ Нѣманъ по льду и сталъ на сообщеніяхъ Русской арміи съ Россіею. Опасаясь, чтобъ она не отступила безъ боя, Карлъ не атаковалъ ее съ фронта, имѣя полную возможность нанести ей значительный уронъ. Занявъ сообщенія Русскихъ, Карлъ надѣялся принудить ихъ вступить въ генеральное сраженіе, и тѣмъ наказать ее за смѣлое наступленіе. Не смотря на превосходство въ числѣ Русской предъ Шведскою арміею, * она осталась въ лагерѣ какъ

* Русскихъ было болѣе 30 т. — 4 полка драгунъ увелъ съ собою Августъ; остальная кавалерія, не успѣвъ присоединиться къ арміи при Гродно, ушла съ Княземъ Меньшиковымъ въ Дуброво.

бы осажденною, имѣя строгое приказаніе Петра Великаго не вступать въ рѣшительное сраженіе. Стѣснивъ Русскихъ, Шведы сами терпѣли недостатокъ въ окрестностяхъ Гродно, и армія Шведская принуждена была удалиться на 40 верстъ отъ Гродно. Это способствовало исполнить планъ Петра I. Принявъ мѣры къ продовольствію Русской арміи въ Гродненскомъ лагерѣ, Петръ Великій приказалъ, пользуясь прочнымъ мостомъ въ Гродно черезъ Нѣманъ, каковаго не имѣли Шведы, переправиться на лѣвый берегъ Нѣмана во время вскрытія рѣки, и защитившись естественнымъ препятствіемъ отъ неприятеля, слѣдовать черезъ Брестъ, Волинь, къ Кіеву. Съ точностію исполнивъ приказаніе Царя, Русская армія выиграла четыре перехода и безопасно отступила къ Бресту, а потомъ черезъ Волинь къ Кіеву. Карлъ XII, не учредивъ заблаговременно магазиновъ для обезпеченія движенія къ Припети, тщетно старался предупредить Русскихъ на пути къ Кіеву, и, убѣдившись въ невозможности, расположился въ Волини.

Во время стѣсненія Русскихъ при Гродно, Августъ прибылъ въ лагерь; но видя затруднительное положеніе дѣль, выступилъ въ Польшу со всею Саксонскою кавалеріею и четырьмя полками Русскихъ драгунъ, чѣмъ и ослабилъ Русскую армію. Но онъ представилъ свои дѣйствія съ выгодной стороны: имъ составленъ былъ планъ для разбитія Рейншильда, напавъ на него совокупно съ Шуленбургомъ, оставшимся въ Саксоніи. А по разбитіи Реншиль-

да, онъ обѣщаль, соединивши всѣ свои силы, * поспѣшить на помощь Русской арміи. Въ Іюнь Король Августъ овладѣлъ Варшавой въ четвертый разъ, и продолжая свое движеніе, узналъ, не доходя всего 15 миль до Шуленбурга, что онъ, обманутый Рейншильдомъ, потерпѣлъ совершенное пораженіе при г. Фрауштатъ. Извѣстіе объ этомъ несчастіи заставило Августа немедленно возвратиться въ Варшаву, потомъ удалиться въ Краковъ, который и приказано было укрѣплять.

Сраженіе при Фрауштатъ было наведеніемъ Карлу XII для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Саксоніи. Узнавъ о пораженіи Шуленбурга и совершенной беззащитности Саксоніи, Карлъ немедленно рѣшился вторгнуться въ нее, и въ началѣ Сентября Курфиршество Саксонское было въ рукахъ Шведовъ.

Только узналъ Августъ о намѣреніи Карла, сей часъ отправилъ комиссаровъ для переговоровъ; но Карлъ XII приступилъ къ нимъ не прежде занятія Саксоніи и заключилъ трактатъ Альтъ-Ранштадской, по которому Августъ отказывался отъ Польской короны. Во время дѣйствій Шведовъ противъ Саксоніи, Русская кавалерія подъ начальствомъ Меншикова, вступивъ въ Польшу, соединилась съ Августомъ, который скрывалъ свои переговоры съ Карломъ, и потому принужденъ былъ, по настоянію Меншикова, соединенными силами въ

* Что составляло бы болѣе 30 т.

32 т. * атаковать Мейфельда, оставленнаго Карломъ всего съ 7 т. Шведовъ для прикрытія Польши и соединившагося въ это время съ 20 т. Польскихъ войскъ. Сраженіе произошло въ окрестностяхъ Калиша. При первой атакѣ Поляки бѣжали, а Шведы были истреблены, или взяты въ плѣнъ. Вся вина погибели 7 т. Шведовъ падаетъ на Карла: онъ, дѣйствуя противъ беззащитной Саксоніи, не имѣлъ нужды вводить въ нее всю свою армію, крайней-мѣрѣ ничто не могло препятствовать Карлу оставить въ Польшу, вмѣсто слабаго корпуса Мейфельда, Г. Рейншильда, уже испытаннаго, съ 15 т. Такихъ силъ Меншиковъ не рѣшился бы атаковать, и Польша была бы надежно прикрыта.

Когда узналъ Карлъ XII о истребленіи Шведовъ подъ Калишемъ, то до того былъ раздраженъ, что хотѣлъ уничтожить договоръ Альтъ-Ранштатской. И едва личное убѣжденіе Августа могло склонить Карла XII на обнародованіе мира.

Главныя силы, которыми дѣйствовалъ Августъ, и силы, которыми онъ удерживался въ Польшу въ продолженіи всего этого времени, были Саксонскія; и естественно, Карлу XII слѣдовало, при первой возможности, обратиться противъ Саксоніи, какъ источника силъ и средствъ своего противника и родоваго его наслѣдія. Но Шведской Король только гонялся за Августомъ, раздраженный его противо-дѣйствіемъ, совершенно не думая о существенномъ.

* 17 т. Русскихъ драгуновъ и 15 т. кавалеріи большею частію Польской.

Карль XII могъ бы кончить дѣла съ Королемъ Августомъ осенью 1702 года. Еслибъ онъ отправился немедленно въ слѣдъ за Августомъ, послѣ сраженія при Клишовѣ, то Варшава не досталась бы снова въ его руки, и Карль, преслѣдуя безостановочно, могъ или совершенно уничтожить непріятельскую армію, или сильно ее ослабить, а потомъ, присоединивши 12 т., которыя собиралъ Гиленштернъ въ Помераніи, могъ оставить 10 т. для удержанія Польши, а самъ съ 12 т. обратиться противъ совершенно беззащитной Саксоніи ⁽⁴¹⁾. Съ Іюня онъ имѣлъ довольно времени до глубокой осени кончить истребленіе уже разбитой Саксонской арміи, и занять обнаженное Курфирство. Августъ, лишенный надежныхъ средствъ для продолженія войны, немедленно приступилъ бы къ миру; а сеймъ, представленный самому себѣ, немедленно избралъ бы новаго Короля, и Австрія менѣе имѣла возможности вступить за нарушеніе неприкосновенности владѣній Германскаго союза вступленіемъ Карла XII въ Саксонію въ 1702 году, нежели въ 1706. — Въ 1702 году Франція владѣла Сѣвѣрной Италіей и имѣла союзниками Герцога Савойскаго и Курфирста Баварскаго; а въ 1706 году уже Австрія владѣла Италією, Герцогъ Савойскій перешелъ на ея сторону, а Баварскій Курфирстъ сдѣлался нейтральнымъ.

Но положимъ, что Карль XII въ 1702 году не могъ сдѣлать вторженія въ Саксонію; то почему въ началѣ Іюля, по избраніи Станислава Королемъ Польши, Карль XII, имѣя у себя подъ рукою

болѣе 30 т. и 2400 человекъ, занимавшихъ Эльбингъ и Данцигъ, не дѣйствоваль рѣшительно противъ Саксоніи. Въ Мартѣ мѣсяцѣ Король Августъ всего имѣль въ Сендомирѣ 1500 Саксонцевъ и нѣсколько тысячъ Польскихъ войскъ. Въ концѣ Іюля онъ усилиль себя до 3 т. Саксонцевъ и присоединилъ къ нему корпусъ Россійскихъ войскъ, 12 т. пѣхоты и 5 т. казаковъ. И такъ еслибъ Карлъ XII весною перешель въ Варшаву ⁽¹²⁾, а въ ожиданіи подкрѣпленій и избраніи новаго Короля приказаль бы преслѣдовать неослабно Августа Рейншильду; то войска Августа были бы истреблены, или изгнаны изъ Польши до соединенія съ Русскими; а самъ Карлъ, по избраніи новаго Короля, оставивъ 10 т. въ Варшавѣ для поддержанія дѣйствій Рейншильда и Станислава, тотчасъ съ 15 т. двинулся противъ Шуленбурга, имѣвшаго не болѣе 6500 человекъ, и безъ всякаго сомнѣнія, немедленно овладѣль бы Саксонією. ⁽¹³⁾

Далѣе, почему онъ не сдѣлалъ вторженіе въ Саксонію осенью 1704 года? Въ это время Королемъ Польши былъ уже Станиславъ, у Карла было 34 т. устроенныхъ и привыкшихъ къ дѣлу солдатъ; между тѣмъ, какъ у Августа оставался въ Польшѣ ничтожный отрядъ, занимавшій Краковъ; границы же Саксоніи прикрываль Шуленбургъ, всего съ 4 т. Саксонскихъ войскъ, уже пострадавшихъ при преслѣдованіи Шведами отъ Варшавы, и 6 т. Русскихъ съ Генераломъ Паткулемъ.

Еслибъ Карлъ XII оставилъ 15 т. для прикрытія Польши, а самъ съ 18 т. продолжалъ быстро пре-

слѣдовать Шуленбурга; то еще въ Ноябрь Саксонія была бы въ рукахъ Шведовъ.

Наконецъ весною 1705 года, имѣя болѣе 40 т., почему Карлъ не нанесъ рѣшительнаго удара Саксоніи? Не кончивши же до Іюня, когда собралась у Полоцка Русская армія, почему Карлъ, узнавъ о движеніи ея въ Литву, не поспѣшилъ раздѣлаться съ Августомъ? Онъ успѣлъ бы продиктовать ему миръ, и возвратившись въ Польшу, встрѣтить Русскихъ.

Ясно, что Карлъ вовсе не имѣлъ мысли вторгнуться въ Саксонію или лучше не понималъ существенной важности такого движенія. Дѣйствіями своими въ 1705 году Карлъ XII еще болѣе доказалъ основательность этого заключенія: имѣя послѣ долгихъ усилій въ рукахъ своихъ, такъ сказать, ключъ къ миру съ Августомъ, оставляетъ его и идетъ встрѣтить Русскую армію. Онъ успѣлъ бы встрѣтить ее кончивъ съ Августомъ, да и самое вступленіе ее въ Польшу не могло имѣть важныхъ послѣдствій на ходъ войны, между тѣмъ какъ отдаленіе вторженія въ Саксонію отсрочивало окончаніе войны съ Королемъ Августомъ. Русскіе оставили бы Польшу при первомъ движеніи Карла — онъ зналъ это, а еслибъ рѣшились вступить въ сраженіе, то вѣроятность побѣды была на его сторонѣ.

Важная бы выгода была приобретена Карломъ, еслибъ онъ успѣлъ истребить Русскую армію предъ Гродно, но двигаясь изъ Равича къ Блони, онъ не имѣлъ этого въ виду; Русскіе находились тогда еще въ Вильнѣ. Только послѣ расположенія ихъ по зимнимъ квартирамъ, т. е. въ Декабрѣ, онъ могъ

имѣть надежду отрѣзать и истребить ихъ. А сверхъ того, послѣ разбитія, Карлъ долженъ былъ опять возвратиться въ Польшу, чтобъ кончить съ ней дѣла, иначе имѣлъ бы противниковъ и съ фронта и тылу, да и самыя средства къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи не были еще готовы. Къ чему же бы повела побѣда? Ею бы онъ не вознаградилъ выгодъ, потерянныхъ чрезъ удаленіе отъ Саксоніи, а ослабленіе Петра не было бы такъ значительно, какъ представляется съ перваго взгляда: уже въ Іюль 1707 года Петръ сформировалъ до 60 т. регулярныхъ войскъ, не включая въ это число находившихся подъ Гродно. И всѣ выгоды чрезъ истребленіе Русскихъ подъ Гродно не были бы потеряны, еслибъ онъ сперва кончилъ дѣло съ Августомъ въ Саксоніи: съ начала весны до Декабря, когда Шведская армія двинулась изъ Блони, онъ могъ бы изъ Саксоніи придти подъ Гродно.

Считаю излишнимъ дѣлать яснѣе критическимъ разборомъ всѣ событія: простое изложеніе ихъ показываетъ болѣе, чѣмъ недостатокъ стратигическихъ соображеній въ Карлѣ XII. Пять лѣтъ онъ гоняется за непріятельскою арміею, а не преслѣдуетъ ее безостановочно, неослабно; если даже этимъ способомъ хотѣлъ Карлъ уничтожить своего противника. Не старается маневрами или поспышностію предупредить его въ Варшавѣ, чтобъ не давать Августу поддерживать своего вліянія; если Карлъ и не хотѣлъ ослаблять свою армію гарнизонами. Оставляетъ преслѣдованіе непріятельской арміи, чтобъ отмстить Дембергу; забываетъ всѣ дѣла, чтобъ удо-

влетворить своему самолюбію коронованіемъ Станислава. Проводить годы въ необдуманныхъ передвиженіяхъ, и какъ будто не видитъ возрастающаго могущества Петра, успѣховъ Русскихъ въ военномъ дѣлѣ. Мало заботится о потерѣ крѣпостей и цѣлыхъ областей, не принимаетъ даже дѣятельныхъ мѣръ къ удержанію успѣховъ Россіянь; и даетъ Петру I, до 1707 года, овладѣть всею Курляндіею, Шлиссельбургомъ, Нарвою, Ингерманландіею, Дерптомъ и основать Петербургъ. Равнодушно смотритъ на опустошеніе Лифляндіи и Эстляндіи, на пепель городовъ и деревень: его не тревожитъ стонъ жителей, истребляемыхъ, или увлекаемыхъ въ плѣнь ⁽¹⁴⁾.

ГЛАВА III.

Теперь я перейду къ изложенію главнѣйшаго событія въ Сѣверной войнѣ, событія рѣшившаго первенство Россіи на Сѣверѣ и гибель Карла XII.

Первая половина 1707 года прошла въ приготовленіяхъ къ войнѣ съ обѣихъ сторонъ; а Карлъ сверхъ того былъ занятъ переговорами съ Австрійскимъ Императоромъ. Только въ Августѣ мѣсяцъ Король Шведскій выступилъ изъ Саксоніи, присоединилъ къ себѣ подкрѣпленія около Познани, и съ 44 т. въ Декабрѣ переправившись чрезъ Вислу, двинулся въ Литву. Въ концѣ Января Шведская армія по льду перешла Нѣманъ, и преслѣдуя Русскихъ заняла квартиры между Вильно и Сморгони. ⁽¹⁵⁾

Теперь Карлу XII предстояло рѣшить: куда устремить всю громаду силъ, гдѣ и какъ вѣрнѣе поражать и низложить Петра? Отъ этого рѣшенія зависѣло утверженіе первенства Швеціи на Сѣверь. Чтобъ ясны были военныя соображенія, я представлю тогдашнее положеніе дѣлъ.

Россія. Враги нововведеній таились внутри Россіи, а на предѣлахъ государства возникли бунты. Въ 1705 началось возстаніе Башкирцевъ, и въ томъ же году открылся мятежъ у Астраханскихъ стрѣльцовъ; въ 1708 у Донскихъ казаковъ. Притомъ первый и послѣдній продолжались и въ настоящее время. Причиною возмущенія Башкирцевъ было корыстолюбіе и недальновидность пограничныхъ чиновниковъ; но два послѣдніе были важны по началамъ, изъ которыхъ произошли, и послѣдствіямъ, которыя они могли произвести: 1-е, эти возстанія служили мѣриломъ чувствъ, какія возбудилъ новый порядокъ вещей на людей, привыкшихъ свято сохранять все Русское, на закоренѣлыхъ враговъ всего чужеземнаго; 2-е, показывали: желаніе стрѣльцовъ возвратить прежнія права; а въ казакахъ остатки прежняго буйства и желанія наслаждаться плодами безначалія, которыми они пользовались во всѣхъ переворотахъ междуцарствія. Хотя Буловинъ и призывалъ казаковъ на защиту церкви православной и обычаевъ Русскихъ, но вѣроятно онъ имѣлъ другіе замыслы; иначе не открылъ бы наступательныхъ дѣйствій противъ Азова, но по обыкновенію отправилъ депутацію къ Царю. Явно Буловинъ имѣлъ желаніе сдѣлать казаковъ преступными, чтобы, не

нѣся надежды на милость царскую, они рѣшились на отчаянное сопротивленіе. И слова его возмутительной грамоты ⁽¹⁶⁾ доказываютъ, что онъ хотѣлъ возбудить сожалѣніе казаковъ объ утраченной волѣ.

Польша. Польша была раздираема междуусобіями: Люблинскій Сеймъ, не признавая законнымъ избраніе Станислава Королемъ, объявилъ междуцарствіе, а Силезскій оружіемъ поддерживалъ его, угрожая съ коронною арміею Кракову и Варшавѣ. Магнаты Польскіе и Литовскіе, орудуя силами царства, стремились къ удовлетворенію своихъ корыстолюбивыхъ видовъ и, сообразно съ оными, принимали сторону и Карла и Петра. Въ нихъ нельзя было найти ни ревностныхъ союзниковъ, ни опасныхъ враговъ. Каждая изъ воюющихъ сторонъ могла ожидать рѣшительнаго перевѣса своей партіи только при уничтоженіи, или рѣшительномъ удаленіи силъ противника.

Крымъ. Враждующій Крымъ находилъ опору въ непріязненной Портѣ, которая, изыскивая случаи возвратить потерянные области, обѣщала подкрѣпить Хама многочисленнымъ войскомъ, для содѣйствія возставшимъ казакамъ на Дону; но повидимому слабость мятежа остановила непріязненные намѣренія Хама и прекратила требованія Порты, въ памяти которой были еще свѣжи успѣхи Русскихъ на берегахъ Чернаго моря.

Фридрихъ считалъ себя униженнымъ, но не смѣлъ думать снова помѣряться съ Карломъ. Августъ же изыскивалъ случай возобновить свои до-

могательства на корону Польскую. Повѣренные на Люблинскомъ сеймѣ уже предлагали его дружество Русскому Царю.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Карлъ XII въ началѣ 1708 года былъ между Вильно и Сморгони съ 35 т. войскъ. Корпуса: Левенгаупта въ 16 т. занималъ Лифляндію; Либекера, состоящій изъ 15 т., находился въ Финляндіи; Красова въ 8 т. былъ оставленъ въ Польшѣ, въ подкрѣпленіе войскъ Потоцкаго, и 90 ротъ оставшихся отъ Литовской арміи, которой главныя силы, числомъ въ 12 т. были назначены для удержанія Литвы. Сверхъ сего для охраненія Лифляндіи оставленъ былъ одинъ полкъ кавалеріи и одинъ драгунъ, и гарнизоны въ Ревель, Перновѣ, Ригѣ и Динаминдѣ, числомъ до 12 т.; 11 т. находилось въ Помераніи, Бременѣ и Цвей-Брикенѣ и 19 т. въ самой Швеціи. *

Главная Русская армія занимала сообщенія арміи Короля Шведскаго съ корпусомъ Левенгаупта, а именно: Алардъ находился съ правымъ крыломъ въ Улмѣ при Двинѣ; Шереметевъ съ центромъ въ Бѣшенковичахъ; Репнинъ съ лѣвымъ крыломъ въ Лукомлѣ, а Князь Меншиковъ съ большею частію кавалеріи въ Чашникахъ. Гольцъ съ корпусомъ кавалеріи и однимъ пѣхотнымъ полкомъ, отряженъ былъ къ Борисову, для удержанія диверсіи, кото-

* Недостатокъ продовольствія заставилъ Короля въ началѣ 1808 г. перенести главную квартиру къ Минску въ Радосковичи и расположить армію отъ Борисова къ северу до Домнинова.

рую предполагали сдѣлать Карлъ, чтобъ соединиться съ корпусами Левенгаупта и Либекера. Для наблюденія же надъ Левенгауптомъ отправленъ былъ Бауръ. Войсками въ Ингерманландіи начальствовалъ Апраксинъ. Нѣкоторые полагаютъ число Русскихъ до 70 т., но Бутурлинъ думаетъ, что иностранцы слишкомъ преувеличили наши силы.

Король Шведскій, надѣясь, по договору съ Мазепою, найти въ полкахъ Украинскихъ надежное подкрѣпленіе, а въ крѣпостяхъ Малороссійскихъ и Сѣверскихъ надежную опору и, по увѣренію Гетмана, полагая встрѣтить помощниковъ въ казакахъ Донскихъ и Бѣлогородскихъ, Калмыкахъ и Татаряхъ Крымскихъ, рѣшился перейти Днѣпръ, овладѣть Малороссійскимъ и Сѣверскимъ краями и потомъ уже двинуться на Москву. Предположено было для соединенія съ корпусомъ Левенгаупта сдѣлать движеніе на Смоленскъ и для большаго ослабленія Русской арміи предписано было Либекеру сдѣлать диверсію на сѣверъ, а именно: стараться овладѣть Петербургомъ, срыть его и продолжать движеніе къ Новгороду.

Г. Бутурлинъ оправдываетъ выборъ Короля Шведскаго. Помѣщидю мнѣніе его: «Предѣлы Россійскіе представляли Шведамъ три пути военныхъ дѣйствій, изъ коихъ осталось имъ выбрать удобнѣйшій Путь съ лѣвой стороны находился въ направленіи чрезъ Новгородъ и Тверь на Москву; дорога изъ Смоленска въ Москву составляла средній путь; а путь съ правой стороны велъ чрезъ Новгородъ Сѣверскій, Орелъ и Калугу или Тулу на

Москву. Взявъ лѣвый путь, Карлъ долженствовалъ перейти рѣку Двину и, соединившись съ Генералами Левенгауптомъ и Лебекеромъ, вторгнуться въ область Новгородскую, съ арміею отъ 60 до 70 т. человекъ; но сей путь дѣйствию слишкомъ отдалилъ бы его отъ самыхъ хлѣбородныхъ областей Россійскихъ, на конхъ основывалось могущество Петра I. Къ тому же съ сей стороны нельзя было сдѣлать быстрыхъ успѣховъ; ибо благоразуміе требовало не входить въ обширные лѣса, простирающіеся отъ Новгорода до Твери, не овладѣвъ сперва Псковомъ и Новгородомъ; а чрезъ осаду сихъ двухъ городовъ потерялось бы драгоцѣнное время. Средній путь былъ столько же невыгоденъ, какъ и лѣвый, потому что, избравъ оный, надлежало начать походъ осадю Смоленска: обстоятельство сіе составляло довольно важную неудобность; но сверхъ того еще страна между Смоленскомъ и Мажайскомъ, пересѣченная лѣсами и болотами, давала Россіянамъ возможность на каждомъ шагу останавливать Карла XII и задерживать его въ безплодной странѣ, гдѣ, подъ конецъ, армія его осталась бы безъ всякаго продовольствія, между тѣмъ какъ войска Петра, имѣя у себя въ тылу богатѣйшія области Россійскія, всегда бы находились въ изобиліи. Неудобность сказанныхъ двухъ путей дѣствія побудила Короля Шведскаго избрать третій. Правда, что потянувшись вправо, чрезъ то самое лишился онъ возможности соединиться съ Генераломъ Лебекеромъ; но сія невыгода замѣнялась присоединеніемъ Мазепы, который обѣщаль отдать въ распо-

ряженіе Шведовъ всѣ силы Малороссійскія и всѣ крѣпости Сѣверскія. Такимъ образомъ Король безъ боя получалъ наилучшую опору военныхъ дѣйствій, отъ коей съ безопасностію могъ идти къ Москвѣ, чрезъ страну плоскую, открытую и слѣдовательно вовсе невыгодную для Россіянъ, въ отношеніи обороны. Еслибъ побѣда склонилась на сторону Шведовъ, чего они вправѣ были ожидать, въ такомъ случаѣ Петръ I нашелся бы принужденнымъ перейти на лѣвую сторону рѣки Волги, оставивъ неприятелю хлѣбороднѣйшія области своего государства; а лишившись способовъ, доставляемыхъ сими прекрасными областями, не могъ бы продолжать войны и былъ принужденъ покориться побѣдителю. Вотъ причины, опредѣлившія выборъ Королевскій.» Далѣе говоритъ Бутурлинъ: «Вообще всѣ согласно приписываютъ дурной успѣхъ предпріятій Карла XII, намѣренію его обратиться въ Украину, и утверждаютъ, что если бы, послѣ дѣла подъ Головчинымъ, продолжалъ онъ идти прямо чрезъ Смоленскъ къ Москвѣ, то дѣла приняли бы совсѣмъ иной оборотъ въ его пользу. Мнѣніе сіе хотя и принято многими военными, однакожъ все остается совершенно неосновательнымъ. Взявъ путь дѣйствій (*ligne d'opération*) на Смоленскъ, Король долженъ былъ или начать осадою сего города, или, обошедъ оный, устремиться прямо къ Москвѣ. Въ первомъ случаѣ онъ подвергался опасности истощить силы свои въ предпріятіи предварительномъ, которое не могло имѣть рѣшительнаго вліянія на участь войны и успѣхъ коего былъ весьма невѣренъ, потому что

*

съ одной стороны Шведы, при способахъ, которые въ распоряженіи своемъ имѣли, съ трудомъ могли замѣнять всѣ потери въ людяхъ и военныхъ снарядахъ, неминуемо случающихся при продолжительной осадѣ; а съ другой стороны Петръ I, владѣя полемъ съ сильною арміею, имѣлъ бы всѣ возможные удобства истребить порознь Шведскую армію, тревожа и стѣснивъ оную въ ея укрѣпленіяхъ подъ Смоленскомъ. Второе намѣреніе, идти прямо къ Москвѣ, не заботясь о взятіи Смоленска, было еще опаснѣе. Въ семъ случаѣ, Король Шведскій, не имѣя никакой опоры для дѣйствій своихъ, долженъ былъ войти въ обширную область непріятельскую, саму по себѣ довольно бесплодную и которую Россіане не преминули бы опустошать еще болѣе. Не трудно предвидѣть, что конечное истребленіе Шведской арміи содѣлалось бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ выполненія сего страннаго предначертанія. Повторимъ еще: вторженіе даже съ превосходными силами есть предпріятіе безразсудное, когда производится въ государство столь обширное, какова Россія. Достопамятный примѣръ, недавно совершившійся въ глазахъ нашихъ, дѣлаетъ правило сіе неоспоримымъ. Въ 1812 году, Наполеонъ, вторгнувшись въ Россію чрезъ Смоленскъ съ арміею болѣе нежели изъ 200 т. человекъ, не успѣлъ въ намѣреніи своемъ, и вся армія его погибла. Тѣмъ менѣе еще могъ ожидать лучшей участи Карлъ XII съ малою арміею своею, которая хотя бы и подкрѣплена была всею арміею Левенгаупта, но и въ семъ случаѣ не могла вывести въ строй болѣе 50 т. человекъ. По всей

справедливости, Карлъ XII избралъ единственный способъ съ нѣкоторою вѣроятностію успѣха выполнить предпріятія свои противъ Россіи, напавъ на нее со стороны Украйны, откуда только и находятся границы ея въ опасности. Измѣна Мазепы обѣщала ему превосходную опору для дѣйствій на Москву чрезъ мѣста богатія и хлѣбородныя, гдѣ Россіяне, не смотря на систему опустошенія, принятую ими, съ трудомъ могли бы отнять у Шведовъ продовольствіе, въ коемъ они имѣли надобность, дабы дойти до Москвы. Карлъ XII тѣмъ скорѣе могъ достигнуть столицы, что Орловскія и Калужскія равнины не представляли Петру I ни одной изъ тѣхъ выгодъ для обороны, которыя нацѣль бы онъ на каждомъ шагу въ лѣсистой странѣ между Смоленскомъ и Можайскомъ. «

Я полагаю, что Карлъ XII еще менѣе обсуживалъ планъ своихъ дѣйствій противъ Россіи, нежели какъ предполагаетъ Генераль Бутурминъ; но я принялъ его предположенія какъ бы соображеніе Шведскаго Короля, чтобъ, отдавая Карлу большее, сдѣлать яснѣе неосновательность его соображеній. Для доказательства я рѣшу три вопроса: 1-й *была ли возможность Карлу пріобрѣсти цѣлую Украйну съ принятіемъ Мазепю стороны его?* *

* Очевидно безъ этого условія Украйна не могла служить для Карла XII опорною дѣйствию противъ Россіи, и полное обладаніе краемъ не могло вполне замѣнить выгодъ, которыя терялъ Король, удалясь на такое огромное разстояніе отъ источника собственнаго могущества; овладѣніе же только частію Украйны неминуемо вело къ истребленію его арміи. А потому рѣшеніе предложеннаго мною вопроса покажетъ — вѣрны ли были предположенія Карла.

2-й, какое приняли бы и могли принять участіе въ дѣлахъ непріятеля Бѣлогородскіе и Донскіе казаки, Калмыки и Татары Крымскіе? и наконецъ 3-й, Украина, служа основаніемъ дѣйствій, даже при помощи Татаръ и казаковъ, могла ли привести Карла XII къ исполненію его намѣреній?

Была ли возможность Карлу пріобрѣсти цѣлую Украину, съ принятіемъ Мазепою стороны его?

Положеніе Украины приводило ее въ необходимость признавать зависимость сильнѣйшаго народа, но условіемъ этой зависимости было сохраненіе ея вольности, неприкосновенность вѣры и обычаевъ, что доказало отложеніе ея отъ Польши 1654 года и двойное изгнаніе Русскихъ воеводъ. Украина такъ была крепка духомъ, столько самобытна, что утѣшенія Поляковъ не уничтожили, не унизили ея, но возбуждали бунты, и чѣмъ ужаснѣе было мщеніе, тѣмъ свирѣпѣе дѣлались возстанія. Наливайко, Павлюкъ, Острица, Богданъ Хмѣльницкій гибли и смѣняли другъ друга. *Необходимость зависимости и пріобрѣтеніе возможной воли*, составляетъ характеръ послѣдняго періода Малороссіи. Теперь понятно, что казаки, еще, такъ сказать, неостывшіе въ своемъ ожесточеніи къ Полякамъ, снова хотя и не всѣ передаются имъ съ Виговскимъ, Георгіемъ Хмѣльницкимъ, Тетерей, и каждая держава могла найти себѣ партію между казаками, особенно льстя честолюбію начальниковъ. Но партіи ихъ не могли быть равносильны: Поляки лишились довѣренности нарушені-

емъ правъ, утѣсненіемъ вѣры, бывши владѣтелями Украйны, что доказываютъ не вполнѣ удачныя происки ихъ: никогда обѣщанія не могли склонить всей Украйны на сторону Польши. Виговскому противился Пушкаръ, потомъ народное неудовольствіе призвало Хмѣльницкаго, который и свергнулъ Виговскаго. Передался Георгій Хмѣльницкій и нашель противника въ Самкѣ. Съ смертію послѣдняго, сторона Русская избрала Бруховецкаго; съ постриженіемъ Георгія Хмѣльницкаго былъ избранъ Тетеря. Надобно замѣтить, что Виговскій, Георгій Хмѣльницкій, противники Россіи, находили себѣ сопротивленіе въ полкахъ по лѣвую сторону Днѣпра — Полтавскомъ, Нѣжинскомъ, Черниговскомъ, Переяславскомъ и наконецъ въ Кіевѣ, такъ, что Тетеря имѣлъ въ распоряженіи только однихъ Запорожцевъ, и они-то именно передались Карлу. Раздѣленіе казаковъ между Россіей и Польшей произвело возстаніе, и цѣлая Украйна рѣшилась отдаться Портъ, чтобъ сохранить цѣлость свою; но и во время силы Дорошенки Многогрѣшный передался Россіи; а жестокости Турковъ въ Малороссіи 1674 года навели ужасъ быть въ подданствѣ ихъ, и съ этимъ почти уничтожились приверженцы Портъ: такъ что объявленіе Турками Георгія Хмѣльницкаго Гетманомъ 1777 года не поколебало казаковъ въ преданности Россіи; только 4 т. приняли сторону его. Естественно, что предводители и казаки лѣвыхъ полковъ надѣялись вѣрнѣе найти защиту въ Россіи, и сверхъ того, не обманутые въ нерушимости урядовъ, они видѣли въ Русскихъ — не властителей, а союзниковъ. Единство

же вѣры связывало ихъ съ нами узломъ братства. Изъ этихъ фактовъ историческихъ дѣлается очевиднымъ, что большая часть Украинцевъ была на сторонѣ Россіи; а эта преданность къ Русскимъ имѣла твердое основаніе, заложенное годами испытанія для Малороссіи; слѣдовательно воля одного человѣка, вліяніе одного обстоятельства не могли поколебать этого основанія. Прибавивъ къ сказанному настоящія обстоятельства — откроется неосновательность надеждъ Карла XII. Шведы, не имѣя ни какихъ соотношеній съ казаками, могли дѣйствовать на нихъ чрезъ Мазепу; но пользовался ли онъ довѣренностію и любовію Украинцевъ! Поддѣльное его избраніе въ Гетманы, ⁽¹⁷⁾ сверженіе Самойловича, казни и заточеніе родственниковъ и приверженцевъ его, смерть Кочубея, Искры не могли оставаться безъ слѣдствій, не выгодныхъ для Мазепы: и онъ не пользовался довѣренностію народа. Можетъ быть и самое правленіе его возбуждало неудовольствіе казаковъ; неоспоримость такового предположенія подтверждаютъ послѣднія его дѣйствія. Приготовилъ ли Мазепа народъ къ дружественному принятію Шведовъ? рѣшился ли онъ открыться ему въ своихъ намѣреніяхъ, когда Карлъ XII могъ поддержать возстаніе всѣми силами? А переходъ его съ 4000 казаковъ на сторону Карла служить его собственнымъ сознаніемъ, что онъ подвергнулся бы личной опасности, еслибъ открылъ измѣну свою не въ виду Шведской арміи. Наконецъ пусть вспомнятъ, какъ скоро казаки признали власть новаго Гетмана, что поселяне принялись за оружіе и укрывались въ городахъ,

и что одинъ только Батуринъ * по лѣвую сторону Днѣпра сопротивлялся Русскимъ; между тѣмъ сколько мѣстечекъ и городовъ дѣлали сильный отпоръ Шведамъ и самому Гетману. Взявъ все это въ соображеніе, совершенно убѣдятся въ справедливости предположенія, что Мазепа не пользовался любовью народною, а онъ былъ единственнымъ орудіемъ для привлеченія казаковъ на сторону Шведовъ. Какъ же могъ Карлъ XII думать найти опору въ Украинѣ? Но могутъ сказать, что эти обстоятельства открылись послѣ? Такъ пусть скажутъ: на чемъ основалъ онъ народную любовь къ Гетману? или неуверенный въ ней, положился на обещанія Мазепы, думая, что казаки будутъ сообразоваться только съ волею Гетмана; но Карлъ забылъ, что Украинцы были вольное войско. Да если бы Мазепа имѣлъ и болѣе вліянія на Украину, то позволила ли бы бдительность Петра передаться цѣлому краю: 1-е, не смотря на всѣ просьбы Гетмана, Царь не допускалъ укрѣплять Украинскихъ городовъ; 2-е, Князь Голицынъ съ Русскими полками находился въ Кіевѣ для наблюденія за Украинцами и Запорожцами; и наконецъ 3-е, всѣ казаки въ арміи Русской служили аманатами Царю. И такъ, если бы не вся, то главная часть Украины осталась бы вѣрною Россіи, и неоспорно нѣсколько крѣпостей имѣли бы гарнизоны Русскіе. А въ такомъ состояніи могла ли Украина служить Шведамъ основаніемъ дѣйствій? Не тотъ же ли жребій Полтавскій неминуемо ожидалъ Карла?

* Въ Батуринѣ остались были сердюки Мазепы.

Какое приняли бы и могли принять участіе въ дѣлѣ Карла XII Бѣлгородскіе и Донскіе казаки, Калмыки и Татары Крымскіе?

1-е. Отъ Бѣлгородскихъ казаковъ еще менѣе могъ ожидать Карлъ XII, чѣмъ отъ Донскихъ. Хотя они тѣсно были соединены съ Украинцами, и всякая партія у послѣднихъ могла найти участниковъ и между ними; но переселеніе ихъ съ праваго берега Днѣпра было вѣрнымъ ручательствомъ приверженности большей части Бѣлгородцевъ къ Россіи: 1-е, они послѣ всѣхъ утѣсненій, военныхъ бѣдствій, нашли безопасность въ предѣлахъ Россіи; 2-е, права ихъ въ продолженіи подданства не были нарушены Русскими; 3-е, занявъ земли, которыя, такъ сказать, обхвачены были Русскими, они въ теченіи полувѣка неволью ознакомились, вошли въ дружественныя и родственныя отношенія съ новыми сосѣдами, и наконецъ 4-е, еслибъ нашлись желавшіе возмутить этотъ край, то близость Русскихъ, грозя скорымъ наказаніемъ, лишила бы возможности пріобрѣсти возмутителямъ силу между казаками. Все это даетъ право заключить, что Карлъ XII нашель бы въ Бѣлгородцахъ болѣе ревностныхъ противниковъ, нежели равнодушныхъ друзей.

2-е. Мѣстность, обычаи, наѣзды Донскихъ казаковъ дѣлали ихъ для Россіи сколько полезными, столько и опасными. Это доказали междуцарствія: казаки всегда были готовы на грабежи; но соплеменные Русскимъ, они удержали главное свойство ихъ: преданность къ престолу. И всегда бы сло-

во Царя преклонило пол-Дона. Тѣже междуцарствія представляють, что если удалство и добыча увлекли часть Донцевъ, то другая шла, обманываясь именемъ истиннаго Царя. Бунтъ Буловина не противорѣчитъ моему мнѣнію. онъ объявилъ себя противъ Царя, и нашелъ себѣ противника въ Атаманѣ. Потомъ усилился съ смертію его; но его усилили болѣе бродяги, а природные Донцы произвели окончательное истребленіе мятежнику. И чтожь заставляло казаковъ отдаляться отъ возмутителя? что было причиною легкаго уничтоженія бунта? Но положимъ, что не врожденная преданность къ престолу, а превосходныя удобства, которыя имѣлъ Петръ Великій, причиною скорого усмиренія Донцевъ; то очевидно надобно было прежде ихъ уничтожить и потомъ уже располагать по произволу войскомъ Донскимъ. Эти удобства заключались въ Азовъ и Воронежъ, и Буловинъ, понимая важность ихъ, по сверженіи атамана, тотчасъ обратилъ часть своихъ силъ противъ Азова.

Дѣйствительно, крѣпости по рѣкѣ Дону давали возможность Петру дѣлать вторженія въ Донскія селенія, а войска, разсыянные на 500 верстахъ, были вынуждены всѣми силами оберегать свои селенія, чтобъ отражать нападенія незначительнаго числа царскихъ полковъ. Уже самая опасность быть атакованными, лишала ихъ возможности подкрѣплять Карла XII. Развъ небольшія толпы наѣзниковъ, неимѣвшихъ ни кровли, ни семьи, присоединились бы къ нему. И такъ, чтобъ воспользоваться возстаніемъ казаковъ противъ Россіи, когдабъ оно

могло сдѣлаться единодушнымъ, надлежало Карлу XII овладѣть Воронежемъ и Азовомъ; но не владѣя Украйною, онъ не могъ дѣлать и покушеній противъ нихъ.

3-е. Какимъ талисманомъ думалъ Мазепа вызвать Калмыковъ на помощь? Они не испытывали притѣсненій и не имѣли духа наѣздниковъ. Удобность кочевьевъ, цѣлость стада, вотъ въ чемъ заключались всѣ ихъ желанія. Близость Россіи, походы Русскихъ ознакомили ихъ съ могуществомъ нашимъ. Для сохраненія удобствъ на занятыхъ ими степяхъ они подчинили себя желаніямъ сильнаго сосѣда, и потому войско Калмыцкое является въ нашей арміи. Мазепа думалъ соблазнить ихъ увѣреніями; но увѣренія не могли имѣть никакого успѣха: 1-е, Калмыкамъ нечего было пріобрѣтать, они могли только подвергнуться притѣсненіямъ, и только страшая этимъ, враги наши могли ихъ возстановить противъ насъ; но вѣроятно ли, чтобъ народъ съ Азіятской лѣнью и вовсе невоинственный рѣшился пожертвовать настоящимъ, не испытавъ еще притѣсненій? 2-е, Рѣшился ли бы онъ вступить въ борьбу съ страшнымъ сосѣдомъ, по однимъ обѣщаніямъ, почти неизвѣстнаго для нихъ Гетмана, — Гетмана, который удаленъ былъ отъ него на 1000 верстъ, и не владѣлъ ни Дономъ, ни Волгою? Но еслибъ удалось возмутить Калмыковъ, то достаточно было царскаго чиновника, который увѣрилъ бы орду въ Монаршемъ къ ней расположеніи, чтобъ усмирить ее. Это подтверждается усмиреніемъ Башкирцевъ 1708 года.

4-е. Татары Крымскіе сообразовали свои дѣйствія съ волею Порты. Она хотя выжидала случая для возвращенія своихъ потерь; но медленная въ своихъ рѣшеніяхъ, не представляла ничего вѣрнаго Королю Шведскому. Политика Русскаго Царя, прошлыя неудачи противъ него, выжиданіе успѣховъ Шведскаго оружія, имѣли бы вліяніе на медленность рѣшенія Порты, а тогда промедленія могъ погубить Карла XII. И наконецъ, если шайки Татаръ пришли бы на помощь по тайному фирману, надежными ли они могли быть помощниками?

Вотъ какого содѣйствія могъ ожидать Карлъ отъ казаковъ, Калмыковъ и Татаръ. Ему предстояло завоевать основаніе дѣйствій, завоевать помощниковъ, съ избраніемъ Украйны за опору свою.

Украйна, служа основаніемъ дѣйствій, даже при помощи Татаръ и казаковъ, могла ли привести Карла XII къ исполненію его намѣреній?

Положимъ, противъ всякой возможности, что Карлъ XII овладѣлъ Украйною, и казаки Бѣлого-родскіе, Малороссійскіе, часть Донскихъ и Татары Крымскіе подкрѣпили его. Утвержденіе въ Малороссіи и соединеніе всѣхъ силъ требовало продолжительнаго времени, по крайней мѣрѣ Карлъ XII не ранѣе лѣта 1709 могъ двинуться на Москву. Между тѣмъ Петръ Великій имѣлъ время значительно усилить армию, укрѣпить нѣкоторые города, и на всемъ пространствѣ отъ Новгорода Сѣверска до

Москвы скрыть запасы ⁽¹⁸⁾ и возбудить народъ къ поголовному возстанію. Если Король надѣялся, что жители, по ненависти къ нововведеніямъ, не будутъ принимать ревностнаго участія, то совершенно обманывался, вовсе не зная Русскихъ: были ненавистники нововведеній, но число ихъ было ничтожно со всею массою народонаселенія, покоряющагося Промыслу въ волѣ помазанника, и при вторженіи врага все бы слилось въ одно цѣлое на защиту престола и отечества. Самый ропотъ противъ нововведеній уже можетъ служить мѣриломъ, какую ненависть питали Русскіе ко всему чужеземному и съ какимъ ожесточеніемъ возстали бы по гласу Царя на дерзкаго пришельца.

Оставя часть войскъ въ крѣпостяхъ Сѣверскихъ и Малороссійскихъ, собравъ огромный обозъ, вошелъ бы Карлъ съ нестройными союзниками въ предѣлы Россіи. Опустошенія предшествовали бы движенію его, и союзники Шведовъ довершили бы начатое Русскими. Исправляя дороги, возобновляя мосты на разстояніи 800 верстъ *, оспаривая у Рускихъ сильныя позиціи, особенно переправы чрезъ Оку, Карлъ XII потерялъ бы лучшее время года, и наконецъ утомленный, ослабленный, долженъ былъ осаждать Москву крѣпкою и мѣстностью и духомъ,

Теперь предстоить вопросъ: какъ бы тогда расположился Петръ I? Подъ стѣнами ли Москвы или

* Я допускаю, что укрѣпленные города и дремучіе лѣса Орловской губерніи не задержали бы Карла XII. Допускаю самыя выгодныя обстоятельства для Шведовъ, чтобъ сдѣлать очевиднѣе неосновательность дерзкаго покушенія Карла XII противъ Россіи.

въ окрестностяхъ ея, оставивъ въ ней сильный гарнизонъ? Я полагаю, что Петръ избралъ бы послѣднее. Москва, противопоставляя долгое сопротивленіе непріятелю, съ одной стороны изнуряла бы его, а съ другой способствовала бы усиливаться и свободнѣе дѣйствовать Петру. Однимъ словомъ: самъ избѣжавъ стѣсненія, онъ подвергалъ Шведовъ стѣсненію. Сверхъ того Царь, не укрываясь робко въ Москвѣ, ободрилъ бы армию свою, показывая готовность вступить въ бой, при удобной минутѣ, ободрилъ бы всѣхъ Русскихъ и самыхъ защитниковъ Москвы.

Куда долженъ былъ двинуться Петръ? естественно рождается другой вопросъ. Располагившись по лѣвую сторону Смоленской дороги, между Можайскомъ и Серпуховымъ и отдѣливши корпусъ на Новгородскую, онъ довершилъ бы гибель Шведовъ. Можетъ быть мнѣніе мое покажется страннымъ; но я постараюсь доказать справедливость его: 1-е, Петръ, находясь на непріятельскихъ сообщеніяхъ, могъ уничтожать ихъ подкрѣпленія, обозы, поддерживать себя партіями поселянъ многочисленныхъ губерній для истребленія непріятельскихъ отрядовъ и фуражировъ; 2-е, Русская армія опиралась бы на губерніи: Тверскую, Псковскую, Новгородскую, Смоленскую, Калужскую, Орловскую и Курскую, и имѣла бы сообщеніе съ сѣверомъ чрезъ Ярославль и Троицкую лавру, а съ югомъ чрезъ Серпухъ и Коломну, или Калугу и Тулу; для сего стоило прежде укрѣпить или усилить ихъ укрѣпленія. Еслижъ Карлъ XII рѣшился бы овладѣть ими, то потерявъ

необходимое время для вѣдѣя Москвы, онъ бесполезно изнурилъ бы армию, потому что не имѣлъ никакой возможности прервать нашихъ сообщеній: ему предстояло, или наводить войсками Россію для достижения своей цѣли, или совершенно отказаться отъ подобнаго покушенія, чтобъ не доставлять Русскимъ случая истребить себя по частямъ. И такъ Русская армія имѣла бы возможность пополнить свои убыли, поддерживать народное возстаніе и пользоваться всеми выгодами населеннѣйшихъ областей ⁽¹⁹⁾; и наконецъ 3-е, это расположеніе лишало Карла XII возможности приблизиться быстро черезъ Смоленскъ къ своимъ подкрѣпленіямъ, хотя значительныя потери или отпаденіе союзниковъ, могли поставить его въ такое затруднительное положеніе.

Но кажется, что расположеніе войскъ нашихъ по лѣвую сторону Смоленской дороги подвергало ихъ совершенному истребленію, съ отгѣсненіемъ ихъ къ границъ Польской? Разсмотримъ, могло ли оно случиться и была ли возможность его исполнить. Я полагаю, что Карлъ XII, достигнувши Москвы, немедленно приступилъ бы къ осадѣ ея: 1-е, взятіе Москвы всегда казалось для него рѣшительнымъ низложеніемъ Петра, и достиженіемъ цѣли войны; 2-е, рѣшились ли бы Шведы и союзники пропустить случай овладѣть Москвою, когда она казалась оставленною Царемъ, и для того только, чтобъ вдаваться въ новыя трудности, бесполезно преслѣдуя Петра. Но положимъ, что послѣ покушеній противъ Москвы, Карлъ XII рѣшился атаковать Петра Ве-

ликаго. Онъ могъ: или 1-е, принять сраженіе съ полною вѣроятностію на побѣду послѣ ослабленія, какое бы потерпѣли Шведы, достигая Москвы, а сверхъ того пораженіе не было бы такъ губительно для Петра, какъ для Шведовъ; или 2-е, опасаясь подвергнуть участи боя жребій государства, онъ могъ отступить къ Смоленску, защищая каждый шагъ, на мѣстности лѣсистой, пересѣченной, простирающейся между Москвою и Смоленскомъ, наконецъ стать подъ стѣнами его. Это произошло бы поздней осенью. Могъ ли тогда неприятель воспользоваться отъсненіемъ Русской арміи къ границѣ? Для этого онъ долженъ былъ расположиться или въ полѣ, или на зимнихъ квартирахъ въ опустошенномъ краю. А всякая остановка рѣшительно губила Карла: онъ былъ бы стѣсненъ и истребленъ по частямъ. Въ Ураинѣ, гдѣ не уничтожили всѣхъ магазиновъ, гдѣ многолюдный край доставлялъ удобства для квартированія; сколько потерялъ Король въ безпрерывныхъ тревогахъ? подъ Смоленскомъ же не нашелъ бы ни того, ни другаго. Притомъ, къ чему бы повело отъсненіе Русской арміи къ Смоленску, если бы было произведено въ лучшее время года? Неужели отступление чрезъ Великіе Луки и Новгородъ на Москву было труднѣе исполнить Петру, нежели отступление изъ Гродно, какое произвела Русская армія чрезъ Польшу къ Днѣпру? Карлъ XII научился этимъ отступленіемъ, что въ обширномъ Русскомъ царствѣ почти невозможно отрѣзать войскъ отъ центра государства; а испытанный не рѣшился бы тѣснить Царя, дабы не терять

время и силъ на бесполезные марши. Эти предположенія сдѣланы мною для большаго убѣжденія въ истинѣ; а я увѣренъ, что Карлъ XII осадилъ бы Москву: но взятіе ея было трудное дѣло для осаждавшихъ бесполезно Полтаву два мѣсяца, съ 20 Апрѣля по 27 Іюня, и изнурительная осада, неудачные приступы, истребленіе отрядовъ, трудность продовольствія, потеря лучшаго времени года, чрезмѣрное удаленіе отъ вѣрной опоры и безпрестанное ожиданіе быть атакованными Русскою арміею, лишили бы бодрости Шведовъ, охладили союзниковъ, ожидавшихъ легкихъ успѣховъ и добычи, а не продолжительной опасной борьбы; обѣщанія же поддерживая духъ неудовольствія, могли произвести рѣшительное ихъ отпаденіе. Это заключеніе я основываю на историческихъ событіяхъ, а именно на переворотахъ, бывшихъ въ Украинѣ послѣ Богдана Хмѣльницкаго и всегдашней политикѣ Крымскихъ Хановъ.

Открывается непонятное ослѣпленіе Шведскаго Короля: онъ основывалъ успѣхъ своихъ дѣйствій на помощи людей, торговавшихъ своею дружбою, мнявшихъ безпрестанно свои намѣренія, цѣли, союзъ на вражду изъ корысти, прихоти начальниковъ. И что было общаго между наѣздниками и Карломъ? что могло особенно привязать ихъ къ нему? И онъ рѣшился, въ надеждѣ на помощь ихъ, отказаться отъ надежныхъ средствъ своего государства, удалиться отъ нихъ за тысячу верстъ и ввѣрить наѣздникамъ судьбу цѣлой арміи, судьбу отечества; но

съ другой стороны, неужели онъ думалъ съ 50 т. покорить Москву и царство Русское?

Изнауривъ Шведскую армію, Петръ Великій не допустилъ бы паденіе Москвы, какъ не допустилъ паденіе Полтавы. Но для разсмотрѣнія вполне предложеннаго мною вопроса, я допущу невозможное: Карлъ XII покорилъ Москву и ободрилъ войско. Но Москвою владѣли Поляки; а покорили ли они Россію? приняла ли она постыдныя условія отъ нихъ? Въ глубокую осень онъ долженъ бы былъ отступать опустошенною странюю, тѣснимый превосходными силами. Чтобъ избѣжать гибели, союзники вѣроятно предупредили бы Карла XII и довершили бѣдствія отступления Шведской арміи, истребляя оставшееся при наступательномъ движеніи. Крайнее разстройство, если не совершенное истребленіе, было бы плодомъ дерзкаго вторженія. Привожу слова самаго Бутурлина: «вторженіе даже съ превосходными силами, есть предпріятіе безразсудное, когда производится въ государство столь обширное, какова Россія.» Но прибавлю: гдѣ народъ съ такимъ мужествомъ, съ такой желѣзною непоколебимостью, върою въ Промыслъ, любовью къ своимъ обычаямъ, съ такою преданностью къ престолу. Свершилась бы судьба 1812 года ранѣе цѣлымъ столѣтіемъ—и какъ важны могли быть слѣдствія: съ этимъ урокомъ Европѣ, Наполеонъ вѣрнѣе расчелъ бы нашествіе на Россію.

Оскорблять память великаго — полагать, что Шведы, не подвергаясь гибели, могли громить Москву. Мужъ, вмѣстившій въ себя цѣлый періодъ

преобразований, сдвинувшій Русь съ Азіятскаго ложа, перемѣнившій обычаи, потребности народа, преклонившій своею волею упругую волю его, — преклонился ли бы предъ кичливостью Карла? * Онъ зналъ народъ Русской, испыталъ неистощимость средствъ его: 30 лѣтъ войны и цѣлое царствованіе преобразовавшій, не ослабили Россіи, не истощили могущества ея. И онъ бы не нашелъ средствъ истребить десятки тысячъ враговъ внутри царства? Еще слабый наносить рѣшительные удары Карлу XII внѣ государства, могучъ и страшень былъ Петръ внутри его, окруженный милліонами народа и славными мужами, преданными престолу и преклоняющимися предъ геніяльностію своего повелителя. Съ благоговѣніемъзираю на дѣла Царя-исполина! Жизнь его была началомъ духовной жизни отечества; каждый помысль, каждый порывъ его былъ о благѣ народа Русскаго. И за гробовымъ предѣломъ духъ его зиждетъ насъ — осуществляютъ идеи Великаго.

Обращаюсь къ Карлу. Еслибъ онъ возвратился въ Украину, еслибъ даже казаки и Татары готовы были снова подкрѣпить его; то не имѣя устроенныхъ войскъ, могъ ли бы онъ выступить въ поле противъ опытнаго непріятеля? А занимая Украину, онъ ли-

* Любопытно выраженіе Петра I, сказанное имъ по прочтеніи перехваченныхъ писемъ Карла XII и Мазепы къ Станиславу, въ которыхъ они звали его въ Малороссію для вѣрнаго торжества надъ Царемъ: «Желаю, чтобъ Станиславъ прабылъ: я угостилъ бы обще трехъ Королей, какъ надобно.» Какая увѣренность Петра Великаго въ успѣхъ войны!

шалъ себя возможности получать подкрѣпленія изъ Швеціи: имъ предстояло проходить Литву, гдѣ ожидало ихъ неминуемое истребленіе. Карлу оставалось удалиться изъ Украйны, соединиться съ Красовымъ и Станиславомъ, а потомъ занять великую Польшу, предоставивъ снова вооружиться Фридриху, Августу безпрепятственно овладѣть Польшею, а Петру завоевать Финляндію. Но вѣроятно, что Царь отрезалъ бы отступленіе Карлу и поразилъ его или заставилъ запереться въ одну изъ Украинскихъ крепостей, гдѣ принудилъ бы къ сдачѣ остатки Шведской арміи. Сколько невозможности къ торжеству надъ Петромъ и сколько вѣроятности къ истребленію Шведовъ представлялъ планъ войны, избранный Карломъ XII.

Утвердительно можно сказать, что Москва не была рѣшительнымъ пунктомъ: владѣя ею, нельзя было предписывать условій мира. Это неоспоримая истина — для убѣжденія слѣдуетъ взять въ соображеніе устройство, мѣткость и народность Россіи. Не принимая этого въ соображеніе, Карлъ XII сдѣлалъ гибельное движеніе; а опытные военные люди и даже самъ Бутурлинъ ошибочныя заключенія.

Я думаю, что противъ огромныхъ средствъ Петра, противъ системы медленія и опустошенія принятой имъ, надобно было избрать способъ не столько быстрый, сколько вѣрный для его низложенія. Мнѣ кажется, Карлу XII слѣдовало: *извлекая всть выгоды изъ прежнихъ побѣдъ своихъ, ослаблять по возможности внутреннее могущество Россіи и заставляя Царя вдаваться въ рѣшительныя сраженія.*

На все это имѣлъ средства Карлъ XII, и все было имъ упушено. Онъ не постигалъ всей важности для Россіи сѣверныхъ завоеваній; не понималъ, что въ нихъ таились средства для утвержденія гигантскихъ намѣреній Царя. Петръ Великій былъ готовъ на всё пожертвованія для ихъ удержанія. Вотъ его собственныя слова: «Буде же о Шведахъ станеть говорить, чтобъ отдать все завоеваніе и въ томъ говорить отданіемъ Лифляндцевъ, и буде на одномъ на томъ не можетъ довольствоваться, то и прочая помалу уступать, кромѣ Ингрии, за которую буде такъ не захочеть уступить, то отдать Псковъ, буде же и того мало, отдать и иныя провинціи,» и т. д. * Какимъ талисманомъ владѣлъ Карлъ и не воспользовался имъ!

И Карлу XII слѣдовало, соединившись съ большею частию корпуса Левенгаупта, двинуться на Украину, какъ и сдѣлано было имъ; а потомъ поворотить къ Смоленску, и обманувши бдительность Русскихъ, отрядить значительный корпусъ въ Малороссію для поддержанія стороны Мазепы, а самому съ главными силами преслѣдовать Русскую армію до самого Смоленска. Между тѣмъ Левенгауптъ, усиливши корпусъ свой Лифляндскими гарнизонами, имѣлъ бы до 20 т. войска, а подкрѣпивши его нѣсколькими тысячами изъ Швеціи и отдавши въ распоряженіе его корпусъ Либекера въ 15 т. онъ имѣлъ бы до 30 т. Соединенію всѣхъ силъ не могъ пре-

* Настаеніе Шафирова для заключенія перемирія подъ Прутомъ, 3 часть Бутурлина

пятствовать Апраксинъ, будучи слабѣе корпуса Либекера. Собравъ такую значительную армию, надлежало Левенгауту приступить къ осадѣ Петербурга съ помощію морскихъ силъ, по возможности увеличенныхъ. Эти распоряженія привели бы Петра въ самое затруднительное положеніе: 1-е, Польша, заслоненная Королемъ, лишилась бы содѣйствія Русскихъ *, и противники Станислава, предоставленные себѣ, послѣ слабого сопротивленія уничтожились бы совершенно. Покореніе цѣлаго края увеличило бы могущество Карла XII: служба опорой и средствомъ для продовольствія и пополненія арміи, позволяя присоединить къ главнымъ силамъ корпусъ Красова и даже часть Польскихъ войскъ, не большой арміи достаточно было для внутренняго спокойствія Польши: враги Станислава, не имѣя вѣрной надежды на внѣшнюю помощь, остались бы въ бездѣйствіи; 2-е, Мазепа хотя имѣлъ мало приверженцовъ, но утвердительно можно сказать, что съ помощію Шведскаго корпуса дѣйствовалъ бы успѣшнѣе, нежели подъ защитою всей Шведской арміи: а) отсутствіе Царя съ войскомъ дало бы смѣлость партіи Гетмана, отнимая бодрость у приверженцевъ Россіи; б) Мазепа, имѣя огромныя суммы, могъ съ меньшимъ препятствіемъ разсыпать ихъ въ народъ и подкупать его предводителей; и с) самое удаленіе Карла способствовало бы проискавъ Мазепы: молва, увеличивая могущество Шведовъ, давала

* 12 г. Русскихъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ, были отдѣлены Петромъ отъ главной арміи уже тогда, когда Карлъ занималъ Малороссію и былъ ослабленъ $\frac{1}{5}$ арміи.

бы вѣроятность всемъ увѣреніямъ Гетмана, и можно было ожидать сомнительной или по крайней мѣрѣ продолжительной борьбы въ Малороссіи. Этотъ ходъ дѣлъ ободрилъ бы Польшу, и Диванъ, при всей медленности, имѣлъ время рѣшиться на войну. Тогда послѣдовало бы опустошеніе южнаго края, и даже тѣмъ Русской арміи могъ подвергнуться опасности. Но положимъ, что Порта не приняла бы участія въ войнѣ, то собственно уничтоженіе Мазепы потребовало бы значительнаго ослабленія Русской арміи, отдѣленіемъ сильнаго корпуса, и даже въ случаѣ успѣха, Петръ потерялъ бы больше, нежели Карлъ; наконецъ 3-е, между тѣмъ какъ первое обстоятельство усиливало Шведскую, а второе ослабляло Русскую армію; армія Левенгаупта угрожала бы лишить Петра всѣхъ завоеваній его по Балтійскому морю и даже собственныхъ областей Псковской и Новгородской, и ему послѣ всѣхъ пожертвованій для приобрѣтенія предстояло дѣлать новыя большія для удержанія при-Балтійскихъ странъ и защиты древняго достоянія Россіи. ⁽²⁰⁾ Карлъ же, удерживая главныя силы наши подъ самымъ Смоленскомъ или въ удаленіи, грозя осадой Смоленска, не дозволилъ бы Петру послать многочисленный корпусъ, который, по соединеніи съ гарнизонами Пскова и Новгорода, подкрѣпилъ бы Апраксина; притомъ имѣя армію равную нашей по числу и превосходнѣйшую по устройству, могъ всегда отдѣлить такой же корпусъ на подкрѣпленіе Левенгаупта, или двинуться къ нему съ большей частью арміи, когда Петръ самъ рѣшился бы идти на сѣверъ, оставивъ значи-

тельный корпусъ для прикрытія Смоленска. Это движеніе перенесло бы главный театръ войны, но не измѣнило обстоятельствъ. Не перенесеніемъ театра войны, а только рѣшительнымъ боемъ при Смоленскѣ или Петербургѣ могъ Петръ I остановить опасныя успѣхи Шведовъ на сѣверѣ. И такъ эти сообщенія ставятъ Петра и Карла совершенно въ противоположныя полтавскимъ обстоятельствамъ: тутъ не Карлъ долженъ искать битвы для спасенія себя, но Петръ для спасенія завоеваній, и для спасенія своихъ областей. Онъ долженъ былъ вдаваться въ опасности сраженій, вовсе еще невыгодныя для Русскихъ. Сверхъ того въ этихъ обстоятельствахъ проигрѣвъ сраженія для Карла XII не былъ такъ опасенъ, какъ для Петра I: у Карла было въ Помераніи и Швеціи 30 т., которыя служили резервомъ между тѣмъ какъ Петръ долженъ былъ пополнять убыли новобранными солдатами, непріученными къ строю. Но Карлъ XII не умѣлъ воспользоваться огромными выгодами, которыя были на его сторонѣ, а избралъ планъ самый гибельный для себя. ⁽²¹⁾

ГЛАВА IV.

Теперь разсмотримъ, какъ исполнилъ свои намѣренія Карлъ XII.

Въ началѣ Іюня 1708 года, съ 35 т. и съ удовольствіемъ на три мѣсяца, Король Шведской двинулся къ Борисову, который былъ занятъ Гольцомъ, и ниже города переправился черезъ Березину.

Узнавъ о движеніи Карла къ Борисову, Русская армія двинулась къ Шклову и предупредила Шведовъ на пути къ Днѣпру. Корпуса Шереметева и Репнина вышли изъ Шклова и пошли навстрѣчу Гольца. Соединившись съ нимъ, заняли позицію при Головчинѣ для удержанія Короля Шведскаго. Русская позиція была прикрыта топкою рѣчкою Бобичемъ. На правомъ флангѣ расположился Шереметевъ, на лѣвомъ Репнинъ, лѣвѣ Репнина стала Гольцъ. Между правымъ и лѣвымъ флангомъ находилось болото довольно обширное, которое считалось непроходимымъ. Въ тылу расположенія войскъ по всему протяженію и не въ дальнемъ разстояніи тянулся лѣсъ.

Карлъ XII сосредоточилъ 20 орудій противъ лѣваго фланга, и подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго огня, съ главными силами устремился въ промежутокъ между правымъ и лѣвымъ флангомъ Русской арміи. Пройдя непроходимое болото, рѣшительно атаковалъ правый флангъ Репнина и немедленно сбилъ его. Въ тоже время Рейншильдъ съ кавалеріею, переправившись противъ Гольца, опрокинулъ Русскую кавалерію. Тогда всѣ Русскія войска, не имѣя возможности по сжатости позиціи подавать помощи другъ другу, оставили поле битвы. Послѣ сраженія при Головчинѣ, Русская армія отступила за Днѣпръ, а Карлъ XII занялъ Могилевъ, гдѣ и оставался цѣлый мѣсяць, ожидая Левенгаупта. Наскучивъ бездѣйствіемъ, Карлъ въ Августѣ перешелъ Днѣпръ, и вдругъ обратился на сѣверъ къ Смоленску, въ на-

мѣреніи выиграть⁴ время для соединенія съ Левенгауптомъ.

Преслѣдуя Русскую армію, которая портила дороги, уничтожала мосты, жгла деревни, истребляла продовольствіе, тревожила непріятеля отрядами, Шведы терпѣли недостатокъ и изнуреніе. И Карлъ XII, только изъ желанія мщенія Русскимъ, послѣ пораженія праваго фланга Шведской арміи при с. Добромъ, сдѣлалъ еще нѣсколько переходовъ; но достигнувъ границы Россіи совсѣмъ прекратилъ наступательное движеніе на Смоленскъ. Въ половинѣ Сентября Шведская армія вдругъ повернула на югъ, и переправившись чрезъ Сожу, двинулась къ Стародубу.

Петръ I немедленно отправилъ Ифланда предупредить Шведовъ въ Стародубъ, а далѣе слѣдовать въ видѣ ихъ авангарда и дѣлать возможное препятствіе наступательному движенію. Боуру поручено было слѣдовать въ тылу Шведской арміи, Шереметеву сдѣлать со всею арміею фланговый маршъ въ Сѣверскую область. А самъ Петръ съ 12 т. двинулся пресѣчь Левенгаупту путь сообщенія съ Карломъ; но обманутый проводникомъ, не успѣлъ въ своемъ намѣреніи и настигъ его при д. Лѣсной только въ одномъ переходѣ отъ Сожи. * Искусными

* Во время боя присоединился къ Петру Генераль Боуръ съ 3 т. драгунъ, котораго онъ тиетно ожидалъ 2 дня и потому рѣшился съ меньшими силами атаковать Левенгаупта, понимая всю важность отъ присоединенія къ Шведской арміи цѣлаго корпуса свѣжихъ войскъ съ огромнымъ обозомъ военныхъ и продовольственныхъ

и рѣшительными атаками Петръ Великій на голову разбилъ Левенгаупта. Истребленіе болѣе половины Шведскаго корпуса и весь обозъ 7 т. повозокъ, были трофеемъ победы. Менѣе 6 т. изъ корпуса Левенгаупта, совершенно разстроенныхъ, присоединились къ Карлу XII.

И такъ при самомъ началѣ дѣйствій Карла противъ Петра I, Шведская армія потеряла болѣе 10 т., всѣ обозы съ военными запасами, и претерпѣвая недостатокъ, изнуреніе и частныя пораженія, была ослаблена духомъ. И все это было слѣдствіемъ неискусныхъ распоряженій Карла XII. Не было никакой причины двигаться Шведской арміи изъ Минска прежде соединенія съ Левенгауптомъ: Мазепа еще не побуждалъ спѣшить въ Украину; а если самъ Карлъ думалъ скорѣе занять Малороссію, то соединившись съ Левенгауптомъ, онъ скорѣе бы достигъ своей цѣли. Не смотря на медленность, которая могла произойти отъ увеличенія обоза 7 т. повозокъ, походъ былъ бы успѣшнѣе съ нимъ, нежели какъ былъ произведенъ Карломъ съ силами, только бывшими при немъ: 1-е, войска не терпѣли бы недостатка, слѣдовательно и изнуренія; 2-е, обозъ при совершенной безопасности могъ бы стрѣе двигаться.

Перейдя въ Могилевъ, Карлъ XII провелъ цѣлый мѣсяцъ въ ожиданіи Левенгаупта; а выгоднѣе было ожидать его въ Минскѣ, гдѣ скорѣе онъ

запасовъ. — Тысячу драгунъ изъ отряда Боура приказалъ Петръ I направить къ Шклову, чтобъ уничтожить мостъ на Сожѣ и лишить Шведскіе войска переправы для достиженія Малороссіи.

могъ соединиться съ нимъ: ясно, что армія, двигаясь быстрое, чѣмъ Левенгауптъ съ огромнымъ обозомъ, переходомъ своимъ въ Могилевъ увеличила время соединенія. И почему Карлъ XII не ожидалъ въ Могилевъ долѣ Левенгаупта? Идя впередъ, онъ все болѣе увеличивалъ время для соединенія. Правда, повернувши на Смоленскъ, Карлъ сократилъ его; но почему же не воспользовался выигрышемъ времени и вмѣсто того, чтобъ прямо двинуться на югъ, отъ чего Карлъ не возвратился къ Днѣпру на встрѣчу къ Левенгаупту? Тогда они были бы въ одномъ переходѣ другъ отъ друга *.

Оправдываютъ поспѣшное движеніе Карла XII отъ границъ Россіи въ Украину, желаніемъ не потерять ее, о чемъ предупреждалъ Мазепа, не надѣясь долѣ скрывать свою измѣну. Но это оправданіе неосновательно: Шведская армія потеряла бы восемь дней, чтобъ соединиться съ Левенгауптомъ; а соединившись съ нимъ, онъ выигралъ бы вдвое болѣе времени. Карлъ XII простоялъ на рѣкѣ Ипути 15 дней, чтобъ дать оправиться изнуреннымъ войскамъ своимъ отъ недостатка въ лѣсистомъ пространствѣ между Сожью и Ипутью, а далѣе двигался медленно болѣе отъ нерышительности Мазепы передаться Карлу, происшедшей, отъ пораженія подъ Лѣснымъ и жалкаго состоянія Шведской арміи. Только въ концѣ Октября Карлъ прибылъ къ Новгороду Сѣверскому; соединившись же съ Левенгауптомъ 24 Сентября около Днѣпра, Карлъ XII не доставилъ бы

* Идти на соединеніе съ Левенгауптомъ предлагали многіе изъ его генераловъ.

случая торжествовать Петру I побѣду подь Лѣснымъ, не отнялъ бы рѣшительности у Мазепы и безъ всякаго изнуренія достигъ бы Новгорода Сѣверскаго въ половинѣ Октября.

Нельзя защитить Карла XII незнаніемъ, гдѣ находился Левенгауптъ, когда онъ рѣшился обратиться къ Сожѣ. Карлъ могъ бы знать о близости Левенгаупта; для этого слѣдовало оставить сильный отрядъ на Днѣпрѣ для сообщенія съ нимъ.

Главная причина гибельнаго движенія прямо на Стародубъ заключалась въ ложномъ стыдѣ сдѣлать отступательное движеніе къ Днѣпру; а неумѣстная поспѣшность при началѣ похода заключалась въ желаніи не оставаться въ бездѣйствіи передъ неприятелемъ, котораго Король Шведскій ненавидѣлъ и презиралъ. ⁽²²⁾.

Подь Новгородомъ Сѣверскимъ Карлъ XII соединился съ Мазепой, а въ Ноябрь, силою переправившись черезъ Десну, расположился на зимнихъ квартирахъ между Гадлячемъ и Ромнами, на которыхъ Шведы терпѣли недостатки и подвергались частымъ нападеніямъ Русскихъ, охватившихъ своимъ расположеніемъ Шведскія квартиры.

Къ-веснѣ 1709 года Карлъ XII убѣдился въ неосновательности надеждъ на казаковъ и на всѣ обѣщанія Мазепы; но не смотря на это, имѣя армію уже уменьшенную цѣлою третью и ослабленную духомъ, по упорству и гордости, не хотѣлъ оставить Украйны и отступать предъ Русскими, имѣя полную

возможность произвести отступление безопасно и съ честію. Весною Петръ не имѣлъ тѣхъ средствъ для преслѣдованія, какія онъ имѣлъ въ концѣ Іюня — 60 т. иррегулярной кавалеріи. Но Карлъ хотѣлъ перепрямить судьбу и рѣшился упорно настаивать на содѣйствіе Порты; а въ ожиданіи отъ нея помощи и соединенія съ Г. Красовымъ и Станиславомъ, чтобъ не оставаться въ бездѣйствіи, онъ предпринялъ осадить какой нибудь городъ въ Украинѣ — жребій палъ на Полтаву. Наступленіе осталось на сторонѣ Карла: 20 Апрѣля началась осада, а первый приступъ былъ только 1 Іюня, второй 21, и только 22 сдѣлали его съ полнымъ усиліемъ. Всѣ они были безуспѣшны.

Но нельзя винить здѣсь Карла XII въ бездѣятельности и нерѣшимости: ему не для чего было спѣшить, тѣмъ менѣе жертвовать людьми на предпріятіе, которое не могло имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій. Да сверхъ того Карлъ не имѣлъ и пороку.

Упорство, съ которымъ оставался Карлъ XII въ Украинѣ, не имѣя ничего вѣрнаго въ виду, было его послѣднею стратегическою ошибкою, погубившею Шведскую армію и первенство Швеціи, на сѣверѣ.

Узнавъ о намѣреніи Петра I вступить въ генеральное сраженіе 29 Іюня, по присоединеніи казаковъ Скоропадскаго и 37 т. Калмыковъ, Карлъ XII избралъ лучше атаковать Петра прежде, нежели онъ успѣлъ соединить всѣ свои силы. Ему не оставалось

другаго средства къ спасенію; но не иначе, онъ достигъ бы его, какъ немедленнымъ отступленіемъ въ Польшу послѣ побѣды. ⁽²³⁾ Безъ этого, только бы отсрочилась гибель Шведовъ. Но желаніе Карла удалиться послѣ побѣды въ Польшу нельзя ни чѣмъ доказать, и судя по его прежнимъ дѣйствіямъ и по дѣйствіямъ въ Бендерахъ, можно почти утвердительно сказать, что Карлъ XII остался бы на югъ Россіи и послѣ побѣды. ⁽²⁴⁾ Однимъ словомъ, Карлъ по недостатку стратегическаго соображенія и по характеру своему, имѣя противникомъ Петра, дѣлался неминуемою жертвою въ роковой борьбѣ. Но жертва эта не могла быть искуплена легкой цѣною: Карлъ XII былъ герой и великій полководецъ въ полѣ, какихъ не много встрѣчаемъ въ военной исторіи.

И въ гибельной битвѣ подъ Полтавой, не смотря на бѣдственное состояніе арміи, на неимѣніе артиллеріи, на рану свою, на самое предчувствіе гибели, съ какимъ присутствіемъ духа, съ какою вѣрностію глаза, при первомъ отступательномъ движеніи Русской кавалеріи приказываетъ оставить атаку редутовъ, и пройдя подъ перекрестнымъ ихъ огнемъ, быстро преслѣдовать отступленіе непріятели. Карлъ XII могъ полагать, что предъ нимъ отступаетъ вся Русская армія, и превосходно сдѣлавъ, отдавъ приказаніе быстро преслѣдовать отступающихъ, пройдя мимо редутовъ. И не быстрота преслѣдованія, но неосмотрительность Левенгаупта виною гибельныхъ послѣдствій въ этотъ роковой день. Левенгауптъ, увидѣвъ передъ собою укрѣпленія Рус-

скаго лагеря, долженъ былъ уклониться отъ огня ихъ, или съ рѣшимостью броситься на штурмъ. Карлъ XII не могъ присудствовать вездѣ, еслибъ даже былъ и не на носилкахъ. ⁽³⁵⁾

ГЛАВА V.

Всѣ событія Сѣверной Войны ясно и убѣдительно говорятъ, что Карлъ XII. не былъ полководцемъ въ высшемъ значеніи. И дѣйствительно, онъ не имѣлъ стратегическихъ способностей: на театрѣ войны онъ или ни чѣмъ не руководствовался и только гонялся за своимъ противникомъ, или руководствовался самыми поверхностными соображеніями, а болѣе своими страстями. Онъ располагалъ своими движеніями какъ шашками на шахматной доскѣ, и не постигалъ сущности обстоятельствъ, не собрался съ ними. Мѣстность страны, пункты важные по вліянію на сообщенія и жителей, сообщенія съ собственнымъ государствомъ, характеръ жителей, источникъ могущества противника, продовольствіе войскъ — не принамались въ расчетъ Карломъ XII. А тамъ, гдѣ они невольно втѣснялись въ соображенія его, имѣя существенную значимость, онъ не могъ ни оцѣнить важности, ни сообразить ихъ для приблизительно-вѣрныхъ дѣйствій. Не имѣя способности постигать сущности обстоятельствъ, не могъ выгодно располагать и передвигать своими войсками на театрѣ войны. Здѣсь одно другому можетъ служить повѣркой — тотъ только искусно располагаетъ своими войсками и

Книга IV. 6

дѣлаеть искусные маневры, кто понимаетъ сущность всѣхъ обстоятельствъ. А этого искусства нигдѣ не доказалъ Карлъ XII въ продолженіи десяти лѣтъ своихъ походовъ.

И утвердительно можно сказать, что *Карлъ XII не былъ стратегически—полководцемъ; но въ полъ, въ тактическихъ дѣйствіяхъ, Карлъ XII былъ гениаленъ.* Онъ имѣлъ высокія способности полководца въ сраженіи: вѣрный глазъ, предприимчивость, мужество, рѣшительность, и въ этомъ отношеніи можетъ стать на ряду со всѣми великими полководцами. *Ему принадлежитъ первенство: сосредоточеннаго употребленія артилеріи * и рѣшительнаго дѣйствія пѣхоты строемъ и въ колоннахъ ** во время нерышительныхъ дѣйствій, развернутыхъ фронтомъ — во всей Европѣ.*

Діомидъ Пассекъ.

* Нарва, Рига, Головчино.

** Нарва, Билишевъ, Головчино, Полтава.

МОСКВА

въ 1698 году.

I.

АВСТРІЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ МОСКВѢ.

Въ 1697 году Европа была свидѣтельницею страннаго союза. Одинакія политическія выгоды сблизили между собою три державы, удаленныя другъ отъ друга и совершенно различныя климатомъ, положеніемъ и свойствами жителей. Этотъ союзъ былъ между Венеціею, Австріею и Россіею противу Турокъ и Татаръ. Венеція не могла равнодушно сносить потери Кандін и искала благопріятнаго случая отмстить Туркамъ за уронъ, нанесенный ея торговлѣ; Австрія еще живо помнила страшные приступы Солимана подъ свою столицу, и съ безпокойствомъ смотрѣла на грозную силу Порты; Петръ I, въ умѣ котораго родилась уже великая мысль преобразовать Россію, изыскивалъ всѣ средства для сближенія насъ съ Европою, и съ этою цѣлію обратилъ вниманіе на берега Чернаго моря, еще не мечталъ о возможности вспунить въ борьбу съ Швеціею, возведенною на высокую степень могуще-

*

ства блистательными царствованіями Густава Адольфа и Карла X. Предварительныя статьи трактата были подписаны въ томъ же году, 29 Января. Уполномоченными со стороны договаривающихся державъ были: со стороны Австрійской — Графъ Францискъ Удальрикъ *Кисли*, верховный Канцлеръ Богеміи и Кавалеръ Золотаго Руна, Графъ Вунибальдъ Себастьянъ *Зейгль*, Императорскаго придворнаго Совѣта Вице-Президентъ и временный Канцлеръ Имперіи, и Графъ Эрнестъ Рудигеръ *Старенбергъ*, Фельдмаршалъ, Предсѣдатель Военнаго Совѣта и Кавалеръ Золотаго Руна; со стороны Венеціанской: Ординарный Ораторъ при Цезарскомъ дворѣ, Карлъ *Рузини*; съ Русской стороны — Царскій посолъ въ Вѣнѣ — Козьма Никитичъ *Нефимовъ*.

Союзники положили: воевать общими силами Турковъ и Татаръ, съ суши и съ моря; не скрывать другъ передъ другомъ своихъ намѣреній, касательно войны, и стараться, чтобы при заключеніи мира, каждая изъ договаривающихся сторонъ получила приличное вознагражденіе; никто изъ союзниковъ безъ вѣдома другихъ не долженъ заключать съ врагомъ мира; впрочемъ условія о переговорахъ можетъ принимать, но въ такомъ случаѣ обязанъ немедленно извѣстить прочихъ членовъ союза; далѣе, если общій непріятель вторгнется во владѣнія когонибудь изъ союзниковъ, то другіе обязаны прислать ему помощь; заключенный трактатъ долженъ свято исполняться впродолженіи трехъ лѣтъ, считая со дня его ратификаціи. Впрочемъ въ теченіи срока,

вольна каждая изъ державъ договариваться объ отсрочкѣ, по истеченіи же его быть между союзниками старой пріязни и согласію. Наконецъ, прежній трактатъ, заключенный между Его Величествомъ Царемъ Московскимъ и Республикою Польскою, остается во всей своей силѣ (pag 2).

Всѣ эти статьи не только утверждены Императоромъ Леопольдомъ въ 25-й день Февраля, того же года; но еще его Цезарскому Величеству благоугодно было отправить къ Московскому Двору чрезвычайнаго своего посла, съ порученіемъ: развѣдать о тайныхъ его намѣреніяхъ. Выборъ палъ на Игнатія Христофора Фонъ-Гваріента и-Ралла, дѣйствительнаго члена Военнаго Придворнаго Совета.

Собразно инструкціи Императора, посольство немедленно должно было собраться въ дорогу, но разныя непредвидимыя обстоятельства удерживали его впродолженіи почти цѣлаго года. Наконецъ, путешественники, устроивъ свои дѣла и запасшись всѣмъ нужнымъ, выѣхали 10 Января 1698 года, при благопріятной погодѣ, около полуденнаго времени. Свита посла, служители и багажъ помѣшались на осьми колесницахъ; всѣхъ лошадей было 50. Порядокъ поѣзда, при отправленіи изъ Вѣны, былъ слѣдующій: впереди на богатомъ конѣ ѣхалъ начальникъ конюшни, а за нимъ слѣдовали два вершника и вели двухъ величавыхъ и статныхъ жеребцовъ, покрытыхъ медвѣжьими кожами. Потомъ ѣхала карета посла, великолюбно отдѣланная и запряженная въ шесть вороныхъ лошадей рѣдкой красоты; да-

лѣ слѣдовали колесницы, въ которыхъ помѣщались чиновники посольства; за ними вѣхала кухня, потомъ тяжелый обозъ, еще далѣе охотники и прочіе служители; наконецъ все шествіе замыкали двѣ колесницы съ поклажею, виномъ и Англійскими собаками огромной величины.

Къ вечеру того же дня путешественники переправились чрезъ Дунай, а потомъ, чрезъ Моравію и Силезію, направили путь свой къ Польшѣ. 5 Апрѣля прибыли въ первое пограничное мѣстечко Тозуговъ, и 29 имѣли торжественный въездъ въ Москву, чрезъ каменный мостъ и въ самый Кремль, что имъ дозволено было въ знакъ особеннаго уваженія. Стеченіе народа было удивительное. Люди всѣхъ состояній и возрастовъ: бояре, купцы, холопы, старики, женщины, дѣти, толпились по улицамъ и съ изумленіемъ смотрѣли на богатые экипажи и великолѣпныя одежды Цезарскаго посла. Въ числѣ зрителей находились многія Принцессы царскаго дома, Царица Евдокія Феодоровна и малолѣтній Царевичъ. Уваженіе и вѣжливость, оказанныя нашимъ Правительствомъ чужеземцамъ, были такъ велики, что посланный къ нимъ на вѣтчю комиссаръ первый вышелъ изъ кареты и привѣтствовалъ посла, между тѣмъ какъ прежде при этомъ случаѣ никогда не обходилось безъ ссоры, потому что Рускіе чиновники подобную уступку считали оскорбленіемъ Царской чести.

9-го Мая (по нашему стилю 30-го Апрѣля) Австрійскій уполномоченный имѣлъ первое совѣщаніе съ Боярами. Но какъ Царя не было въ столи-

цѣ, то и церемонія не отличалась тою пышностію, какая обыкновенно бывала при этихъ случаяхъ. Въ назначенный часъ Посоль, вмѣстѣ съ приставомъ, отправился въ домъ, гдѣ было назначено совѣщаніе. Ему предшествовали шесть скороходовъ. Изъ чиновниковъ свиты не было никого, исключая одного секретаря. Миновавъ четыре комнаты, онъ былъ встрѣченъ на порогъ пріемной залы, первымъ министромъ (бояриномъ) Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ, Думными дьяками: Никитой Моисеевичемъ и Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцовымъ и множествомъ другихъ чиновниковъ. Послѣ възливыхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, по данному знаку всѣ удалились изъ комнаты, кромѣ тѣхъ, которые должны были присутствовать при совѣщаніи. Нарышкинъ занялъ первое мѣсто, второе предложилъ Послу, а нѣсколько ниже сидѣли два Думныхъ Дьяка. Близъ стола стояли секретарь и переводчикъ для предложенія услугъ своихъ въ случаѣ надобности.

Когда все было приготовлено, первый Бояринъ открылъ совѣщаніе слѣдующими словами: «Нѣтъ сомнѣнія, что прибытіе посольства Его Императорскаго Величества имѣетъ цѣлю утвержденіе между двумя великими Вънценосцами братской любви, освященной не давно заключеннымъ союзомъ?» На слова Боярина Посоль отвѣчалъ увѣреніями въ искренности дружбы своего Государя, и изложилъ обстоятельно причину своего приѣзда. Совѣщаніе продолжалось около трехъ часовъ. По окончаніи его поднесли Боярину и знаменитому гостю по ча-

рѣ коричневой воды, напитка очень уважаемаго Боярами; а въ заключеніе пили Флорентинское вино за здравіе обоихъ Величествъ и въ залогъ вѣрнаго храненія дружественнаго договора. Когда Посоль оставилъ совѣщаніе, его проводили: первый Бояринъ до порога пріемной залы, Думные Дѣяки до дверей второй комнаты, а приставъ и переводчикъ до самой коляски.

Впрочемъ дружелюбное расположеніе нашего Правительства не ограничивалось однѣми словами. Русскія войска, согласно заключенному трактату, съ наступленіемъ весны, дѣйствовали, подъ предводительствомъ Князя Долгорукова и Гетмана Мазепы, въ окрестностяхъ Очакова, и не подалеку отъ этой крѣпости, послѣ жестокой схватки, одержали побѣду надъ Крымскими Татарами.

Между тѣмъ Царь все еще былъ за границую, а какъ путешественники наши непремѣнно рѣшились дождаться его, то и должны были прожить безъ дѣла около 4 мѣсяцевъ. Пользуясь досугомъ, Посоль и его свита осматривали достопримѣчательности столицы, наблюдали Русскіе нравы, глядя съ изумленіемъ на предметы, для нихъ совершенно новые; или же проводили время въ гостинныхъ Московскихъ вельможъ, любившихъ выказывать предъ иностранцами свое великолѣпіе и пышность. Въ то время многіе изъ бояръ нашихъ начинали уже знакомиться съ выгодами западной образованности и отличались умнѣемъ соединять Европейскій вкусъ съ Азіатскою роскошью. Таковъ былъ Князь Ва-

силій Алексѣвичъ Голицынъ, богатый и умный вельможа, который имѣлъ великолѣпный дворецъ, многочисленную прислугу, своихъ собственныхъ музыкантовъ и пѣвчихъ, и къ которому съѣзжалось много знатныхъ иноземцевъ и бояръ откушать хлѣба соли, и насладиться умною бесѣдою гостепріимнаго хозяина.

Возвращеніе Царя изъ-за границы заняло всѣ умы Русскихъ и чужезцевъ: съ этого времени явно отрылась мысль Петра Великаго преобразовать Россію. Вотъ что говорятъ объ этомъ путешественники, которыхъ описаніе для насъ любопытно, какъ извѣстіе очевидцевъ.

«4 Сентября (25 Августа) вечеромъ Его Величество съ своими любимцами, ораторами посольства, генераломъ Лефортомъ, Теодоромъ Алексѣвичемъ Головинымъ и нѣкоторыми другими вельможами, прибылъ въ Москву. Король Польскій далъ ему въ проводники до самой столицы начальника своей гвардіи Генерала Карловича, съ однимъ молодымъ Польскимъ дворяниномъ, очень любимымъ при Дворѣ.

«Его Величество не пожелалъ остановиться въ своихъ Кремлевскихъ палатахъ, а посѣтивши нѣкоторыя знатнѣйшія семейства, соизволилъ провести ночь въ казармахъ преображенскаго полка, вмѣстѣ съ своими воинами.»

На другой день Бояре, именитѣйшіе купцы и чиновники стеклись во множествѣ съ поздравленіями Его Величества съ счастливымъ возвращеніемъ. Первый ораторъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ, утом-

ленный трудностию путешествія, въ тотъ день не допускалъ къ себѣ никого изъ своихъ приближенныхъ; но самъ Государь спѣшилъ на встрѣчу пришедшимъ, и ласково благодарилъ ихъ за изъявленіе ему преданности. Когда Бояре, по обычаю, пали предъ нимъ на землю, онъ приподнялъ каждого и почтилъ поцелуемъ, какъ друзей своихъ или близкихъ родственниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаютъ путешественники, что Русскіе почли бы этотъ день лучшимъ въ жизни, еслибъ радость не была возмущена безжалостными ножницами, лишившими многихъ Бояръ лучшаго ихъ украшенія. Начальникъ войска, Алексѣй Семеновичъ Шейнъ, первый подавъ примѣръ покорности Монаршей воле. Отъ общей обязанности освобождены были только три человека: Патріархъ, въ слѣдствіе обычая, освященнаго вѣками; маститый старецъ, Князь Лекуговичъ-Черкасскій, и Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, бывшій Царскій опекунъ, который за свои лѣта и заслуги пользовался особенною милостію Царя. Всѣ прочіе должны были ходить по обычаю нѣмецкому.

На слѣдующій день Царь осматривалъ войско; самъ показывалъ офицерамъ и солдатамъ маневры; наконецъ, выведенный изъ терпѣнія ихъ непонятливостію, въ досадѣ отправился въ домъ Лефорта, которому поручено было приготовить великолѣпный обѣдъ и распорядиться угощеніемъ. За нимъ послѣдовали и Бояре. Громъ огнестрѣльныхъ орудій сливался съ веселыми кликами собесѣдниковъ. Наконецъ подъ кровомъ вечерняго мрака Его Величество, съ немногими изъ своихъ приближенныхъ,

отправился въ Кремлевскія палаты, гдѣ далъ полную свободу изліянію родительскихъ чувствъ при видѣ малолѣтнаго своего сына. Отсюда Царь снова отправился къ своимъ Преображенцамъ, избѣгая свиданія съ супругою, на которую былъ уже въ неудовольствіи.

Перваго Сентября, по старому стилю, праздновался новыи годъ. Этотъ день всегда сопровождался большими церемоніями, и превосходилъ своею торжественностію всѣ прочіе праздники. Вотъ въ чемъ обыкновенно заключалось торжество: на обширной площади, прилегающей къ Кремлевскому дворцу, ставились два богато отдѣланныя престола — одинъ для Царя, другой для Патріарха. Царь являлся въ одеждѣ роскошной и великолѣпной; Патріархъ въ полномъ святительскомъ облаченіи. Принявъ благословіе отъ Патріарха, Бояре и другіе знатные сановники обращались съ привѣтствіями къ Царю, который благодарилъ ихъ за поздравленіе. Этотъ обрядъ не исполнялся нѣсколько лѣтъ въ отсутствіи Царя, но теперь опять былъ возобновленъ. По окончаніи церемоніи, всѣ отправились въ домъ Шеина, гдѣ ожидалъ ихъ роскошный обѣдъ. Бояръ, гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ было невѣроятное множество; въ числѣ гостей находились и мотросы, съ которыми Царь обходился просто, дѣлилъ между ними яблоки и называлъ *братицами*. За каждымъ тостомъ слѣдовала пальба изъ 25 орудій. Впрочемъ, торжественность дня не мешала докучливому брадобрью исполнять свою должность. Никто не смѣлъ отказаться отъ его услугъ. Такимъ обра-

зомъ посреди шутокъ и бокаловъ вина, великій Царь отучалъ своихъ бояръ отъ обычаевъ, утвержденныхъ древностію.

На слѣдующій день 2 Сентября, первый Бояринъ Нарышкинъ извѣстилъ Посла о допущеніи его завтра къ аудіенціи.

«Въ четыре часа, вечеромъ» — пишетъ одинъ изъ членовъ посольства — «мы, въ сопровожденіи свиты, отправились на аудіенцію. Она была назначена въ тѣхъ палатахъ, которыя Его Величество богато отдѣлалъ на свой счетъ, и опредѣлилъ для жительства генералу Лефорту. Нѣсколько вельможъ, отличавшихся сановитостію и заслугами, окружали своего Монарха и увеличивали торжественность пріема. Первый Бояринъ Нарышкинъ и Думный Дьякъ Украинцевъ, по должности своей, стояли ближе другихъ къ Царю. Когда мы отдали Его Величеству должную честь, онъ на привѣтствіе наше отвѣчалъ наклоненіемъ головы и, казалось, былъ очень веселъ. Посоль приказалъ нести предъ собою двѣ вѣрительныя грамоты — одну секретарю, а другую миссіонеру Франциску-Емельяни. Когда онъ были представлены Царю, Его Величество, для принятія ихъ, простеръ руку, къ которой были допущены посоль и, по порядку, всѣ чиновники и бывшіе на лицѣ миссіонеры. Послъ ласковыхъ вопросовъ о здоровьи Цезаря и господина уполномоченнаго, аудіенція кончилась, и мы возвратились домой.»

Не всѣ однакожъ иностранные министры были такъ счастливы, какъ Фонъ-Гваріентъ. Датскій по-

соль, который имѣлъ неосторожность вручить свои грамоты Боярской Думѣ, напрасно просилъ о назначеніи ему аудіенціи. Наконецъ, послѣ долгаго искательства, онъ успѣлъ получить позволеніе быть допущеннымъ къ Царской рукѣ. Случай къ этому представился въ домѣ Лефорта, куда, отъ имени Царя, были приглашены на обѣдъ всѣ иностранные министры и бояре. Той же участи подвергся и Посоль Польскій, также преждевременно отдавшій свои вѣрительныя грамоты. Лишившись надежды на аудіенцію, онъ просилъ о допущеніи его по крайней мѣрѣ къ рукѣ, и былъ принятъ Царемъ въ небольшой комнатѣ, гдѣ стояла посуда. Датскій Посоль, который прежде поцеловалъ Царскую руку, гордясь своею побѣдою, считалъ себя въ правѣ занять высшее мѣсто предъ Польскимъ, а Польскій, въ свою очередь, оспаривалъ у него первенство. Дѣло дошло до ссоры. Наконецъ Царь, выведенный изъ терпѣнія, изъявилъ имъ свое негодованіе, и безъ церемоній назвалъ ихъ дураками. Когда всѣ усѣлись за столomъ, Его Величество изобразилъ тогдашнія бѣдствія Польши слѣдующими словами: «Въ Вѣнѣ я было откормился, но пока проѣхалъ Польшу, вся тучность спала съ меня.» На это Польскій Посоль возразилъ, что слова Его Величества удивляютъ его, что онъ въ Польшѣ родился, выросъ и пріѣхалъ сюда отъ своего Короля; однакожъ можетъ похвалиться дородностію (онъ былъ очень толстъ). «Не въ Польшѣ, а въ Москвѣ откормился ты, братецъ,» отвѣчалъ ему Царь, намѣкая на богатое содержаніе, которое онъ получалъ отъ Двора. Къ концу обѣда

Царь горячо заспорилъ съ Шейнымъ, и, исполненный гнѣва, оставилъ собраніе, не сказавъ никому ни слова. Послѣ узнали, что онъ отправился осматривать своихъ воинновъ, узнавши, что главный начальникъ произвелъ за деньги много недостойныхъ людей въ полковники и офицеры. Въ гнѣвъ, Государь выхватилъ изъ ноженъ свой кортикъ и, махая имъ предъ глазами дрожащаго отъ страха генерала, грозилъ истребленіемъ его вмѣстѣ съ полкомъ. Въ порывѣ негодованія, Его Величество устремился на Князя Ромодановскаго и Думнаго Дьяка Никиту Моисеевича, за смѣлость, съ какою они рѣшились защищать виновнаго: первому разсѣкъ палець, а второму легко ранилъ голову. Но страшный ударъ готовился Шенну, который, безъ сомнѣнія, поплатился бы жизнью за свою несправедливость, если бы Лефортъ не схватилъ Царя за руку и не удержалъ его отъ пылкаго поступка. Его Величество сильно негодовалъ на Лефорта и въ первомъ движеніи ударилъ своего любимца палкою. За этой ужасной бурей слѣдовало спокойствіе. Лице Царя постепенно прояснилось; и для радостнаго окончанія бурнаго вечера, Его Величество приказалъ музыкантамъ играть свои любимыя піэсы. Время шло самымъ пріятнымъ образомъ. Развеселенные виномъ и дружескимъ обращеніемъ Царя, собесѣдники пировали до половины 6 часа утра.

Между тѣмъ нашихъ путешественниковъ ожидала новая честь. На третій день послѣ описаннаго здѣсь обѣда, ихъ навѣстилъ Царскій приставъ. На немъ была богатая соболья шуба. Приставу сопутство-

вали два старшіе помощника, начальники Царской кухни и погреба, за которыми слѣдовали 12 земскихъ, одѣтыхъ въ шелковыя платья, а въ заключеніе двѣсти челоувѣкъ солдатъ несли Царскія кушанья и разнаго роду напитки — вино, водку, медь, пиво, квасъ и другія необходимыя принадлежности древнихъ Русскихъ пиршествъ. Посуда и кубки отличались богатствомъ и разнообразіемъ. Когда все было уставлено, приставъ отъ имени Царя сказалъ по заведенному порядку: «Его Царское Величество, мой Повелитель, сердечно желаетъ хравить дружбу и братскій союзъ съ Его Цесарскимъ Величествомъ, и тебя, високаго его Посла, привѣтствуетъ, и, въ знакъ особенной своей милости, посылаетъ тебя кушанья отъ своего Царскаго стола.» На это Посоль отвѣчалъ, что онъ съ чувствомъ живѣйшей признательности приѣмлетъ знаки столь лестнаго для него вниманія и не только почитаетъ милость Его Величества за величайшее благодѣяніе, но не приминетъ донести о томъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ своему Государю. Посль чего приставъ поподчивалъ посла драгоцѣнною водкою, изъ агатоваго сосуда, а въ другой разъ изъ рубиновой чары.

Потомъ приступили къ самому обѣду. Порядокъ былъ слѣдующій: первое мѣсто занялъ Посоль, а второе приставъ; кромѣ четырехъ миссіонеровъ, за столомъ сидѣли еще два гостя и всѣ чиновники по-еольства. Обѣдъ открылся водкою. Кушаньевъ было 108, но большая ихъ часть не понравилась Германцамъ. Первый тостъ предложилъ приставъ за здравіе Цесаря, второй за Царя, а третій за здравіе

всѣхъ вѣрныхъ министровъ обоихъ Величествъ. Русскій чиновникъ старался, какъ можно болѣе, увеличить число тостовъ, чтобы напоить знаменитаго гостя; но хитрость его не удалась. Посоль остался непреклоннымъ, и осушивъ два бокала за здравіе Государей, рѣшительно отказался пить болѣе. Въ заключеніе не забыты были и слуги. Держась Русскаго обычая, гостепріимный уполномоченный подалъ изъ своей руки каждому изъ нихъ по кубку вина.

17 Октября, въ 10 часовъ утра, Царь со многими изъ своихъ Боярѣ и находившихся въ Русской службѣ иностранцевъ, посѣтилъ Посла. Съ нимъ былъ и любимецъ его Алексаша, впослѣдствіи столь извѣстный Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. За столомъ съ Его Величествомъ сдѣлалось дурно, сильная дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ и веселость пиршества была нарушена. Генераль Лефортъ, безпокоясь болѣе другихъ о здоровьи своего Государя - друга, приказалъ доктору Карбонарію де Безинску тотчасъ взять нужныя мѣры; но тотъ, вмѣсто лѣкарства, для изцѣленія недуга велѣлъ принести самаго лучшаго токайскаго вина, которое подалъ Царю. Это средство имѣло чрезвычайно быстрое и спасительное дѣйствіе. Черезъ нѣсколько минутъ Царь совершенно оправился, началъ по прежнему шутить и, обратясь къ доктору, спросилъ у него, зачѣмъ онъ хочетъ продать свою жену? «Затѣмъ, отвѣчалъ врачъ, что Ваше Величество откладываете уплатой слѣдуемаго мнѣ жалованья.» Здѣсь надобно замѣтить,

что за нѣсколько дней предъ этимъ, Карбонарій пришелъ къ Князю Ромодановскому и, представляя ему свои нужды, требовалъ у него жалованья. На отвѣтъ Князя, что докторъ можетъ гдѣ нибудь занять денегъ, онъ возразилъ, что ему нечего дать въ закладъ, кромѣ жены, и что если Князь согласится ссудить его деньгами, то онъ ее заложить или продасть. Его Величество смѣялся отъ всего сердца, слушая разсказъ своего медика.

Послѣ этого путешественники наши прожили въ Москвѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ, видѣли много любопытнаго, и между прочимъ были свидѣтелями новаго стрѣльческаго бунта. Окончивъ свои дѣла, они собрались въ дорогу, и выѣхали 14 Юня. Отъѣздъ ихъ сопровождался тѣми же церемоніями, какъ и пріѣздъ. Отрядъ легкой кавалеріи проводилъ ихъ за городскую заставу. Посоль, вмѣстѣ съ приставомъ, ѣхалъ въ великолѣпной колесницѣ, а въ другихъ экипажахъ помѣщались чиновники его свиты. Сбруя блистала золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. По улицамъ толпилось множество народа, который любопытствовалъ видѣть торжественный поѣздъ. Когда миновали Ямскую слободу, приставъ, пожелавъ послу счастливаго пути, раскланялся и возвратился домой. Путешественники того же дня обѣдали въ Филяхъ, имѣніи Льва Кириловича Нарышкина, гдѣ ожидало ихъ великолѣпное угощеніе. Пробывъ здѣсь нѣсколько часовъ, они отправились далѣе, и не встрѣтивъ на пути ничего особеннаго, въ концѣ Сентября благополучно достигли Вѣны.

II.

О ПРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ РУССКИХЪ.

Мы говорили о цѣли прибытія въ Россію Австрійскаго посольства. Происшествіе это, сверхъ политической важности, замѣчательно для насъ въ другомъ отношеніи. Живя въ Москвѣ болѣе 14 мѣсяцевъ, въ самую достопамятную эпоху, когда, при явно обнаруживающейся борьбѣ между непоколебимымъ желаніемъ юнаго Вѣнценосца преобразовать свое отечество, и не менѣе упорною силою народныхъ привычекъ, рѣшался великій вопросъ о будущемъ значеніи и судьбѣ Россіи, — путешественники наши были очевидными свидѣтелями многихъ важныхъ событій.

Къ счастью, они заботились не только о своемъ любопытствѣ, но и о любопытствѣ другихъ, и оставили намъ драгоценныя наблюденія въ запискахъ одного изъ своихъ сочленовъ — Іоанна Георга Корба, секретаря посольства.

Конечно сужденія Корба не всегда основательны. Подобно большей части иностранцевъ, авторъ смотритъ на отечество наше пристрастно; часто не вникнувъ въ сущность предмета, дѣлаетъ поспѣшныя заключенія, или даже смѣшиваетъ различныя происшествія. Не смотря на это, книга его чрезвычайно занимательна и вполне достойна вниманія Русскихъ читателей. Вотъ два отрывка о нравахъ и обычаяхъ Русскихъ.

Авторъ начинаетъ свое описаніе обвиненіемъ нашихъ предковъ въ сознаніе собственнаго достоинства. Здѣсь съ первыхъ словъ намъ пришлось бы спорить съ путешественникомъ, еслибъ мы не привыкли къ подобнымъ выходкамъ. Впрочемъ, такой взглядъ на Россію нисколько не удивителенъ въ Корбъ, человекъ 17-го столѣтія, когда одинъ современный намъ Германскій Историкъ * выдумалъ, будто-бы у насъ для разговора лицъ высшаго сословія съ низшимъ существуютъ два разные языка, что если на прим: подчуютъ старшаго, то выражаются вѣжливо: «*Извольте кушать*», а въ обращеніи съ младшимъ себя употребляютъ слово: «*ѣшь*», которое по остроумному толкованію автора соответствуетъ Нѣмецкому слову: *fressen* (жрать). Другой Германскій ученый Карль Гофманъ, членъ *Географическихъ обществъ Лондонскаго и Парижскаго*, въ изданной имъ *Географіи для всѣхъ сословій* уверяетъ, что Русскіе крестьяне часто лишаются зрѣнія отъ страшныхъ морозовъ, и въ избѣжаніе такой бѣды носятъ цветныя очки, которыя продаются во всякомъ селеніи; что отъ Мая до Сентября въ Россіи нѣтъ дождей, что зимою Русскіе проводятъ время на печкахъ, а лѣтомъ въ погребяхъ; что послѣ погребенія плясуютъ въ продолженіи 40 дней; что привѣтъ выражаютъ словами: *другъ мой, батюшка, мошеникъ*, и проч. и проч. Всѣ эти господа западные иностранцы пускаются судить о Россіи, нисколько не вникнувъ въ ея духъ и состояніе. Конечно и

* Ротгекъ.

здѣсь есть исключенія: люди здравомыслящіе смотрѣли и смотрятъ на отечество наше другими глазами, нежели умы поверхностные. Знаменитый Герберштейнъ отзывается съ должнымъ уваженіемъ о многихъ чертахъ нашего народнаго характера. Еще ревностнѣйшимъ почитателемъ Россіи и всего Русскаго былъ Докторъ Флемингъ, навѣстившій Москву около 1620 года. «Въ земль, называемой варварскою,» говоритъ онъ, «вижу людей, достойныхъ называться людьми. Земледѣлецъ Русскій богатъ: ибо можетъ удовлетворить немногимъ своимъ нуждамъ; здоровъ и веселъ; имѣетъ доброе сердце, не зная, что оно рѣдкое благо на земль; живетъ въ маленькой хижинѣ, построенной имъ самимъ, которая укрываетъ его отъ холода и непогоды; работаетъ весело, въ надеждѣ на Бога; наслаждается покоемъ въ объятіяхъ вѣрной жены, и засыпаетъ сладко подъ пѣсни соловья.» Изображеніе это безспорно слишкомъ изукрашено поэзіею, но самая преувеличенность его доказываетъ довольство и безбѣдность нашихъ предковъ. Дикая страна, населенная грубыми и угнетенными людьми, конечно не разшевелила бы фантазіи почтеннаго Доктора, который, какъ видно, былъ большой охотникъ до идеаловъ.

Нѣсколько основательнѣе, хотя также преувеличены, нападки путешественника на невѣжество въ нашемъ отечествѣ. По словамъ его, Русскіе не занимаютъ никакими благородными искусствами и составляютъ всю славу свою въ обманъ (*Nullis bonis*

artibus imbuti summam sapientiæ gloriæ in fallaciis ropunt). Философія у нихъ запрещена, Астрономія находится въ опалѣ и преслѣдуется закономъ подъ именемъ Магін. Въ школахъ учать только одной грамотѣ. Самою высшею степенью человѣческой мудрости считается у нихъ знаніе наизусть нѣсколькихъ мѣстъ изъ Священнаго писанія.

«Музыкой хотя сами не занимаются, однакожь не чужды любви къ гармоніи. Ласкають искусныхъ въ игрѣ иностранцевъ, и съ удовольствіемъ поють подь музыку. Впрочемъ бережливость не позволяеть имъ предаваться природной склонности и жертвовать годичными доходами удовольствію нѣсколькихъ часовъ. Другія занятія, свойственныя западному дворянству, какъ-то: верховая ѣзда, фехтованіе и танцы, у нихъ вовсе неизвѣстны.»

«Въ Россіи запрещено жить некрещенымъ Евреямъ.» Заключение автора о причинахъ этой нетерпимости очень странны.

«Русскіе большіе охотники до бань и очень часто парятся, особенно женатые. Впрочемъ, къ банямъ прибѣгають только зимою; въ лѣтніе же мѣсяцы купаются въ рѣкахъ, вмѣстѣ съ женами, часто цѣлыми толпами, безъ различія пола и возраста.»

Распространяясь объ этомъ предметѣ, авторъ сильно возстаєтъ противъ нашихъ обычаевъ и нравовъ.

Здѣсь мы рѣшительно несогласны съ нимъ и готовы обвиненія его назвать или недоразумѣніемъ или клеветою. Непорочность нравовъ нашихъ пред-

ковъ признана всеми безпристрастными наблюдателями, даже самыми иностранцами. Она и теперь еще сохраняется между низшими сословіями, особенно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ мало удалились отъ прежнихъ обычаевъ и образа жизни. Если же автору случилось видѣть въ Москвѣ нѣсколько примѣровъ не въ пользу народа: то по одной столицѣ нельзя было дѣлать заключенія о нравственности цѣлой націи.

«Право кабалы у Русскихъ въ обыкновеніи: одни лишаются свободы рожденіемъ, другіе плѣномъ, третьи добровольною продажею себя. Даже тѣ, которые отпущены на волю, по привычкѣ къ прежнему состоянію, не рѣдко приписываются къ другимъ господамъ. Самые обычаи покровительствуютъ рабству. Вольный человѣкъ, находящійся въ служеніи за извѣстную плату, не можетъ оставить хозяина безъ его позволенія; въ противномъ случаѣ ни гдѣ не найдетъ себѣ мѣста; если же хочетъ наняться, то непременно долженъ представить рекомендацію хозяина, у котораго онъ жилъ прежде, или его друзей въ томъ, что онъ честный слуга и хорошаго поведенія.»

«Власть родительская обширна и очень тягостна для дѣтей. Отецъ по закону можетъ до четырехъ разъ продавать своего сына и только за четвертымъ разомъ теряетъ на него права.»

«При нынѣшнемъ порядкѣ вещей, когда Провидѣніе дало Россіи Вѣнценосца, украшеннаго великими свойствами духа и съ твердымъ желаніемъ про-

свѣтить свое отечество, слышно, будто бы законъ ограничить самовластіе родителей.»

И здѣсь не все извѣстія автора можно принимать за чистую истину. Чтобы у насъ когда нибудь позволялось родителямъ торговать своими дѣтьми, — этого нельзя видѣть ни изъ Судебника, ни изъ Уложения Царя Алексѣя Михайловича. Правда, въ последнемъ сказано, что отецъ и мать могутъ отдать сына своего въ услуженіе на извѣстное время: но между отдачею въ наймы и безвозвратной продажей до четырехъ разъ, большое различіе! Описаніе Корба что-то слишкомъ отзывается чтеніемъ Римской юриспруденціи.

Съ особеннымъ удивленіемъ авторъ говоритъ о твердости воли Русскихъ, и въ доказательство приводитъ два любопытные примѣра. «Предъ первымъ путешествіемъ Царя за границу, одинъ изъ сообщниковъ возмущенія 1696 года, терпѣливо перенесъ четыре ужаснѣйшія пытки. Когда никакія мученія не въ состояніи были исторгнуть у него признанія, Царь рѣшился прибѣгнуть къ кроткимъ средствамъ, и поцѣловавъ въ чело преступника, началъ говорить ему! «Я очень хорошо знаю, что ты умышлялъ на мою жизнь. Преступленіе твое довольно наказано; скажи же мнѣ всю правду изъ любви, которою ты обязанъ своему Государю. Клянусь Богомъ, что я не только прощу тебѣ вину, но еще въ знакъ особенной моей милости пожалую тебя Полковникомъ.»

«Кротость Монарха побѣдила упорство закоснѣлаго чловѣка: ободренный словами Царя, онъ въ

свою очередь цѣлуетъ его и говоритъ: «Вотъ для меня самая ужасная пытка: она одна только могла вынудить у меня признаніе.» После этого подробно излагаетъ весь ходъ дѣла. Царь чрезвычайно удивился, что ласковыя слова извлекли признаніе, котораго не могли вынудить жесточайшія мученія, и обратившись къ этому желѣзному челоуьку, спросилъ его: «какимъ образомъ онъ выдержалъ такое множество ударовъ, и остался равнодушнымъ ко всѣмъ ужасамъ пытки?» Тогда Московскій Геркулесъ началъ новыи, дивный разсказъ. По его словамъ, онъ и другіе участники заговора, составили общество, для поступленія въ которое сначала нужно было подвергнуться испытанію, дѣлившемуся на нѣсколько степеней: кто болѣе переносилъ наказаній, тотъ болѣе имѣлъ и правъ на уваженіе и власть въ кругу своихъ собратьевъ. Бывшій подъ кнутами одинъ только разъ, назывался просто товарищемъ союза и пользовался участіемъ въ общемъ имуществѣ, но еще не посвящался во всѣ тайны Ордена, и не иначе могъ переходить въ высшій разрядъ, какъ оказавшись достойнымъ его чрезъ добровольное осужденіе себя на новыя мѹки «Я»—продолжалъ онъ—«выдержалъ шесть такихъ пытокъ и потому единогласно поставленъ главою общества. Кнуты для меня не страшны; привыкнувъ къ нимъ, я готовъ перенести всякое наказаніе.» По словамъ его, самому сильнѣйшему мученію подвергается челоуькъ, когда для испытанія его кладутъ на ухо раскаленный уголь или съ возвышеннаго мѣста льютъ на голову медленно, по капль, холодную воду. Тѣхъ,

которые, изъявивъ желаніе поступить въ общество, не имѣли твердости выдержать первой пытки, отравляли, или другимъ образомъ губили, изъ опасенія измѣны. Здѣсь онъ признался, что онъ и его товарищи умертвили болѣе 400 такихъ щедушныхъ кандидатовъ. Выдержавъ десять неслыханныхъ изязаній: шесть отъ товарищей, да четыре отъ Царскаго Судіи, этотъ рыцарь крови живетъ и теперъ въ Сибири, въ чинѣ Полковника.»

Потомъ путешественникъ приводитъ другой примѣръ подобной твердости, который относится также къ царствованію Петра, и именно къ тому времени, когда Царь возвращался изъ Вѣны въ Москву «Его Величество миновалъ уже Смоленскъ и былъ недалеко отъ своей столицы, какъ кто-то изъ его свиты, не извѣстно по какой причинѣ, скрылся. Посланные что ни дѣлали, не могли найти бѣглеца. Наконецъ, изъ ближайшей деревни приходитъ поселянинъ и доноситъ, что онъ видѣлъ во дворѣ сосѣда привязанную лошадь. Царь задерживаетъ доносчика, а между тѣмъ посылаетъ къ означенному дому Генерала Вейде обстоятельнѣе развѣдать о дѣлѣ. Тотъ, возвратившись, подтверждаетъ справедливость словъ крестьянина, и что у воротъ точно стоитъ конь. Тогда Царь призываетъ хозяина дома и ласково спрашиваетъ о бѣгломъ челоувѣкѣ и конѣ. Но упрямый мужикъ зацарается, клянется всѣми святыми, что у него въ домѣ не было коня и что онъ не знаетъ о чемъ у него и спрашиваютъ. Раздраженный Царь грозно повторяетъ вопросъ, — онъ снова отпирается; Его Величество настаиваетъ, напомина-

еть, что онъ — Государь, владыка живота и смерти: но ни какія увещанія не могли подѣйствовать на упрямую голову. Употребили мѣры строгія и тѣ не подѣйствовали.

«Среди самыхъ ужаснѣйшихъ мученій онъ остался непоколебимымъ. Вотъ какого упорство Русскихъ! Между тѣмъ вскорѣ открылось, что этотъ самый мужикъ, оставивъ у себя коня, далъ бѣжавшему въ проводники своего брата, который разными скрытыми путями выпроводилъ его за Смоленскъ.»

III.

ОБЫЧАИ И НАРЯДЪ ЖЕНЩИНЪ.

Сколько авторъ строгъ и даже несправедливъ въ своихъ сужденіяхъ о нравственности Россіянокъ, столько же расточается въ похвалахъ красотѣ Русскихъ женщинъ; особенно ему понравились ихъ розовыя уста. Но онъ справедливо жалуется на румяна, и на широкую одежду, которая, давая тѣлу полную свободу развиваться, лишала ихъ стройности, свойственной западнымъ красавицамъ.

Вотъ каковъ былъ, по словамъ путешественника, нарядъ нашихъ дамъ въ царствованіе Петра:

«Русскія женщины и дѣвушки» — говоритъ онъ — «носятъ исподнее платье (subuculas), вызолоченное съ обѣихъ сторонъ. Огромные рукава бываютъ длиною не рѣдко отъ 8 до 10 локтей; онъ съ большимъ искусствомъ заплетаютъ въ косы волоса

и украшаютъ голову драгоценными камнями. Верхняя одежда вообще очень сходна съ нарядомъ восточныхъ женщинъ; особенно Московскія дамы любятъ щеголять собольими шубами. Серьги и кольца почитаются у нихъ необходимою принадлежностію хорошаго наряда. Замужнія и вдовы носятъ на головахъ шапки изъ дорогихъ мѣховъ, а дѣвицы покрываютъ повязкою одно чело и ходятъ съ длинными волосами, которые ниспадаютъ до самыхъ плечъ. Женщинъ хорошаго тона считается неприличнымъ присутствовать во время пиршествъ; даже за обыкновенными столами жены не сидятъ вмѣстѣ съ мужьями. Ихъ можно видѣть только въ церкви или въ колымагахъ во время поѣздокъ къ пріятельницамъ. Теперь уже отмѣненъ обычай, по которому колымаги были такъ плотно прикрываемы, что любопытный взоръ зрителя никакъ не могъ проникнуть во внутренность ихъ.

Если Русскій Бояринъ принимаетъ у себя почетныхъ особъ, то, въ знакъ особеннаго къ нимъ уваженія, приказываетъ явиться женѣ или дочери, которая, поднесши гостю чару вина, ожидаетъ отъ него поцелуя, и потомъ, молча, съ потупленными взорами уходитъ назадъ. Надъ домашними, жены не имѣютъ почти никакой власти. Въ отсутствіи господина служители распоряжаются сами безъ вѣдома и согласія хозяйки. Въ домъ держатъ множество служанокъ, которыя, за исключеніемъ небольшихъ работъ, возлагаемыхъ на нихъ госпожею, проводятъ время въ праздности. Впрочемъ, заключен-

ныя въ термахъ вмѣстѣ съ своими повелительницами, иногда занимаются пряжею или ткуть холстъ.

Если знатная женщина разрышится отъ бремени, то немедленно даютъ объ этомъ знать подчиненнымъ ея мужа, купцамъ и другимъ промышленнымъ людямъ, съ изъявленіемъ вѣжливости, слишкомъ накладной для ихъ кармана. Тѣ, которые дорожатъ покровительствомъ отца малютки или страшатся его гнѣва, тотчасъ, получивъ извѣстіе, приходятъ съ поздравленіемъ и, поцеловавъ родильницу, оставляютъ ей на память какой-нибудь подарокъ. Впрочемъ, остерегаются дарить мало, потому что это сочлось бы знакомъ неуваженія къ хозяину. Щедрости открыта полная свобода, такъ что самымъ лучшимъ пріятелемъ почитается тотъ, кто всѣхъ тароватѣе. Русскій измѣряетъ дружбу пользою. Что касается до того, будто бы жены, по количеству получаемыхъ побоевъ, судить о привязанности къ нимъ мужей, какъ то думаютъ въ Европѣ, это сушая сказка, и у нихъ, какъ и вездѣ, надобно отличать характеры кроткіе отъ жестокосердыхъ. Русскіе считаютъ за грѣхъ вступать въ четвертый бракъ; отъ того-то третья жена пользуется бѣльшимъ уваженіемъ, нежели двѣ первыя, съ которыми мужья не рѣдко обходятся какъ съ рабынями, если имъ наскучатъ ихъ ласки, или придетъ желаніе соединиться бракомъ съ другой. «У попа,» говоритъ Русская пословица, «настоящая жена первая, а у мірянина третья.» Впрочемъ, нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ государственныхъ чиновниковъ испрашиваютъ у Патриарха позволеніе вступить въ четвертый бракъ онъ

хотя формально и не запрещаетъ имъ этого, однако же и не даетъ согласія на заключеніе союза, противнаго уставамъ Церкви. Совсѣмъ иначе у Донскихъ козаковъ. Тамъ мужъ можетъ развестись съ женою, когда ему заблагоразсудится, но только съ вѣдома народнаго собранія, которое на ихъ языкѣ называется *кругомъ*. Это дѣлается такимъ образомъ: мужъ приводитъ жену въ средину круга и въ присутствіи атамана и всего собранія говоритъ, что она ему не нравится и что онъ отпускаетъ ее отъ себя. Кто нибудь изъ предстоящихъ тутъ же беретъ отвергнутую жену, приводитъ къ себѣ въ домъ и живетъ съ нею, пока она ему не наскучитъ. Если же пожелаетъ оставить ее, то долженъ объявить о томъ народному собранію, что производится прежнимъ порядкомъ.

Извѣстіе Корба о Донскихъ бракахъ совершенно согласно съ описаніемъ Г. Сухорукова, помѣщеннымъ въ Русской старинѣ Карниловича, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдній, какъ уроженецъ того края, говоритъ объ этомъ гораздо подробнѣе.

IV.

О СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ.

«Образъ заключенія браковъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ остается неизмѣннымъ и представляетъ много отличнаго отъ обыкновенія другихъ народовъ. Жениху считается неприличнымъ видѣть свою невесту и тѣмъ менѣе искать ея руки: это дѣ-

ло свахъ, которыя, съ согласіа родителей, отправляются въ домъ отца невесты и условливаются о приданомъ. Если жена, по смерти мужа, остается бездѣтною, то она беретъ назадъ свое приданое или получаетъ столько, сколько оно стоило; если же у нея есть дѣти, то ей выделяется третья часть изъ имѣнія мужа, а иногда и болѣе, смотря по распоряженію послѣдняго. Помолвивъ вступающихъ въ бракъ, родители или родственники невесты даютъ росписку въ томъ, что дѣвушка невинна. Это не рѣдко бываетъ причиною тяжбъ, если будущій мужъ имѣетъ основательную причину сомнѣваться въ цѣломудріи своей нарѣченной, или откроетъ обманъ на самомъ дѣлѣ. Во все это время женихъ и невеста не могутъ видѣться и говорить другъ съ другомъ. Наконецъ, по назначеніи дня бракосочетанія отецъ призываетъ къ себѣ дочь, которая является къ нему съ закрытымъ лицемъ; слегка бьетъ ее прутикомъ, приговаривая: «Пусть этотъ послѣдній ударъ напомнитъ тебѣ, любезнѣйшая дочь, о родительской власти, подъ которою ты до сихъ поръ жила. Не забывай, что изъ моихъ рукъ ты переходишь во власть мужа; если не будешь почитать его и дѣлать ему угоднаго, то онъ, вмѣсто меня, будетъ тебя наказывать этой розгой.» Сказавши, отецъ отдаетъ пруть жениху, который въ короткихъ словахъ извиняется, говоря, что онъ не надѣется имѣть въ немъ нужды; однакожь беретъ пруть и закладываетъ за поясъ, какъ драгоценность. Подъ вечеръ, на канунъ сватбы, невеста, въ сопровожденіи матери и другихъ родственницъ, отправляется въ

колымагъ къ жениху, забравши одежду, постель и всѣ свадебныя принадлежности. Послѣ этого убираютъ брачное ложе и кладутъ на него невесту, тщательно карауля ее въ продолженіи цѣлой ночи отъ нескромныхъ взглядовъ жениха. Когда начинается разсвѣтать, невеста, закрывши лице бѣлымъ покрываломъ, отправляется въ церковь съ своими родственниками и подругами, а женихъ—съ своими. Обыкновенно ѣздятъ въ экипажахъ, даже люди бѣднаго состоянія, хотя бы храмъ былъ близко. Слова, произносимыя Священникомъ и весь обрядъ бракосочетанія производится почти также, какъ и у другихъ Христіанъ. Молодые въ знакъ супружеской вѣрности обмѣниваются кольцами. Служитель алтаря беретъ у жениха правую, а у невесты лѣвую руку, и соединяетъ ихъ; послѣ чего новобрачная падаетъ къ ногамъ мужа, и въ знакъ покорности дотрогивается до его сапогъ; а женихъ прикрываетъ ее полою платья, давая тѣмъ знать, что она поступаетъ подъ его покровительство. Послѣ этого друзья и родственники кланяются новобрачнымъ, изъявляя имъ свою приверженность и готовность къ услугамъ. Наконецъ отецъ жениха вручаетъ хлѣбъ (каравай) Священнику, который, какъ можно скорѣе, передаетъ его въ руки отца невесты и требуетъ, чтобы въ назначенный день доставлено было жениху обшанное приданое. Потомъ, взявши хлѣбъ (каравай) невесты, разламываетъ его на нѣсколько частей, и даетъ по одной каждому изъ присутствующихъ родственниковъ, въ залогъ общей любви и единодушія, т. е. чтобы сердца ихъ, подобно хлѣбу, составляли

одно цѣлое. По совершеніи всѣхъ этихъ обрядовъ, женихъ ведетъ невѣсту къ преддверію храма, и подноситъ ей полный стаканъ вина. Она, взявъ стаканъ, пьетъ изъ него подъ покрываломъ. Послѣ чего оба, съ своими друзьями, отираются въ домъ родителя, гдѣ, у входа, на крыльцѣ посыпаютъ зернами въ знакъ изобилія и достатка. * Между тѣмъ, пока гости пируютъ, новобрачные приступаютъ къ исполненію супружескихъ обязанностей: сначала они находятся въ комнатѣ одни; но потомъ, по прошествіи двухъ или трехъ часовъ, собесѣдники назначаютъ изъ среды своей нѣсколько выбранныхъ, чтобъ узнать у жениха: какъ онъ нашелъ невѣсту. Если онъ засвидѣтельствуетъ ея невинность, то все собраніе предается изъявленію шумной радости; послѣ чего ведутъ новобрачныхъ въ баню, украшенную цвѣтами и усыпанную благовонными травами. Выпарившись здѣсь, сколько душъ угодно, отправляются въ церковь воздать благодареніе Богу и просить Его благословеніе на супружеское сожитіе. Если же невѣста окажется нецѣломудренною, то женихъ съ безчестіемъ отсылаетъ ее къ родителямъ, и всѣ собесѣдники, молча, съ печалію расходятся домой. (203—212).

А. Рославскій.

Харьковъ.

* Этотъ древній обычай еще недавно повторился на Дону, на свадьбѣ въ домъ знаменитаго Платова.

О Т Р Ы В К И

И З Ъ

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО КРЫМУ.

1.

ТЕПЕКЕРМЭНЪ.

Изъ Бахчисарая въ Тепекермэнъ я сдѣлалъ первую поѣздку верхомъ. Лошадей приводятъ осѣдланыхъ, съ проводникомъ, по предписанію начальника губерніи, которое замѣняетъ подорожную на все время путешествія въ горы. За каждую версту платится на лошадь по 8 копѣекъ. Если проводникъ конный, то путешественникъ платитъ и за его лошадь; если пѣшій, то не обязывается платить. Кроме обыкновеннаго проводника, можно нанять изъ Татаръ и Грековъ, знающаго развалины и знакомаго съ замѣчательными мѣстами Крыма. Пользуясь прекрасною картою, изданною ученымъ изслѣдователемъ Крыма Г. Кешпеномъ, и предварительно ознакомившись съ мѣстностію, я иногда обходился безъ конныхъ проводниковъ, заранее отпращивая пѣшаго въ селеніе, до котораго бралъ лошадей.

Книга IV.

7

Это доставляло мнѣ особенное удобство посѣщать тѣ мѣста, которыя не входили въ маршрутъ, и оставаться въ каждомъ сколько хотѣлось. Ничтожная плата всегда удовлетворила Татарина, проводившаго иногда цѣлый день въ ожиданіи меня.

Отъ Бахчисарая до Тепекермэна считаютъ около пяти верстѣ. Сначала путь идетъ черезъ предмѣстіе *Салачахъ* или *Солопчакъ* по каменистому ущелію. При поворотѣ къ Успенскому монастырю встрѣчается памятникъ Менглигирея и близъ него остатки зданій: изразцы и щебень. Здѣсь, говорятъ, былъ Ханскій дворецъ: еще недавно зеленѣли уцѣлѣвшія лозы винограда. Минувавши скалу Чуфуть-Кале, дорога вводитъ въ густой кустарникъ и вѣтается по холмамъ до самаго Тепекермэна. Растительность здѣсь богата; птицъ и звѣрей изобиліе. Не проѣхавши версты, мы согнали нѣсколько зайцевъ и куропатокъ. Сюда отправляются за ними охотники изъ окрестныхъ мѣстъ. Но вообще въ Крыму, не смотря на множество дичи: дрофѣ, стрепетовѣ, гуссѣ, лебедей, утокъ, куропатокъ и пр., охотниковъ очень мало, и то большею частію изъ высшаго сословія или изъ переселившихся Малороссіянъ: Татары почти не имѣютъ огнестрѣльнаго оружія. Не достатокъ въ охотникахъ причиною постоянного изобилія дичи въ Крыму: я зналъ крестьянина, который въ 10 верстахъ отъ Губернскаго города, въ одинъ день, убилъ 19 драфѣ и 7 стрепетовѣ.

Выбравшись тропинкою изъ мѣлкаго кустарника, мы выѣхали на широкой уступѣ, на которомъ пи-

рамидално возвышался *Тепекермэнъ*. Вершина горы состоитъ изъ сплошнаго камня, въ которомъ видны отверстія пещеръ. Сюда пригоняютъ пастухи стада во время жаровъ и бурь. Почти до самыхъ пещеръ можно ѣхать верхомъ. Площадь горы занимаетъ болѣе ста саженой въ длину, и мѣстами покрыта кустарникомъ. Въ глубинѣ ея изсѣчены пещеры и въ нихъ надобно спускаться съ верху горы, какъ въ подполье. Другія пещеры, высѣченные въ отвѣсномъ утесѣ, въ два и три яруса, впрочемъ безъ особенной правильности. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились человѣческія кости, въ другихъ черешки, грубой, но необыкновенно прочной работы.

Подобныя пещеры, еще въ большемъ размѣрѣ и количествѣ, видны въ *Инкермэнѣ*, *Черкескермэнѣ* и другихъ скалахъ. Не разрѣшая вопроса къмъ и съ какой цѣлю онѣ изсѣчены, познакомимся прежде съ ихъ устройствомъ.... «Всѣ сіи скалы, пишетъ одинъ путешественникъ, были изсѣчены руками человѣческими, начиная отъ самой вершины оныхъ внизъ на нѣсколько саженой въ глубину.... жилища въ *Джингискермэнскихъ* скалахъ, почти всѣ между собою сходны, но имѣютъ три отличительныя формы. Онѣ или не правильно круглы или овалны, или четырехугольны, и разнятся только величиною.... Нѣкоторыя изъ нихъ совершенно пусты, въ другихъ же можно видѣть скамьи, сдѣланныя во кругъ стѣнъ, родъ низкихъ кроватей, стулья и табуреты, поставленныя посрединѣ горницы. Всѣ сіи уборы изсѣчены въ самыхъ скалахъ, и судя по ихъ величинѣ и формѣ, люди употреблявшіе ихъ должны

*

были имѣть обыкновенный ростъ. Входы въ сія жилища довольно высоки, и для человека средняго роста можно проходить черезъ оныя свободно....⁽¹⁾

Другой путешественникъ, Кеппенъ, изучавшій древности «говоритъ: къ достойно примѣчательнымъ мѣстамъ Крыма принадлежитъ и Тепекермэнъ или Тепекермэнъ, коническая отдѣльно стоящая гора на землѣ города Бахчисарая, при межѣ Штюрюнской округи.»⁽²⁾ На вершинѣ горы въ скалѣ изсѣчена церковь. «Здѣсь же по словамъ Тунмана находилось укрѣпленіе, которое можетъ принадлежать къ древнѣйшимъ постройкамъ этого рода. Я не могу похвалиться тѣмъ что видѣлъ явныя примѣты сего укрѣпленія; но дѣйствительно замѣтилъ на-вершинѣ горы слѣды построекъ и въ одномъ мѣстѣ, сложенные четверугольникомъ, какъ для стѣнъ, огромныя, мхомъ поросшія камни, въ числѣ коихъ нѣкоторые длиною почти въ сажень.»⁽³⁾

Мнѣнія писателей о народѣ, сдѣлавшемъ пещеры, различны. Нѣкоторые относятъ ихъ къ глубокой древности и видятъ въ нихъ жилища первобытныхъ людей, другіе почитаютъ укрѣпленіями, а одинокія пещеры ведетами. Мѣстное повѣріе относитъ ихъ ко времени какого-то потопа; даже указывая на желѣзные кольца, вбитые въ отвѣсныхъ скалахъ, говорятъ, что къ нимъ привязывали корабли, когда приставали къ берегамъ.

Мнѣ кажется, что эти пещеры относятся къ первымъ вѣкамъ христіанства и изсѣчены Греческими выходцами или другимъ народамъ; но во всякомъ

случаѣ по религиозной мысли. Это были духовныя общины изъ людей добровольно посвятившихъ себя отшельничеству или загнанныхъ притѣснителями вѣры. Признаки такихъ общинъ явно уцѣлѣли въ *Инкерманъ*, *Черкескерманъ*, на мѣстѣ пыньшняго *Успенскаго монастыря*, въ *Кичи-Кальень*, въ *Демерджи*, *Чатырдачь* и другихъ мѣстахъ. Такою же общиною былъ и *Тепекерманъ*, и всѣ они вѣроятно были въ связи между собою. Въ нихъ уцѣлѣли остатки церквей; а *Успенскій монастырь*, близъ *Бахчисарая*, сохранилъ до нашего времени свое религиозное значеніе, и въ этомъ отношеніи долженъ обратить на себя особенное вниманіе. Къ подтвержденію этой мысли о пещерахъ служатъ кресты, высѣченные на стѣнахъ, и даже группы каменныхъ столбовъ на вершинѣ *Демерджи*, которыя и теперь почитаютъ въ народѣ окаменѣвшими монахами. Во многихъ мѣстахъ видны, по ущеліямъ, одинокія пещеры, то въ обрывѣ скалы, то въ огромномъ оборвавшемся камнѣ. Здѣсь вѣроятно жили самые строгіе отшельники. Вообще неудобство помѣщеній въ пещерахъ и почти совершенное разообщеніе съ населенными мѣстами приличны людямъ, посвятившимъ жизнь свою лишеніямъ. Замѣчательно и то, что во всѣхъ этихъ общинахъ не видно искусственныхъ укрѣпленій: стѣнъ башенъ замковъ, въ то время, когда они сохранились подлѣ, на другихъ высотахъ, въ которыхъ или совсѣмъ нѣтъ пещеръ или очень не много. И вообще, гдѣ находите пещеры какъ остатки общинъ, тамъ просто и ясно видны слѣды жилья: комнаты грубой работы, переходы,

лѣстницы, стулья, столы, и нигдѣ не замѣтно слѣдовъ укрѣпленій; и напротивъ гдѣ явны остатки укрѣпленій, на пр. въ Ммангупѣ, Балаклавѣ и въ другихъ городахъ, тамъ почти нѣтъ пещеръ или очень мало. Въ послѣдствіи времени пещеры могли быть жилищами притѣсненныхъ и загнанныхъ въ горы племенъ: даже во времена гибели Генуэзцевъ, въ исходѣ XV вѣка, многіе изъ нихъ бѣжали въ горы и вѣроятно искали спасенія въ ущеліяхъ и пещерахъ.

Эти пещеры такъ любопытны, что могутъ составить предметъ особенныхъ изслѣдованій.....

II.

МАНГУПЪ.

Ничто, въ какой бы то ни было части Европы, не превосходитъ ужасной величественности этого мѣста (Кларке о *Мангупѣ*).

....День склонялся къ вечеру, когда мы пріѣхали въ *Каралесъ* или *Каралязъ*, т. е. деревню *Чернаго Ильи*, а отъ чего она получила это названіе — Богъ знаетъ. Утомленные верховою ѣздою и жаромъ распаленнаго воздуха, мы были рады отдохнуть, и мечтали, какъ расположимся у гостепріимнаго владѣльца на мягкихъ диванахъ, какъ поднесутъ намъ по чаше шербета и по трубкѣ анатоляскаго табаку. Съ этой мечтою, забывая объ усталости, мы подѣхали къ дому Адильбей. Онъ былъ у себя и сидѣлъ во дворѣ, подъ наметомъ, въ бѣломъ халатѣ, на высокой и широкой лавкѣ, устланной коврами,

поджавши ноги и пуская клубы дыма. Адильбей говорить по-русски: онъ служилъ въ военной службѣ, бился противъ Французовъ, гналъ ихъ за пределы Германіи и теперь отдыхаетъ въ своемъ живописномъ Каралесѣ. Здѣсь у него хорошій, почти Европейскій домъ; подъ окнами бѣжитъ ручей — быстрый и порою шумный, какъ всѣ горныя ручьи. Въ этомъ ручьѣ Адильбей ловить вкусныхъ форелей, кушаетъ ихъ самъ и угощаетъ гостей. Немного далѣе шумятъ мельничныя колеса. Въ удобныхъ мѣстахъ и на удобренной землѣ садятъ табакъ и сѣютъ хлѣбъ. Сквозь высокіе, стройныя тополи, около которыхъ игралъ сынъ Адильбея, это милое дитя въ Черкескомъ платьѣ, видны окрестныя долины, скалы и горы, куда отправляется ихъ владѣтель на охоту за лисицами, зайцами, волками и дикими козами. Съ другой стороны, на взгорьи, красуется мечеть, отъ которой любовался окрестными видами нашъ любимый поэтъ Жуковскій, куда собираются на богомолье жители Каралеса. Хорошо и привольно жить Адильбею: у него не одинъ Каралесъ, у него много деревень — и *Черкесъ-Керманъ*, славный своими ущеліями и пещерами, и *Ходжа-Салы* у подножія Мангуца и гора *Мангунъ* съ развалинами древнихъ укрѣпленій. Мудрено ли послѣ этого, что владѣлецъ живописныхъ долинъ, горъ, и чуть недопотопныхъ развалинъ, славится гостеприимствомъ; мудрено ли, что и мы съ товарищемъ мечтали о восточномъ кейфѣ. Но, на этотъ разъ, дѣло обошлось безъ кейфа, безъ шербета, безъ трубокъ, безъ дивановъ. Принятые ласково, мы разговори-

лись о житье-бытье, о Каралесе, Мангунѣ, Черкесь-Керменѣ, — и такъ увлеклись расказами, что, выпивши по стакану прекрасной ключевой воды, отправились въ черкескерменскія пещеры и ущелья.

Да, мы не раскаялись въ этой поѣздкѣ, хотя мой утомленный товарищъ, для удобства, ѣхалъ чуть не по-дамски, перекинувши правую ногу чрезъ переднюю луку сѣдла.

Въ Черкесь-Керменѣ засталъ насъ поздній вечеръ. По улицамъ изъ сплошнаго камня ходили Татары и бродилъ незагнанный скотъ; въ огромныхъ пещерахъ, изсѣченныхъ въ каменныхъ стѣнахъ ущелья, кочевали Цыгане: кто игралъ на скрыпкѣ, кто пѣлъ, кто ковалъ желѣзо, кто, безъ дѣла, увеличивалъ и разнообразилъ живыя группы, сбравшіяся около огней.

Оставивши за собою деревню, мы ѣхали шагомъ, и не знаю отъ чего не говорили ни слова, а готовъ поручиться, что думали объ одномъ. И какъ было намъ не думать объ одномъ: мы съ товарищемъ выросли подъ вліяніемъ нашей сѣверной природы, привыкли къ ея лѣсамъ, ея рѣкамъ и пригоркамъ, которые называемъ горами, къ русскимъ обычаямъ и языку, — а теперь вокругъ насъ все новое: посреди отвѣсныхъ утесовъ глубокое ущелье и надъ нимъ отъ всего неба видна только одна узкая полоса; надъ бѣдными жилищами людей взгромодились скалы и, кажется, подавляютъ ихъ своимъ величіемъ. Тамъ мелькаетъ женщина, закутанная въ бѣлое покрывало; тамъ верховый ѣздокъ въ буркѣ и черной, мѣховой шап-

къ; тамъ расположилась толпа праздныхъ Татаръ и, молча, дѣлаетъ кейфъ; тамъ кочующіе Цыгане въ пещерахъ, — Богъ вѣсть кѣмъ и когда изсѣченныхъ. Другая природа, другіе люди. Какъ же было не задуматься, особенно здѣсь въ Черкесь-Керманъ, гдѣ природа бѣдна и грозна, гдѣ каждый звукъ, каждый шагъ лошади разсыпается звонкимъ эхомъ по ущелію и пещерамъ; гдѣ памятники переступили за грань исторіи и преданій, и въ убжищахъ пещеръ скрывается другое бѣдное, безпріютное племя. . . .

Вотъ отъ чего мы ѣхали молча; вотъ вѣрно о чемъ задумались.

Но я было забылъ сказать, что мы ѣхали опять въ Каралесъ, опять къ почтенному Адильбею: онъ пригласилъ насъ на ночлегъ, если не вздумаемъ остаться въ Черкесь-Керманъ. Признаюсь, теперь мы готовы были завоевать какую нибудь комнату; но дѣло обошлось безъ войны: намъ отвели просторную гостиную. На мягкихъ диванахъ постлали прекрасныя одѣяла и мягкія подушки. Подали соты, бѣлыя и прозрачныя, какія можно найти только въ Крыму; подали масло, сыръ, сливки и, въ заключеніе всего, трубки и даже чай. Не знаю какъ я успѣлъ набросать замѣтки въ мою дорожную книжку, не помню, какъ заснулъ; знаю только, что едва занялся свѣтъ, а нашъ вѣрный проводникъ Аметъ тянетъ съ меня одѣяло: — поѣдемъ, боляръ! Гайда!

Дорога изъ Каралеса къ Мангуну довольно разнообразна. На лѣво верстахъ въ двухъ и трехъ

живописныя каменныя скалы; на право отлогія возвышенности; вдали верхи горъ и между ними всѣхъ огромнѣе плоская вершина Мангуна.

Кто бывалъ въ горахъ съ разсвѣтомъ дня, тотъ любовался смѣшеніемъ свѣта и тѣни, сближеніемъ дня и темной ночи. Роскошна зелень, блестящи вершины скалъ, озаренныя первыми лучами солнца; мрачны склоны горъ, обросшія лѣсами и обращенныя къ западу. Кто не былъ въ горахъ, тотъ пусть спѣшитъ полюбоваться въ нихъ и съ нихъ міромъ Божіимъ. Для него нѣтъ ни слова, ни кисти: въ его душѣ не найдетъ полнаго сочувствія ни поэтъ, ни живописецъ.

Отѣхавши отъ Каралеса версты три, мы продолжали нашъ путь по глубокому логу. Въ немъ разведены табачныя плантаціи; повнше ихъ сады, полоски дозрѣвающаго хлѣба, огороженныя плетнемъ, по которому вились мѣстами какія-то большія бѣлыя цвѣты въ родѣ колокольчиковъ; мѣстами видны кусты шиповника, еще не совсѣмъ отцвѣтшаго. На лѣво, противъ самой деревни Ходжа-Салы, расположенной у подножія Мангуна, возвышался крутой мысъ; почти на самой его вершинѣ бьетъ ключъ, и вода, сбѣгая по жалобамъ съ высоты нѣсколькихъ десятковъ саженой, струится къ деревнѣ. Мы остановились близъ этого мѣста, чтобъ полюбоваться мрачнымъ, величественнымъ видомъ Мангуна и срисовать его.

Окруженный со всѣхъ сторонъ цѣпами горъ и холмовъ, Мангунъ стоитъ одиноко въ долинь. Вершину его, подобно Чатырдагу, составляетъ широ-

кая площадь; по крутому взгорью темнеют леса и видны полянки, покрытыя травою. Самый верхъ увѣнчанъ скалами отвѣсными, какъ стѣны; надъ ними кое-гдѣ растутъ южныя сосны, съ распростертыми вѣтвями, бѣдными зеленою. Три глубокихъ лога врезались въ Мангупскую гору, съ сѣверо-западной стороны и образовали четыре мыса; они какъ будто выглядываютъ одинъ изъ-за другаго, и самый дальный изъ нихъ, такъ скраденный перспективою, самый обрывистый, самый страшный. Въ немъ и отсюда замѣтны отверстія пещеръ и видны высокія стѣны скалъ.

По срединѣ втораго лога перегибается стѣна древней крѣпости, бѣлѣютъ высокія опустѣвшія башни, и тамъ тишина — и все развалина... У подножія горы, подъ навѣсомъ высотъ перваго мыса, Татарская деревня Ходжа-Салы, и въ ней слышны пѣсни и говоръ жизни...

Приѣхавши въ деревню, мы взяли въ провожатые мальчика. Онъ шелъ впереди насъ такъ быстро и легко, что лошади едва успѣвали слѣдовать за нимъ самымъ ускореннымъ шагомъ. Тропинка, удобная для верховой ѣзды, вилась по взгорью между деревьями, и вела къ широкому логу, который подымался до самаго верха горы; по его срединѣ перегибалась передовая стѣна крѣпости Мангупъ-Кале, примыкая обоими концами къ неприступнымъ скаламъ. Во многихъ мѣстахъ она разрушена; въ нѣкоторыхъ видны обвалившіяся башни. Мнѣ хотѣлось вымѣрять эту стѣну хотя шагами, но груды

развалинъ, но частый кустарникъ, крутизна спуска и подъема заставили отложить предпріятіе. По приблизительному счету, во всей передовой стѣнѣ не менѣе 400 шаговъ. Слѣва, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она примыкаетъ къ высокимъ скаламъ, высѣченны въ нихъ пещеры — то, одинокія, то двухъ-этажныя, съ лѣстницами грубой работы или, можетъ быть, обезображенными временемъ и непогодами. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ сдѣланы какія-то углубленія, прорублены неправильныя двери и кругловатыя окна, отъенныя лозами одичавшаго винограда.

За стѣною лѣжитъ тотъ-же логъ, поднявшійся на самый верхъ горы и, какъ грудями обломковъ, заваленный надгробными памятниками Караимовъ. Большая часть памятниковъ покрыта письменами; другіе совершенно обезображены временемъ, и не осталось на нихъ слѣда надписей. Пробравшись по забытому праху людей, среди тлѣющихъ надгробій, къ которымъ не привязано ни одно чувство — для которыхъ уже нѣтъ здѣсь ни любви, ни ненависти, ни даже памяти — мы поднялись на вершину горы, и цѣлыя селенія раскинулись подъ нашими ногами; за 30 верстъ виднѣлся Севастополь; за нимъ свѣтилось море; надъ всѣмъ раскинулся лазурный пологъ неба — и легкіе облака какъ духи вились надъ землею. На самой вершинѣ посреди развалинъ и надгробныхъ памятниковъ, мы встрѣтили столѣтняго старика съ дочерью и малюткою внукомъ. Здѣсь у него шалашъ и огородъ, и онъ единственный жилецъ Мангупа, нѣкогда грознаго и многолюднаго. Близъ его шалаша бьетъ ключъ и, про-

точивши себѣ путь въ вершинѣ горы, сбѣгаетъ въ глубину лога. Подлѣ ключа видны остатки башни, подлѣ защитою которой онѣ находился.

Недалеко отсюда остались слѣды Еврейской синагоги; далѣе, на широкой площади горы, уцѣлѣло нѣсколько обломковъ стѣнъ Греческой церкви, и на ихъ внутренней сторонѣ сохранились слѣды живописи; но уже не возможно различить ни одного изображенія. Во времена Палласа, посѣтившаго эти мѣста за 40 лѣтъ прежде насъ, были видны образа и ликъ Пресвятой Дѣвы. На западъ отъ церкви, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженьхъ, идутъ крѣпостныя стѣны, направляясь къ сѣверо-востоку и перерѣзывая вершины логовъ, которые вдаются въ гору. Въ предпоследнемъ логѣ поднимаются шесть башенъ. Вблизи стѣнъ видно нѣсколько широкихъ пещеръ и въ одной изъ нихъ съ шумомъ бьетъ ключъ свѣжей чистой воды. Утомленные ходьбою и жаромъ дня, мы сѣли на лошадей и поѣхали отдохнуть въ эту пещеру. Здѣсь, едва я не заплатилъ за поспѣшность, съ какою въѣхалъ во внутренность пещеры: при началѣ ея потолокъ высокъ, но чѣмъ далѣе, тѣмъ склоняется ниже, а моя лошадь такъ обрадовалась прокладѣ, что бросилась вдругъ въ глубину пещеры; я склонился къ передней лукѣ сѣдла, и былъ такъ сильно прижатъ къ ней грудью, что и на другія сутки чувствовалъ вліяніе неожиданнаго путешествія. Отдохнувши здѣсь, мы отправились къ замку или второму укрѣпленію. При выѣздѣ изъ лога видно Татарское кладбище съ памятниками, обвитыми чалмами, еще далѣе вся пло-

щадь горы усыяна щебнемъ и камнями, послѣдними остатками зданій; при вѣздѣ въ замокъ стоятъ остатки мечети, уцѣлѣвшіе болѣе другихъ зданій. Внутренность ея довольно хорошо сохранилась и виденъ михрабъ, или мугамеданскій алтарь, обращенный на западъ. Близъ мечети, въ направленіи почти къ югу, сдѣлано нѣсколько пещеръ, съ ступеньками въ эти подземныя жилища. Въ замокъ ведутъ черезъ обломки камней небольшія ворота, сдѣланныя въ стѣнѣ, которая идетъ поперекъ всей площади мыса. Стѣна толщиною до трехъ аршинъ, сложена изъ дикаго и известковаго камня.

Сторона дома, ко внутренней замка, уцѣлѣла болѣе другихъ. Этотъ замокъ защищалъ ворота и озираетъ всю площадь горы. По огромнымъ окнамъ, сохранившимся только въ этой стѣнѣ, видно, что домъ былъ двухъ-этажный; косяки оконъ украшены изображеніемъ въ родѣ готическомъ: на нихъ сдѣланы звезды изъ нѣсколькихъ угловатыхъ линий, или что-то въ родѣ цвѣткѣвъ изъ сплетенныхъ кругѣвъ. Другія стѣны дома пали и образовали собою груды развалинъ, подъ которыми замѣтны входы; еще держится одна часть юго-восточной поперечной стѣны и изъ небольшихъ каридорцевъ идетъ выходъ на стѣну, примкнувшую къ самому дому. На лѣво эта стѣна вдругъ обрывается надъ уступомъ горы, и за нею внизу видны долины и верхи горъ, на право за баннею, повисшею надъ страшнымъ обрывомъ, видны холмы, море и едва бѣлѣетъ Севастополь.

Въ этомъ домѣ Татарскіе ханы заключали нашихъ посланниковъ. «Въ этомъ домѣ, говоритъ одинъ писатель, посѣтившій Мангупъ за 250 лѣтъ до нашего времени, по варварской жестокости хановъ, иногда содержатся въ заключеніи Московскіе послы, съ которыми безчеловѣчно поступаютъ.» (1).

Въ 1572-мъ году, любимецъ Іоанна IV, Василій Грязной, былъ захваченъ Татарами на Молочныхъ водахъ, посаженъ въ Мангупъ и протомился въ немъ пять лѣтъ. Онъ писалъ къ Іоанну: «не у браги увѣчья добывъ и не съ печи убившись содержался очень худо, и толькобъ не Государская милость застала душу въ тѣлѣ ино было съ голоду и съ наготы умерти.» (2).

Не далеко отъ стѣны есть двѣ подземныя пещеры, и изъ нихъ прорублено окно въ самомъ обрывѣ. Оконечность замка образуетъ узкій мысъ изъ гóлаго камня безъ признаковъ растительности. Близъ него въ пещерахъ замѣтны слѣды жилья. Во внутренности мыса въ камень изсѣчены комнаты. Въ глубину первой комнаты ведутъ семь ступеней. Длинною она шаговъ 12. Въ ней четыре неровныя, большія отверстія на всѣ четыре стороны. На противоположномъ отъ входа концѣ, другія пять ступеней выводятъ на небольшой мысокъ уступа. Подъ этой комнатной есть еще нѣсколько пещеръ или комнатъ, и въ нихъ ведутъ двѣ лѣстницы, одна внутренняя, высѣчная въ скаль, другая внѣшняя подъ навѣсомъ скалы, надъ пропастью. Въ этихъ подземныхъ жилищахъ сдѣлано семь комнатъ: первую можно на-

звать залюю: по срединѣ ея изъ той же скалы высѣченъ столбъ, поддерживающій потолокъ — эту массу камня, толщиною въ нѣсколько саженой. Прямо изъ этой комнаты устроены еще три.

Кому же принадлежала эта крѣпость? Какой народъ предпринялъ страшный трудъ, изсѣкать пещеры и цѣлыя зданія, врываясь въ глубину скалъ? Кто, спасавши свою жизнь и, быть можетъ, оберегавши страну, жилъ здѣсь между небомъ и землею, въ этой подоблачной пустынь, разобщенной отъ общества людей?

Взглянемъ еще на памятники разныхъ народовъ, и на развалины крѣпости: въ ней есть остатки мечети, *Караимское кладбище*, *Греческая церковь*. Стѣны крѣпости кладены на извести большими плитами; устройство круглыхъ и четырехъ-угольныхъ башенъ обнаруживаетъ вкусъ *Европейской*. Украшенія, уцѣлѣвшія на окнахъ, сдѣланы во вкусъ *готическомъ*.

Кѣмъ же изъ этихъ народовъ основанъ Мангупъ-Кале?

Конечно не Татарами. Они держали въ крѣпкой зависимости Грековъ и Готфовъ, владѣвшихъ горной частью Крыма, брали съ нихъ дань, а сами жили съ своими стадами въ степяхъ, и только постепенно привыкали къ долинамъ. При томъ же Таттары вошли въ Крымъ около половины XIII-го вѣка. а на Караимскихъ надгробныхъ памятникахъ въ Мангупѣ отыскана надпись, на которой означены Еврейскими буквами 1274 годъ.

Караимы, сколько известно, никогда не были господами даже въ какой нибудь части Крыма, всегда жили изъ-за другихъ, и въ ихъ преданіяхъ, такъ отдаленныхъ по другимъ предметамъ, нѣтъ даже намековъ объ основаніи, здѣсь въ Крыму, какой нибудь крѣпости. Но можно предположить, что подъ Караимами мы разумѣемъ народъ, исповѣдующій Моисеевъ законъ; а Еврейскаго ли онъ племени или смѣшался съ другими племенами, трудно рѣшить. Известно только, что Хазары были Еврейскаго исповѣданія, вѣроятно Караимскаго, жили въ Крыму, и конечно живутъ теперь въ своихъ потомкахъ, быть можетъ, обитателяхъ Чуфуть-Кале.

Основаніе этой крѣпости не было дѣломъ и рукъ Генуэзскихъ, потому что она существовала въ 1274 году, — а первое Генуэзское поселеніе въ Крыму, Кафа или Феодосія, занято только въ 1266 году, или около этого времени. Притомъ Генуэзцамъ, какъ народу торговому, нужны были гавани и приморскія мѣста, а не крѣпость во внутренности земли, до основанія которой ихъ не допустили бы Татары, какъ они вскорѣ жалѣли и объ уступкѣ Кафы. И если Готфія въ исходѣ XIV вѣка перешла въ руки Генуэзцевъ, то перешла можно сказать готовая, съ городами и крѣпостями, которые могли только поддерживаться, передѣлываться, по ни въ какомъ случаѣ не были построены Генуэзцами.

Изъ этого выходитъ, что всѣ народы, владѣвшіе Крымомъ, начиная съ Татаръ, т. е. съ XIII столѣтія, должны быть отстранены отъ права на основаніе крѣпости Мангупъ-Кале.

Мангупъ-Кале основанъ ранѣе.

Ранѣе XIII вѣка властвовали въ Крыму Половцы, Печенѣги, Хазары; но и они не строили здѣсь крѣпостей, и вели жизнь, которая устраняла ихъ отъ стѣсненія въ городахъ. Была, правда, у Хазаръ на Дону крѣпость Бѣлая Вѣжа или Саркель; но она построена для обороны отъ кочевыхъ племенъ, подвигавшихся въ Европу изъ средней Азіи, сдѣлана Греческими мастерами и упоминается въ Греческихъ лѣтописяхъ. А въ Крыму Хазары были полными хозяевами и брали дань со всего, чему оставляли жизнь.

Ранѣе владычества въ Крыму этихъ народовъ господствовали въ немъ Угры, Гунны, Готфы, а въ самыя отдаленныя вѣка — Скифы, Кимеріане, и др. Во все это время, т. е. начиная лѣтъ за 500 до Р. Х., Греки имѣли здѣсь свои поселенія и удержали ихъ до позднѣйшихъ временъ.

И мнѣ кажется, что они, основавши по приморскимъ мѣстамъ города: Пантикапею, нынѣшнюю Керчь, древній Херсонесъ или Севастополь, Феодосію или Кафу, Алушту, Символонъ, Юрзуфъ и другіе; основали и внутреннія крѣпости: Паланкѳонъ, Хавунъ, Неаполисъ, Доросъ и другія, въ числѣ которыхъ былъ Мангупъ. Это вѣроятно тѣмъ болѣе, что всѣ народы, жившіе въ здѣшнихъ горахъ, были подъ зависимостію или покровительствомъ Грековъ, и Греки, впоследствии, платили съ этихъ мѣстъ и городовъ дань кочевымъ властителямъ Крыма. Правда, большая часть писателей приписываютъ построеніе Ман-

гупа Готфамъ, которые имѣли въ Крыму свою *эпархию*, удержали и сохранили свой языкъ долѣе, нежели гдѣ нибудь въ Европѣ, занимали *горную часть* Крыма отъ Севастополя до Судака, вели значительную *торговлю*, и по словамъ пѣвца Игорева: Готескія дѣвы пѣли пѣсни на берегу Синяго моря, звеня Русскимъ золотомъ. Но сколько извѣстно изъ летописей, Готфы долго не могли сносить городской жизни и, подобно древнимъ Германцамъ, смотрѣли на городскія стѣны, какъ на заключеніе; потому-то Юстиніанъ, уважая ихъ и соображаясь съ ихъ обычаями, старался сберечь ихъ, какъ союзниковъ, и оградить отъ непріятелей—не городами, но одними *стѣнами*, при входахъ въ долины и ущелья. ⁽⁴⁾ Остатки нѣкоторыхъ изъ этихъ стѣнъ сохранились до нашихъ временъ, какъ на пр. въ узкой долинѣ, которая идетъ мимо деревни Ходжа-Салы близъ Мангупа. Но когда однихъ стѣнъ, заграждавшихъ входы, было не достаточно, въ то время Греки начали строить крѣпости для своихъ союзниковъ, особенно при нашествіи Хазаръ, Печенѣговъ и Половцевъ. Даже нѣтъ причинъ думать, чтобъ эти крѣпости не существовали и прежде—на землѣ, занимаемой Готфами. И вѣроятно онѣ были защищаемы ими, вмѣстѣ съ Греками, и дали поводъ многимъ писателямъ къ предположенію, что онѣ основаны Готфами, и къ извѣстіямъ о *славномъ Готфскомъ городѣ Мангупъ или Мангутъ*, который дѣйствительно былъ ихъ столицею и въ которомъ они удержались долѣе, нежели гдѣ нибудь въ Европѣ. Но послѣ паденія Кафы въ 1475 г. палъ и неприступный Ман-

гупъ по безопасности начальника, выѣхавшаго на охоту и захваченнаго въ плѣнъ. Жители его бѣжали и почти всѣ погибли въ бѣгствѣ. ⁽⁵⁾ Нѣкоторые писатели увѣряли, что Мангупъ есть древняя *Пиритаки*, *Аргода*, *Тована* и относили его существованіе ко временамъ чуть не баснословнымъ ⁽⁶⁾.

Кладка Мангупскихъ стѣнъ та же какъ и въ древнемъ *Херсонесѣ*, размѣръ плить почти *тотъ же*. Еще за триста пятьдесятъ лѣтъ до настоящаго времени, нѣкто Броневскій, заставши уже развалины Мангупа, захваченнаго Турками и опустошеннаго пожаромъ, говоритъ, что ворота замка были украшены «*Греческими надписями и многимъ мраморомъ.*» ⁽⁷⁾ А на стѣнахъ замка видны были изображенія Греческихъ Царей. Когда Турки изгнали Генуэзцовъ изъ Кафы, то объ этомъ происшествіи Турецкій историкъ выражается такимъ образомъ: «Визирь Кедукъ Ахметъ Паша завоевалъ у *неверныхъ Франковъ* крѣпость Кефе; а у *неверныхъ Христіанъ* крѣпости: Керчь, Тамань и Мангубъ!» ⁽⁸⁾ Здѣсь, кажется, едва ли не съ намѣреніемъ сдѣлано отличіе между *Франками* и другими *неверными христіанами*, т. е. собственно Греками.

По взятіи крѣпости Турками, захвачены въ ней *Греческіе Князья*, которыхъ Порта отправляла послами къ Русскому двору; одинъ изъ нихъ названъ въ нашихъ лѣтописяхъ: *Князь Кемаль* (господинъ, владѣлецъ) *Мангупскій.* ⁽⁹⁾

Въ первый же разъ о Мангупѣ упоминается у насъ, сколько извѣстно, подъ годомъ 1481, уже по взятіи его Турками. ⁽¹⁰⁾

И такъ, ходъ историческихъ происшествій, образъ жизни, владѣвшихъ въ Крыму народовъ, остатки памятниковъ — доказываютъ, что Мангупская крѣпость основана Греками. Здѣсь они съ своими союзниками Готфами, составлявшими главную массу населенія, держались до завоеванія Крыма Турками. По другимъ памятникамъ видно, что вмѣстѣ съ ними жили здѣсь Караимы Еврейскаго племени, а можетъ быть и самые Хазары, принявшіе Еврейскую вѣру. Татары начали селиться въ этой крѣпости, кажется, не ранѣе XV столѣтія, т. е. послѣ совершеннаго покоренія ея Турками въ 1475 г. Не имѣя морской силы и привыкнувъ почти къ кочевой жизни, Татары долго удовлетворялись одною данью съ Греческихъ приморскихъ и внутреннихъ городовъ; Генуэзцы, усилившись въ Кафѣ, вмѣшивались въ дѣла Татаръ и нерѣдко располагали ими по своимъ видамъ. Но Турки, сильные флотомъ и сухопутнымъ войскомъ, окончательно и вполне покорили весь Крымъ. Съ этого времени палъ и запустѣлъ Мангупъ. Долго держались развалины его укрѣпленій. Во времена Палласа въ нихъ уже не было жителей: только нѣсколько Евреевъ приходили сюда выдѣлывать кожи.

Названіе крѣпости Мангуца стало извѣстно только во времена Татарскаго владычества, и потому можно предполагать, что это слово Татарское, тѣмъ болѣе, что у нихъ есть имя Мангу, и въ путешествіи Гиббеля по заволжскимъ степямъ упоминается о какомъ-то *Мангупъ*.⁽¹¹⁾ Нѣкоторые изъ вышедшихъ отсюда Караимовъ удержали названіе Мангу-

па; одна изъ этихъ семей живеть въ Козловъ. Вѣроятно Караимы были послѣдними жителями Мангупа и оставили его развалины, по трудности и отдаленности пути въ торговья мѣста Крыма.

Теперь владѣлецъ Мангупской горы и разваливъ крѣпости разбираетъ остатки дома, въ которомъ заключали Русскихъ пословъ, и перевозить ихъ, для домашнихъ построекъ, въ свой живописный Каралесь.

III.

БАЙДАРЫ И МЕРДВЕНЬ.

.... Дорога изъ Мангупа круто сбѣгаетъ около мыса, подъ нависшими утесами. По ней можно ѣздить въ телегахъ. Съ каждымъ шагомъ внизъ—она какъ будто вырастаетъ и становится грознѣе.... Далѣе, къ Байдарамъ она перегибается съ горы на гору, такъ что едва спуститесь съ одной и уже поднимаетесь на другую. Желая сократить путь, мы пробирались тропинками и на каждомъ шагу встрѣчали новые виды: то обнаженныя каменистыя скалы, то богатую растительность. Съ каждой горы открывались верхи другихъ горъ и подымалась мрачная вершина Чатырдага. Приближаясь къ Байдарамъ, почва земли плодороднѣе, лѣса тѣнисты и роскошны, вездѣ: клень, южный дубъ, грабина, простый дубъ, орѣшникъ — высоко обвитые плетушимися травами. Спускъ въ долину удобенъ, но при обыкновенной ѣздѣ продолжается болѣе часа. Долина раскидывается какъ чаша, окру-

женная подоблачными горами, полная лѣсовъ, садовъ, деревень, полянъ—и посрединѣ ея вѣтается быстрый, горный ручей. По лугамъ и холмамъ разсыпаны стада, по тропинкамъ мелькають пешеходы, вершники, и порою доносятся голоса ихъ пѣсенъ и веселый ихъ крикъ. Въ селеніи Байдарахъ считается до 370 душъ Татаръ, мечеть, греческая гостинница, двѣ татарскія лавки, съ товарами изъ Бахчи-сарая. Вся долина принадлежитъ Н. С. Мордвинову, но крестьяне вольные, нуждаются въ землѣ и лѣсѣ, и нанимають и покупають ихъ у владѣльца. Дорога изъ Байдаръ къ Мердвеню не замѣтно подымается въ горы, на самый хребетъ *Яйлы*. Она довольно удобна для большихъ экипажей. Во многихъ мѣстахъ бьють ключи и подъ тѣнью деревьевъ устроены фонтаны; вокругъ огромные лѣса, и вездѣ пріютъ и тѣнь для путника; все успокоиваетъ и тѣло и душу, и радъ ѣхать шагъ-за-шагомъ, спокойно колыхаясь въ мягкомъ сѣдлѣ...

И вдругъ Мердвень.

Рука не вольно затянула поводъ... лошадь стала.... Вы на хребтѣ *Яйлы*; предъ вами, въ этой широкой разсылинѣ, высѣчена дорога на взморье. Деревья еще заслоняють видъ, и сквозь ихъ зелень онъ становится страшнѣе и привлекательнѣе. Еще шагъ впередъ... бросьте поводъ, взойдите на груды камней, завалившихъ спускъ ко взморью: скалы налѣво выстроились рядами и выглядываютъ одна изъ-за другой; онъ разстреснуты какъ будто отъ сильнаго жара, и по ихъ трещинамъ растетъ кустарникъ; скала налѣво отъ вершины до основанія

гладка, какъ стѣна, и проборожена въ длину небольшою трещиною, въ которой растутъ травы и кусты, и надъ самымъ отвѣсомъ простерла свои бѣдныя вѣтви одинокая приморская сосна. Подъ вашими ногами за нѣсколько сотъ сажень въ низу небольшая площадка: это часть южнаго берега, зеленѣющаго садами; на немъ едва замѣтны двѣ дачи, обсаженныя раинами. Далѣе—безконечность моря и безконечность неба — корабли и облака....

Не вдругъ оторветесь отъ этого вида; не вдругъ рѣшитесь спуститься по страшной лѣстницѣ, которую прозвали *Чортовой*, на южный берегъ, въ этотъ садъ *Ариды*.

Вадимъ Пассекъ.

Дача Темиръ-Аги.

ОКРЕСТНОСТИ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ.

КУРГАНЫ. УБИЕНІЕ СВ. КНЯЗЯ БОРИСА. ДРЕВНІЕ КРЕСТЫ.
ДРЕВНІЙ ЕВРЕЙСКІЙ ПАМЯТНИКЪ.

Переяславль, въ настоящее время, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго и принадлежитъ къ числу многихъ уѣздныхъ городовъ, которые не привлекаютъ ни мѣстоположеніемъ, ни выгодами промышленности, ни общественною образованностію. Но имя его отзывается чѣмъ-то знакомымъ, не только въ Малороссіи, но и въ Россіи. Вѣроятно, эта известность передана и утвердилась за Переяславлемъ историческими событіями, которыми онъ, въ продолженіи почти 1000 лѣтъ, выступаетъ изъ ряда городовъ.

Наши предки относили его основаніе — то ко временамъ Олега, то говорили, что онъ построенъ святымъ Владиміромъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нашъ богатырь задушилъ, въ единоборствѣ, печенѣжскаго Великана и обратилъ въ бѣгство Печенѣговъ. А мнѣ кажется, что онъ древнѣе того времени, съ котораго привыкли начинать Русскую исторію, и существовалъ до прихода въ Россію Рюрика съ бра-

тією. Сдѣлавшись главнымъ городомъ удѣльнаго Княженія, Переяславль не разъ принималъ на свой щитъ первые удары кочевыхъ народовъ. По его имени названъ городъ на сѣверѣ Россіи, куда наши Князья переносили, вмѣстѣ съ общественною жизнью и устройствомъ, много воспоминаній о любимомъ югѣ. Во времена *Гетьманщины* онъ былъ полковымъ городомъ; въ его святомъ храмѣ Хмельницкій и все казачество *присягнули* въ вѣрности Русскому Царю, и въ лицѣ Государевыхъ пословъ, въ лицѣ Гетмана и Полковниковъ соединилась Малороссія съ Россією, такъ надолго разсторженныя судьбою. Все это, вмѣстѣ съ другими важными обстоятельствами, придало извѣстность Переяславлю. Но объ исторической его судьбѣ и значительности поговоримъ въ другое время, а теперь расскажем только о его окрестностяхъ и остаткахъ памятниковъ, которыми было такъ богато Переяславльское Княженіе.

Городъ Переяславль со всѣхъ сторонъ, и особенно съ восточной и западной, окруженъ могильными насыпями, напоминающими времена битвъ. Онъ неправильно набросаны одна подлѣ другой, и опытный взоръ, безъ труда, отличить ихъ отъ древнихъ кургановъ или *могилъ*, называемыхъ Скифскими. Плугъ земледѣльца не рѣдко вырываетъ человѣческія кости, остатки оружія и конской сбруи. Много пролито крови на этихъ поляхъ.

Но перейдемъ къ другому памятнику который напоминаетъ страшное событіе, ужаснувшее совре-

менниковъ и пережившее почти восемь вѣковъ въ памяти окрестныхъ жителей. Это часовня на мѣстѣ убіенія Кнзя Бориса Владиміровича, признаннаго церковною святымъ мученикомъ.

За 825 лѣтъ до нашего времени (1015) Великій Владиміръ, узнавши о приближеніи Печенѣговъ къ владѣнію Русскихъ, послалъ противъ нихъ съ дружиною своего любимаго сына Бориса, удѣльнаго Кнзя Ростовскаго. Изъ остальныхъ его сыновей были каждый въ своемъ участкѣ: Глѣбъ въ Муромѣ, Ярославъ въ Новгородѣ, Святославъ въ землѣ Древлянской; одинъ Святополкъ, удѣльный Кнзя Туровскій, пріѣхалъ, на то время, въ Кіевъ. Владиміръ былъ боленъ и жилъ верстахъ въ двухъ отъ города, въ любимомъ Берестовскомъ теремѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Печерская обитель. Болѣзнь его, усиленная неповиновеніемъ Ярослава, свела его въ могилу: 15 Іюля былъ день его кончины.

Великокняжескій престоль слѣдовалъ старшему сыну Святополку, который проживалъ тогда въ Кіевѣ, кажется предвидѣвши смерть отца. *Но сердца Кіевлянъ*, по словамъ летописца, *не были съ Святополкомъ*: ⁽¹⁾ они были преданы Борису, который, не встрѣтивши Печенѣговъ, возвращался въ престольный городъ, и расположился станомъ на лѣвомъ берегу Альты, въ трехъ верстахъ выше Переяславля, и въ осмидесяти верстахъ отъ Кіева. Слышавши о его возвращеніи и, кажется, ожидая его прибытія, Бояре утаили на время отъ Святополка и народа смерть Владиміра; но прождавши напрасно цѣлый день,

обвернули, ночью, тѣло Владимірово въ коверъ, спустили его на землю сквозь разобранный полъ, отвезли въ городъ и поставили въ сооруженной имъ Десятинной Церкви святой Богородицы. На утро народъ узналъ о кончинѣ своего Великаго Князя, заливался слезами надъ его тѣломъ и съ плачемъ схоронилъ Великаго Владиміра.

Святополкъ, по праву наслѣдства, сталъ Великимъ Княземъ и, надбавшись пріобрѣсти любовь народную, началъ раздавать Кіевлянамъ имѣнья; но они, какъ замѣчаетъ летописецъ, *хотя и принимали, а сердце ихъ было отъ него далеко.*

Въ это время дошла вѣсть до Бориса о кончинѣ отца, и онъ горько плакалъ о немъ, потому что *«былъ любимъ отцемъ болѣе всѣхъ дѣтей.»* Тогда дружина Владимірова сказала ему: *«съ тобою дружина и войско твоего отца, поиди и возьми Кіевскій престолъ.»* Но онъ отрекся: *«не подыму, сказалъ онъ, руки на старшаго брата! отецъ мой умеръ, пусть теперь будетъ онъ моимъ отцемъ.»* Войны разошлись и Борисъ остался съ одними отроками. Но Святополкъ не былъ спокоенъ; его страшило нерасположеніе народа; онъ боялся каждаго изъ своихъ братьевъ и, кажется, болѣе всѣхъ Бориса — любимца Владиміра и народа. Къ нему послалъ Святополкъ съ увѣреніямъ въ любви и обѣщаніемъ *«придать къ удѣлу.»* Но въ своемъ недовѣрчивомъ умѣ затаилъ мысль братоубійства. Ночью, едва засыпавши землею прахъ Владиміра, онъ тайно пришелъ въ Вышегородъ, лежащій на правомъ бе-

регу Днѣпра, верстахъ въ семи выше Кіева; призвалъ къ себѣ какого-то Путша съ Вышегородскими Боярами, и спросилъ ихъ: «искренно ли вы мнѣ предашь?» Путша и Вышегородцы отвѣчали: «можемъ положить за тебя наши головы.—Пойдите же и убейте брата моего Бориса, но не говорите объ этомъ никому.» Они обѣщались и ночью же, кажется, на другой день предъ заутреннею были на Альтѣ подлѣ шатра Борисова. Борисъ, оставленный воинами и предувѣдомленный о тайномъ заговорѣ, готовился къ смерти, и молился предъ образомъ Божіей Матери о спасеніи его отъ враговъ, и чтобъ Богъ не вмѣнилъ брату его въ грѣхъ убійства. Если летописецъ произвольно вложилъ эту молитву въ уста Бориса, то не погрѣшилъ противу его сердца: вѣрно не напрасно любилъ его отецъ и былъ преданъ ему весь народъ. Притомъ одинъ изъ отроковъ его—Моисей, братъ Борисова любимца Георгія, спасся отъ убійцъ, былъ инокомъ Печерской обители и современникомъ нашего летописца. Онъ могъ многое рассказать ему о смерти Князя и, чтимый за святую жизнь, вѣрно не принялъ бы на душу свою грѣха обмана.

Не большое пространство раздѣляло злодѣевъ отъ чловѣка, изливавшего душу въ чистой молитвѣ предъ Богомъ: они стояли за шатромъ и выжидали пока все затихнетъ. Знали ли они, подкупные убійцы, на кого поднимали руки? чьей искали крови? Жаль было современникамъ юнаго и добраго Бориса, и какъ не жалеть его! Онъ былъ послушливъ предъ отцемъ, прекрасенъ и высокъ, лице имѣлъ круглое, плечи

широкія, станъ тонкій, очи добрыя и веселыя, бороду небольшую, потому что былъ еще молодъ, и усы царскія; тѣломъ крѣпокъ и украшенъ вѣзмъ, какъ цвѣтъ въ своей юности, храбръ въ ратномъ дѣлѣ, мудръ въ совѣтахъ и разуменъ во вѣзмъ: видно было, что въ немъ процвѣтала благодать Божія. Этотъ юноша стоялъ тогда предъ Богомъ и съ слезами изливалъ свою душу; а во тмѣ ночи, подлѣ него, таились убійцы! И лишь только онъ, помолвившись, прилегъ отдохнуть, они бросились къ шатру, порабили его копьями и пронзили Князя, а вмѣстѣ съ нимъ и отрока Георгія, который надѣялся защитить его отъ ударовъ своимъ тѣломъ. Остальные отроки, вѣроятно, спали и всѣ погибли, кромѣ брата Георгія—Моисея, убѣжавшаго въ Кіевъ; но ихъ было много, и, кажется, не безъ бою пали они отъ рукъ убійцъ, которые не забыли отсѣчь голову Георгію, чтобъ легче сорвать съ груди его золотую гривну.

Бориса завернули въ наметъ его шатра и на тельгѣ повезли въ Вышегородъ. Но жизнь не оставила его, и въ бору, который и теперь, въ своемъ перерожденіи, обширенъ и мраченъ, онъ, какъ будто освѣженный прохладой, въ послѣдній разъ приподнял голову. Святополкъ узнавъ, что въ братѣ теплится жизнь, послалъ двухъ Варяговъ добить его: одинъ изъ нихъ пронзилъ ему мечемъ сердце. Только тогда и то, скрывши отъ народа, ввели тѣло его въ Вышегородъ и схоронили въ церкви св. Василія. Такъ погибъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ Князей. Лѣтописецъ называетъ и главныхъ убійцъ—вотъ они: Путьша, Талець, Еловичъ и Ляшко.

Церковь и потомство причислили Бориса къ лику святыхъ мучениковъ, а Святополку придали страшное названіе: *окаянный*.

И во всей нашей исторіи, не только во времена Христіанства, но даже во времена язычества, не было убійства такъ злодѣйски расчитаннаго.

Религіи уже произвела переворотъ въ умахъ и чувствованіяхъ людей. Мы видѣли вліяніе духовенства на народъ и на Князей. Владиміръ—язычникъ и убійца брата, ставши Христіаниномъ, не рѣшался казнить разбойниковъ, считая за грѣхъ проливать кровь человѣческую. Допуская даже Скандинавское право мщенія — мы не оправдаемъ преступленій Святополка. Надобно только раскрыть свѣрныя сказанія, чтобъ видѣть, какимъ открытымъ боемъ бился Скандинавъ, исполняя право мести, требуя крови за кровь.

Вѣкъ вѣкомъ, а внутренній голосъ, понятный для всѣхъ, не замолкаетъ съ созданія перваго человека. Въ глубинѣ души есть заповѣдь, данная человечеству на всю жизнь его. И за тысячи лѣтъ были знакомы намъ чувства и страсти. На знаніи ихъ основано безсмертіе величайшихъ поэтовъ — и безъ сочувствія движенію души древняго міра, мы не поняли бы поэта, раздѣленнаго отъ насъ вѣками, тысячалѣтіями. Последніе дни Святополка, истощеннаго неудачами, растерзаннаго совѣстью, оправдываютъ лѣтописца, который, какъ современникъ по чувствованіямъ и понятіямъ, болѣе насъ, отдаленныхъ отъ этихъ событій восемьюстами лѣтъ, могъ быть судьей поступковъ. Такъ многіе изъ духовен-

ства того времени часто были судьями и обличителями ихъ уважавшихъ Князей и народа.

«Что мнѣ дѣлать? говорилъ Святополкъ, въ борьбѣ страстей и вѣры и понятій, остановлюсь ли на этомъ убійствѣ? братья мои горько отплатятъ мнѣ за него, или изгонятъ меня — лишатъ отеческаго престола, и сожалѣніе объ этой утратѣ иссушитъ меня.... вѣтъ станутъ поносить меня; моимъ Княженіемъ завладѣетъ другой и запустятъ дома мои... Умножу преступленіе — преступленіемъ: мнѣ уже не оправдаться предъ Богомъ.» И рѣшился убить брата Глѣба, Князя Муромскаго. Послалъ къ нему за тысячу верстъ сказать, что Владиміръ боленъ и зоветъ его къ себѣ. Глѣбъ повѣрилъ обману, поспѣшилъ къ больному отцу, и съ малою дружиною поѣхалъ верхомъ къ Волгѣ, гдѣ упавши съ коня вывихнулъ ногу. Оттуда отправился къ Смоленску по Днѣпру, чтобъ ѣхать до Кіева водою, и остановился близь города, при урочищѣ Смядынь. Здѣсь онъ получилъ первую вѣсть о смерти отца и брата отъ сестры своей Предславы. Она предостерегала его отъ Святополка; но уже поздно. Глѣбъ увидѣлъ на Днѣпрѣ лодку съ гребцами и обрадовался, не зная, что это его убійцы. Поровнявшись съ его ладьею, они вскочили въ нее съ обнаженными мечами. Дружина Глѣбова оробѣла, гребцы опустили весла и помертвѣли отъ страха. Глѣбъ все понялъ, залился слезами и жалобно умолялъ: «не бейте! меня! братья милые и дорогіе — не бейте я вамъ никакого зла не сдѣлалъ. Владыки мои! не

бейте меня? чѣмъ обидѣлъ я васъ и брата? и если обидѣлъ, то отведите меня къ своему Князю, къ моему брату и господину. Пощадите юность мою — владыки мои! я буду слугою вашимъ! не отнимайте отъ меня юной жизни...» Но напрасно онъ молилъ убійць; напрасно заклиналъ ихъ Вѣрою: они бросились и схватили его. Бѣдный юноша умолялъ души отца и матери спасти его отъ смерти; звалъ къ себѣ Ярослава, молилъ Бориса; палъ на колѣни, измилъ свои страданія предъ Богомъ и, вставши, сказалъ убійцамъ: *начинайте-же за чѣмъ вы посланы.* Тогда Горясъръ, посланецъ Святополковъ, велѣлъ его зарѣзать, и Глѣбовъ-же поваръ Торчинъ вынулъ ножъ и зарѣзалъ имъ бѣднаго юношу, своего Князя и господина.

Увѣдомленный о гибели Глѣба, Святополкъ погубилъ Святослава, бѣжавшаго изъ своего Княженія въ Венгрію; *вознесся сердцемъ* и сталъ безопаснѣе княжить въ Кіевѣ.

Но мстителемъ за кровь братьевъ былъ Ярославъ.

Когда погибли Борисъ, Глѣбъ и Святославъ, въ то время Ярославъ еще не зналъ о смерти отца. Онъ былъ занятъ своими дѣлами. Въ его Новгородѣ, нанятые Варяги дѣлали насиліе жителямъ, оскорбляли мужей и безчестили женъ: такой обиды не потерпѣли Новгородцы и, соединившись, избивли Варяговъ. Ярославъ лестно собралъ главныхъ участниковъ мятежа въ своемъ загородномъ теремѣ и изрубилъ изъ нихъ тысячу человекъ: остальные разбѣжались. Въ эту же ночь къ не-

му пришла вѣсть отъ сестры его Предславы о смерти ихъ отца и убиеніи Бориса и Глѣба. Ярославъ опечалился: у него не оставалось Варяговъ и погибло много Новгородцевъ. Онъ созвалъ рано утромъ остальныхъ изъ нихъ на вѣчь, и сказалъ: «вчера, въ безуміи моемъ, я избилъ мою любимую дружину! а теперь она мнѣ надобна!» Утеръ слезы и продолжалъ: «братья! отецъ мой умеръ, а Святополкъ княжитъ въ Кіевѣ, избивая братьевъ: хочу идти на него — помогите мнѣ.» — Пусть братья наши убиты, отвѣчали Новгородцы, а мы пойдѣмъ съ тобою. Собралось 30 тысячъ воиновъ Новгородскихъ, 1000 Варяговъ, и Ярославъ съ словами: *Богъ мститель за кровь братьевъ моихъ,* — повелъ свои дружины къ Кіеву, слишкомъ за тысячу верстъ.

Три года продолжалась война между братьями; три поля битвы были облиты кровью за дѣло трехъ братоубійствъ.

Первая битва была недалеко отъ Кіева. Ярославъ расположился станомъ близъ Любеча на берегу Днѣпра. Святополкъ, съ сильною Русскою ратью и множествомъ наемныхъ Печенѣговъ, стоялъ на другомъ берегу между двумя озерами. Три осеннихъ мѣсяца, не трогаясь съ мѣста, братья не рѣшались на битву. Но когда Святополковъ воевода Волчій Хвостъ подъѣхалъ верхомъ къ Днѣпру и посмѣялся надъ Новгородцами и Ярославомъ, вскричавши имъ: *Эй вы плотники! Зачѣмъ вы пришли сюда съ своимъ хромоногимъ Княземъ! мы заставимъ васъ строить наши избы!*» Этой обиды не

вынесли Новгородцы: *Завтра же утромъ, сказали они Ярославъ, перевозимся на ту сторону, а кто не пойдетъ съ нами, того сами убьемъ.* Ярославъ былъ въ сношеніяхъ съ кѣмъ-то въ станѣ Святополка и тайно послалъ спросить у него: *что дѣлать если дружины много, а меду мало?* — *Если дружины много, а меду мало, отвѣчалъ онъ посланному, то къ вечеру надобно изготовить меду.* Ярославъ понялъ отвѣтъ — и въ ночь, переправивъ въ ладьяхъ, чрезъ замерзавшій Днѣпръ, все свое войско, отринувъ отъ берега ладьи, чгобъ никто не думалъ о бѣгствѣ.

Къ другой ночи въ войскѣ Новгородскомъ все было готово къ битвѣ. Ярославъ, опасавшись, чгобъ въ темнотѣ не смѣшаться съ врагами, сказалъ своей дружинѣ и войску: *Знаменуйтеся, повивайте главы ваши убрусомъ.* И повелъ ихъ въ сѣчу, и была зла эта сѣча. Озера не позволяли Печенѣгамъ подать помощи Святополку; его войска, вытѣсненныя на ледъ, проваливались, тонули, и онъ, не выдержавъ боя, бѣжалъ въ Польшу. Но Печенѣги отступили къ Кіеву и, подъ его стѣнами, цѣлый день бились съ Ярославомъ такъ, что только къ вечеру онъ едва ихъ одолевъ и — *отбѣгоша посрамлени.*

Ярославъ сталъ княжить въ Кіевѣ, заложилъ каменную стѣну, златыя врата и, возблагодаривъ Бога, положилъ начало церкви св. Софін.

Святополкъ бѣжалъ въ Польшу къ Королю Болеславу Великому, на дочери котораго онъ былъ же-

натъ. Болеславъ, тестъ его, оскорбленный, предъ тѣмъ, отказомъ Предславы, сестры Ярослава, выдти за него замужъ, охотно согласился дать помощь. Между тѣмъ и Ярославъ могъ имѣть сильнаго союзника въ Генрихъ II, который отправлялъ къ нему пословъ съ предложеніемъ дѣйствовать за одно; но неизвѣстно почему это дѣйствіе Ярослава кончилось только взятіемъ какого-то польскаго городка, что еще болѣе должно было раздражить Болеслава, и онъ съ сильнымъ войскомъ приблизился къ Бугу. По лѣвую сторону рѣки стояло войско Ярослава. И здѣсь, какъ у Любича, рѣка раздѣляла двухъ враждебныхъ братьевъ; и здѣсь воевода Ярославовъ Блудъ сталъ смѣяться надъ Поляками, какъ смѣялся, подъ Любичемъ, Волчій Хвостъ надъ Новгородцами Обругавши Болеслава, онъ прибавилъ: *«Проткнемъ мы тебя палкою брюхо твое толстое.»* А Болеславъ дѣйствительно былъ такъ тученъ, что едва могъ вздти верхомъ; но былъ *смышленикъ*, какъ говорятъ про него наши Лѣтописи. Эта насмѣшка и здѣсь, какъ подъ Любичемъ, накликала бѣду. Болеславъ, не выдержавъ укора, обратился къ своему войску съ кликомъ: *«Ес.ш. в.м.з. не. т.я.ж.е.л.з. э.т.о.т.ъ. у.к.о.р.ъ, я. о.д.и.н.ъ. п.о.г.и.б.н.у, и съ этими словами бросился въ рѣку, а за нимъ все войско. Ярославъ не приготовился къ бою, не устоялъ, потерялъ много воиновъ и лишился Воеводы Блуда. Всѣ плѣнные были отосланы въ Польшу. Святополкъ, вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ, вошелъ въ Кіевъ и началъ княжить; а Болеславъ, взявши себѣ наложницею Предславу, дочь Владиміра, сестру Свято-*

полка, такъ заботливо предупреждавшюю отъ его замысловъ Гльба и Ярослава, велѣлъ развести свою дружину по городамъ, на покормъ, какъ онъ говорилъ, но кажется въ намѣреніи овладѣть княженіемъ. Казалось, расчетъ его былъ хорошъ, но Святополкъ, видя себя неполнымъ хозяиномъ у себя дома и, вѣрно, пользуясь чувствами народа, обижаемаго Поляками, не потерялся и, съ кликомъ: «избивайте» вырѣзалъ всѣхъ Поляковъ, по всѣмъ своимъ городамъ. Болеславъ бѣжалъ, но, кажется, былъ еще силенъ, потому что повлекъ за собою Предславу, Моисея, брата убитаго Борисомъ отрѣка Георгія, взялъ сокровища и захватилъ на пути въ Польшу города Червонной Руси, которые впрочемъ, по свидѣтельству иностранныхъ писателей того времени, не были укрѣплены каменными стѣнами. Святополкъ опять сталъ княжить въ Кіевѣ, и народъ въ другой разъ увидѣлъ себя во власти недюбимаго Князя.

Въ это время Ярославъ былъ въ Новгородѣ. Вышедши изъ него съ 30 тысячами, онъ возвратился съ четырьмя войнами: все остальное или легло на битвѣ, или было уведено въ Польшу. Истощенный въ военныхъ силахъ, онъ не думалъ такъ невыгодно кончить расчетъ съ Святополкомъ: онъ приготовилъ ладьи и собрался бѣжать на нихъ за море, чтобъ нанять Варяговъ; но Новгородцы, помня Варяжскихъ гостей, изрубили съ посадникомъ своимъ Константиномъ Добрыничемъ, сыномъ нашего славнаго богатыря, всѣ ладьи Ярослава и сказали ему:

Мы сами хотимъ битъся за тебя и съ Святополкомъ и съ Болеславомъ. Назначили временный сборъ денегъ со всѣхъ сословій, собрали войско, привели Варяговъ, отдали имъ эти деньги и снова отправились войною къ Кіеву.

Народъ, подвластный Святополку, бившись подъ Любичемъ противъ Ярослава и подъ Бугомъ за Ярослава, потерялъ въ обѣ битвы много воиновъ, не могъ обезопасить Святополка — и онъ бѣжалъ къ Печенѣгамъ. Ярославъ еще болѣе усилилъ свою дружину недовольными Святополка. Обѣ рати сошлись на Альтѣ. Обѣ рати были сильны и почти противоположны въ военномъ дѣлѣ. Съ одной стороны Половцы, дикари, язычники, жители степей и страшные своею конницею, саблями и стрѣлами; съ другой стороны были Новгородцы и Варяги, почти всѣ пѣшие, съ своими надежными мечами и ножами.

Оба войска занимали равнину при небольшой р. Альтѣ. Въ виду ихъ съ южной стороны былъ Переяславль; въ десяти верстахъ за нимъ протекалъ Днѣпръ, съ восточной стороны текъ Трубежъ; вкругъ была степь, на которой кое-гдѣ замѣтны курганы, эти могилы, уже тогда отжившаго народа. Ярославъ стоялъ надъ самою рѣкою на томъ мѣстѣ, гдѣ за три года была пролита кровь Бориса. Здѣсь онъ, предъ началомъ битвы, палъ на колѣна, воздѣлъ къ небу руки и обратился къ Богу, съ молитвою: *«кровь брата моего вопіетъ къ тебѣ Владыко! отмсти за кровь невинную, какъ отмстилъ за кровь Авеля, наказавъ Каина степаніемъ и прелетомъ!»* Помолвившись, онъ сказалъ: *«Братья! вы тѣ-*

ломъ не со мною, помогите же молитвою противъ враждебнаго, гордаго убійцы. И двинулъ свои дружины Поле Альтское, освѣщенное восходящимъ солнцемъ, покрълось множествомъ противныхъ войскъ и настала страшная свѣча, каковой не бывало на Руси. Три раза ступались озлобленныя рати, хватались за руки, рубились, рѣзались, кровь текла по удолямъ, и многіе вѣрные Христіане видѣли, по свидѣтельству лѣтописца, Ангеловъ, поражающихъ воинство братоубійцы. Къ вечеру Ярославъ одолялъ; Святополкъ бѣжалъ къ Кіеву.

Эта битва совершенно его поразила: на пути овладѣлъ имъ страхъ и *разслабишася кости его*. Онъ не могъ вѣхать верхомъ: отроки несли его на носилкахъ. Когда они, остановились у Бреста, то Святополкъ сказалъ: *бѣгите со мною, за нами гонятся*. Отроки послали узнать, кто за ними гонится, и хотя не было никого гонящаго, но бѣжали далѣе. Онъ-же, приподымаясь въ бреду болѣзни, кричалъ: *бѣгите, бѣгите! за нами гонятся*, и не могъ пробытъ на одномъ мѣстѣ; и будто гонимый гнѣвомъ Божиимъ, бѣжалъ изъ своего Княженія, прошелъ землю Ляхскую и здѣсь, на предѣлахъ Богеміи, въ пустой степи, испустилъ дыханіе. Долго была видна тамъ его могила и смрадъ тлѣнія не допускалъ къ ней прохожихъ; другіе-же говорили, что онъ живой былъ поглощенъ землею. Таковы были рассказы современниковъ о судьбѣ братоубійцы Святополка. Лѣтописецъ не простилъ ему даже того, что онъ родился отъ Гречанки, бывшей монахиней, плѣненной и выданной Свя-

тославомъ за Ярополка. Когда же Ярополкъ былъ убитъ Владиміромъ, то Владиміръ взялъ ее къ себѣ уже беременною несчастнымъ и преступнымъ Святополкомъ, котораго называли *чадомъ двухъ отцевъ*. Дѣйствительно, это могло смущать современниковъ. А происхожденіе его отъ Греческой крови, такъ растлѣнной и нечистой въ тѣ времена, быть можетъ, во многомъ рѣшало его судьбу. Надобно только вспомнить всѣ злодѣянія при Византійскомъ дворѣ и повѣрить силу кровнаго происхожденія. Надобно принять во вниманіе и то, что Ярославъ былъ рожденъ Норманкою Рогнедою, а Борисъ и Глебъ Славянкою, и что всѣ они, какъ и Святополкъ, вѣроятно были со стороны матерей, по крайней мѣрѣ въ дѣтствѣ, не безъ вліянія на ихъ характеры. Это очень естественно и еще болѣе объясняется повѣстію о мщеніи Рогнеды, спасенной ея малолѣтнимъ сыномъ Изяславомъ.

Наши лѣтописи говорятъ, что Владиміръ не любилъ Святополка за его дурную жизнь, а иностранцы прибавляютъ даже, что онъ заключалъ Святополка въ тюрьму за намѣреніе отложиться отъ отца и передаться Польшѣ, сосѣдственной съ его Княженіямъ, враждебной еще въ то время нашей Россіи и разединенной съ нею самою вѣрою. Если это истина, то могли ли современники простить ему такое отступническое намѣреніе.

По кончинѣ Святополка Ярославъ былъ Княземъ уже большей части Южной и Сѣверной Руси, и только тогда *отеръ съ дружиною потъ съ лица*

своего. Первою его заботою были убитые братья: онъ хотѣлъ найти тѣло Гльба, и съ большимъ трудомъ отыскалъ его около Смоленска, въ лѣсу, между двумя колодами деревъ. Оттуда перевезли его въ Вышегородъ для погребенія вмѣстѣ съ братомъ Борисомъ, но раскопавши землю, всѣ удивились невредимости тѣла Борисова: *Се же пречудно и дивно и памяти достойно*, говорить летописецъ, сколько лѣтъ лежало тѣло святаго и осталось невредимымъ; на немъ не было ни одного червя, и не почернѣло оно, какъ бываетъ съ тѣлами мертвыхъ; но красно и невредимо и благоуханно.... и много страдающихъ было спасено отъ святыхъ гробовъ Бориса и Гльба. Такъ, прибавляетъ онъ: не можетъ укрыться градъ, стоя на верху горы, и не скрываютъ подъ спудомъ зажженной свѣчи, но ставятъ ее на свѣтиль, чтобы просвѣтляла невидящихъ. Предавши погребенію братьевъ, которые чрезъ 50 лѣтъ послѣ сего были перенесены знаменитымъ нашимъ духовенствомъ въ Кіево-Печерскую церковь, Ярославъ щедро наградилъ дружину, Новгородцевъ, самую чернь, далъ Правду Новгороду и сталъ княжить на Руси. Главу же вѣрнаго Георгія завѣстилъ погребсти съ собою братъ его Моисей, бывший монахомъ Печерской обители и причисленный къ лику святыхъ.

Такъ великъ и быстръ былъ переворотъ Альтскаго боя, и такъ сильно его вліяніе на дѣла нашего отечества.

И вотъ теперъ предъ нами то мѣсто, гдѣ тайлись Святополковы убійцы и пролили неповинную

кровь Бориса, гдѣ Ярославъ, павши на колѣна, молилъ Бога отмстить за братоубійство. И вотъ то поле, гдѣ кровь текла по удолямъ, гдѣ была сѣча, какой до того времени не бывало на Руси, гдѣ излетѣла не одна душа Новгородская и истлѣли не погребенными кости Половцевъ.

Большая часть этихъ мѣстъ находятся во владѣннн помѣщика Н. М. Кондратьева, и принадлежать къ его деревни Кандондовкѣ. На самомъ мѣстѣ убннн Бориса построена деревянная, четверугольная часовня, или по здѣшнему кампличка, съ шестиугольною балюстрадаю и съ деревянными колоннами. Кровля часовни выкрашена зеленою, стѣны бѣлою, а перилы сѣрватою краскою. За часовнею на лѣво растутъ вербы и тянется къ Трубежу Альтское поле; направо видны крестьянскія хаты, вербы, за ними тоже поле, и въ дали Переяславльскій соборъ, передѣланннй изъ монастыря, построеннаго *Мазею*. Передъ часовнею, со стороны рѣки, идетъ вверхъ по ея теченню какой-то валъ и потомъ поворачиваетъ въ направленне къ Трубежу; но къ какимъ временамъ онъ относится, мнѣ неизвѣстно и ничего не возможно было узнать изъ преданнй народа. Татары, Турки, Шведы — почти со всѣмъ застановили собою своихъ предшественниковъ, а столѣтнн бѣдствнй, борьба съ Ляхами и казачество—невольнн вытѣснили много прошедшаго. Съ правой стороны, чрезъ этотъ валъ и потомъ вдоль его, идетъ вѣтхой заборъ огорода, принадлежащаго къ господскому дому, построенному на пра-

вомъ берегу Альты, которая, по выраженію древняго поэта, *течетъ болотомъ* и заросла травою. Не много ниже часовни она запружена мѣльничною плотиною. Вода въ ней довольно чиста и дно топкое, но сомнительно, чтобъ она была такою-же во время битвы: тогда всѣ рѣки были глубже, особенно впадающія въ Днѣпръ, замѣтно обмѣлѣвшія.

Давно мы желали посмотрѣть на это поле и, прѣхавши 1 Сентября въ Переяславль, отправились пѣшкомъ къ часовнѣ. Отъ города до часовни считаютъ три версты. Время было около полудня; народъ толпился за городскимъ валомъ по ярмаркѣ, богатой болѣе всего прекрасными и дешевыми фруктами. Между толпами поселянъ, съ ихъ отличительнымъ Малороссійскимъ складомъ, съ соломенными шляпами, собственной работы, въ короткихъ свиткахъ или полукафтанныхъ, и между поселянками, наряженными въ пестрыя плахты и корсеты, или въ бѣлыя свитки, съ бѣлыми повязками на головѣ, которыя придають имъ много пріятности, сновали, какъ челноки, вереницы Жидовъ въ своихъ черныхъ шляпахъ, въ коротенькомъ и узкомъ нижнемъ платьѣ, изношенныхъ чулкахъ и стоптанныхъ башмакахъ. Кой-гдѣ были видны: городская дама въ огромномъ чепцѣ, или панъ въ длинномъ сертукѣ, съ важною поступью, съ чувствомъ той гордости, какую испытываетъ панъ среди черни.

Оставивши и чернь и пана, мы продолжали нашъ путь.

Налъво отъ дороги было видно кладбище, и на немъ большіе каменные кресты; но мы рѣшились осмотрѣть ихъ по возвращеніи изъ часовни. Отъ кладбища до часовни ни встрѣчалось ничего особеннаго: равнина, ея удоли и мѣстами вербы; вдали деревни и сады, и съ полуденной стороны снѣга Днѣпровской горы. Дошедши до Кандоидовки, мы было попали, вмѣсто часовни, на господскій дворъ, и едва нашли ее за плетнями и заборами. Она была заперта и ключъ хранился у крестьянина, который жилъ въ ближней хатѣ. Мы отправились къ нему; но не застали его дома, вмѣсто него вышла его дочь, наряженная по праздничному. Она отперла намъ часовню и отворила ставни. Внутренность часовни ни чѣмъ не украшена, стѣны брусяныя, потолокъ не высокій и ровный, какъ въ комнату, небольшая рѣшетка раздѣляетъ ее на двѣ части, изъ которыхъ восточная меньше западной и замѣняетъ алтарь. По сю сторону рѣшетки поставленъ налой съ иконою, по сторонамъ его—изображенія святыхъ братьевъ Бориса и Глеба, въ воинскихъ доспѣхахъ и княжескихъ мантияхъ, по ту сторону рѣшетки установленъ каменный крестъ, вышиною отъ полу около двухъ аршинъ; вся его лицевая часть покрыта какою-то надписью, и это самое обратило наше вниманіе, но безъ священника не возможно было принять налож и образа, а безъ того нельзя было прочесть надписи. Надобно было послать за двѣ версты за священникомъ и дожидаться его болѣе двухъ часовъ. По прѣздѣ его, сколько мы не спрашивали о пре-

даніяхъ, крестъ и надписи, ничего не могли прибавить къ нашему знанію; но разобравши большую часть ея, узнали, что:

«Сей крестъ здѣ на мѣстѣ семъ святаго страстотерпца Христова Бориса Великаго Князя Російскаго водрузилъ Григорій . . . Протопопъ Переславскій; споспѣшествовалъ побо: му . . . Селивана Кириловича Бѣлогородова Стрѣлецкаго; лѣта 7192, отъ Р. Хр. 1664 мѣсяца Мая 2 дня.»

На оборотѣ креста сдѣланъ знакъ, похожій на два соединенныя сердца, съ нѣкоторыми украшеніями, и въ срединѣ его видны буквы Г. Б., а внизу П. Не знаю, что они означаютъ. Первые двѣ могутъ быть заглавными буквами имени Бориса и Гльба. Еще ниже означено: «а дѣлалъ крестъ сей Харько Безпальчій-Мельня и стоварищемъ своимъ.»

На прилагаемомъ рисункѣ означены видъ и величина креста, а также нѣкоторыя изъ буквъ, чтобы хотя нѣсколько передать способъ писанья въ тогдашнее время.

Изъ означеннаго года видно, что крестъ сдѣланъ слишкомъ за 176 лѣтъ до нашего времени, и 648 лѣтъ спустя по убіеніи Бориса; но видно, что преданіе о томъ мѣстѣ, гдѣ была пролита неповинная кровь, не изгладилось изъ памяти народа, а еще вѣроятнѣе, что на этомъ мѣстѣ современъ Ярославовыхъ было что-нибудь поставлено на память событія. Это доказываютъ какія-то камни, разбросанныя около часовни, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неровность земли, оставшаяся какъ будто послѣ

какого нибудь жилья или зданья. Это подтверждается и тѣмъ, что еще при Ярославѣ открыты были мощи святыхъ, и чрезъ 50 лѣтъ послѣ сего они были пересены въ Печерскую обитель. Крестный ходъ изъ Переяславля на мѣсто убіенія свершается съ незапамятныхъ временъ, ежегодно 2 Мая. Предполагали, нѣсколько лѣтъ назадъ, соорудить на мѣстѣ убіенія св. Бориса большой храмъ и устроить при немъ богоугодное заведеніе; но обстоятельства не позволили исполнить предположенія.

Вотъ наши памятники! Бѣдная деревянная часовня и крестъ въ ознаменованіе того, что здѣсь пролита кровь сына и любимца Великаго Владиміра, наименованнаго церковью *равноапостольнымъ*; кровь Бориса, причтеннаго къ лику святыхъ, съ именемъ котораго, какъ съ знаменіемъ победы, выступали наши Князья противъ враговъ. А въ воспоминаніе страшной битвы на Альтѣ и великихъ переворотовъ, которымъ она положила начало, нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ словъ Печерскаго инока. Таковъ характеръ всей нашей исторіи и всѣхъ памятниковъ. Соотечественники наши любили или по обѣту или послѣ великихъ дѣлъ сооружать только храмы Божіи, а не воздвигать зданій въ память дѣлъ человѣческихъ. Самыя дѣла относили не лицу, не себѣ, но прямо помощи Божіей,—и созданія рукъ человѣческихъ, быть можетъ, безъ сознанія, по одному чувству, но видимо считали грѣхомъ и суетностію. Храмъ Божій, часовня, крестъ— вотъ чѣмъ предки наши знаменовали свои дѣла. Такъ Ярославъ, по

разбитіи Печенѣговъ подѣ Кіевомъ, построилъ церковь св. Софіи; такъ, повторю, нѣкогда сказанное мною, послѣ Куликовской битвы была сооружена церковь всѣхъ святыхъ.

За то подобныя памятники впечатлѣваютъ душу народа. Древнія, ветхія, стѣсненныя въ своемъ пространствѣ, онѣ велики по чувству ихъ создавшему.

Оставивши часовню и возвращавшись въ Переяславль, мы зашли на кладбище. Здѣсь надъ нѣкоторыми могилами нашли кресты, которые по виду и работѣ не принадлежатъ нашему времени. Разсматривалъ ихъ, можно замѣтить остатки древнихъ надписей, которыя сильно повреждены временемъ и почти совершенно изглажены людьми. Первый изъ этихъ крестовъ вышиною отъ земли слишкомъ на два аршина, шириною въ двѣ съ половиною четверти, а толщиною слишкомъ въ четверть; на верху его видны высѣченныя углубленіемъ слова, изъ которыхъ нельзя вывести никакого заключенія. На прилагаемомъ рисункѣ они изображены всѣ въ томъ расположеніи и видѣ, въ какомъ написаны на самомъ крестѣ. Продолженіе надписи сглажено и на мѣсто ея написано черною краскою: *Здѣсь покойтся прахъ 39 егерскаго полка штабсъ капитана Алексѣя Геркова, 1833 года Марта.* Этотъ крестъ стоялъ прежде на городскомъ валу и можетъ быть своею надписью разсказалъ бы намъ многое; но случай исторгъ его отъ своей земли и, вѣроятно, отъ праха, который поконился подѣ его сѣнью. На второмъ крестѣ нѣтъ никакой надписи.

На столбъ, прилагаемомъ въ числѣ рисунковъ, написано: «Здѣсь покоятся фамиліи: *Дербушкова, Черненкова и Пирошкова.*» Этотъ столбъ уже полуразрушенъ временемъ и вѣроятно составлялъ нѣкогда часть креста. Подобный древній крестъ найденъ въ Путивлѣ и, по грубости работы, былъ принятъ за языческаго идола. Теперь онъ вдѣланъ въ церковную ограду. Можно сказать утвердительно, что эти кресты устанавливались надъ прахомъ людей значительныхъ. Но обезображенные, лишенные новымъ поколѣніемъ своего назначенія, безмолвствуютъ о прошедшемъ. Прахъ потомства вытѣсняетъ прахъ предковъ, и завѣтъ предковъ изглаживается завѣтомъ новаго поколѣнія своему потомству; новая жизнь разцвѣтаетъ на развалинахъ минувшаго и сама, изъ своего праха, опять рождаетъ новую жизнь.

Кромѣ крестовъ есть на кладбищѣ два надгробные камня, длинные и нѣсколько шире къ изголовью; изъ надписи видно, что подъ однимъ погребенъ прахъ *Протоірея Митрона* въ 1729 году, а подъ другимъ какого-то *Теодора Дзюблевскаго* въ 1830 году. Оба камня видимо ветхи и вѣрно переташены съ какой нибудь древней могилы. Ихъ величина превосходитъ надгробный камень, найденный надъ прахомъ *Василія Георгіевича Долгорукаго*. Древность этихъ памятниковъ доказывается, нѣкоторымъ образомъ, другимъ надгробнымъ памятникомъ, на которомъ совершенно сохранилась надпись. Это надгробный столбъ, найденный, кажется, лѣтомъ въ 1835 году, за Альтою, на лѣво отъ дороги въ Кіевъ. Мѣсто, гдѣ онъ отысканъ, принадлежитъ

Переяславскому купцу Новому и занято садомъ... Разрывая землю для бесѣдки или какого-то строе- нія, дошли до этого камня, вынули его и удиви- лись, увидѣвши надпись, которую могъ разобрать одинъ только Еврейскій Раввинъ. Вотъ она:

Сей столъ поставленъ надъ возглавіемъ Равви- на Мардохея; для памяти потомкамъ въ 4997 году; да покоится душа его въ раю сладости.

По Еврейскому лѣтосчисленію настоящій нашъ 1840 годъ считается отъ сотворенія міра 5600, а какъ надгробный камень поставленъ въ 4997 году, то и выходитъ, что этому памятнику 603 года, и что онъ относится къ 1237 году, то есть къ вре- менамъ до-Татарскимъ, ко времени борьбы Олего- вичей и Мономаховичей. Мѣсто, гдѣ найденъ этотъ камень, находится за городскимъ валомъ и за рѣкою, гдѣ было, конечно, Еврейское кладбище.

Между нашимъ кладбищемъ и городомъ въ пу- стомъ полѣ находится каменный крестъ; на немъ высѣчена надпись, изъ которой видно, что здѣсь погребенъ Кошевой *Василій Григорьевичъ Риза*. Годъ означенъ 1762; на оборотъ значится самый день кончины.

Кромѣ этихъ памятниковъ замѣчательнъ крестъ близъ села Яготина, принадлежавшаго бывшему Ма- лороссійскому Генераль-Губернатору Князю Репни- ну, и отстоящаго отъ Переяславля слишкомъ на 30 верстъ. Прилагаю съ него снимокъ. На немъ не видно надписи, но замѣтно сильное влія- ніе времени. Этотъ крестъ находится надъ уступомъ горы, съ которой надобно спускаться, выѣзжая изъ

селенія въ Переяславль. Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженьяхъ отсюда подымается другая гора, по которой, особенно съ правой стороны, находятся земляныя укрѣпленія, не принадлежащія къ укрѣпленіямъ новыхъ временъ. По сторонамъ глубоко разрытой дороги видно множество полуистлѣвшихъ человѣческихъ костей, черепы, цѣлыя остовы и коегдѣ остатки гробовъ. Замѣчательно, что не всѣ остовы лежатъ въ одномъ направленіи. Къмъ сдѣлано это укрѣпленіе, какъ переходило отъ народа къ народу, что случалось почти со всеми нашими южными городами, ничего не извѣстно. Изъ рассказовъ одного старика я узналъ только, что это мѣсто называлось *замокъ*, и что въ немъ находятъ *всячину*; больше онъ ничего не могъ объяснить. Названіе *замокъ* довольно ново, кажется заимствовано нами во время дѣлъ съ Польшею, и не опредѣляетъ дано ли это названіе древнему или вновь сдѣланному укрѣпленію; неизвѣстно также, отъ какихъ временъ сохранился здѣсь крестъ. Но мнѣ казалось очень вѣроятнымъ, что это укрѣпленіе, судя по его мѣстности и землянымъ насыпямъ, могло быть основано вмѣстѣ съ другими городами, которые велѣлъ строить Великій Владиміръ по Трубежу, Суль, Стугнѣ и другимъ рѣкамъ. Это предположеніе правдоподобно и потому, что во времена Татаръ и Ляховъ мы не строили здѣсь городовъ, а сами Поляки владѣя страной — кажется, не имѣли нужды въ укрѣпленіяхъ за 30 верстъ отъ укрѣпленнаго и принадлежавшаго имъ Переяславля. Притомъ, множество гробницъ показываютъ долгую осѣдлость

жившихъ въ этомъ укрѣпленіи. Его окрестности привольны и плодородны. По лѣвой сторонѣ рѣки Суной идутъ широкіе луга, на самой рѣкѣ и по ея островамъ даже теперъ водится необыкновенное множество водной птицы, какъ и во всемъ Переяславскомъ уѣздѣ; по правой сторонѣ Суной идетъ довольно высокая, взволнованная равнина, покрытая во многихъ мѣстахъ большими лѣсами. Такія-же мѣста и внизъ по Суною, отдѣляющему Переяславскій уѣздъ отъ смежныхъ съ нимъ во всю ширину губерніи.

Столь-же прекрасны и привольны были другія мѣста этого древняго Княженія, особенно западная его сторона — изобильная обширными лѣсами и замѣчательная огромнымъ селеніемъ, называемымъ *Борисополь*. Не менѣе богато и все Приднѣпровье своими рыбными ловлями, лугами, лѣсами и множествомъ разнаго рода дичи, за которою такъ любили охотиться наши Князья. Это приволье страны привлекало сюда и въ отдаленныя времена какіе-то народы, завѣстившіе намъ свои городища и огромные курганы, на которыхъ мѣстами видна то одинокая могила чумака, то цѣлое сельское кладбище, съ его бѣдными деревянными крестами.

Владимъ Пасебкѣ.

КУРЯЖСКИЙ

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

За двести лѣтъ Харьковская губернія была пустынею, въ которой Россія занимала нѣсколько дозорныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ и сторожила въ нихъ Татарь. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ по соединеніи Малороссіи съ Россіею началось постоянное заселеніе страны; основались слободы, деревни, образовались города, жители сами собою составили военное поселеніе — и явилась слободская *Украина*. Нельзя не удивляться быстрому заселенію страны и рвенію, съ какимъ сооружались храмы Божіи. Менѣе, нежели въ 200 лѣтъ, въ прежней пустынь, считается миллионъ двести тысячъ жителей, 628 церквей, и два монастыря: одинъ женскій—Хорошевъ Вознесенскій, другой мужескій—Куряжскій Преображенскій, въ 10 верстахъ отъ Харькова. *

Онъ основанъ въ 1673 году Харьковскимъ жителемъ Логвиномъ Федоровичемъ и Харьковскимъ пол-

* До новыхъ штатовъ о монастыряхъ при Государынь Екатеринѣ II, считалось въ Харьковской губерніи 12 монастырей, но большая часть упразднены, другіе отошли къ Курской губерніи.

ковникомъ Григоріемъ Герофеичемъ Донцемъ Захаржевскимъ, который вскорѣ послѣ того построилъ городъ Изюмъ и отдѣлилъ отъ Харьковскаго полка новый Изюмскій полкъ. Главная церковь была сооружена во имя Преображенія Господня, и въ то же время весь монастырь обнесенъ каменною стѣною въ 75 саженой въ окружности. Мѣсто для построенія монастыря избрано удобное и красивое. Приютившись ко взгорью Курской или Куражской горы, онъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ: сѣверной, западной и восточной строевымъ лѣсомъ, отъ котораго осталось не много вѣковыхъ дубовъ, сосенъ и грушъ, подъемлющихъ свои одинокія вершины надъ полянами кустарника; но крутому взгорью и при самомъ ручьѣ Куражскомъ разсыяны огромныя вербы, и бьетъ много ключей свѣжей и чистой воды. Съ полудня при незамѣтномъ спускѣ съ горы протсгаетъ по глубокимъ пескамъ большая дорога отъ Харькова въ Полтаву, далѣе разстилается широкій лугъ до рѣки Уды,—и виднѣтъ ея правый возвышенный берегъ. Такой приютъ монастырей и выборъ мѣстъ уединенныхъ, даже дикихъ и величественныхъ, но всегда удобныхъ для жизни — общій почти всѣмъ нашимъ монастырямъ. Изъ Харьковскихъ монастырей можно указать на Успенскій Святоторскій, Ахтырскій Троицкій и на Хорошеву женскій монастырь, для приюта которыхъ избраны едва ли не лучшія мѣста во всей губерніи.

Вѣроятно при самомъ основаніи монастыря строители его Логвинъ Федоровичъ и Донецъ Захаржевскій не жалѣли для него вкладовъ, но объ этомъ

по утратѣ многихъ монастырскихъ рукописей, не осталось никакихъ свѣдѣній. Известно только, что дѣти Г. Захаржевскаго и жена его не забывали удѣлять монастырю изъ своего достоянiя; а ближнiй Бояринъ, Нижегородскiй Намѣстникъ и Воевода Харьковскихъ войскъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, Генераль-Маiоръ Федоръ Владимировичъ Шидловскiй и Бригадиръ Федоръ Осиповичъ Перекрестовъ, дали во вкладъ много богатыхъ имѣнiй. Изъ Архимандритовъ же Онуфрiй и Сильверстъ прилагали особенное попеченiе объ устроении и поддержанiи вѣрвнаго имѣ монастыря. Въ самое цвѣтущее время его благосостоянiя считалось за немъ до 1000 душъ обоего пола крестьянъ, въ томъ числѣ мужскаго пола 450 душъ; значительное количество земель, луговъ и лѣсовъ; но за немѣнiемъ при дѣлахъ монастыря плановъ и отказныхъ, не известно гдѣ именно были монастырскiя имѣнiя; старожилы рассказываютъ, что селенiе Гуки, лежащее теперь при рѣкѣ Удѣ, принадлежало монастырю. Пустыни Озерянская и Аркадiевская съ ихъ достоянiемъ были также подъ его властiю.

Настоятельство въ немъ было сначала устроения Архимандричье, и первымъ Архимандритомъ былъ Манасiя чернецъ Кiевопечерской обители, уединившiйся въ приписномъ Змѣевскомъ Преображенскомъ монастырѣ. Печерская обитель и сюда первая дала въ назиданiе братiи духовнаго сына, какъ давала она и въ другiе не только южныя, но во многiе и изъ нашихъ сѣверныхъ монастырей. Въ послѣдствiи времени были вызваны изъ нее Архимандритами Пла-

тонъ Малиновской, при которомъ пустыня Озерянская и Архадіевская отошли, къ Харьковскому Покровскому монастырю, и Іосифъ Зинкѣвичъ, пострадавшій при вице-президентѣ Святѣйшаго Синода Θεофанѣ Прокоповичѣ, удаленный въ Сибирь, и послѣ уже въ царствованіе Елисаветы Петровны возвращенный снова въ Печерскую обитель, гдѣ возложилъ схиму и скончался. Съ удаленіемъ его, монастырь оставался многіе годы безъ Архимандрита. Седьмой Архимандритъ Ефремъ Черкасскій былъ здѣсь известнымъ живописцемъ, и если нѣкоторые изъ старинныхъ иконъ принадлежатъ дѣлу рукъ его, то не напрасно онъ заслужилъ имя хорошаго иконописца. Прочіе Архимандриты означены въ приложеніи въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали до 1786 года. Въ это время Куряжскій монастырь, при общемъ сочиненіи монастырскихъ штатовъ, оставленъ на своемъ содержаніи съ настоятельствомъ строительскимъ, а въ 1788 году послѣ властвованія Архимандрита Наркиса Квитки, въ числѣ многихъ другихъ монастырей былъ упраздненъ, и съ этого времени по 1796 годъ назначенъ для помѣщенія въ немъ Воснаго Гошпиталя и магазина жизненныхъ припасовъ.

Въ 1796 году по ходатайству Харьковскаго Генераль-Губернатора Леванидова и Преосвященнаго Θεоктиста Епископа Бѣлогородскаго, былъ возобновленъ и считался въ штатныхъ до 4 Апрѣля 1836 года. Въ продолженіи времени до 1820 года въ немъ были настоятели изъ Іеромонаховъ; съ 1820 по 1836 былъ управляемъ Игуменомъ Ад-

ріаномъ; а въ 1836 году по Высочайшей волѣ возведенъ во 2-й классъ штатныхъ монастырей—и первымъ его настоятелемъ избранъ Ректоръ Харьковскаго Коллегіума Архимандритъ Іоанъ Оболенской. Штатнаго жалованья полагается 2,650 рублей 32 копейки; для хозяйства назначено земли и лѣса 53 десятины. Монашествующихъ считается въ немъ 19 и послушниковъ 16, всего 35 человекъ.

Нѣкоторыя изъ монастырскихъ зданій остались отъ первыхъ лѣтъ основанія монастыря. Главная церковь перестроена постриженникомъ и Архимандритомъ этого монастыря Варлаамомъ Андреевскихъ, на собственное его иждивеніе въ 1762, освящена Преосвященнымъ Іосифомъ — уже при Архимандритѣ Матѳіи Младзинскимъ и поновлена вмѣстѣ съ колокольнею и Георгіевскою церковью въ 1833 году, въ Сентябрь мѣсяць.

По дорогѣ въ Харьковъ — монастырь виднѣется вдали за широкимъ доломъ, и его красивая колокольня и бѣлая церква живописно отъѣнены взгорьемъ и зеленью лѣса. По дорогѣ изъ Харькова онъ видѣнъ также за нѣскольکو верстъ; подъѣзжая къ нему, встрѣчаете подъ густыми вербами часовню. За нею дорога къ монастырю идетъ на право по отлогости и приводитъ къ колокольнѣ, подъ которою устроенъ въѣздъ. Колокольня легко поднимается тремя уступами; по сторонамъ оконъ и воротъ установлены колонны. Войдя въ монастырскій дворъ, прямо открывается главная церковь Преображенія Господни, съ невысокимъ осадистымъ куполомъ, такъ общимъ во мно-

гихъ мѣстахъ Малороссіи; на право тянется рядъ невысокихъ и вѣтхихъ деревянныхъ келій; на лѣво также деревянный и вѣтхій домъ Архимандрита — и около него рядъ акацій и другихъ деревьевъ.

Быль вечеръ Троицына дня, когда мы посѣтили Куряжскій монастырь, и радушно принятыя въ немъ достойно уважаемымъ Архимандритомъ Іоанномъ, провели подъ его бѣднымъ кровомъ нѣсколько часовъ въ тихой и усладительной бесѣдѣ. Комнаты его дома вѣтхи, не высоки, но помѣстительны и чисты; низкія окна остѣнены деревьями и кустарниками; полъ усыпанъ травою и цвѣтами, которыми такъ богата природа Украйны. Около стѣнъ были поставлены деревья, свѣтъ вечерющаго дня проникалъ сквозь зелень сада и все какъ будто было исполнено какою-то живительною тишиною. Разговоръ лился тихо и часто прерывался не отъ недостатка, но отъ избытка думъ и чувствованій, — бой маятника старинныхъ стѣнныхъ часовъ напоминалъ о времени и жизни.

Сладокъ для души и минутный отдыхъ отъ шума и тревоги свѣта; кажется, въ такія минуты радъ скрыться отъ жизненнаго волненія и суеты міра, и такъ искренно, такъ чисто любишь этотъ міръ, что готовъ разлиться для него всею благою, готовъ принять на себя тяжелый крестъ земной, чтобъ только на землю свести небо, сдѣлать счастливыми своихъ братьевъ и исполнить ихъ души любовью и свѣтомъ Вѣры. Но тяжела персть земная: тяготѣють подъ нею крылія души. Минута чистая, свѣтлая — и міръ снова смотритъ въ ваши очи своими привлекательными очами, —

и снова пускаешься пловцемъ по его взволнованному морю заботъ, стратей и наслажденій.

Пусть такъ, лишь бы не померкнулъ свѣтъ спасенія и не погасъ чистый огонь души.

Оставивъ жилище почтеннаго Архимандрита, мы, вмѣстѣ съ нимъ, пошли въ главную церковь. Двери ея были открыты; чугунный полъ усыпанъ травою и цвѣтами; иконостасъ, выдѣланный изъ позлащеннаго и посеребреннаго дерева, съ иконами хорошей живописи болѣе во вкусъ Греческомъ, открывался за стрѣлчатымъ сводомъ, который раздѣляетъ церковь на двѣ почти равныя половины. На право передъ сводомъ установлена икона св. Николая Чудотворца, на лѣво икона Іоанна Предтечи, обѣ подъ навѣсами на деревянныхъ позлащенныхъ столпахъ. Амвонъ отъ клироса до клироса обнесенъ легкими чугунными перилами съ позолоченными шариками; предъ нимъ на намоу противу Царскихъ дверей установлена икона чудотворной иконы Озерянской Божіей Матери — и народъ издалека приходитъ поклониться святыни и молить объ исцѣленіи и помилованіи. Въ олтарь хранится Евангеліе, дарованное монастырю Петромъ Великимъ въ 1690 году. Оно крыто малиновымъ бархатомъ съ серебрянными позлащенными блихами. На чугунномъ полу церкви вылиты цифры 1803.

Съ Сѣверной стороны церкви погребены: Графъ Разумовскій, Подполковникъ Врсемевъ, Г. Дунина, еще нѣсколько особъ изъ извѣстныхъ фамилій Харьковской губерніи. Вѣроятно здѣсь же погребены строители монастыря: Логвинъ Федоровичъ и

Донецъ Захаржевскій, основатель города Изюма, но отъ испорченности надписи въ несчастное время монастыря, едва ли можно отыскать ихъ надгробные памятники.

На Сѣверь отъ кладбища, шагахъ въ шестидесяти находится каменная, довольно ветхая церковь о двухъ ярусахъ: въ нижнемъ устроены приделы Казанской Божіей Матери и св. Георгія Побѣдоносца; въ верхнемъ, приделъ Петра и Павла. Входъ въ него темный и тѣсный. Въ двухъ первыхъ приделахъ живопись иконъ Малороссійская, о которой за 200 лѣтъ до насъ Патріархъ Макарій отзывался съ похвалою; на правомъ притворѣ Царскихъ дверей изображенъ Ангелъ съ выраженіемъ святымъ и сильнымъ. Въ церкви Петра и Павла живопись болѣе Русская, съ строгимъ соблюденіемъ вида и цвѣтовъ, принятыхъ иконописцами; сводъ надъ церковью вѣтхій; полъ деревянный и непрочный; но при лучшихъ средствахъ она можетъ быть хорошо устроена, особенно для утренней службы. Нькогда былъ здѣсь пріютъ настоятелей. Южными дверьми выходите на вѣтхую террасу, и съ нее любуетесь видомъ привлекательнымъ, который успокоиваетъ душу. Вдали онъ замыкается отлогою возвышенностію берега, вправо видно селеніе Песочинъ, еще ближе мелькаетъ вода, поднимаются роціи и пролегаетъ большая дорога.

По рѣкъ уже стелится вечерній туманъ, на западъ горитъ огнистая заря, и живописно рисуются на ней верхи деревъ.

Теперь все взгорье къ Куряжскому ручью, запруженному у подворья того же имени, разбито дорожками, вездѣ устроиваются мѣста для отдохновенія, очищены сорныя травы, разведены цвѣты, и вѣрно скоро изъ мѣста почти одичавшаго устроится живописное мѣсто — трудами рукъ братіи и ихъ почтеннаго наставника. Самая природа приготовила все, чтобъ сдѣлать это мѣсто однимъ изъ привлекательныхъ: хорошій видъ, огромныя деревья, на право глубокій логъ покрытый лѣсомъ, за которымъ блѣтается церковь св. Онуфрія, и далѣе опять логъ и лѣса, а внизу живой прудъ и множество ключей, которые трудолюбивая рука вѣрно найдетъ на склонѣ горы и еще болѣе украситъ ими этотъ уединенный уголокъ. Подлѣ рва, замыкающаго садъ съ сѣверной стороны, растетъ огромная сосна: по рассказамъ, она была въ смутныя времена примѣтой для сбора недобрыхъ людей, подлѣ нее видна обвалившаяся пещера, которую еще не успѣли разрыть и осмотрѣть.

Церковь св. Онуфрія сооружена за монастырскою оградой, но принадлежитъ къ монастырю; переходъ и спускъ къ ней черезъ садъ затруднительны; но есть ходъ изъ монастырскаго двора за старою церковью: одинъ путь идетъ къ ней объѣздомъ подъ гору; другой крытымъ деревяннымъ ходомъ, въ нѣсколько сотъ ступеней, но многіе столпы, поддерживающіе тяжелую кровлю, пошатнулись, нѣкоторыя ступени искривились и приходящіе предпочитаютъ спускаться объѣздомъ. Церковь сооружена надъ самыми ключами, подъ престоломъ, и

посрединѣ ея устроены большіе водоемы; предъ нею начинается прудъ ключевой воды; на право сдѣланы купальни; вода вездѣ свѣжа и вкусна, мѣста уединенны и хороши. Въ лѣтніе дни и всякое Воскресенье сюда съѣзжаются изъ Харькова, особенно купцы съ своими семейства—погулять и выпить чаю подѣ тѣнью старыхъ деревъ, которыя изрѣдко растутъ по взгорью. Для такихъ прїѣздовъ тутъ же устроена временная гостинница. Въ храмовой праздникъ народъ во множествѣ стекается сюда изъ города и окрестныхъ мѣстъ; послѣ службы начинается веселое гулянье. Эта шумная, беззаботная толпа еще замѣтнѣе въ томъ мѣстѣ, гдѣ все обречено для уединенія и тишины. И дай Богъ, чтобъ въ этой тишинѣ душа не волновалась суетою міра и не погасала бы въ ней источникъ жизни и свѣта.

В. ПАСЕКЪ.

Приложеніе. Начальники монастыря отъ основанія его до нашего времени:

1. Архимандритъ Манасія.
2. Архимандритъ Германъ.
3. Архимандритъ Юсафъ.
4. Архимандритъ Пахомій.
5. Архимандритъ Онуфрій.
6. Архимандритъ Юсифъ.
7. Архимандритъ Ефремъ Черкасскій.

8. Архимандритъ Сильверстъ.
9. Архимандритъ Платонъ Малиновскій.
10. Архимандритъ Юсифъ Зинкевичъ.
11. Архимандритъ Петръ Вѣсовичъ.
12. Архимандритъ Варлаамъ Тищинскій.
13. Архимандритъ Константинъ Бродскій.
14. Архимандритъ Варлаамъ Андреевскій.
15. Архимандритъ Матѳей Младзинскій.
16. Архимандритъ Наркисъ Квитка.

При возобновеніи монастыря.

17. Настоятель Адріанъ.

Съ 1836 года.

18. Архимандритъ Іоаннъ Оболенскій.

ДРЕВНІЯ

СЛАВЯНСКІЯ СОБСТВЕННЫЯ ИМЕНА.

Въ статьѣ, помѣщенной въ майской книжкѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія на сей годъ, я изложилъ нѣсколько наведеній объ окончаніяхъ Славянскихъ собственныхъ именъ на *славъ* и *миръ*. Обративъ болѣе вниманія на этотъ предметъ, и распространивъ сводъ именъ, я предлагаю его уже не такъ какъ предметъ частныхъ филологическихъ изысканій; но какъ новое средство для соображеній историческихъ, въ отношеніи давности Славянскаго племени въ Европѣ и значительности его въ древности.

Изъ представляемой таблицы свода собственныхъ Славянскихъ именъ, должно замѣтить, что всѣ безъ исключенія коренныя, или простыя, и большая часть двойственныхъ или сложныхъ, по сіе время въ употребленіи у южныхъ Славянъ и преимущественно у Сербовъ, какъ народа болѣе прочихъ сохранившаго собственность Славянскую. Всѣ фамиліи Сербскія, и можно сказать безъ исключенія,

происходятъ отъ коренныхъ собственныхъ именъ, и слѣдовательно составляютъ вѣтви, первыхъ *отчинъ*, или семей: отъ Мило (Милой), милошъ, Милванъ—Милошевичъ, Миловановичъ; отъ Радо (Радой), Радошъ, Радованъ—Радовичъ, Радошевичъ, Радовановичъ; Драго (Драгой), Драгошъ, Драгошевичъ, * и т. д.

Если же коренныя имена въ употребленіи только у однихъ Славянъ и имѣютъ Славянскій смыслъ, то мы безспорно имѣемъ право назвать ихъ чисто родовыми Славянскими именами.

И, если сложныя имена состоятъ изъ Славянскихъ коренныхъ именъ, то столь же безспорно должны мы признать ихъ также Славянскими, гдѣ бы мы ихъ ни встрѣтили.

Съ этими положеніями приступимъ къ разсмотрѣнію свода простыхъ и сложныхъ Славянскихъ именъ.

1. *Коренныя и сложныя Славянскія имена.* Чисто Славянскими, древнѣйшими именами должно признать тѣ, которыя составляютъ вмѣстѣ и *нарчія* свойствъ и качествъ:

Окончаніе *вичъ* значить *родъ*, *племя* и безъ сомнѣнія начало свое имѣетъ въ Санскритскомъ *виджа* — причина, происхожденіе, семья; и состоитъ изъ частицы *ви* — изъ, отъ, и *джа* — родъ, племя; и слѣдовательно *Бого*, *Богушъ* (Богуджа — родъ, племя *Богов*) *Богушданъ* значить *изъ рода Богов*. Частица-*ви* у насъ сохранилась, на пр. *ходъ*—*выходъ* (изходъ, отходъ), *мысль* — *вымысль* (прискользящій отъ мысли); *родъ* — *выродъ*, *мѣсто* — *вмѣстнѣ*, и пр.

Добро, Доброй	добрый.
Богой	божий.
Вело, Велько	велій.
Бѣля, (Бѣлой)	бѣлый.
Владо, Владой	властный.
Вуйко, Вуйко, Вукъ	} военный, буйный.
Воиць	
Здравко (Здравъ)	здравый.
Живко (Жить)	живый.
Заро, Зарка, Зора,	} зарный (отъ зря)
Зорна (ж.) Зоранка (Зоренька)	
Крайо, Крайчиць	крайній, или можетъ быть карающій.
Драго, Драгой	дорогой.
Борой, (Бориславъ, Бериславъ)	(борющій, берушій).
Любой	любой.
Красой	красивый.
Лютой	лм.тый.
Огньо, Огнявъ	огненный.
Ново, Новко	новый.
Радо, Радой	радостный.
Стожо, Стоянь, Стамо	статный.
Мило, Милой	милый.
Миро, Мирой	мирный.
Славой	славный
Златой	золотой.
Спасой	спасающій.
Познань	познавший.
Рато, Ратой	ратный.
Цвѣтой, Свѣтой	светлый, цвѣтный.
Раво, Равиць	} равный.
Райо	
Ярко, Юрь, Гуръ	ярый.
Брато, Братой	братный.
Можо, Мојсиць (Мысль)	мысленный.
Средой	средній.
Видой	видный.
Дука, Душанъ, Душица	душевный.

Всѣ эти имена неоспоримо коренныя Славянскія; и это подтвердится еще тѣмъ, что всѣ окончательныя заключаются въ нихъ-же, какъ увидимъ ниже. Но сверхъ этихъ, въ числѣ простыхъ именъ, есть такія, которыя можно почесть вошедшими въ употребленіе по принятіи христіанской религіи, и сократившимися по формѣ Славянской; на примѣръ:

Петръ	Перо, Пуро, Пурешъ.
Игнатъ	Игньо.
Иванъ	Иво.
Мовсей	Мојо.
Фома	Томо.
Федоръ	Тодо.
Викентій	Вико
Павелъ	Павао.
Симеонъ	Симо.
Маркъ	Марко.
Андрей	Андро.
Арсеній	Арсо.
Дмитрій	Митаръ, Мичо.
Георгій	Юръ, Гуръ, Юрій.
Даніилъ	Данко, Данчулъ.

Но и эти имена въ сложныхъ соединяются съ Славянскими окончаніями; на пр: Томиславъ, Моимиръ, Павломиръ, Маркомиръ, Мечеславъ (Мичо), Петрославъ. и. т. д. Можно однакоже полагать, что нѣкоторыя изъ коренныхъ Славянскихъ именъ сблизилась по созвучію съ Еврейскими, Греческими и Римскими; на примѣръ:

Мою, Мојсилъ	Мысль (сохранилось только въ окончательныхъ).
Викентій, Вико, Вичо, Ви- чанъ.	Въче (Въчеславъ) вичный.

Игнать	Игньо	Огнявъ.	Огньо.
Петръ	Перо	(Перувъ).	
Марко		Мирко, отъ Мירו.	
Давидъ	Данко	(Даво, Давъ) день, денный.	
Василій	Весо, Веселивъ,	веселый *	
	Весела		
Лазарь	Лако, Лозо	Ликъ (на пр. Свѣтоликъ).	

Нѣкоторыя имена, по сближенію, кажутся переводными съ Римскаго; на пр. *Flogus* — Цвѣтой; *Luripus* — Вукъ (Волкъ), или взятыми отъ Римлянъ: напр. Гайо — Римское Гайъ, Гальское *Guu*, измѣняющееся въ Германіи на *Veit, Voit*, сходное съ Славянскимъ Видъ, Видой, которое сближается также съ Римскимъ *Vitus*.

Нѣкоторыя изъ Греческихъ Христіанскихъ именъ встрѣчаются между Славянскими въ 6 уже столѣтіи. Во время войнъ съ Греками три предводителя Славянскихъ назывались: Андрогастъ, Арсагастъ и Пирогастъ, — откинувъ Славянское окончаніе *гость*, остаются коренныя Андро, Арсо и Перо, сокращенныя Андрей, Арсеній и Петръ. Что Славяне въ это время раздѣлялись уже на язычниковъ и Христіанъ, то подтверждается словами Константина Багрянороднаго: описывая войны Грековъ противъ Славянъ, въ началѣ 7 столѣтія (610 годъ), Славяне-язычники, говоритъ онъ, назывались *паганами* (поганый), что значить, *некрещеный*. Прозваніе *Бѣлые*. Хорваты, *Бѣлые* Сербы, означало также язычниковъ **.

* Впрочемъ слово *веселе* кажется произошло отъ Гр. *Vasilia* — царскій, господскій праздникъ.

** Безъ сомнѣнія что въ первые вѣка христіанства черные клубки отличали христіанъ отъ язычниковъ; отъ сего въ Кара-влахія

Окончанія сложныхъ именъ. Въ сложныхъ именахъ всѣ коренныя соединяются съ окончаніями на *славъ*, *миръ*, *владъ*, *видъ* или *виръ*, *будъ*, *вой*, *братъ*, *градъ*, *драгъ*, *радъ*, *боръ*, *милъ*, *мысль*, *полкъ*, *манъ*, *любъ*, *духъ*, *живъ*, *дилъ* или *тинъ*; но всѣ эти окончанія составляютъ также коренныя Славянскія имена: *славъ* — Славой; *миръ* — Мирю; *владъ* — Владо, *видъ* — Видъ, Видой; *вой* — Вуйю; *братъ* — Брато; *градъ* — гра-нъ; *драгъ* — Драго; *радъ* — Радо; *боръ* — Борой; *милъ* — Мило; *мысль* — Моисль; *манъ* — Миан; *любъ* — Любой; *духъ* — Дуко; *живъ* — Живо.

Должно замѣтить, что всѣ эти окончательныя имена принадлежать къ чистымъ Славянскимъ, и можетъ быть въ древности составляли имена *отчинныя*, такъ что по числу ихъ можно судить о числѣ первобытныхъ Славянскихъ отчинъ. Если допустить это предположеніе, то главными изъ отчинъ Славянскихъ должно почесть двѣ: *Славоя* и *Мира*; ибо съ окончаніями на *славъ* и *миръ* соединяются почти всѣ коренныя имена безъ исключенія; между тѣмъ какъ со всѣми прочими только нѣкоторыя: Радо — Радославъ, Радомиръ, Радовладъ, Радогость, Радовидъ, Радивой, Радиградъ, Ратиборъ, Радмилъ, Радманъ; Юрій, Ярко — Ярославъ, Яромиръ, *Načovlad* — Яровладъ, Яровить, Яровой, Яро-

(Черновлахія), Кара-богданъ (Черно-Богданъ или Молдавія), въ Сербіи и Бугаріи, народъ носить шапки въ родъ черныхъ клобуковъ.

полкъ... хотя сборникъ мой не лѣзя почестъ совершено полнымъ, и большая часть сложныхъ именъ вышли изъ употребленія, чему доказательствомъ служить то, что нѣкоторыя сохранились только въ летописяхъ, на примѣръ *Miwoj* (Король Булгарскій), а другія почитаются Германскими, напр. *Nadabrath* — Годобратъ; *Nadugast* — Годогость; *Argiovald* — Яровладъ; *Radvald* — Радовладъ; *Ingiomer*, Игньомиръ или Огнесмиръ.

Когда отчины соединились въ области, тогда вѣроятно и отчинныя имена потеряли смыслъ; но придавались къ именамъ въ означеніе древности рода, уважаемая столько же, какъ у Арабовъ прозваніе *азди*, означающее происхожденіе отъ древняго и славнаго племени *Азадъ*, и преимущественно всѣ Славянскіе владѣтели носили имена сложныя съ *славъ* и *миръ*; Русскіе: Свѣтославъ, Владиміръ, Ярославъ, Изяславъ, Мстиславъ, Ростиславъ; южно-Славянскіе короли: Селмиръ, Радмиръ, Свѣтмиръ, Будмиръ, Владиславъ, Томиславъ, Себиславъ, Караміръ, Толмиръ, Крепиміръ.

Между Германскими Славянами, или Готославянами предводители: *Britomar*, (Братомиръ, или Братиміръ); *Witimir* (Видиміръ); *Filimer*, или *Wolimir* (Велемиръ); *Godemir* (Годомиръ); *Wisivald* (Всеволодъ); *Oswald* (Изовладъ)... И вообще, преимущественно съ окончаніемъ на *миръ*, и ни одного окончанія нѣтъ на *славъ*; равно какъ въ Целтическихъ именахъ также, какъ мы увидимъ ниже, всѣ имена, сходныя съ Славянскими, кончатся на *миръ*. Слѣдовательно, должно предположить, что значительное племя *Мира* соста-

вляло первоначальных выходцев изъ Индіи, а племя *Славоя* пришло на Дунай въ послѣдствіи.

Въ Индіи *Сальва* (*Сальван*), и *Мура* прозванія духовъ противниковъ Вишню, которыхъ онъ поразилъ. Въ этомъ подразумѣвается борьба патриархализма съ ученіемъ, или поклонниковъ естественной Религіи Сивы-природы, съ умственной Религіей Будхи, — и преслѣдованіе *Сайвановъ* *, которыхъ названіе сходно съ *Сальва-н* названіемъ Индѣйскаго древняго племени.

2. *Окончаніе на славъ*. Замѣчательно, что съ окончаніемъ на *славъ* нѣтъ ни одного имени, которое было бы въ употребленіи у Готовъ, тогда какъ на *миръ* очень много: *Witimir*, (Видомиръ), *Gelimir* (Гайо — Галомиръ), *Britmar* — Вритомиръ, и пр.

Мы уже замѣтили, что всѣ вообще окончанія составляютъ также коренныя имена, и окончаніе *славъ* есть ничто иное какъ имя *Славой*.

Древнѣйшее Славянское имя на *славъ* въ комментаріяхъ Ю. Кесаря: *de bello gallico lib. viii. lxxvi*: одинъ изъ предводителей Галійскихъ названъ *Vergasillaunus*. (Юргиславъ, Іеркославъ, Ярославъ); сближеніе подтверждается тѣмъ, что рядомъ съ *Vergasillaunus*, другой предводитель *Viridomar*, котораго можно принять за Вратимира; начальное имя *virido* повторяется въ имени также Гальскаго предводителя — *Viridovix* (Вратовичъ).

* *Сайвас* (*Сайван*) — поклонники Сивы (природы); но должно отделить первобытное поклоненіе Сивы-природѣ, отъ послѣдующаго поклоненія Сивѣ-жизни.

Въ началѣ 5 вѣка, когда послы Атиллы, скифъ Эдеконъ, и Орестъ, родомъ изъ Пеоніи, прибыли въ Константинополь съ письмомъ къ Императору * Θεодосіо, переводчикомъ письма и переговоровъ былъ назначенъ *Bigilas* (Богуславъ?). Потомъ вторично отъ Атиллы былъ посланъ Орестъ съ *Eslas* (Изяславомъ?), который обязанъ былъ вести переговоры.

Форма писанія именъ *Bigilas*, *Eslas*, *Bigislas*, *Esslas*, сходна съ именами *Godilas* (Годославъ) предводитель Илирійскій (въ 558 году) **, и *Blivilas* (Прибиславъ?) Король Сармато-хунновъ ***.

3. Славянскія имена съ окончаніемъ на *миръ*, встрѣчаются преимущественно между военачальниками Готовъ, часто съ измѣненіемъ *mir* на *mar*, *mor*, *mer*:

Wissumar — Вышемаръ.

Vithomiris — Витомиръ.

Rotemer — Ратимиръ, Радомиръ.

Valamir — Велемиръ, Болемиръ, или по Сербскому произношенію *вала* — хвала *Хвалмиръ*.

Filimer }
Vualamir } — Велемиръ.

Theodemir }
Teutomer } — Тодомиръ, Татомиръ.

Waidemir }
Videmir }
Vadomaire } — Видомиръ.

* См. Приска.

** Θεοφανъ.

*** Юрнадъ.

Chrodomaire (одинъ изъ царей Герман. въ полов. 4 столѣтiя ~
Градомиръ.

Ricimer }
Richomer } Рашо, Рацко—Ратимиръ.

Gomoaire — Гошмиръ.

Varzimir — Боримиръ (Бороже, Борисъ).

Walađamaria дочь Vinithaire. — Владимиръ.

Въ Германскихъ именахъ окончанiе на Frid (миръ) является довольно поздно; и потому можно полагать, что оно есть переводное окончательнаго имени *миръ*; тѣмъ болѣе что Frid само по себѣ не употребляется какъ имя; на примѣръ Godofrid — Годомиръ; если же God (добро) также переводное имени *Добро*, *Доброй*; то Godfrid соответствуетъ имени *Добромиръ*; Frideric — соответствуетъ имени *Мировладъ*; Valfrid — *Валемиръ*.

Древнѣйшее имя на *миръ*, въ комментарiяхъ Цесаря *Viridomar* — *Вратимиръ*.

Особенно замѣчательно, что всѣ имена, кончающiяся на *миръ*, Галiйскихъ предводителей и Бардовъ въ Шотландiи, совершенно сходны съ Славянскими:

Cromar — Крамиръ, или Карамиръ.

Ducomar — Дукомиръ.

Rothmar — Радомиръ, Ратимиръ.

Strumar — Строимиръ.

Trenmar — Дренмиръ, (*Дренка* Серб. жен. имя).

Narmar — Нармиръ. (Нера, Серб. ж. имя);

Cathmar — Годомиръ, или Казимиръ.

Malmor — Маломиръ, Миломиръ.

Sonmar — Синимиръ, (*Синча*—Серб. женс. имя).

Caromar — Карамиръ.

- Clessamor — Глишомиръ.
 Slimora — Селимиръ, Зломиръ.
 Calmar — Salmor — Селимиръ.

Кромъ того съ Шотландскими сходны: Branno или Bran — Брано; Alona или Aluine (женск.) желе-на; Malvina — Мильяна, Милена, Малина; Moïna (отъ Моја — Мојана); Sulvina дочь Morauld — Славна дочь Мировлада.

- Cairbar — Караборъ.
 Mòrlav — Мирюлюбъ. (Серб.)
 Ranal — Ралень. (Серб.)
 Duchan — Душанъ. (Серб.)
 Scarlaw — Скоролюбъ (?)
 Dowgan — Добрыня.
 Gruimor — Краимиръ
 Morduth — Миродухъ (?)
 Moralt — (wlad—wold—ald) Мировладъ — Morauld — Morlath.
 Tommore, (названіе мѣста) — Томимиръ. *
 Salmor (названіе мѣста) — Селимиръ.

Изъ древнихъ Гальскихъ именъ Царей и предводителей: Outromer (Ютромиръ или Остромиръ); Chodomir — Хлодомиръ; Marcomir — Маркомиръ; Godemar — Годомиръ.

Inguiomer, дядя Арминія предвод. Херусковъ (въ 15 г. до Р. X.).

4. Сложныя Славянскія имена кончающіяся на *владъ* (Владой), въ Готскихъ измѣняются на wald, world, bald, bold, ald, old, или переводно на rik,

* Въ Шотландіи, безъ сомнѣнія также какъ и по всюду въ патриархализмѣ, мѣста назывались по отчинамъ, и следовательно названія мѣстъ Tommor, Salmor, происходятъ отъ собст. именъ Томимиръ, Селимиръ.

гіс, что значить также *власть, владѣ*, на пр. Irmenwald, съ исчезнувшимъ w — Ermenoald; Grimwald — Grimoald (Громовладѣ); Ragnwald — Ragnald (Рогволодъ, Рогвольдѣ); Berthold — Братовладѣ; Leutbald — Лютовладѣ; Radwald, Radoald, Radulf — и переводно Roderik — Радовладѣ; Magnoald, слав. Серб. Многовладѣ; Zuentibold — Король Лорренскій (въ 895 г.) — Свѣтовладѣ.

5. Окончаніе на *гость*, происходитъ также отъ собственнаго имени *Госто*, сохранившагося только въ Мифологіи.

Принадлежность слова *гость* Славянамъ доказывается Санскритскимъ (*goṣṭh'a*), что значить гощенье, собраніе, бесѣда. Въ Сербскомъ *госа* — господинъ хозяинъ, *госпо* — госпожа. Въ Латинскомъ *hospes*, знач. хозяинъ и вмѣсте гость (*hostis*—*остис*—пришелець и врагъ, *еппемі* — (en древн. членъ принятый Галлами отъ Готовъ), *пемі* — нѣмой въ значеніи иноземный.

Въ Французскомъ *hôte*, по древнему писанію *hoste* — значило постоялецъ, жилецъ, гость и вмѣсте хозяинъ. Двойственность значенія произошла безъ сомнѣнія отъ пришельцевъ колонистовъ, которые, занимая земли, становились въ отношеніи туземцевъ и гостями ихъ и хозяевами — отсюда *hostilité* — нападеніе, насиліе.

Въ именахъ принятыхъ за Готскія и Гальскія, *гость* измѣняется въ *gast, host, ges, gis, gais*: Wisogast — Видогость; Hadugast — Годогость; Rada-gais — Радогость; Witiges — Витогость.

Древнѣйшее имя на *гость* — *Arbogast*, Франкъ, любимецъ Импер. Валентиніана, въ 399 году по Р.

Х. По ненависти къ Королю Франковъ Маркомиру, онъ возстановилъ Валентіана противъ него. Сынъ его назывался также Argbogast, по другимъ Arigius (Юргъ). Слѣдовательно первое имя должно читать Argo, соответственно Славянскому Ярко.

Древнѣйшія историческія Славянскія имена на *gostь* Славянскихъ вождей во Фракіи, во время войны съ Греками въ 6-мъ столѣтіи: Андрогастъ, Арсогастъ, Пирогастъ.

6. Окончаніе *Видъ*, *Видъ*, (*wit*), составляетъ собственное коренное имя Видо, Видой; оно же превратилось и въ *будъ*, предполагая что сложные Будиславъ, Будимиръ, Будигость, Будевидъ, тѣже имена, что и Видиславъ, Видимиръ, Видогость, Видовидъ. Въ Гальскихъ именахъ, или у древнихъ западныхъ Славянъ, оно преимущественно измѣнялось въ *boude* — *будъ*; на пр. Meroboude — Миробудъ, Мировидъ. У Сербовъ *видъ* измѣняется въ окончательномъ имени на *будъ*, на пр. *Радобудъ*. Древнѣйшія Славянскія имена на *будъ*, сохранились въ именахъ Гальскихъ Королей: Genobaude — Яновидъ; Mellobaude — Милобудъ, Миловидъ; Hariobaude — Яробудъ, Яровидъ; Malobaude — Малобудъ; Maugobaude — Миробудъ, Мировидъ; Vainobaude — Войновидъ; Gondebaud — Годовидъ. *

Короли Франковъ, Genobaude и Athes (въ третьемъ столѣтіи, 288 годъ), назывались *царями длин-*

* Образование Гондо изъ Годо, точно также какъ Swento изъ Swento; или какъ, brand изъ braht.

новолосыми—reges crinitos. Mallobaude (въ 378 году) назывался Comte des domestiques de l'empire.

7. Окончаніе на вой (бой, война) происходящее отъ имени Вуѳо, Воинъ, Воянъ — Баянъ, въ Готическихъ именахъ измѣняется на wig, и vic (wig значить также бой, война). Король Франковъ (467 г.) Clodovei пишется также Clodovic, Clodovic, Clodovic, Clovis — Ludovic или Louis. *

8. Окончаніе на градъ, измѣнялось въ именахъ Готическихъ на gard, hart, gerdr, gar, ger: Велерадъ — Wiligart; Любиградъ — Liebgard, Радиградъ — Radhart, Rodgarus, Rogerus, Roger.

9. Окончаніе драгъ, составляетъ собственное имя Драго, Драгой.

10. Окончаніе радъ, происходящее отъ имени Радо, Радой, измѣняется въ именахъ Готовъ въ rat, gad, red: Велерадъ — Wielrad; Dancharat или Dankrat — Данкорадъ.

11. Окончаніе братъ отъ Брато, въ слав. измѣняется въ братъ, въ Готскомъ въ braht, bart, bert, brand. Въ поэмѣ 8-го столѣтія о Гадубрандѣ и Гильдебрандѣ. эти имена въ древнихъ спискахъ пишутся Nadubraht (Годобратъ), Hildebraht (Хладобратъ, Лютобратъ). Heeribraht (Яробратъ), отецъ Hildebrath — а.

12. Окончаніе на любъ, собственное имя Любъ, Любой, въ Готскихъ именахъ измѣняется на lieb, lob: Godlieb — Годолобъ.

* Car c'est le même nom, пишетъ Морери.

13. Окончаніе *мысль*, въ собственномъ Сербскомъ имени Мойо, *Мойсль*, которое принимается въ значеніи Моисей.

14. Окончаніе *полкъ* имѣють только два имени: Святополкъ и Ярополкъ.

Сербское мужское имя Пайо, женское Пала или *Пола*, тоже что *Полексія* (гречес.) *Палактіа* — означающее: многими *презводительствующая*. Древнее *Палада*.

Русское имя *Полканъ* сохранилось только въ сказкахъ.

Слово *полкъ* соответствуетъ Германскому Volk — народъ, и Греческому Φάλαγγ. — Фаланга.

О значеніи окончанія *полкъ* въ южныхъ лѣтописцахъ есть слѣдующее:

«Король Далматскій Свѣтимиръ, или Звонимиръ Svęntimīr (въ началѣ 8-го столѣтія) принялъ Христіанскую Религію отъ Константина или Кирилла. Сынъ его Будимиръ въ крещеніи нареченъ Светопелекъ, то есть *свето дете* — (святое дитя).»*

«Умершу же Королю Свѣтомиру, наследова по немъ Бидимиръ, (нареченъ по обращеніи своемъ въ вѣру Христіанскую Святополкъ, еже значить на Славянскомъ языкѣ *отрокъ свѣтъ*.) **»

«Свѣтмиръ, Краль Х... собственнымъ своимъ примеромъ подалъ поводъ Говославиномъ, иже воспріяти благовѣстіе Евангельское. Соизволилъ къ тому

* Писнословка, или то повѣсть о народу Славянскомъ. — Анд. Качича.

** Мавроурбинъ.

сына своего зовома Будимира крещеніемъ святымъ просвѣтити, его же и нарекли Святополкомъ, сирѣчь *отрокомъ святымъ* (у Марула читается *Светоликъ*.) *»

15. Окончаніе на *милъ* соотвѣтственно собств. имени Мило, Милбй.

16. Окончанія *динъ*, *тинъ*, *данъ* (Дано, Данко); *манъ* (Мијо, Мијанъ); *даръ*, *боръ* (Борой); *ликъ* (Лако соб. им.); ** *санъ* (соб. имя Сан, Санакъ); *духъ* (соб. имя Доко, Душанъ); *вукъ* (соб. имя Вуйо, Вукъ), *живъ* (соб. имя Живко; *жиръ* (соб. имя Заро, Жарко), и *главъ*, довольно рѣдки.

Изчисливъ древле-Славянскія имена, и разсматривая Славянское племя какъ *отчинное*, можно замѣтить сходство большей части названій *отчинъ* съ коренными собственными именами; на пр. Дрегвичи, отъ Драго, Драгой; Бужане, отъ Божо, Богой; отъ нихъ прозваніе рѣкъ Бугъ; Древляне, отъ Драило; Радимичи, отъ Радо, Радунъ (Радимъ); Вольтыцы, отъ Вуйо, Вуло; Смоляне, отъ Смолянъ; Ростовцы отъ Расто; Вятичи отъ Вятко, Вять, Вато-ль; Лютичи, отъ Лють; Галичи, отъ Гајо (j=л) Гало. Влахи отъ Влахъ — Влашко; Сербъ (Срп) отъ Серпо, Серпошь; Моравы отъ Миро; Поляне отъ Пајо (Пало, Павао, Павло); Дулебы, отъ Дујак (Дуло); Будины — Будо; Русы — Русъ (Русмиръ Серб. имя); Боруссы — Борой, Борись; Бои, отъ Бой, Вой.

Въ слѣдствіе этого вывода можно предположить, что названіе *Славяне* было отчинное отъ *Славоя*. Эта

* Исторія разн. Славенс. Народовъ. Іоан. Ранга.

** По Санскр. Ликъ — Локо.

отчина могла столь-же прославиться, какъ Германская, которой имя обратилось въ общее нарицательное. Но у народовъ патріархальныхъ одно изъ племенъ было всегда старѣйшимъ, и составляло коренную священную породу; на примѣръ у Индѣйцевъ порода Браминовъ. Такъ и Славяне въ патріархализмъ, должны были имѣть племя священное. Отреченіе Щайвовъ, или Сайвовъ (Сиваитовъ, Шивитовъ), послѣдователей Религіи природной, отъ Религіи Будхи, должно обозначать и время выхода Славянъ изъ Индіи и переселеніе ихъ первоначально въ Фригію, потомъ во Фракію и наконецъ къ Дунаю. Священная порода ихъ должна была носить имя божества Сивы, которое въ нарѣчіяхъ измѣнялось въ $\sigma\alpha\omega$; (sauf) Salus, Salvus; по Санскр. *Сайвас* (поклонникъ Сивы), множ. число *сайвани*. Сива въ ликѣ божества суда и смерти *мрида*, *ямо*, *мрити*, *маранна*, откуда безъ сомнѣнія и *Марсъ* божество Латинъ. Такимъ образомъ можно полагать, что жрецы *Марса Saliі*, *Salivans*, и Галійское племя — *Saliens*, или *Salluvians* * (*Марсельцы*), были Славяне. Въ Германіи такъ же *Saliі* или *Saliens* обитали въ провинціи, называвшейся *Salland* **.

* Hist. des Gaulois par J. Picot. t. 1. p. 50.

** Сближеніе *Саливановъ* съ *Марсами*, доказываетъ единство ихъ, и различіе только въ наставъ; одни были касти священной, другіе воинственной. Одни носили имя Бога-свѣта (Бѣлбога), другіе Бога-смерти (Черно-бога).

*** У Римлянъ *Марсъ* носилъ прозваніе *Silvanus*, и это названіе значить, что *Марсъ* былъ божествомъ сельскимъ, т. е. патріархальнаго народа; ибо Греки *Марса* называютъ *Арей*, отъ названія Сивы *Хара*, *Хари* въ свойствъ божества войны, истребителя.

Цари Латиновъ (1297 лѣтъ до Р. Х.), вели свой родъ также отъ Сатурна * т. е. (Сивы), и слѣдовательно по религіи были Сайвы. Въ 1128 году былъ царь изъ рода *Silva*, его потомки царствовали почти до основанія Рима (753 г. до Р. Х.) Eneas, Sylvius (Янославъ)? Alba Sylvius (Бѣлославъ, Велеславъ)? Agsips a Sylvius; Allade Sylvius) Владиславъ), или Argemulus, (Яромилъ); Aventinus Sulvius.

По прозванію *Сильвій* Латинскихъ Царей, можно полагать что племя *Мира* распространилось болѣе къ сѣверу; а племя *Славянъ* занимало земли южныя.

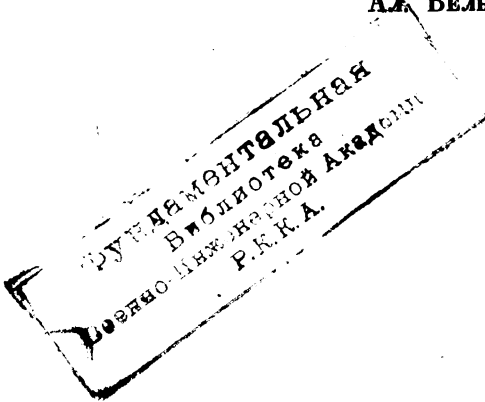
И вообще необыкновенное сходство древнихъ собственныхъ именъ, сохраняющихся только у Славянъ, слѣдовательно родовыхъ Славянскихъ, съ древними именами Латинъ, Цельтовъ, Галловъ и Готовъ, служить сильнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что и самое племя населяло уже издавна большую часть Европы; и какъ племя нравовъ отчинныхъ, осѣдлыхъ, подпадало частями сперва подъ зависимость общинъ колоніальныхъ, а потомъ подъ державы завоевателей.

У Скивовъ божество войны также назывался Арей; у Готовъ Негг. У Славянъ Яро, Юрій, Ярко. — Herkel. — Hercules — Иракль.

* *Сур* или *Шуръ* или *Чшуръ*—Сива въ свойствъ Героя. Отсюда у Галловъ *Sort* — судьба, у Готовъ *Surtur*, или *Satur* — острый мрачный, по Датски *Sort*, по Швед. *Svart* (*Schvartz*) черный; Англо-Саксон. *Sveart*. Отсюда *Swert*—мечъ. *Satur* значитъ Суббота, (*шеббъ*—ночь). Евр. и Араб. *шеббъ*—ночь, *Sabba*, *Savva*. (Греч. произн.) Сива. Суббота же день посвященный Сивѣ (*Сатурну*), въ свойствъ *Самы* (сна, смерти).

Представляемъ это, какъ первый и основной историческій выводъ изъ сличенія собственныхъ именъ древнихъ народовъ; дальнѣйшее-же изслѣдованіе требуетъ особеннаго и усиленнаго труда.

Ал. Вельманъ.

тъ, На вой (бой)
wit. (бой, война).
идъ, имя. Вуйо.

Знатон.

Знатонъ.

Знатонъ (Знатонъ)

Знатонъ (Знатонъ)

Знатонъ (Знатонъ)

Знатонъ (Знатонъ)

Ристивой.

Разбивой.

Стопъ, Станъ
нон, Стоя (н)

Стопъ.

С М Ъ С Ъ.

КУЧУМОВО ГОРОДИЩЕ.

I. ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРИ. Я былъ еще отрокомъ — Помню 17-го Іюня 1824 года на широкомъ дворѣ нашего Тобольскаго дома, или лучше замка, окруженнаго со всѣхъ сторонъ садами и огородомъ, стояла бойкая тройка, запряженная въ тѣлѣжку; и мы трое братьевъ, одѣтые легко и вооруженные отъ недобрыхъ людей, рано по утру, простившись съ отцемъ и матерью, весело оправлялись посреди толпы меньшихъ братьевъ и сестеръ, чтобъ ѣхать къ Искеру, остаткамъ столицы царства Сибирскаго. ⁽¹⁾

Быстро перѣехали мы часть большой улицы и валъ городской; не долго мелькали у насъ въ сторонѣ грустные кресты и памятники кладбища; скоро остались за нами деревня Завальная, Архирейская и Губернаторская рощи: * легко мчали насъ кони по гладкой, лѣсистой, большой Сибирской дорогѣ; толь-

* Въ ней бываетъ гулянье въ Семикъ.

ко переезжая черезъ оврагъ Ивановскаго монастыря * умѣрили ихъ горячность.

Было роскошное утро. Все дышало миромъ и очарованіемъ. Природа, преисполненная жизни, въяла наслажденіемъ. Упоенная душа моя была погружена въ безмолвную радость. Жизни, жизни жаждала она.

Въ 17 верстахъ города свернули мы съ большой дороги въ право (сколько помнится) къ д. Защитиной, расположенной на самомъ берегу Иртыша, въ $1\frac{1}{2}$ или 2 верстахъ отъ большой дороги. Только выехали мы изъ лѣсу—и передъ нами развернулся горизонтъ, какъ тройка наша зарѣзвилась и помчала насъ вдоль деревни, прямо къ обрыву въ 53 сажени надъ угрюмой поверхностью Иртыша. Еще одно мгновеніе и мы полетѣли бы въ бездну, но средній братъ, правившій конями и не по лѣтамъ владѣвшій присутствіемъ духа, не имѣя силъ остановить ихъ, или поверотить къ строеніямъ, направилъ, съ помощію старшаго брата, къ ямъ, нѣсколько въ сторону, и заставилъ сдѣлать крутой поворотъ, успѣлъ укротить ихъ бѣшенство.

Въ сопровожденіи деревенскихъ мальчиковъ, мы отправились пѣшкомъ къ Кучумову городищу: подъ этимъ названіемъ извѣстны жителямъ бѣдные остатки столицы царства Сибирскаго. Дѣти были рады, подъ нашей защитой побѣгать въ пустынныхъ ок-

* Ивановской монастырь мужской, въ 9 верстахъ отъ Тобольска, расположенъ въ оврагъ близко праваго берега Иртыша.

рестностяхъ его, нарвать цвѣтовъ и пучекъ *. Я полагаю, что боязнь жителей имѣеть глубже свое начало, нежели какъ намъ объясняли дѣти. Они говорили, что тамъ бѣгаютъ бѣглые; но бѣглые, которые вообще рѣдки, не обзаводятся постоянными мѣстами.

Жители ищутъ кладовъ на старыхъ жильяхъ Татаръ, и есть у народа преданье, что Татары, желая лучше умереть, нежели сдаться Русскимъ, скрывались въ погребахъ, въ ямахъ, подъ своими домами, подрубали столбы и гибли тамъ,—и что души ихъ, какъ злые духи, стерегутъ свои сокровища. Много я слышалъ поэтическихъ вымысловъ, какъ не даются клады, заколдованные на извѣстныхъ условіяхъ. Вѣра въ существованіе таинственнаго въ природѣ чѣмъ-то мрачнымъ облакаетъ давно совершившіяся кровавыя событія, оставившія по себѣ ужасъ въ душѣ человѣка, и населяетъ мѣста совершенія невидимыми жильцами: въ этой вѣрѣ я полагаю начало боязни жителей къ Кучумову городищу.

Мы шли безъ дороги мелкимъ, но частымъ лѣсомъ, поросшимъ густою травою, все по закраинѣ обрыва Иртыша, прямо на югъ. Прошедши версты 2 и болѣе, мы спустились въ оврагъ шириною не менѣе 20 сажень и въ нѣсколько сажень глубины.

* Дигиль. Его обдираютъ и ѣдятъ, даже привозятъ продавать на базаръ въ городъ, также какъ и Сарана или Саранки въ родѣ луковиць; мясо у нихъ желтое, маслянистое и сладкое; сосновый сокъ, который снимаютъ весною пластами изъ-подъ коры, сладкій въ родѣ сочной постли, весьма полезный для укрѣпленія груди.

Поднявшись на противоположный край оврага, мы уже вступили въ Кучумово городище.

Предъ нами открылось пространство не болѣе 50 сажень въ длину и ширину. Ограниченное прямолинейными сръзами, исключая стороны обращенной къ Иртышу, въ видѣ многоугольника суженнаго къ востоку, оно расположено на мысу, образовавшемся отъ впаденія р. Сибирки въ Иртышъ. Весьма крутой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти отвѣсный буеракъ Сибирки, въ 33 сажени глубины, охватываетъ городище съ восточной и южной стороны. Съ западной оно оканчивается обрывомъ Иртыша; съ сѣверной же оврагомъ, черезъ который мы перешли въ городище, соединяющимъ берегъ Иртыша съ берегомъ Сибирки. При осмотрѣ его старшіе братья сдѣлали замѣчаніе, что онъ долженъ быть искусственный. Дѣйствительно, правильность его покатоствей, не сыпучихъ, плотныхъ, обросшихъ травою, подтверждаютъ эти заключенія, и такіе перехваты между берегомъ главной и впадающей рѣкою не встрѣчаются въ природѣ. Отъ обрыва Иртыша онъ имѣетъ горизонтальное дно, сажень на 30, а далѣе начинаетъ углубляться къ руслу р. Сибирки и сходить довольно круто. Все углубленіе его поросло мелкимъ лѣсомъ. При спускѣ изъ оврага къ руслу рѣчки сохранилось нѣсколько колодцовъ, засоренныхъ и заваленныхъ искателями кладовъ. Отъ нихъ видны признаки вѣсхода въ оврагъ. Путешественникъ, бывшій въ Искерѣ почти за 10 лѣтъ до насъ, описывая мѣстность его и крутизну берега Иртыша, говоритъ: «Таковой же крутизны у рѣчки Сибирки лощина, про-

стирающаяся отъ Иртыша. Здѣсь находится валъ въ 15 сажень длины, а за нимъ ровъ шириною не болѣе 2-хъ аршинъ; отъ сихъ вала и рва до самаго возвышеннаго мѣстоположенія Искера высота до 5 сажень. Въ лощинѣ видны также остатки рововъ, а къ рѣчкѣ Сибиркѣ и по лощинѣ до самой почти воды былъ, какъ кажется, спускъ къ колодецу, примѣтный по остающемуся помосту.» * Миллеръ пишетъ, что «городище видится съ дороги на небольшой круглой горкѣ, которая въ разныхъ уступахъ укреплена тройнымъ валомъ съ находящимися при томъ рвами, изъ которыхъ одинъ валъ другаго выше; а сіи валы окружаютъ городское мѣсто только съ приходу и съ стороны долины, понеже прочія обѣ стороны отъ рѣки Иртыша и, отъ буерака никакого укрѣпленія не требуютъ.» ** Валу, обѣ которыхъ говорятъ путешественники, я полагаю, были устроены для защиты хода отъ колодецовъ, перерѣзывая оврагъ поперегъ. На горизонтальномъ днѣ оврага не существуетъ никакихъ примѣтъ вала, это я хорошо помню; да и не естественно, чтобъ его расположили на днѣ оврага подъ командованіемъ 5 саженнаго края оврага, со стороны поля. А въ углубленіи оврага заросшемъ лѣсомъ, надобно было отыскивать остатки вала «малозамѣтные и заросшіе» какъ пишетъ Миллеръ. Мы же, не думая дѣлать строгихъ ученыхъ изысканій, весьма просто, что пропустили ихъ. Мнѣніе мое подтверждаетъ и

* Сибирскій вѣстникъ 1818 года, часть 1.

** Описаніе Сибирскаго Царства, 1750 года, Миллера.

то, что длина въ 15 сажень вала, соответствует поперечнику а не длиннѣ, горизонтальнаго дна оврага, идущаго вдоль городища; и самые слова Миллера, что городище видится съ дороги отъ Тобольска, на горкѣ съ тройными валами, расположенными уступами, показываетъ, что онъ смотрѣлъ на Искеръ съ другой стороны р. Сибирки (отъ куда и открытъ весь спускъ къ колодцамъ), потому что дорога изъ Тобольска идетъ мимо восточной стороны городища по лѣвому берегу р. Сибирки. А судя по прямолинейности краевъ городища, можно полагать, что оно было обнесено стѣною, да и не могло внутреннее пространство остаться безъ защиты отъ выстрѣловъ съ другой стороны р. Сибирки. «Когда Махметъ перенесъ столицу въ Искеръ, то онъ мѣсто съ нагорной стороны укрѣпилъ еще болѣе прежняго.» *

Все пространство городища покрыто густой травой, и нѣсколько ближе къ восточной сторонѣ, сохранились признаки жилья, ямы, куски кирпича и кусты крапивы, сѣверной эмблемы заустыня. «Все вообще здѣсь мѣстоположеніе неровное и въ ямахъ ** три изъ сихъ послѣднихъ подобны погребнымъ, весьма глубоки и, по словесному Татаръ преданію, служили темницами для виновныхъ. Лѣсу на мѣстѣ семь нѣтъ; одна дикая трава, а болѣе крапива и конопель дикая. На утесъ же Иртыша примѣтны ос-

* Описаніе древностей.

** Много сдѣлано ямъ искателями кладовъ. Передъ нами Докторомъ Албертомъ въ окрестностяхъ Искера выкопана кружка, не помню серебряная или золотая.

татки одного кургана, и не знаю цѣль ли онъ теперь, ибо сіе мѣсто Иртышъ, подмывая ежегодно, обрушаетъ..." Мы уже не нашли его.

Перейдя обратно черезъ оврагъ, немного въ право отъ нашей дороги, ближе къ берегу р. Сибирки, мальчики показали намъ признаки кладбища: едва замѣтныя насыпи. «Перейдя лощину за рвчюку Сибирку, путешественникъ увидитъ на горѣ признаки бывшихъ кладбищъ, гдѣ обыкновенно въ Сентябрь мѣсяцъ собираются Татары для мольбы и закланія тельцовъ. Они собираются сюда и въ Маѣ мѣсяцъ, но въ меньшемъ количествѣ, и какъ говорятъ, для поминовенія положившихъ голову свою за Искеръ и поклоненіе погребеннымъ здѣсь святымъ.» *
Здѣсь явная описка, что кладбище за р. Сибиркою, потому что переходъ черезъ буеракъ Сибирки невозможенъ, особенно для погребенія. ⁽²⁾ Отъ горизонтальнаго dna рва врѣзана дорога въ покатость, прилежащую къ городищу, оканчивающаяся обрывомъ Иртыша, такъ что между ея окончаніемъ и поверхностію городища сажени $3\frac{1}{2}$. Она ясно осталась у меня въ памяти по замѣчанію братьевъ, что дорога должна продолжаться сажень на 150, чтобъ выйти на поверхность городища. Этотъ выводъ они сдѣлали по склону дороги. «Ближніе жители отъ предковъ своихъ слышали, что отъ мѣста, занимаемаго сими остатками столицы Хана Кучума, отвалилось въ Иртышъ около 40 сажень, что и вѣроятно, ибо судя по самому стремленію Иртыша,

* Сибирской Вѣстникъ 1818 годъ, част. 1.

легко статься можетъ, что онѣй не только снесетъ сѣи остатки и подмоетъ мысъ Чувашскій, * но затопитъ лугъ Подчувашскій, ** покроетъ водами своими весь подолъ Тобольска.» *** Иртышгь съ каждымъ годомъ обрываетъ нагорный, глинистый лѣвый берегъ, составленный плоскою возвышенностью, начинающеюся за нѣсколько верстъ выше Абалацкаго монастыря ⁽³⁾ до Сузгуна, 7 верстъ ниже Тобольска, простирающеюся до 40 верстъ въ длину и отъ 7 до 20 верстъ въ ширину. Иногда цѣлые десятки сажень въ поперечникъ отрываетъ въ одну весну. Въ самомъ Тобольскѣ въ нагорной части города съ каждымъ годомъ обрывъ приближается къ строеніямъ. А около Кучумова городища напоры рѣки дѣйствуютъ еще разрушительнѣе : въ селѣ Преображенскомъ ****, которое въ виду Кучумова городища черезъ р. Сибирку, жители предвидать необходимость перенести церковь, бывшую въ памяти старожилловъ сажень на 100 и болѣе отъ обрыва.

Не смотря на то, что я съ смѣлостью и ловкостью горца привыкъ взбираться на крутизны и спускаться съ обрывовъ, но не безъ чувства опасенія смотрѣлъ я на темныя воды Иртыша, далеко подъ моими ногами, съ глухимъ шумомъ дробившіяся о подшву нависшаго обрыва. Отраднo было оторваться взоромъ отъ бездны водъ и потонуть въ безпре-

* Край горы возлѣ дороги изъ Россіи въ Тобольскъ верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ города.

** Лугъ отъ Чувашскаго мыса между Иртышомъ и городомъ.

*** Сибир. Вѣстникъ.

**** На 22 верствъ отъ Тобольска.

дельности картины, которая была передъ нами. Горный берегъ, какъ желтая, громадная стѣна, увѣнченный зеленью, полукругомъ опоясалъ Иртышъ съ юга на сѣверъ, отъ синей до синей дали. И на немъ вдали бѣлѣлись стѣны Абалацкой обители и горѣли ея золотые кресты; въ самомъ виду раскинулось село Преображенское позади убогой деревянной церкви, говоря своими домами о изобиліи и простотѣ сельскаго быта. Далеко въ право синѣлся прорѣзъ оврага съ монастырской рощей Ивановской обители. Серебряная полоса песку опоясала противоположный плоскій берегъ Иртыша, и за нимъ открылось взору неизмѣримое пространство съ Татарскими юртами и рощами, съ ихъ полями и лугами *. Мѣстность низменная и ровная, бѣдный видъ юртъ и стада воронъ и грачей съ крикомъ гнѣздившіяся въ рощахъ Татаръ — все придавало особенную унылость ихъ селеніямъ. Какъ будто онѣ грустятъ о своемъ сиротствѣ и печально смотрятъ на могилу столицы своего царства **.

Пройдутъ еще десятки лѣтъ и исчезнутъ бѣдные остатки праха ея. Глухо шумитъ и стонетъ Иртышъ послѣдней погребальной пѣсней у подножія могилы.

Проходятъ царства, исчезаетъ и прахъ ихъ. Не исчезаетъ только божественное въ душѣ чловѣка: оно неизмѣнно и вѣчно.

* Съ Тобольской горы видна роща за 100 верстъ по дорогѣ въ Россію. Часто съ грустью смотрѣли мы въ ту сторону.

** Татары до сихъ поръ не равнодушно говорятъ о Искерѣ, Кучумѣ, о прошедшемъ владычествѣ своемъ.

Далеко было за полдень, когда мы возвратились въ деревню. Быстро перенесли насъ отдохнувшіе кони въ отчій домъ, въ безцѣнный кругъ родной семьи.

Д. ПАСЕКЪ.

II. УРАЛЬСКАЯ ПѢСНЯ. Много было пѣсень у славнаго Уральскаго казачества, когда оно гуляло по синю — морю и билось своей волей съ бусурманами не жалѣя острыхъ сабель, молодецкихъ рукъ; когда можно было брать въ полонъ корабли съ золотой казной, и на паю ли, на дуванъ межъ-собою раздѣлить казну. Много было пѣсень, да состарѣлись. Вотъ одна изъ нихъ, переданная атаманомъ войска:

Ой, ты гой, славный Яикъ рѣка.
 Ты Горнычъ, золотое дно, —
 Круты бережки серебряны,
 На песочкахъ дорогой жемчугъ
 Про тебя Яикъ слава добрая,
 Слава добрая, рѣчь хорошая:
 Со вершинушки и до устьяца —
 Проливаешься скоръ быстрехонекъ;
 Уриваешь ты круты бережки;
 Промежъ водъ твоихъ часты острова,
 А на островахъ люди вольные,
 Все козаченьки Яицкіе.
 Вызжали казаки на сине—море,
 Что на сине на Хвалынское;
 Разгулялися, разпотьшились,
 Не жалючи свинцу—пороху,
 Острыхъ сабель, молодецкихъ рукъ.
 Разметавъ они бусурманщину,

Въ полонѣ брали легку лодочку,
Легку лодочку съ золотой казной; —
На казнь шелковый коверъ,
На коврѣ красна дѣвица.
Приставали казаки ко бережку,
Начали дѣлить золоту казну;
Доставалось намъ казаченькамъ
На единый пай по пять-сотъ рублей —
Есаулушкѣ, батюшкѣ, тысяча.
Ужъ казакамъ всѣ доли выпали
Одного добра молодца задували,
На паю, ва дуванѣ обидѣли —
Золотой казны не выдали;
Доставалася задѣленому —
Доброму молодцу, красна дѣвица.
Не по нраву казаку задуванъ пришелъ;
Онъ беретъ свою саблю острѣю,
Беретъ дѣвицу за рученочку.
Что не громъ гремитъ, не труба звучитъ,
Казакамъ казакъ выговариваетъ:
— Ой, вы гои, братья товарищи!
На бою-то, ва баталіи —
На бою у васъ я первый былъ,
На паю ли на дуванщинѣ
На паю ли я послѣдній сталъ!
Не хочу же я ничего отъ васъ,
Я ни золота и ни дѣвицы:—
Размахнулася сабля острая,
Заслезилася красна дѣвица,
Заслезилася, замолилася: —
« Не губи меня добрый молодецъ,
Не одна я тебѣ досталася! —
За казачій пай — парчевая
Моя шубка собольная; —
Есауловъ пай — жемчужная
Моя дѣвицья подвязочка;
Атаманъ ли ты? — Я сама твоя,
Красна дѣвица, дочь Княжеская.

III. КУРСКОЕ НАРЪЧІЕ. Нарѣчіе, которое можно назвать *Курскимъ*, употребляется на огромномъ пространствѣ: имъ говорятъ въ верховьяхъ Оки, Десны, Семи, — однимъ словомъ, во всей Орловской, Курской, и въ юго-западномъ краю губерній Калужской и Тульской, разумѣется съ нѣкоторыми измѣненіями. На своихъ оконечностяхъ оно постепенно сливается съ пограничными нарѣченіями Малороссійскимъ и Московско-Русскимъ. Три милліона издревле заселенной, исторической, коренной Русской земли, употребляютъ его, — причина достаточная, чтобы обратить на него вниманіе. По всѣмъ признакамъ корень этого нарѣчія велико-Русскій, не смотря на многія слова мало-Россійскія и Литовско-Русскія. Самый народъ, употребляющій его, рѣзко отличается отъ Малороссіянъ наружнымъ видомъ, одеждою, образомъ жизни и не считаетъ ихъ племенемъ единокровнымъ.

Перехожу къ отличительнымъ признакамъ Курскаго нарѣчія:

1) Всѣ гласныя буквы произносятся въ немъ чрезвычайно рѣзко: звукъ *e* никогда не теряется, какъ въ языкѣ сѣверныхъ Великороссіянъ, говорящихъ *дѣлатъ* вмѣсто *дѣлаетъ*; въ немъ замѣтно особенное стремленіе къ открытымъ звукамъ *a* и *я*, которые часто замѣняютъ *e*; на пр. *таперь* — теперь; *яму* — ему; *a* выговаривается не вполнину, какъ у прочихъ Русскихъ, но вполнѣ.

2) Наблюдается возможная гармонія между гласными и согласными; на пр. говорятъ: *пашеница* —

вм. пшеница, *молонья* — вм. молнія; отъ чего языку сообщается какая-то мягкость и плавность, впрочемъ далеко уступающая плавности и пѣвучести Малороссійскаго языка.

3) Въ окончаніяхъ настоящаго вмѣсто *ѣ* повсемѣстно употребляютъ *ь*; *ходить, говорить* — а не *ходить, говорить*.

4) Буква *г* выговаривается мягко.

5) Буква *ѣ*, насильственная въ Русскомъ языкѣ, произносится какъ *х, хв, п*, но никогда чисто; *хунтъ* — фунтъ; *Ахванасій* — Афанасій; *трапится* — трафится (случается).

6) Буква *в*, также враждебная этому нарѣчію, въ тѣхъ словахъ, гдѣ она произносится сжато, или переходитъ въ *ѣ*, выговаривается открыто, либо измѣняется въ *у*; на пр. *овца* — а не *оѣца*, какъ у Москвичей; въ началѣ словъ, гдѣ *в* предшествуетъ согласной, оно переходитъ въ *у*; *узьяль* — *взяль*, *у томъ* — въ *томъ*.

7) Передъ буквою *н*, *в* измѣняется въ *м*; *сламный* — вм. славный.

8) Въ нѣкоторыхъ словахъ *в* переходитъ также въ *л*; *слабода* — свобода; *ослободить* — освободить.

9) *Д* иногда перемѣняется на *з*; вмѣсто *подль* говорятъ: *дль* и произносятъ *зль*.

10) *Ж* иногда выговариваютъ какъ *з*, *зильзо* — *жельзо*; *забры* — *жабры* (у рыбъ).

11) Въ словѣ *цѣль*, *ц* измѣняютъ на *ч* и произносятъ: *чель*.

12) Буква *ш* выговаривается не твердо, но какъ двойное *иш*; *извоишимкѣ* — *извощикѣ*.

13) Буква *л* передъ *б* и *п* иногда опускается; *корабѣ*, — а не корабль; *конопи* — конопли.

14) Орловцы окончаніе *ка* измѣняютъ на *кя*; *тройка*, *пенька*, — тройка, пенька.

Теперь упомяну объ особенностяхъ этого нарѣчія по всѣмъ частямъ рѣчи:

а). *Имя существительное.*

Замѣчу здѣсь отличное произношеніе и названіе нѣкоторыхъ именъ:

* <i>Земь</i> —иногда вм. земля.	<i>Хлустыѣ</i> (холостыи) — тонкій, молодой лѣсъ.
* <i>Облога</i> —загрубѣвшая пашня.	<i>Лѣскя</i> —заборъ около дома.
<i>Грань</i> —граница.	* <i>Вязель</i> —дикій, полевой горошекъ.
* <i>Припотъ</i> —сырая земля.	* <i>Бураки</i> —корень свеклы.
* <i>Яръ</i> —чаще вм. оврагъ.	<i>Картохи</i> —вм. картофель.
<i>Услонь</i> —покатое мѣсто.	<i>Тростъ</i> —тростникъ.
<i>Кулига</i> —мысъ.	<i>Киски, Корчи</i> — выкопанные древесные пни.
* <i>Глей</i> —блѣвая глина.	<i>Грамотка</i> —письмо.
<i>Вирь</i> —глубокое мѣсто въ рѣкѣ.	* <i>Жито</i> —вм. ржи, а не въ смыслѣ ячменя, какъ у свѣрскихъ Веллкороссянъ.
* <i>Шляхъ</i> —большая дорога.	<i>Китки</i> —кукуруза.
<i>Большакъ</i> —тоже.	<i>Тетива</i> —огуречные стебли.
* <i>Ставъ</i> —иногда вм. прудъ.	* <i>Скирда</i> —скирдъ.
<i>Рудка</i> —яма съ водою на лугу.	<i>Замашки</i> —мужеской полъ въ конопля.
* <i>Толока</i> —земля въ пару.	
* <i>Гребля</i> —плотина.	
* <i>Лозникъ</i> —мелкорастущій ракитникъ.	
<i>Ракита</i> —вм. ветла.	

Слова, означенныя звездочками, принадлежатъ Малорос. языку.

Изд.

- * *Отава* — трава послѣ скошенія.
Дромачля — сучья въ водѣ.
Волокъ — полоса въ полѣ.
- * *Граница* — пустое зерно въ гречихѣ.
Колоть — колосья съ зерномъ.
Ость — иглы въ колосьяхъ.
Огородина — овощи.
Черь — цвѣточная пыль для воска.
Вариво — капуста, бураки и вообще огородная зелень для щей.
Тѣнь — рядъ, направленіе.
Хороми — помѣщичій домъ.
- * *Клеть* — змбарь.
Огородъ — иногда вм. гумно.
Ръли — качели.
Хижка — сарайчикъ для скота.
Закутка — тоже.
Куть — уголь.
Группка — кирпичная печь въ крестьянской избѣ.
Болонка — окно со стекломъ.
Руда — кровь.
Ськира — часто вм. топоръ.
Добро — имущество.
Кострика — древесина, остающаяся послѣ мятія пеньки.
Родъ — урожай.
Сухмень — сушь — сухая погода.
Година — ведро.
Непогодъ — непогода.
Стыдъ — стужа.
Росъ — роса, мелкій дождь.
Теплымъ — теплая погода.
- * По Малорос. *курить* значитъ метель мететь.
- Голоцекъ* — гололедица.
Молокъ — молнія.
- * *Кура* — мѣтель.*
Баринь — часто вм. баринъ.
Прудникъ — мельникъ.
Мирошникъ — тоже.
Крамарь — торгошъ лентами, булавамац и пряниками.
Прасоль — мелочной торгошъ грубыми произведеніями.
Волмотель — шерстобить.
Богомазь — Суздадецъ съ обрезами.
Старцы — нищія.
Лодарь — негодный, лживый человекъ.
Себры — сильные, здоровые ребята.
Лиходей — злодѣй.
Проводецъ — зашлецъ.
Шкода — воръ.
Стрѣлецъ — стрѣлокъ.
Погостъ — кладбище.
Голосъ — плачь.
Громада — сельская сходка.
Хрестъ — крестъ.
Рубаха — рубашка.
Сорока — повойникъ, кичка, головные уборы женщинъ.
Красна — суровая пряжа.
Скибка — ломоть.
Мохотка — горшокъ.
Конь — чаще вм. лошадь.
Вирибей — воробей.
Сивогракъ — сивзоровокъ.
Пташки, птушки — птички —
Писклята — цыплята.

- * *Пральникъ* — валець, которыми бьютъ мокрое бѣлье.
 * *Гомонъ* — говоръ.
Бойло — побой.
Застой — заступничество.
Козюла — змѣя.
Безчастіе — несчастіе.
Хилъ — прахъ, ничтожество.

- Черга*, чередъ — очередь.
Тлѣ — смысленность.
Лобъ — въ смыслѣ отборнаго; напр. *что ни лобъ* — *земля* — что ни лучшая земля.
Ворогуша — лихорадка.
Лихоманка — тоже.

Замѣчательны слова, составленныя съ частицею *на* (имѣющія значеніе — *въ родъ чего*): *наводокъ*, сильное разлитіе рѣкъ, но не настоящая полая вода; *поглинокъ*, суглинокъ, глина, смѣшанная съ черноземомъ; *позимокъ* — первая зима; *подворокъ* — крестьянское строеніе, заключающее амбары, сараи, маслобойни на другой сторонѣ улицы; или съ частицами *су* и *про* — на пр. *субой* — сугробъ; *сузелень*; *прозелень*.

Изъ собирательныхъ можно привести въ примѣръ: *добрыдни* — пожитки; *скота* — скотъ въ обширномъ смыслѣ; *лошадье* — лошади; *гусь*, употребляемое въ женскомъ родѣ вм. множество гусей; *отара* — стадо овецъ; *ярь* — собирательно вмѣсто всѣхъ яровыхъ хлѣбовъ; *деньга* — деньги.

Нѣкоторыя названія городовъ употребляются въ такомъ видѣ, какъ мы встрѣчаемъ ихъ въ старинныхъ памятникахъ: *Курескъ*, *Сѣвескъ*, *Брянскъ*, *Рылескъ* — вм. Курскъ, Сѣвскъ, Брянскъ, Рыльскъ; *Путимль* — Путивль; *Ольговъ* — Льговъ; *Суржа* — Суджа; *Кеевъ* — Кіевъ; *Амченскъ* — Мценскъ; *Слана* — Свапа; *Полехи* — жители Польскаго, т. е. Брянскаго и Трубчевскаго уѣздовъ.

Въ именахъ людей особенно замѣчательны уменьшительныя: Дарута, Праскута, Праскуня, Васюта, Федоса; отъ Евдокима, произносимаго Алдакимъ, уменьшительное — Алдушокъ; Алексаха, Тимоха и Тимоня; Гаврикъ, Павликъ, Филия, Гришай, Титокъ, Симута. Крестьяне прозываются часто не личными фамиліями, но именами отцовъ, какъ Гомеровскіе Греки: *Θομιχъ, Юдиχъ*; почетныя окончанія *евичъ* и *евна* выговариваются вполнѣ, а не сжато какъ у Сѣверныхъ Великороссіянъ — Васильевичъ, Николаевна.

Объ отличіяхъ въ склоненіи именъ.

1) Слова: *берегъ, дорога* въ предложномъ падежѣ перемѣняютъ *г* на *з*; на *березѣ, при дорогѣ*.

2) Въмѣсто дательнаго падежа съ предлогомъ *по* употребляется предложный — *по лугахъ, по поляхъ*.

3) Слова: *мать, дочь, лошадь* въ винительномъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ *матере, дочере, лошаде*.

4) Слова: *сани и лошадь* въ дательномъ и предложномъ падежахъ множественнаго числа имѣютъ особенности; говорятъ: *санѣмъ, лошадемъ*; на *санѣхъ, на лошадахъ*.

5) Въ некоторыхъ случаяхъ, когда въ образованномъ языкѣ употребляютъ въ предложномъ падежѣ *ь*, здѣсь это окончаніе замѣняется *у* и *ю*; напр. на *кото, на исходу*.

6) Слова: *зелень* (хлѣбная) и *колодезь* имѣють въ именительномъ падежѣ множ. числа *зеленя, колодезя*, вм. *зелени, колодези*.

7) Слова: *утика, курица* въ родительномъ падежѣ множественнаго числа, вмѣсто обыкновеннаго измѣненія *утокъ, куръ*, переимѣняются въ *утей, курей*.

8) Слово *лицо* въ род. падежѣ множ. числа склоняется *лицъ*.

Имя прилагательное.

Здѣсь я послѣдую тому же порядку, который избралъ при разсматриваніи именъ существительныхъ; т. е. сначала покажу особенности въ значеніи прилагательныхъ, а потомъ отличія ихъ въ измѣненіяхъ.

<i>Слухменный</i> —послушный.	<i>Родимый</i> —урожайный.
<i>Рахманный</i> —смирный.	<i>Щадный</i> —худой, негодный.
* <i>Лядный</i> —негодный.	* <i>Холодный</i> —слабый, хилый.
<i>Работливый</i> —трудолюбивый.	<i>Дряблый</i> —говорится о несочномъ тѣлѣ и мясѣ.
<i>Грозный</i> —часто вм. сердитый.	<i>Прогонистый</i> —рѣдкій, говоря о хлѣбѣ.
* <i>Дужой</i> —сильный, дюжий.	<i>Потужный</i> —сильный, говоря о рѣкѣ.
* <i>Важный</i> —отлично хорошій.	* <i>Стромкий</i> —громоздкій.
<i>Бравый</i> —тоже.	* <i>Рясистый</i> —колосистый (о хлѣбѣ).
<i>Годный</i> —годный.	* <i>Кудрявый</i> —кудрявый.
* <i>Гладкий</i> —сытый.	* <i>Грышный</i> —жалкій, плохой.
<i>Грубый</i> —досадный.	* <i>Сиверный</i> —холодный (о вѣтрѣ).
<i>Чоклый</i> —мѣрный, четкій.	<i>Весенный</i> —весенний.
* <i>Буйный</i> —говорится о хлѣбѣ, когда онъ отмѣнно хороше.	

- Княжскій*—княжескій.
Барскій—барскій.
Свободный—свободный.
Цвѣтный—свѣжій, яркой, говоря о цвѣтѣ.
Чудной—странный.
Выходный—выгодный; говорится о хлѣбѣ, когда онъ умолотень.
Здоровый—огромный.
Могутной—могучій, сильный; также питательный.
 * *Карій* воровой.
Облѣжный—ложный.
Щитный—защищенный, загражденный.
 * *Смачный*—вкусный.
 * *Яркій*, жаркій всплывчивый гвѣтный.
Рѣчистый—разговорчивый.
Ладный—статный, складный.
 * *Важкій*—тяжеловѣсный.
Покладистый—сговорчивый.
 * *Шпетный*—худой, слабый.
- Учливый*—учтивый.
Тверезый—трезвый.
Толковый—толковитый.
Умный—разсудительный.
Заживный—зажиточный.
Неумляущій—неумяющей.
 * *Дробный*—мелкій, кроме тѣхъ случаевъ, когда говорится о глубинѣ.
 * *Глубокій*—глубокій.
Чудовой—чудесный.
Влажскій—влажный, мокрый.
Тяжскій—тяжелый.
Казистый—видный.
 * *Лихой*—злой.
Выметный—выброшенный за негодностію.
 * *Швидкій*—быстрый.
Неудалый—неспособный.
Годлицій—годный.
Путевой—путный.
Тисскій—тяжкій, плачевный.
 * *Хмарный*—туманный.

Живописны нѣкоторыя прилагательныя, относящіяся къ мѣстности: *гороватый*; *бугроватый*; *принизистый*; *прилужный*; *песковатый*; *глиноватый*.

Замѣчательны особенности въ степеняхъ сравнителяхъ: *глубоко-глубе*; *сладко-сласти*, широко-ширше; *ловко-ловче*.

Приведу въ примѣръ склоненія нѣкоторыхъ именъ прилагательныхъ и въ правописаніи ихъ буду соображаться съ произношеніемъ.

*Ед. число.**Множ. число.*

И. слѣпой
 Р. слѣпаго, слѣпова.
 Д.)
 В.) *обыкновеннымъ образомъ.*
 Т.)
 П.)

И. доброй.
 Р. добраго, добрава.

И. добрай.

Д.)
 В.) *обыкновенно.*
 Т.)
 П.)

Другихъ отличій множественное число не имѣтъ.

И. родная.
 Р. роднѣй.
 Д. роднѣй.
 В. роднѣя
 Т. роднѣю.
 Пр. о роднѣй

Мѣстоименіе.

Привожу примѣры различія нѣкоторыхъ мѣстоимѣній и особенности ихъ въ склоненіяхъ.

И. я.	И. ты.	И. іювь.	И. она.
Р. мене.	Р. тебѣ.	Р. яго и яво.	Р. ее.
	Д. тебѣ.	Д. яму.	Д. ей.
В. мене.	В. тебѣ.	В. яго и яво.	В. ее.
	Т. тобою.	Т. іимъ.	Т. ею.
	Пр. объ тебѣ.	Пр. объ ѣмъ.	Пр. объ ей.

Вмѣсто себя говорить сабѣ.

И. тотъ, той.	И. та—тая.	И. то—тое.
Р. таго, таво.	Р. тѣй.	
Д. тому.	Д. тѣй.	

Множ. число.

И. тыи.
Р. тыхъ.
Д. тымъ.

В. таго, таво. В. тую, туё, тые.
 Т. тымъ. Т. тэю.
 Пр. объ тымъ, и Пр. объ тэй.
 объ томъ.

В. тыхъ, тми.
 Т. тыми.
 Пр. объ тыхъ.

И. хто.	И. што.	Въ мѣстоимѣи <i>весь</i> , имени-
Р. каво и каго.	Р. чаво, чаго	тѣльный падежь— <i>усть</i> —или <i>вси</i> .
Д.)	Д. чаму.	
В.) какъ обыкно-	В. —	
Т.) вѣвно.	Т. —	
П.)	П. —	

Глаголь.

Сначала упомяну о глаголахъ, отличающихся особенностями въ названіи:

- * *Балакать*—болтать, разгово-
варивать.
- Гуторить*—разговаривать.
- * *Казать*—сказывать.
- * *Голосить*—плакать.
- Скакать*—плясать.
- * *Прядать*—прыгать.
- * *Хоронить*—прятать.
- Стебать*—стегать.
- * *Гомонить*—шуметь.
- Ворохнуть*—пошевелить.
- Рухнуть*—тронуть.
- Откроить*—отрѣзать.
- Боронить*—остерегать, ох-
ранять.
- Пустовать*—стоять пустымъ.
- Сльъ*—рубить.
- Пристигнуть*—постигнуть.
- * *Утлѣмить*—понять.
- Откутать*—отворить.
- Закутать*—затворить.

- Поступить*—уступить.
- * *Палить*—жечь.
- Запалить*—зажечь.
- Уживать*—взлюбливать.
- * *Важить*—взвѣшивать.
- * *Загальмовать*—тормосить.
- * *Заклекнуть*—затвердѣть, го-
воря о землѣ.
- Отмогнуть*—отсырѣть.
- * *Вздужать*—одождать.
- Залитіся*—утонуть.
- Чествовать*—угощать
- * *Годовать*—откармливать на
убой.
- Наразить*—надломить.
- Пильновать*—соревновать
- * *Чуль*—слышать.
- Кликать*—звать.
- Попсовать*—испортить.
- Порновить*—(попоровить) —
подождать.

Гребовать — брезгать.

Отселить — отдавать.

Укротить — гладко обрезать.

Набрякнуть — налипнуть.

Заклодить — заморозить.

* *Сошкодить* — украсть.

Голдить — шуметь, бунтовать.

Теперь укажу на отличія въ наклоненіяхъ и спряженіяхъ:

1) Нѣкоторые глаголы въ этомъ нарѣчій употребляются въ особенныхъ видахъ: *бѣчь* — вм. бѣжать; *грустовать* — грустить; *покладать* — положить; *гостевать* — гостить. — Въмѣсто *сожалѣетъ* иногда говорятъ: *жалкуетъ*.

2) Глаголы, составленные съ частицею *из*, перемѣняютъ ее на *вы*; такъ: *выкупать* — искупать; *вытопить* — истопить.

3) Буква *б* въ третьемъ лицѣ настоящаго и будущаго времени всегда произносится какъ *в*.

4) Буква *е* во второмъ и третьемъ лицахъ настоящаго и будущаго времени выговаривается чаще какъ *е*, нежели *ѣ*; *идешь* и *идяшь*; *идеть* и *идѣть*.

5) Характеристическія согласныя *ж* и *ч*, въ настоящемъ времени, не измѣняются на *ж* и *ч*, но остаются въ первоначальномъ видѣ: *жгешь*, *пекешь* — вм. *жжешь*, *печешь*.

6) Глаголы, кончащіяся на *ыть*, (напр. *крыть*, *рыть*), въ настоящемъ времени не перемѣняютъ *ы* на *о*, но удерживаютъ первую букву; *крыю*, *рыю* — а не *крою*, *рою*.

7) Глаголь *хочу* имѣетъ во втор. и трет. лицахъ ед. числа, наст. времени — *хотишь*, *хопить*; а въмѣсто безличнаго *хочется* произносятъ: *хоцца*.

8) Окончаніе прошедшихъ возвратныхъ лся перемѣняется на лси; напр. *уморилси*.

9) Въ спряженіяхъ этого нарѣчія встрѣчаемъ одно прошедшее время, на которое не обращено вниманія ни въ одной изъ нашихъ Грамматикъ, между тѣмъ какъ, по всей выразительности и живописности, оно заслуживаетъ неоспоримое право гражданства — назову его прошедшимъ внезапнымъ, или мгновеннымъ; напр. *верть* — и ушелъ; *глядь* — и узналъ; нельзя того же выразить такъ сильно обыкновенными нашими однократными: *повернулся* и *ушелъ*; *взглянулъ* — и узналъ.

10) Частицы *у* и *за* въ однократныхъ временахъ часто замѣняютъ частицею *по*: *померъ* — умеръ; *побралъ* — забралъ.

11) Замѣчательны также повелительныя въ некоторыхъ глаголахъ: *глянь* — погляди; *не рушь* — не трогай; *не замай* — тоже.

12) Приведу въ примѣръ особенности въ спряженіи глагола бѣжать (*бѣчь*).

<i>Настоящее время.</i>	<i>Прошед. неопр.</i>	<i>Пр. однокр.</i>
Я бѣгу.	Я бѣгъ.	Я побѣгъ
Ты бѣгишь *		
Онъ бѣгитъ	и т. д.	и т. д.
Мы бѣгимъ.		
Вы бѣгите.		
Они бѣгутъ.		

*Пр. ** О произношеніи этихъ словъ я замѣтилъ въ началѣ статьи, говоря вообще объ отличительныхъ свойствахъ Курскаго нарѣчія.

Нарѣчіе.

Дуже, дуже — очень; напр. *земля дуже суха*; *добре* — слишкомъ, *не добре хорошо*; *будя* — довольно; *годя* — тоже; *даромъ* — напрасно; *пуцай* — пусть. *Помалу* — понемногу; *надобить* — надобно; *сустьмъ* — совсѣмъ; *нѣтути* — нѣтъ; *ни въ жисть* — ничего; *ужасъ* — ужасно; *тиско* — больно, горько; *перва* — прежде; *перезъ* — тоже; *студено* — холодно; *сиверко* — тоже; *порювя* — погода; *недопѣжа* — недоѣзжая; *ажъ* — даже; *ажно* — тоже; *дурно, пусто* — напрасно; *грубно* — обидно, досадно; *огуломъ* (гуртомъ); *инуды* — въ иное мѣсто; *коли* — когда; *николи* — никогда; *тады* — тогда; *притаманно* — подлинно, вѣрно; *двойчь* — два раза; *тройчь* — три раза; *вдвойнѣ* — вдвое; *нахрапомъ* — насильно; *чутно* — слышно; *заразъ* — тотчасъ; *обльжно* — ложно; *науцалкъ* — говоря о хлѣбѣ, выбитомъ градомъ, т. е. дочиста; *не въ притямъ* — не въ домекъ; *лѣтасъ* — прошедшаго года; *позалѣтасъ* — третьяго года.

Предлогъ.

- 1) Въмѣсто *въ* всегда употребляютъ *у*.
- 2) Предлогъ *по* никогда не управляетъ дательнымъ падежемъ, но всегда предложнымъ, или винительнымъ; напр. *по лугахъ* — по лугамъ; *по воду*, *по грибы* — за водой, за грибами.
- 3) *Оби* — *полю*, вышедшій изъ употребленія въ нашемъ книжномъ языкѣ, ставится вм. *около*, *по обѣ стороны*; напр. *оба* — *полю села*.

4) *Опричь* — вмѣсто *кромя*.

5) *Дль* — въ смыслѣ *подль*.

Союзъ.

1) *Абы* — *чтобы, лишь бы*.

2) *Либо* (вм. или); рѣченіе *либо что* произносится слитно: *либошто*.

3) *Коли* — *если*.

4) Частица *бо*, произносимая *ба*, употребляется не въ смыслѣ *ибо*, но вм. частицы *же*; напр. *дану бо* — *да ну же*.

5) Еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляютъ частицу *су* въ знакъ вѣжливости, разговаривая съ высшими лицами.

Въ заключеніе замѣчу нѣкоторые обороты, подслушанные мною у народа.

1) *Поѣду въ Хохлы* — поѣду къ Хохламъ.

2) *Подымать праздникъ* — торжествовать праздникъ.

3) *Смѣяться съ чего* — смѣяться надъ чѣмъ.

4) *Хлѣбъ травой взялся* — хлѣбъ одолѣло травой.

5) *Взвѣдь Господи!* — (воззри Господи!), говоритъ оклеветанный, когда желаетъ оправдаться.

6) *Пѣсни играть, сказывать и кричать* — не относится ли это къ различнымъ родамъ пѣсенъ?

7) *Въ карты гулять* — играть въ карты.

8) *Хмѣльнаго не уживаю* — хмѣльнаго не употребляю.

9) *Ляпокъ на топоръ* — способенъ къ плотничьей работѣ.

Оканчивая мои замѣтки, я желалъ бы, чтобы наши ученые обратили вниманіе на *Курское* нарѣчіе, и указали ему мѣсто въ ряду другихъ нарѣчій нашего великаго языка.

Васьяновъ.

IV. АНЕКДОТЪ О СУВОРОВѢ. Суворовъ ѣхалъ на перекладной по дорогѣ изъ Николаева въ Херсонъ. Съ нимъ былъ Курисъ, служившій въ его канцеляріи. На поль-станціи встрѣтился имъ мчавшійся на тройкѣ курьеръ. Извозчикъ Суворова, зная кого онъ везетъ, не хотѣлъ своротить съ дороги. Раздраженный курьеръ привсталъ и ударилъ Суворова нагайкою, сочтя его за простаго проѣзжаго. Суворовъ пригнулся и, обратившись къ Курису, сказалъ: «Молчи, Иванъ Онуфріевичъ, курьеръ великій человѣкъ.»

V. О ВАКУФАХЪ ВЪ КРЫМУ. Вакуфами называются отказы умирающихъ магометанъ, для спасенія ихъ души, въ пользу мечети, т. е. духовныхъ причетниковъ, за чтеніе молитвъ надъ могилою умершихъ, въ пользу училищъ, для раздачи бѣднымъ или отправляющимся въ Мекку. Отказы эти

заключаются или въ наличныхъ деньгахъ, или вещахъ, или же въ домахъ, лавкахъ и участкахъ земли, доходы съ которыхъ употребляются по назначенію. Последнее болѣе обще и нынѣ въ Крыму нѣтъ почти ни одной, даже весьма посредственной дачи, гдѣ бы не имѣлось вакуфовъ, которые иногда заключаются въ нѣсколькихъ квадратныхъ саженьхъ, а на южномъ берегу даже въ одномъ орѣховомъ и даже яблоновомъ или грушевомъ деревѣ, что поставляетъ владѣльцевъ и въ особенности Русскихъ, въ непріятное положеніе и въ безпрестанные почти споры, потому что значительная часть вакуфовъ бездокументальна и едва ли не есть выдумка причетниковъ мѣстныхъ мечетей. Впрочемъ оканчиваемое уже нынѣ въ Крыму генеральное межеваніе разбираетъ право каждой стороны и положить конецъ таковымъ спорамъ. Самой большой вакуфъ есть — Улукульскій, при дер. Улукуль, близъ Бахчисарая, отказанный однимъ изъ Хановъ и заключающій въ себѣ до 4,000 десятинъ земли. Почти всѣ доходы съ него назначены въ пользу Бахчисарайскаго медресе или высшаго училища: отказываемыя деньги, равно вещи, обращаемыя также въ деньги, отдавались въ частныя руки, безъ всякихъ залоговъ, на установленныя для этого Татарскими обычаями проценты, по $1\frac{1}{2}$ на 100. Сумма вакуфскихъ денегъ, по собраннымъ до сихъ поръ свѣдѣніямъ, простирается болѣе 300, 556 р. 16 к. и 1550 Турецкихъ грушовъ. Доходы съ земель и проценты съ денегъ собирались и обращались по назначенію особо назначаемыми

метувеліями (душеприкащиками), которые оставляли себя за труды десятую долю. Такъ какъ отказы переходили изъ рода въ родъ, то по смерти назначеннаго умиравшимъ метувелія, избирался другой изъ людей, извѣстныхъ хорошимъ поведеніемъ, и преимущественно изъ сыновей умершаго метувелія, если были взрослые. Но какъ метувеліи, пользуясь правомъ распоряжаться вакуфовыми землями, извѣстными въ Крыму собственно подъ именемъ Вакуфовъ, могли допускать несправедливости; то предпочтено главнѣйшія изъ Вакуфовъ отдавать съ публичныхъ торговъ въ откупное содержаніе и собираемыя деньги раздавать по назначенію; чѣмъ и распоряжается Таврическое Магометанское Духовное Правленіе. Что же относится до денегъ, то, по распоряженію Высшаго Начальства, предположено ихъ собрать и отдать на проценты въ Государственныя кредитивныя установленія. Къ исполненію этого хотя Духовное Правленіе и приступило, но съ 1835 г. собрало самую незначительную часть, и большая часть должниковъ оказывается до того неблагонадежною, что даже не въ состояніи уплачивать процентовъ, не говоря уже о капиталѣ.

А У. — цѣ.

Одесса.

VI. ДОСТОПАМЯТНОСТИ Г. НОВАГО ОСКОЛА.
Новый Осколь, уездный городъ Курской губерніи, расположенъ на лѣвой сторонѣ рѣки Оскола, на низменномъ и песчаномъ мѣстѣ. У самаго города впадаетъ въ Осколь рѣчка Бѣлый Колодезь.

Начало его основанія полагають въ 1622 году, т. е. за 218 лѣтъ до нашего времени. Прежде сего онъ назывался Царевымъ-Алексѣевымъ, и вѣроятно не вновь построенъ, а переименованъ въ городъ изъ села или слободы, основанной на этомъ мѣстѣ еще до 1622 года. Въ которое же время названъ Новымъ Осколомъ, въ соответствіе съ старымъ, точныхъ свѣдѣній нѣтъ; но вѣроятно въ 1656 году, потому что въ этотъ годъ полагають иные начало его построенія.

Въ свѣденіи Новооскольскаго Благочиннаго Протоіерея Дмитрія Воинова въ 1811 году въ Курскую консисторію, подтвержденномъ Городничимъ Бибиковымъ и нѣсколькими жителями города, сказано о Новомъ Осколѣ, что онъ былъ некогда знаменитъ и обширенъ. Въ немъ было 18 церквей, два монастыря, 17,000 жителей и дворецъ Государя Алексѣя Михайловича, построенный на полуостровѣ. Все его войско находилось здѣсь-же въ городѣ, отъ чего и досель называются въ немъ слободы: Стрѣлецкою, Пушкарскою и проч. Близъ царскаго дворца у полуострова была пристань, и по рѣкѣ Осколу производилось судоходство, отъ котораго жители богатѣли.

Но, подвергавшись частымъ нападеніямъ Крымскихъ Татаръ, и наконецъ, совершенно истребленный ими городъ пришелъ въ запустѣніе, жители разошлись по разнымъ мѣстамъ и населили новыя слободы: Слоновку, Булановку, Волотову, Тростенецъ, Саронкино и часть Бѣломѣстнаго.

Иные-же вышли въ другіе уѣзды. Замѣчательно, какъ сказано въ свѣденіи Протоіерея Воинова, что переселившись въ другіе уѣзды и во всѣ наименованныя селенія, жители *перенесли туда изъ оставленнаго города церкви.*

«Во время пребыванія своего въ Осколь Государь Алексѣй Михайловичъ, какъ сказано въ томъ-же отношеніи, пожаловалъ золотой крестъ въ соборную Успенскую церковь съ 32 мощами, подцерковной писцовой земли 140 четвертей соборной церкви, прочимъ-же церквамъ по 20 четвертей, что видно изъ записей, хранящихся въ уѣздномъ судѣ; да еще симъ же Государемъ подаренъ небольшой колоколь въ церковь, который и по сіе время находится въ цѣлости. Когда же означенная соборная Успенская церковь по прошествіи нѣкотораго времени сгорѣла, то и выше упомянутый жалованный Государемъ золотой крестъ сгорѣлъ, о каковомъ несчастномъ случаѣ, воевода сего города, Иванъ Скрипицынъ, рапортовалъ въ Москву Государямъ Царямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и Царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и по поводу сему, думать должно, прислали Государи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, Царевна Софья Алексѣевна, вмѣсто того золотого, другой серебрянный, позлащенный, превосходной работы, съ чеканью и уже съ 16 мощами святыхъ, великихъ угодниковъ Божіихъ, въ вышеозначенную соборную церковь, который и теперь находится во всякой цѣлости и честности. Присланъ же онъ изъ Москвы съ *Стольникомъ* и *Полковникомъ* Московскихъ стрельцовъ

съ Герасимомъ Нелидовымъ, до Бѣль-города къ Митрополиту Авраамію; а изъ Бѣль-города, до Новаго-Оскола провождаемъ былъ Архимандритомъ со священниками и діаконами, въ которомъ городѣ, по Высочайшему повелѣнію, предписано было Воеводѣ встрѣтить его съ духовенствомъ и со всеми гражданами, съ крестнымъ ходомъ, за городомъ, гдѣ прилично, что все и явствуетъ изъ данной грамоты сими же Государями на животворящій крестъ Господень, которая грамота, по вступленіи въ должность Протоіерея Воинова въ означенную соборную церковь, отыскана въ Архивѣ городническаго правленія, и прислана господиномъ Городничимъ Бибиковымъ, при сообщеніи, къ Благочинному Протоіерею Воинову для храненія въ соборной ризницѣ, гдѣ она теперь и хранится, въ нарочно устроенномъ ящикѣ. Вотъ и самая грамота:

«Божією милостію мы Великіе Государи, Цари и Великіе Князья, Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и Великая Государыня Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, указали послать въ Новой-Осколь въ соборную церковь Успѣнія пресвятыя Богородицы, съ Москвы, изъ разряду, животворящій крестъ Господень съ мощами.»

«Въ ковчегъ до Бѣль-города съ Стольникомъ нашимъ и Полковникомъ Московскихъ стрѣльцовъ съ Герасимомъ Нелидовымъ, а съ Бѣль-города Преосвященному Авраамію Митрополиту Бѣль-городскому и Обоянскому велѣно тотъ животворящій крестъ Господень отпустить въ Новый Осколь, и духовнаго чину, съ

къмъ пригоже; какъ и тебѣ сѣ нашихъ Великихъ Государей грамота придетъ, а Преосвященный Авраамій Митрополитъ изъ Бѣль-города животворящій крестъ Господень въ Новѣй-Осколь пришлетъ, и ты бы въ Новомъ-Осколь сказалъ Игумену, и соборной церкви Протопопу, и приходскихъ всѣхъ церковей священникамъ и дьяконамъ, и всѣмъ духовнаго и церковнаго чину людямъ, и Ново-Оскольцамъ, дѣтямъ боярскимъ и великихъ чиновъ, и градскимъ жителямъ, чтобъ они, Игумень и Протопопъ, и священницы, и дьяконы, и духовнаго чину и церковные причетники, всѣ на встрѣчу животворящаго креста Господня шли съ честными кресты и со святыми иконами, и учинили тому кресту встрѣчу за посадомъ, гдѣ пригоже. И какъ Игумень со всѣмъ освященнымъ соборомъ, для встрѣчи, на указанное мѣсто пойдутъ, и ты-бъ шолъ за животворящими кресты и за святыми иконы, а съ собою велѣли быть Ново-Оскольскимъ жителямъ всѣхъ чиновъ, всѣмъ съ женами и дѣтьми, и какъ къ животворящему кресту придете, и ты-бъ тотъ честный крестъ у присланнаго изъ Бѣль-города велѣлъ принять Игумену и Протопопу, и нести до соборной церкви съ молебствіемъ и пѣніемъ, а въ соборной церкви велѣлъ Игумену со священнымъ соборомъ пѣти молебенъ честному и животворящему кресту и пречистой Богоматери пресвятой Богородицѣ, и Великому Архистратигу Михаилу, и прочимъ небеснымъ силамъ, и святому Великому Пророку и Предтечи Крестителю Господню Іоанну, и святымъ Верховнымъ Апостоламъ Петру и Павлу, и

прочимъ Апостоламъ и Великому чудотворцу Николаю, и Великимъ Святителямъ Московскимъ чудотворцамъ, и всѣмъ святымъ, и по освященіи святою водою вельѣвъ всякихъ чиновъ съ города и по городу народъ и всякіе крѣпости крапить. А по совершеніи всего того дѣйствія, вельѣвъ тотъ животворящій крестъ устроить въ соборной церкви противъ мѣстнаго образа на особомъ налоѣ, со украшеніемъ; и соборныя церкви Протопопу и братею приказалъ къ тому животворящему кресту Господню держать береженье большое, чтобы тотъ животворящій крестъ былъ со всѣмъ всегда въ цѣлости. А каковъ тотъ крестъ, кіотъ и чѣмъ прикрытъ и обить, и тому подь сею нашею Великихъ Государей грамотою роспись, съ Діачьею приписью. А въ которомъ числѣ животворящій крестъ Господень изъ Бѣль-города въ Новой Осколь присланъ, а какова встрѣча учинена, и какихъ чиновъ люди на встрѣчи будутъ, и то все въ Новомъ Осколь въ Приказной Избѣ, вельѣвъ записать въ записную книгу о всемъ подлинно, порознь, по статьямъ впредь для вѣдома Воеводамъ, и приказнымъ, и градскимъ всякихъ чиновъ людямъ. А сію нашу Великихъ Государей грамоту у росписки кто на твое мѣсто въ Новой Осколь присланъ будетъ, отдавъ именно, чтобы сія наша Великихъ Государей грамота всегда была въ цѣлости, и устроить на нее лщикъ особъ; и держать за своею печатью. Да о томъ къ намъ Великимъ Государямъ писалъ о всемъ вышеписанномъ потомужъ подлинно, а отписку вельѣвъ подать въ Разрядъ, думному нашему Дьяку Василю

Григорьевичу Семенову, съ товарищи. Писанъ на Москвѣ лѣта 1195-го Мая въ 18 день.

За симъ слѣдуетъ описаніе самага креста: «Въ нынѣшнемъ 195 году, Генваря въ 25 числѣ, по указу Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и Великія Государыни Благовѣрныя Царевны, и Великія Княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, по памяти изъ Приказу Серебряныхъ дѣлъ, за приписью Дьяка Неведа Кормилицина, присланъ въ Рязрядъ для посылки, и изъ Разряду посланъ въ Новой Осколь, въ соборную церковь Успѣнія Пресвѣтѣя Богородицы, животворящій крестъ Господень серебряной, позолочень, чеканой, съ рѣзью. Вѣсу въ немъ фунтъ 41 золотникъ; на томъ крестѣ распятіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и выше распятія Херувимъ и Серафимъ да два Ангела.»

«Да при крестѣ, съ правыя стороны распятія образъ Пресвѣтѣя Богородицы, да Маріи Магдалины. А съ лѣвой стороны Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, да Логинъ сотникъ, и въ подножіи креста глава Адамія, литые чеканные, съ рѣзью. А въ томъ крестѣ мощи свѣтѣхъ Пророка Даніила, Евангелиста Марка, Апостола Варнавы, Богоматери Анны, Архидіакона Стефана, Царя Константина, *Великомучениковъ* Георгія, Меркурія, Пантелимона, Артемія, Прокопія, мучениковъ Іакова, Анастасія, Перскихъ *Преподобныхъ*, Михаила Малелена, Іоанна Дамаскина, Пилона Великаго.»

«Да къ тому кресту сдѣланъ ковчегъ деревянный съ затворомъ и обить съ верху бархатомъ чернымъ, а внутрь атласомъ желтымъ, на ковчегъ и на затворъ двѣ петли и гвоздя, да крюкъ съ пробоемъ серебряные.»

«На томъ крестъ подпись такова: повельнѣемъ Великихъ Князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, и Великія Государыни, благовѣрныя Царевны и Великія Княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, сей животворящій крестъ Господень сдѣланъ въ Серебряной палатѣ, въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, что въ Новомъ-Осколь, лѣта 7194 года.»

По исполненіи царской воли, Ново-Оскольскій Воєвода донесъ о всемъ подробно и написалъ какъ самъ онъ выразился: *подлинно, порозно, по статьямъ.*

«Есть и еще нѣкоторыя достопамятности въ ономъ городѣ существующія со временъ Царя Алексѣя Михайловича, какъ то: рѣпейки, кои бросали подъ воинство подъ пѣхоту и конницу пули желѣзныя чрезвычайной толщины, канаты и другія вещи къ древнимъ орудіямъ принадлежащія, кои всѣ хранятся подъ вѣдѣніемъ Городническаго правленія. Былъ еще набатный колоколь, съ золотою надписью, который по открытіи Курскаго намѣстничества взятъ въ казенную Палату. Былъ еще Арсеналь, со всеми принадлежностями, снарядами, современными Государю Алексѣю Михайловичу. Въ разсужденіи чудотворныя святыя иконы Божіи Матери Казанскія,

которая стоит теперь въ церкви слободы На-Холкъ, новооскольской округи историческое описаніе, затрачено ли оно или совсѣмъ не было его—неизвѣстно. По преданію повѣствуютъ, что сія чудотворна святая икона Божіей Матери Казанскія, стояла въ городъ Новомъ Осколь, въ бывшемъ Царевъ Алексѣевъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, на пнѣ дубовомъ при колодезѣ, который пенъ очень долго существовалъ, и изъ подъ коего пня чудеснымъ образомъ пошла вода. И уже въ недавнее былъ сей колодезь такъ, что многіе его изъ теперешнихъ жителей помнятъ; но небреженіемъ жителей обвалился. И такъ, когда было чудо отъ святаго образа сего, то сей образъ Божіей Матери Казанскія, по совершеніи соборнаго молебствія, былъ поставленъ въ семъ же монастырѣ въ церкви Преображенія Господня; но какъ монастырь оной былъ уничтоженъ, то и образъ Божія Матери Казанскія перенесли въ соборную Успенскую церковь сего города, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ стоялъ. Послѣ сего времени былъ определенъ къ соборной церкви Протоіерей Іоаннъ Курдюмовъ, кой по вдовству своему пошелъ въ монашеское званіе, и произведенъ былъ въ Холковъ монастырь Игуменомъ, и первымъ членомъ въ Ново-Оскольскомъ духовномъ правленіи. Такъ онъ Курдюмовъ, нарѣченный въ монашескомъ званіи Иларіонъ, по силъ духовной особы въ семъ округѣ, перенесъ святую икону Божіей Матери Казанскія изъ соборной Новооскольской церкви въ Холковъ монастырь, безъ резона и безъ всякой бумаги. Когда же онъ ее въ первый разъ

понесъ, какъ сказываютъ, то она опять явилась въ городѣ; но когда въ другой разъ понесъ, — былъ день ясный и погожій, а только что вынесли изъ соборной церкви, то вдругъ небо здѣлалось мрачнымъ, и въ воздухъ чрезвычайный туманъ съ ужасною бурею, даже стало темно; послѣ сего пустился проливной дождь и какъ скоро начали подходить къ мѣсту чрезъ рѣку Бѣленькую лежащему, сдѣлалась въ одно мгновѣніе вода покольно, даже и идтти невозможно было чрезъ мостъ; но все продолжали свой путь; потомъ такъ весь мостъ задрожалъ, что все шедшіе остановились и нѣкоторые изъ нихъ попадали на колѣни. Послѣ чего продолжали молебствіе часовъ нѣсколько и обѣщались носить ежегодно въ городъ Божію Матерь, и такимъ образомъ понесли благополучно въ Холковъ монастырь, гдѣ съ того времени сей святыи образъ Божіей Матери Казанскія и остался. Напослѣдокъ сей монастырь Холковскій уничтожился, то въ слободкѣ монастырской сдѣлалось селеніе и сія монастырская церковь осталась приходскою, которая и по днесъ существуетъ. О чѣмъ всемъ свидѣтельство, по указу Курской духовной Консисторіи, отъ священно и церковныхъ служителей и гражданъ и крестьянъ, и Дворянъ въ оную Консисторію симъ представляется. 1811 года Ноября 30 дня.

VII. ПРОСТАНАРОДНЫЯ СРЕДСТВА ЛЕЧЕНІЯ.

Большая часть простанародныхъ лекарствъ состоитъ въ травахъ:

Вероника — пьютъ отъ простуды и остановки очищеній. Въ последнемъ случаѣ ставятъ ноги въ ванну изъ вероники, шалфея, мяты и богородской травы.

Конскій щавель — на корняхъ его настаиваютъ простое вино и примачиваютъ имъ лишай. Вообще пьютъ, какъ декоктъ отъ нечистотъ на тѣлѣ.

Полынь — пьютъ отъ лохорадки.

Материнка — употребляется вмѣсто чая противъ грудной боли и недостатка очищенія. Изъ нее же дѣлаютъ и ванны.

Подорожникъ — прикладываютъ къ нарывамъ.

Чабрецъ — варятъ и моютъ голову если она болитъ.

Заячья капуста — сѣмена ея кладутъ въ чай Божьяго дерева и пьютъ по утрамъ отъ глистовъ.

Болиголовъ и *мати-мачиха* — смѣшанная пополамъ съ прибавленіемъ мяты — пьютъ противъ грудницы. Къ грудямъ же прикладываютъ охлопья обкуренныя ладономъ.

Въ этомъ же случаѣ прикладываютъ тертую морковь съ сливками и листья толченой лебеды. Если же грудница съ нарывомъ, то прикладываютъ тѣсто изъ льняныхъ семянъ на молоко и медъ.

Сокъ изъ сѣмянъ: *огуречныхъ*, *конопленныхъ*, *щикорныхъ*, *просфирковыхъ* или *льняныхъ*, а еще лучше изъ сѣмянъ травы *остро-пестро* — пьютъ съ медомъ отъ колотья въ груди.

Отъ заваловъ дѣлаютъ ванны изъ травъ: *ромашки*, *душицы*, *бархатцовъ*, *бѣлой буковицы*, *золототысячника*, *богуна*, *чернобыльника*, *Божьяго дерева*,

шандры, маточной травы, чадра и корокъ ясеновой, вязовой и калиновой. Внутрь употребляютъ сокъ *мати-мачихи* или одуванчиковъ.

Для послабленія употребляютъ въ небольшомъ количествѣ порошокъ изъ второй или зеленой плевы съ деревь *черемхи* или *бузины*, если эта плева была наскоблена съ дерева *сверху внизъ*. Если же наскоблена *снизу вверхъ*, то употребляется какъ рвотное. Скоблятъ ее на Ивановъ день, когда всѣ раствнїя въ полномъ развитїи жизни.

В П.

VIII. ПРЕДѢЛЫ РОССИИ. Россїя простирается, по прямой линїи отъ запада къ востоку, слишкомъ на 20000 верстъ, отъ 16^о долготы по Парижскому меридіану до 225; и отъ 38 градуса на южной границѣ дольдовъ полюсныхъ. Единство и цѣлость владѣній, непрерывность и естественность — вотъ главный характеръ границъ Россїи: океаны, моря, хребты горъ, степи вотъ рубежи ея.

Изъ двухъ огромнѣйшихъ, въ наше время Державъ: *Китая*, съ полуподвластными землями; и *Англіи*, этаго не обыкновеннаго сщпленїя колонїй во всѣхъ частяхъ свѣта, — первый не много болѣе только *половины* Россїи, а вторая менѣе *двухъ третей* ея.

Двѣ части свѣта: Европа и Океанїя или Австралїя — улягутся на пространство Россїи и даже не займутъ всего ея пространства.

Изъ 117,000,000 квадратныхъ верстъ всей земной тверди, одна Россія занимаетъ шестую часть.

Много разныхъ племенъ съ отличительными характерами, наклонностями, природнымъ направлениемъ ума и чувствъ, со всемъ разнообразіемъ средствъ къ жизни — составляютъ огромную массу населенія, болѣе или менѣе проникнутую единствомъ движенія и гражданского устройства. Это колоссальный разсадникъ силъ и способностей, дополняющихъ взаимныя силы и способности; семья родныхъ и приемныхъ братьевъ; лѣстница гражданского развитія — отъ идолопоклонника дикаря, до сословія высшаго образованія; колыбель будущей дѣятельности и судьбы Европы и человѣчества; житница въ которой главное зерно — *Славянское племя* — самобытное по характеру, върванію и возрѣнію на міръ, — зерно въ которомъ хранится жизнь, цвѣтъ и плодъ, и есть гдѣ разрастись этому древу и разкинуть свои вѣтви и снова бросить сѣмена жизни.

Не даромъ Петръ Великій называлъ Россію цѣлою частію свѣта.

Конецъ четвертой книги.

ПРИМЪЧАНІЯ.

=

1. КАРЛЪ XII.

1. Датскій Король хотѣлъ идти на помощь Копенгагену; но Карлъ XII обѣщаль разорить столицу, если Фридрихъ IV не приступитъ къ миру на умѣренныхъ условіяхъ. (Бутурлина В. И. П. Р. т. 1).
2. И Швеція была увѣрена въ безопасности со стороны Россіи: 1) Петръ I согласился подтвердить всѣ статьи прежняго трактата, съ условіемъ чтобъ сдѣлали ему удовлетвореніе за обиду Русскому Посольству въ Ригѣ въ 1679 году и сверхъ того уступили ему Нарву или Нейшанецъ съ окрестностями для учрежденія торговаго порта — обѣщая за это сдѣлать должное удовлетвореніе Швеціи (Голик. час. 1. стр. 351. 352). и 2) Пронски Швеціи и доносы Крымскаго Хана имѣли вліянія на Порту отоманскую, такъ что великій Визирь былъ смѣненъ въ 1700 году за старанія заключить миръ съ Россією. И только усиліями посла Возницина при содѣйствіи Англіи и Голандіи заключили миръ въ Іюль 1700 года на 30 лѣтъ (Голик. част. 1. стр. 16. 17.)
3. Карлъ, занявшись пустыми переговорами съ Польшою, остался въ бездѣйствіи. Ковечно, благоразуміе было бы даровать миръ Королю Августу, и потомъ всѣ силы свои немедленно обратить противу Россіянъ. Но если Король Шведскій хотѣлъ непременно лишитъ престола Августа, то долженъ былъ разсудить, что сего скорѣе можно было достигнуть силою оружія, нежели пронсками, чрезъ которые онъ потерялъ плоды всего

похода. Еслибъ вмѣсто того, чтобы употребить болѣе пяти тысячцевъ на прогулки въ Курляндіи, и потомъ навзничать въ Самогитіи, Карлъ XII тотчасъ воспользовался отступленіемъ Фельдмаршала Штейнау и вторгнулся въ Польшу, оставшуюся безъ всякаго прикрытія, то могъ бы безпрепятственно достигнуть Варшавы и созвать Сеймъ, который по приказанію его вручилъ бы скиптръ тому, кого угодно было ему назначить. Между тѣмъ, какъ сей новый совѣтникъ занималъ бы Августа, Король Шведскій могъ бы обратиться на Россіянъ, не давая имъ времени укрѣпиться. Но чтобы дѣйствовать такимъ образомъ, нужна была дѣятельность; напротивъ того Карлъ XII оказалъ безпечность, которая, кажется не сродна была пылкому его нраву.

4. Исключая потерь отъ похода, сраженія при Ригѣ и при осадѣ крѣпостей занятыхъ Саксонцами въ Курляндіи, Шведская армія была ослаблена гарнизонами, занятыми: Баухъ, Либлау и Митаву. (Б. т. 1).
5. И если бы онъ, въ ожиданіи подкрѣпленій, оставался въ Литвѣ, то въ началѣ Октября, получивши изъ Швеціи рекрутъ, 4 бат. пѣхоты и 1 полкъ кавалеріи, могъ-бы идти къ Варшавѣ (Б. т. 1. 98). Да и въ 1709 году Карлъ XII не болѣе имѣлъ силъ, предпринявши занятіе Варшавы. Между тѣмъ какъ противникъ его былъ уже сильнѣе. Въ сраженіи при Кляшовахъ вся Шведская армія состояла изъ 12 т.
6. Когда Королева Шведская Христина отказалась отъ престола, въ пользу двоюроднаго брата своего Принца Цейбрикскаго, принявшаго имя Карла X; Король Польскій, не взирая на слабость способствъ своихъ, а помышляя только о сохраненіи мнѣмыхъ правъ, которые думалъ имѣть на корону Шведскую, явно противился возшествію на престолъ сего Государя. Таковой неосновательный поступокъ раздражилъ Карла X, который и рѣшился вторгнуться въ Польшу. Выступивъ изъ Помераніи съ значительною арміею, онъ вошелъ въ Польшу и овладѣлъ городами Познанью, Варшавою, Красовымъ и всѣми Польскими областями на лѣвомъ берегу рѣки Вислы. Единъ только городъ Гдавскъ (Данцигъ) сопротивлялся Шведамъ. Въ то же время, другая Шведская армія, подъ начальствомъ Графа Магнуса-дела-Гарди, выступившая изъ Лифляндіи, овладѣла Динабургомъ, переправилась чрезъ Двину рѣку и заняла Бриславль. Иоаннъ

Казимиръ, утѣсненный столькими непріятелями, принужденъ былъ, оставить королевство свое, искать убѣжища въ Силезіи, въ городъ Опельнъ. Польскія войска, оставленныя Королемъ своимъ, покорились Карлу X; примѣру сему последовалъ почти весь народъ, и Король Шведскій безъ труда взоселъ на престолъ, съ коего свергнулъ противника своего.

7. Увѣжая изъ Варшавы, Король Августъ обнародовалъ послеполитое рушеніе (всеобщее вооруженіе дворянства), которое должно было собраться съ 12 Маія въ Львовъ, назначенный сборнымъ мѣстомъ и для коронной арміи, которую Великій Маршалъ Польскій Любомірскій старался вновь устроить, но по безпорядку ея содержанія, въ ней едвали было 12 т. и худо вооруженныхъ и неустроенныхъ солдатъ. (Б. т. 1. 127).
8. Бутуулицъ говоритъ: что «Король Шведскій захвативъ Польшу врасплохъ, покорилъ бы все королевство, еслибъ умѣя пользоваться первымъ впечатлѣніемъ ужаса, объявшаго Полаковъ, пошелъ прямо на Августа, или по крайней мѣрѣ утвердился въ королевствѣ. Въ сіе время, безъ всякаго сомнѣнія легко бы могъ онъ овладѣть укрѣпленными городами: Замосцемъ, Торунемъ и проч., и такимъ образомъ употребилъ бы въ пользу свою цѣлый мѣсяць, столь не кстати въ бездѣйствіи имъ проведенный въ Варшавѣ, гдѣ поджидалъ Г. Мернера съ 1200 челоуѣками, котораго надлежало взять съ собою, и не оставлять назадъ. Такая медленность дала Августу время опомниться и подкрѣпиться. Чтобъ возстановить дѣла свои, Карлъ принужденъ былъ дать сраженіе при Клишовѣ; но непонятнымъ пребываніемъ своимъ въ Краковъ и сію побѣду сдѣлалъ для себя бесполезною. Еслибъ онъ быстро преслѣдовалъ Августа къ Сендомиру и Люблину, то Саксонцы непременно были бы изгнаны изъ Польши, и прежде окончанія года Карлъ могъ бы по волѣ располагать престоломъ своего непріятеля. (Б. т. 1. 158, 9). Его остановка въ Краковѣ не можетъ быть оправдана болѣзнию. Онъ разшилъ себѣ ногу уже въ послѣдствіи, во время своего замѣщенія въ Кракова.
9. Бутуулицъ говоритъ: «силы, коими Карлъ XII располагать могъ, были болѣе, нежели вдвое превосходнѣе тѣхъ, которыя Король Августъ могъ ему противопоставить. И такъ, если бы Король Шведскій, вмѣсто того, чтобы въ продолженіе цѣлаго лѣта смотрѣть на валы Торуня, быстро пошелъ противъ слабыхъ не-

пріятелей своихъ, то легко бы могъ, или совершенно истребить ихъ, еслибы они осмѣлились вступить съ нимъ въ сраженіе, или совсѣмъ выгнать изъ Польши, въ случаѣ, когда бы отступили при его приближеніи. Какъ одно, такъ и другое изъ сихъ послѣдствій было бы несравненно важнѣе, чѣмъ взятіе Торуня, который во всякомъ случаѣ неизбѣжно долженствовали сдѣлаться добычею побѣдителей. Можетъ быть скажутъ, что Король Шведскій не долженъ былъ упускать лучшую пѣхоту Короля Августа, которая чрезъ овладѣніе Торунемъ доставалась въ руки его. Не отвергая сего мнѣнія, мы думаемъ однакожъ, что силы Карла XII достаточны были для дѣйствія противъ Вишневецкаго, не оставляя вовсе предпріятія своего на Торунѣ. Притянувъ къ себѣ Рейншилда, Карлъ могъ собрать армію около 28,000 человекъ; 10,000 человекъ было болѣе нежели достаточно, чтобъ продолжать облежаніе крѣпости, а съ остальными 18,000, Карлъ могъ неослабно преслѣдовать Вишневецкаго, у коего было только 13,000 человекъ, и то боліею частию весьма худыхъ войскъ. Разсылавъ сію армію, и такимъ образомъ овладѣвъ всею Польшею, Карлъ могъ еще во время возвратиться, для начатія осады Торуня, когда прибыла туда его артиллерія. Впрочемъ легко примѣтить можно, что Карлъ занимался всегда успѣхомъ только частныхъ предпріятій и постоянно упускалъ изъ виду общую связь дѣйствій; а отъ сего и происходило, что успѣхи, столь часто имъ одерживаемые, никогда не имѣли рѣшительнаго вліянія на общій ходъ войны.

10. Главныя силы Русской арміи были расположены около Гродно и Тикочина, кавалерія распространялась до Пулауска. Литовцы уже стояли около Ковка. Козаки Мазепы отъ 25 до 30 находились близъ Львова, коронная армія оставшаяся на сторовѣ Августа между Львовымъ и Краковымъ. Бауръ съ 6 драгунскими полками находился въ Курляндіи.
11. 12 т. Было достаточно для удержанія Польши, Русскіе еще не имѣли средствъ значительно поддерживать Августа и притомъ всѣ желанія Петра I были устремлены къ овладѣнію Ингерманландіею; въ Сентябрѣ всѣ Русскія силы были стянуты у Шлиссельбурга отъ Польскихъ войскъ, онъ не могъ ожидать сопротивленія. Они постыднымъ бѣгствомъ при первой атакѣ Шведовъ, ослабляли мужество своихъ союзниковъ. Августъ испыталъ это при Кляшовѣ, и только такого роду дѣйствія Поляковъ бы

- ли неслучайные, а постоянно повторялись во всѣхъ дѣлахъ — при Салатахъ, при Якобштадѣ, при Калишѣ.
12. Какая причина могла заставить его, продержатъ войски свои на зимнихъ квартирахъ до Іюля мѣсяца? Подкрѣпленіе имъ ожидаемая, могли присоединиться къ нему въ теченіи самаго похода; да онъ и не емѣлъ нужды въ нихъ для уничтоженія слабаго корпуса войскъ, съ которыми Августъ оспаривалъ владычество надъ Польшею. (Б. т. 1).
 13. 18 т. Шведовъ слишкомъ достаточно было для противудѣйствія Русскимъ въ Польшѣ, которые не могли двинуть всѣхъ силъ не превышавшихъ 23 т.
 14. Въ 1703 Шереметевъ опустошилъ $\frac{3}{4}$ Лифляндіи и Естляндіи. Города Вейсенбергъ, Вейсенштейнъ, Оберъ Паленъ, Феліанъ, Каркусъ, Вольмаръ, Вендевъ, Мептценъ, Валяу, Сигинць, Рингенъ были сожжены со всеми окрестными деревнями. Жители убиты или уведены въ плѣнъ. (В. И. Р. т. 1. стр. 190).
 15. Отъ Вислы для Карла предстояли двѣ дороги, одна вдоль Прусской границы, а другая чрезъ Пултускъ, первая была кратчайшая, но шла черезъ болота въ лѣса Мозавецкія, и чрезъ страну воинственную и враждебную Шведамъ, другая была удобна и не представляла никакихъ препятствій. Карлъ по рыцарскому духу своему избралъ первую, чтобъ имѣть случай бороться съ препятствіями, не думая о томъ, что долженъ былъ беречь свои силы, для рѣшенія борьбы, готовясь къ важнѣйшему ея факту.
 16. «Всѣмъ старшинамъ и казакамъ за домъ Пресвятыя Богородицы и за истинную Христіанскую вѣру, и за все великое войско Донское, такъ же сыну за отца, брату за брата и другъ за друга стать и умереть за одно: ибо зло на насъ помышляютъ, жгутъ и казнятъ напрасно, и злые болре и Нѣмцы вводятъ насъ въ Еллинскую вѣру и отъ истинной Христіанской вѣры отвратили, и вѣдаете вы атаманы молодцы, какъ наши дѣды и отцы на семь полъ жили, и прежде сего старое наше поле все перевели и ни во что почли и чтобъ намъ его непотерять и единодушно всѣмъ встать и чтобъ мнѣ атаману Буловину правое слово дали и думами своими укрѣпили и т. д.
 17. Избраніе новаго Гетмана происходило въ 1687 году на рѣкѣ Коломакъ въ царской палаткѣ, въ присутствіи покровителя Ма-

зѣны, перваго вельможи царства и любимица правительницы Князя Голицына. Онъ произнесъ рѣчь, и именемъ Государей предоставилъ старшинамъ свободный выборъ Гетмана. Сначала всѣ молчали, потомъ нѣсколько голосовъ провозгласили Мазепу, другіе Борковскаго. Голицынъ снова обратился къ собранію съ вопросомъ: кого они желаютъ имѣть своимъ начальникомъ? Имя Мазепы снова раздавалось въ кругу его приверженцевъ, и Генеральный Есаулъ поздравилъ боярами Запорожскимъ Гетманомъ. Никто не смѣлъ противиться любимцу правительницы. Даже по увѣренію одного изъ потомковъ Борковскаго, Мазепа заплатилъ Голицыну за свое избраніе 10 т. р., которые Мазепа занялъ у Борковскаго, и сдѣлавшись Гетманомъ, заплатилъ ему изъ войсковаго скарба.

18. При движеніи Короля Шведскаго изъ Саксоніи, Петръ I приказалъ на 200 верстѣ въ поперечникъ вдоль Литовской границы зарыть хлѣбъ и пасти стада въ лѣсахъ и болотахъ.
19. Уступка же ихъ непріятелю была бы временная и не полная: 1, съ достиженіемъ Шведами Москвы, южныя области снова были бы защищены отъ непріятельскихъ покушеній; 2, укрѣпленные города служили бы убжищами народу, точно также, какъ это было въ Украйнѣ; а сверхъ того непріятельскіе отряды подвергались бы истребленію, если бы значительно удалялись отъ арміи. Опустошеніе же полосы, которую занимала бы армія непріятельская при движеніи на Москву, не сдѣлало бы важнаго вреда для Россіи, по крайней мѣрѣ, эта жертва нашего отечества, была бы искуплена вѣрнымъ истребленіемъ Шведской арміи.
20. Хотя Либекеру было назначено дѣйствовать противъ Петербурга, но онъ не имѣлъ повелѣнія дѣйствовать рѣшительно и по слабости силъ не могъ предпринять ничего важнаго. Сверхъ того не было принято мѣръ для продовольствія войскъ при наступательныхъ движеніяхъ, и наконецъ Либекеръ не имѣлъ необходимыхъ качествъ для исполненія важныхъ предпріятій. Его вторженіе съ 14 т. въ окрестности Петербурга и бѣдственное спасеніе на кораблѣ Шведскіе, служить достаточнымъ тому доказательствомъ. Впрочемъ, дилерсія и лучше обдуманная и подъ начальствомъ лучшаго Генерала чѣмъ Либекеръ, никогда не принесетъ значительныхъ результатовъ, когда она будетъ разоб-

цена съ главными силами такимъ огромнымъ пространствомъ, какое находится между Полтавою и Петербургомъ.

21. Правда предложенный мною планъ дѣйствій не вель Карлъ XII къ завоеванію Россіи; но Швеція съ своими силами не могла и въ виду имѣть такого исполнискаго предпріятія.
22. «Карлъ учинилъ ошибки, много способствовавшія несчастіямъ его. Важнѣйшая изъ сихъ ошибокъ была та, что изъ нагубной опрометчивости подвергнулъ онъ опасности соединеніе свое съ Левенгауптомъ, въ то время, какъ отъ него зависло обезпечить оное. Въмѣсто того, чтобы сначала похода заставить томиться голодомъ войска свои въ промежуткѣ рѣкъ Двѣпра и Сожи, онъ долженъ былъ оставить квартиры свои при Радайковичахъ не прежде, какъ по соединеніи съ Левенгауптомъ. Выступленіе Короля изъ лагеря при Стариши, было новою ошибкою: не имѣя никакого средства къ продовольствію въ окрестностяхъ Мстислава, онъ долженъ былъ принять мнѣніе Генераловъ своихъ, предлагавшихъ идти на встрѣчу къ Левенгаупту. Остановка на нѣсколько дней, которую маневръ сей произвелъ бы во вступленіи Короля въ область Сѣверскую, не могла имѣть большей важности для Мазепы. Но возвратный маршъ отъ рѣки Двѣпра весьма походилъ бы на отступленіе, почему тщеславіе Карла XII и заставило его отвергнуть сей способъ. Такимъ образомъ, дабы избѣгнуть даже вида неудачи, онъ подвергнулся дѣйствительнымъ неудачамъ. Столь неблагоуразумные поступки Короля заставляютъ считать его истиннымъ виновникомъ пораженія при д. Лѣсной, содѣлавшагося для Шведовъ источникомъ величайшихъ бѣдствій.
23. 21-го Іюня Карлъ XII получилъ утвердительное извѣстіе объ рѣшимости Порты сохранять миръ съ Россією и не возможности присоединиться къ нему войскамъ Станислава и г. Красова, имѣвшихъ противъ себя г. Гольца и Синявскаго.
24. Однако не отыскавши положительныхъ доказательствъ, къ подтвержденію моего мнѣнія, я принялъ предположеніе Бутурлина, какъ дѣйствительный фактъ.
25. Подробности сраженія подъ Лѣснымъ и Полтавою какъ принадлежащія собственно къ дѣйствіямъ Петра Великаго, будутъ мною изложены въ статьѣ о Немъ.

2. МОСКВА ВЪ 1698 ГОДУ.

Продолженіе записокъ Корба о Россіи будетъ помѣщено въ другихъ книгахъ Очерковъ Россіи.

3. ПУТЕШЕСТВІЕ ПО КРЫМУ.

1. Кеппена: Крымскій сборникъ ст. 280 Martini Broniovii de Biezdzfedeo ad Tatarum Legati, Tartaria.
- 2 Тамъ же и Карамзина И. Г. Р. IX 211.
3. Пѣснь ополченія Игоря. Святославича. А. Вельмана.
4. Memoriae popul. Striter:
5. Мурзакевича, Исторія Генуэзскихъ поселеній въ Крыму.
6. См. Досуги Крымскаго Судьи. Гутри, Муравьевъ и др.
7. Кеппена, Крымскій Сборникъ.
8. Исторія Крымскихъ Хановъ, Алія, доставленная мнѣ г. Курляндцевымъ.
9. См. Кеппена, Крым. Сборникъ.
10. Тамъ же.
11. Gebel's Reise in die Steppen etc

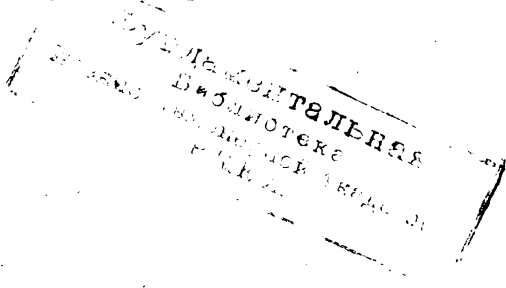
4. О ОКРЕСНОСТЯХЪ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ.

Вся мѣста означенныя курсивомъ заимствованы изъ летописей и вообще не принадлежать Автору.

Любопытно сличить мнѣнія о Святополкѣ — Карамзина, Полеваго и Погодина.

5. КУРЯЖСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Вся свѣденія объ этомъ монастырѣ заимствованы на мѣстѣ отъ почтеннаго Архимандрита Монастыря — Иоанна.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. КАРЛЪ XII.
- II. МОСКВА ВЪ 1698 ГОДУ.
- III. ОТРЪВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО КРЫМУ.
- IV. ОКРЕСТНОСТИ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ.
- V. КУРЯЖСКІЙ ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ МНАСТЫРЬ.
- VI. ДРЕВНІЯ СЛАВЯНСКІЯ СОБСТВЕНІЯ ИМЕНА.
- VII. СМЪСЬ: ВОСПОМИНАНІЯ О СИРИ. УРАЛЬСКАЯ ПЪСНЯ. КУРСКОЕ НАРЪЧІЕ. ІЕКДОТЬ О СУВОРОВѢ. О ВАКУФАХЪ ВЪ ЫМУ. ДОСТОПАМЯТНОСТИ Г. НОВАГО ОСКО. ПРОСТОНАРОДНЫЯ СРЕДСТВА ЛЕЧЕНІЯ. ПЪМЫ РОССІИ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 04839 0226

**DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD**

